

ЕЛЕНА САЗАНОВИЧ ВСЁ ХОККЕЙ!

роман
(вторая часть трилогии «Иная судьба»)

- В журнальном варианте опубликован в альманахе «Подвиг» (№6, 2008).

Полный вариант – в журнале «Юность» (№№2,3,4,5,6,7-8, 2010).

- Рецензии:

*«Слово»: <http://gazeta-slovo.ru/content/view/652/50/>

*«Литературная Россия»: <http://www.litrossia.ru/2008/46/03459.html>

«Он родился в рубашке». Так, кажется, заявили моей маме, когда при рождении я чуть не задохнулся...

«Он родился с клюшкой в руке». Так, кажется, сказали моему тренеру, когда я забил подряд три шайбы в своем первом матче...

«Он родился в смокинге». Так, кажется, шепнула незнакомая красавица своей подружке на приеме, организованном нашим спортивным клубом по случаю моего двадцатилетия...

К тридцати годам у меня были не только рубашки от John Galliano, не только смокинг от Giorgio Armani и не только золотая шайба самого высокооплачиваемого хоккеиста страны и. У меня были и желтый Bugatti Veyron за миллион евро с 16-цилиндровым двигателем мощностью в тысячу «лошадок», и многокомнатная квартира в центре столицы, и звание чемпиона страны, и самая красивая (гражданская) жена в мире. Я не знаю, чего можно еще желать. Но я был слишком молод и полон сил, чтобы ничего не желать. Чтобы в полной мере не наслаждаться жизнью, чтобы устать от жизни. В которой я перебежал из автобуса в автобус. Из самолета в самолет. Из страны в страну. Которая проходила на стадионах, в ресторанах, дорогих клубах и уважаемых презентациях.

Я не знал трагедий в жизни. Усталости и потерь. Самым большим потрясением это была смерть голубя в далеком безоблачном детстве. Но от этого меня спасла мама. За что я ей всю жизнь был благодарен. Потому что именно это вывело меня на широкую дорогу.

Моя мама... Я должен написать о ней тысячи, миллионы слов благодарности, но не могу. Потому что она заслуживает такого количества слов, которое еще не придумано математиками. Красавица, умница, легкая, нежная и изящная, она всегда нравилась всем. Но так и не смогла удержать одного. Моего отца. Он просто ушел от нее. Именно ушел. Когда это произносят, обычно подразумевают скандал, недоразумение или вихрь разбитых сердец. Ничего не было. Все было именно так – просто ушел. В один прекрасный день. И не захотел вернуться. Оставив все нам. И свою квартиру, и свои деньги, и свое право на счастье. Мы это приняли как должное. И не разыскивали его. Если я иногда, исполняя сыновий долг, спрашивал: «Где мой отец?», мама весело отвечала: «Он ушел. А если мужчина уходит, его нет смысла звать обратно. Он либо сам возвращается. Либо его возвращает нужда». С моим отцом не случилось ни того, ни другого. Хотя, подозреваю, мама знала, где он. Она всегда относилась к отцу, как к тюфяку и недотепе. И меня приучила к такому отношению. Я как всегда не сопротивлялся. Я научился, как и моя мама, презирать неудачников.

Моя мама хотела от жизни гораздо больше, чем жизнь могла ей дать. Но, пожалуй, у мамы было всё. И она научила меня получать всё. Хотя не скажу, что

мама была во всем со мной схожа. Она вела достаточно легкомысленный образ жизни. Впрочем, несмотря ни на что, на ее щеках всегда играл здоровый румянец. А все окружающие относились к ней весьма серьезно. Такой была моя мама.

С детских лет она учила меня стараться – во что бы то ни стало – поймать птицу-удачу за хвост. И еще – никогда не плакать...

Плакал я один-единственный раз. Когда захлопнул окно, и прищемил крыло голубя, сидевшего на оконной раме. Голубя, который был моим первым другом, потому что я был ему нужен. В детстве особенно чувствуешь свою беспомощность. А этот голубь впервые помог мне понять, как много я значу в этой жизни. Я кормил его каждое утро, на карнизе окна нашей квартиры. И каждое утро он смотрел на меня преданным, жалобным взглядом. Ведь от меня зависело все. Я был хозяином жизни, хотя бы одним утром, хотя бы у одного окна. А потом... случайно прищемил его крыло, закрывая фрамугу. Когда же опомнился и освободил голубя, тот не удержался на карнизе и свалился вниз. Я стремглав бросился на улицу, перескакивая ступеньки, даже забыв о лифте. И там увидел лишь серого, облезлого кота, со злостью расправлявшегося с останками моего крылатого друга и презрительно поглядывавшего на меня... Позднее мне не раз удавалось ловить удачу за хвост, как учила мама. Но тогда, в далеком солнечном детстве всю свою будущую удачу я бы поменял на то, чтобы словить за хвост раненую птицу.

Домой я тоже не поднимался на лифте. Я шел медленно, как старик, переступая со ступеньки на ступеньку, втянув голову в плечи и боязливо озираясь по сторонам. Это была моя первая потеря. Тогда я назвал ее первым убийством. И мне так не хотелось, чтобы кто-то об этом узнал.

Об этом узнала моя мама. И долго хохотала во весь свой звонкий, красивый голос.

- Мальчик мой, солнышко! Ну, ты меня и впрямь насмешил! Убийство, это же надо! Слово-то какое... Громкое!

Мама крутилась перед зеркалом. Ее новый друг привез из Франции супермодную юбку «четырёх-клинку».

– Какая прелесть! Ты не находишь? У нас днем с огнем не найдешь таких шмоток. Это же унижительно! Человек должен быть красив не только мыслями и душой, но и одеждой. Так, кажется, сказал писатель Чехов?

Я не знал, что сказал Чехов. Мама почему-то была всегда против него, и я не читал его произведений. Но все еще помнил голубя, который каждое утро преданно смотрел в мои глаза.

- Мам, я же ему... Ты понимаешь, каждый раз крошки подбрасывал, он так меня любил. Так красиво прилетал, делал перед окном плавный вираж и садился. Я случайно, я ведь не хотел... Мам, представь, если бы я не давал ему крошек... Он ведь бы мог выжить. Они ведь и сами живут, значит... Значит это я... Мама...

И вот тогда я разрыдался. Я плакал грубо, истерично, пугающе. И мама испугалась. Но ненадолго. Ее вообще ничто не пугало в жизни.

- Солнышко, Виталечка, Таличек, как тебе моя юбка? Ну, обрати же на меня внимание! Правда, красиво, а почему ты плачешь? Ах, голубь, боже, какая глупость! Я его, кажется, помню, такой серый, общипанный, он, наверное, все время дрался. А при чем тут голубь? Кстати, они живут так недолго! И, кстати, из Франции тебе Жорж привез шикарные джинсы, хочешь покажу? Чудесные! Здесь такое никогда не купишь...

Я не мог думать о джинсах, но подумал. И эта новость показалась мне приятной.

- Джинсы? Мам, но голубь? Он ведь погиб, по моей вине, а я ему крошки под...

Мама подскочила ко мне и села на корточки. Стала целовать мое лицо, волосы, плечи.

- Мальчик мой, Талечка, при чем тут голубь?

Уже потом, спустя много лет, я по-настоящему понял, как моя мама несчастна. Она не хотела слушать о несчастной погибшей птице именно потому, что сама была на нее чем-то похожа. И возможно, вспомнила папу, которому не один раз прищемляла крылья. Но попал ли он в пасть кошки, я так и не смог узнать...

- Mamочka... Я ведь не виноват, ты только скажи...

- Ты о чем? О голубе? Солнышко мое! Какая глупость, какой фарс! Мы все кого-нибудь убиваем, ты разве не понял этого? Как ты еще инфантилен! Случайно или нет, но убиваем!

Муха, наглая, громкая, как назло, пронеслась мимо нас. Я ловко прихлопнул ее газетой. И с открытым ртом так и остался стоять, тупо уставившись на ее бесчувственное тельце.

- Мы часто убиваем, мой мальчик. Тараканов, мух, мотыльков и мошек. Мы убиваем тех, кто нам мешает жить. Хотя, может, не так уж они и мешают. А чем голубь лучше этой мухи? Ага! Ничем! Потому это не называется убийством, хоть мы и убиваем. И на охоте тоже убивают, но это не убийство. Это всего лишь охота. Понимаешь... Как тебе объяснить, чтобы ты понял, ты еще так мал... Но жалость... Она тянет назад, обращает внимания на мелочи. Мы стареем, мудреем, а жалость тянет назад. И что получается? Неудачники! Опыт есть, а как такового опыта нет. Вот так. Но человек, так уж его создал Всевышний, совершеннее растений и животных. И поэтому не должен обращать на них внимания, чтобы не уподобляться им. Но... Но если человек хочет стать великим, то не должен обращать внимания и на людей... Ведь великих так мало... Ты примеришь джинсы?

И я расплакался во второй раз. Но это уже не были слезы в память о погибшем голубе. Это были слезы счастья. Что есть моя мама. Что так легко могут быть найдены те слова, которые ты ждешь.

Мама вытерла мои слезы холодной влажной ладонью.

- Солнышко мое, и еще запомни. Мальчики не должны плакать. И не только хоккеисты. Если ты хочешь стать настоящим мужчиной и великим спортсменом, ты никогда не должен позволять себе такой слабости. Ну, как законченный алкоголик - вино, - мама залпом выпила бокал вина. - Никогда. Слезы – это не просто слабость. Это - поражение.

И на мои глаза накатились слезы. В последний раз. Но я сумел их проглотить. И о голубе больше не думал. Его все равно уже не было.

- Mam, а что за джинсы привез дядя Жора?..

С этого дня я старался не чувствовать себя несчастным. И старался не переживать потерь. Даже если они и были.

Конечно, я не стал законченным идиотом. От счастья. У меня хватало ума понимать, что не только доброжелатели и почитатели окружают меня. Но и враги. Впрочем, если они и существовали, то скорее невидимые. Вернее, я предпочитал их просто не замечать. Поскольку легко шел на компромисс, всегда был душой компании и старался всем нравиться. Мне это удавалось. Так легче жить.

Впрочем, мне и так легко жилось. Я с трудом понимал тех, кто без конца твердил о жизненных трудностях. И справедливо полагал, что трудности возникают лишь тогда, когда занимаешь не свое место под солнцем, выбираешь не свою женщину и недоволен временем, в котором родился. У меня все было своим. И все устраивало. Я был доволен судьбой, и ни на какую другую ее бы не променял. Это было целиком мое время. Деловое, циничное, суматошное. Оно было очень похоже на меня. Возможно, не оно меня породило. Но я его полностью принял. И чувствовал себя в нем, как рыба в воде. Нет, не просто как какая-нибудь

беспризорная рыба, шныряющая по дну в поисках пищи и в любую минуту рискующая попасть на крючок или угодить в пасть хищника. Я скорее сравнивал себя с какой-нибудь редкой, экзальтированной породой, к примеру, жемчужным скатом или элитным карпом кои, которая живет в огромном обустроенном, безопасном аквариуме из толстого стекла, с дорогостоящими фильтрами. Вовремя получает корм и не боится быть съеденной или просто обделенной вниманием, поскольку слишком дорога для беспечного обращения. И в ее загадочном подводном мире царит единственное правило – не рыба для аквариума, а аквариум для рыбы. Это правило принял и я. Не я для мира. А мир для меня. И сквозь аквариумную толщу я позволял себе немного жалости к окружающим. Например, к старым спортсменам, которые держались на чувстве долга и трудном опыте самовывживания. Или немного снисходительности к ровесникам, барахтающимся на крючке и продолжающим упрямо твердить о спорте, как о некой высшей государственной (и даже национальной!) идее. Хотя, к счастью, такие встречались все реже и реже.

Тот же спорт для меня был всего лишь работой (хотя и любимой), приносившей огромные деньги и позволявшей колесить по всему миру, не отказываясь ни от каких удовольствий. Которую, кстати, я выполнял весьма классно. А всякие идеи считал лишь пустыми словами тех, у кого пустые карманы.

Как и высокопарные речи о государстве и патриотизме, некие абстрактные для меня понятия. Я знал, что живу в этом государстве, но не видел его, поскольку не мог пощупать, прикоснуться, поговорить с ним. Я мог делить государство лишь на части – на мой дом, мою подругу, ледовую площадку и коллег по спорту... Всего этого нельзя было сказать о Саньке Шмыреве, моем старом дружке - еще из детства, из прошлого.

Он запросто мог бы перейти и в настоящее, и даже в будущее. Вместе со мной. Но, увы, слишком уж разными оказались наши дороги. Я предпочитал уверенный, размашистый шаг по широкому столичному проспекту. Он выбрал узкую, извилистую тропинку с выбоинами и ухабами, где и одному-то тесно. Вот она и привела его в тупик. Санька, подававший самые большие надежды в ДЮСШ, был классным вратарем в команде мастеров и однажды на чемпионате выдал серию в 18 игр, когда не пропустил ни одной шайбы, теперь работает средним учителем физкультуры средней средненькой школы за жалкие гроши. И все из-за тех самых принципов, которые он называет государственными. Когда-то он не согласился «сдать» одну игру, которая, к тому же, для нашей команды – в отличие от соперника – уже ничего не решала, причем за серьезные «бабки». Я тогда пошел на эту сделку, легко пошел, и ни разу об этом не пожалел. А он ушел из команды.

Говорят, Шмырев написал даже какую-то книжонку, что-то вроде «Принципы спорта и беспринципные спортсмены» - о том, как в одночасье рухнул наш спорт. Но я так не считал. Если спортсмены стали жить так хорошо, почему спорт должен быть плохим? Ну, подумаешь, стали редко выигрывать на чемпионатах мира. Но разве дело в выигрыше, а не в людях? Как говорится, важна не победа, а участие... И если государство существует не просто как слово, то и должно в первую очередь заботиться не о каких-то кубках, а о тех, кто эти кубки едет добывать в поте лица. И, прежде всего, государство должно радоваться, что мы, спортсмены, стали жить хорошо, а не горевать, что наш спорт плох. Но Шмырев, похоже, был согласен на бесплатную сделку с каким-то абстрактным государством, а не на реальный денежный договор с солидными людьми...

Вот он теперь и пашет учителем физкультуры и пишет сомнительные книжонки. Слава Богу, у него хватило совести не называть фамилий - он всегда ходил в благородных. Вот его книжонку и не издали. В отличие от моей, которая вышла бешеными тиражами и вся ушла влет. Положа руку на сердце, не я ее

написал, но какое это имеет значение, ведь никто и не претендует на титул великого русского писателя. С меня хватит и титула великого русского спортсмена. Причем я все подробно и честно рассказал о наших спортсменах, об их женах, любовницах и любовниках. И об их красивых желаниях жить красиво – чтобы достичь уровня мировых звезд. Я честно назвал все фамилии, ни одну не изменил. Я – не Санька Шмырев. Мне с ним делить нечего, ведь кроме игры в благородство у него ничего не осталось. Лучше бы играл в хоккей, у него это все-таки получалось. И риска меньше.

Я давно заметил, что праведники вообще не понимают юмора. Слишком уж они воспринимают жизнь всерьез. Пожалуй, это разное восприятие жизни и развело нас по разные стороны.

Начало было положено еще в спортивном интернате, где мы вместе учились. В общем, до последнего класса все было нормально, не считая обычных мелких размолвок и обид, в основном со стороны Саньки. Поскольку я вообще ни на что не обижался, и лишний раз мог промолчать, если не хотел нарываться на ссору. Так было и удобнее, и безопаснее, в том числе и для здоровья. А здоровье для меня было вообще свято, особенно когда я думал о маме и ее образе жизни. Как и красивые вещи. И также предпочитал не замечать колкости в свой адрес по поводу слабости к красивым шмоткам. Я ведь умел так изящно, эстетски их носить, что не каждому дано. Санька считал это немужской чертой характера. Тем более хоккеиста. Я же был уверен, что можно быть и классным нападающим, «и думать о красе ногтей». Тем более, также считала и моя мама.

Ко всему прочему Санька слишком рьяно пытался заставить меня читать классику. Но я, вспоминая Чехова, так нелюбимого мамой, оставался тверд и категоричен. Меня могло хватить только на детектив. А заумные книжки лишь вытягивали силы, которые надо было постоянно беречь. К тому же у меня была редкая способность схватывать все на лету и надолго это запоминать. Мне достаточно было услышать краем уха обрывок сюжета из какого-нибудь романа и я «фотографировал» его в памяти, а в подходящий момент умело демонстрировал свою начитанность, импровизируя и играя словами на ходу. Ни у кого и в мыслях не было, что я этот роман даже в руках не держал. Мне это было и не нужно. У меня была феноменальная память на фамилии, названия, даже на мелодии. Что позволяло мне разыгрывать величайшего интеллектуала, жонглируя именами гениев и насвистывая что-нибудь из модного джаза.

Санька же, как всякий нормальный спортсмен, был слегка тугодум. Но какое-то непонятное чувство достоинства заставляло его корпеть над заумными книжками, названия и авторов которых он не запоминал. И я, конечно, его выручал при каждом удобном случае, небрежно бросая: «Ты имел в виду замечательный роман Маркеса «Сто лет одиночества»?..» Санька в ответ только тупил глаза и краснел. А в мой адрес раздавались громкие аплодисменты.

Я хотел быть не просто лучшим, а самым лучшим. Я знал, чем выделиться из команды. И выделиться я хотел не только числом забитых голов, не только числом супермодных шмоток, но и числом прочитанных книг, из которых ни одну так и не прочитал. Это не мешало мне фотографироваться с томиком так не любимого мамой Чехова в руках. Или газетой, открытой на разделе «Политика», хотя политику я не любил и не понимал, как и не понимал значение слова «государство»... И жизнь в итоге подтвердила мою правоту. У меня все было «о*кей», а Санька со своим энциклопедическим образованием прозябал жалким учителем физкультуры...

В последнем классе наша и без того хрупкая дружба рухнула окончательно, вдребезги. И мы потом еще пытались собрать эти осколки и сложить приблизительно в прежнее целое, но безуспешно.

Однажды к нам пришел новый военрук. С совсем не военной фамилией Ласточкин. Ужасно нудный старикашка, увешенный медалями, как новогодняя елка. Я лично ничего против медалей не имею. Но не люблю, когда слишком поучают и пытаются поставить на место, которое я не заслужил. Он все время нудел о героическом прошлом, о настоящих мужчинах, о нынешнем развале спорта, о продажности спортсменов, да и не только их. Однажды я не выдержал и пробубнил, так, невзначай, будто себе под нос.

- А вот в Америке ветераны не носят медалей, хоть воевали не меньше.

Он побледнел, стиснул зубы, но довольно спокойно ответил. Все же он был старый вояка.

- Они воевали меньше. Гораздо меньше. И неплохо тебе бы знать историю своего государства. Для этого даже пишут учебники истории.

Я пожал плечами.

- Учебники истории пишут не для этого. Их заставляют читать для этого. Я лично предпочитаю знать то, о чем не пишут учебники.

- А кто тебе сказал, что в других книгах правда?

- Мне никто этого не говорил, просто я знаю, что правду можно выбирать. По своему усмотрению. Какая ближе к сердцу, та и твоя.

- Правда бывает лишь одна. Как жаль, что ты в своем возрасте этого так и не понял. Но, даже если бы предположить невероятное, что правда бывает разной, я могу смело сказать, что у тебя неважно с сердцем. И вряд ли ты сможешь стать настоящим спортсменом...

Он неожиданно схватился за свое сердце. Молча повернулся и, сгорбившись, направился к выходу. В гробовой тишине класса четко стучали в такт его шаркающим, совсем не военным шагам боевые медали. И все же я слово оставил за собой.

- У меня как раз все в порядке с сердцем. Мне всего семнадцать.

Он не обернулся. Он, наверное, не услышал, мне казалось, что он вообще глуховат. В частности, ко времени, в котором ему приходилось жить сегодня.

Санька Шмырев со мной не разговаривал целый день. А военрук не забыл нашего спора и на следующем уроке вызвал меня разбирать и собирать автомат на скорость. Скорость моя оказалась никудышной, хотя с нервами все было в полном порядке.

- Спортсмены мало чем отличаются от военных, Белых, - спокойно заметил мне военрук, сделав вид, что вчерашнего разговора будто и не было. - И военные, и спортсмены должны обладать отменной реакцией. И нести ответственность за свою страну.

- Я отличный спортсмен, можете спросить у кого угодно, - резко ответил я. Меня взбесил его нарочито спокойный, нравоучительный тон. - И ледовую арену я не собираюсь превращать в поле боя.

- Бои бывают и не на льду. Они бывают разные, особенно, если враг существует. Его клюшкой не уничтожить.

- Слава Богу, у меня нет врагов. И никого уничтожать я не собираюсь.

- Может, у вас и нет врагов, но вы можете быть у них.

- В таком случае, я желаю им здорового сердца, - на этот раз я резко повернулся и направился к выходу. В отличие от военрука, я шел с гордо поднятой головой, уверенно ступая размашистым шагом. Правда, боевые медали в такт моим шагам не звенели.

Этим же вечером позвонил мне Шмырев и обозвал подлецом. И приказал, именно приказал, чтобы я не смел трогать военрука.

- Ага, его тронешь. Смотри сколько медалей. За меня ему медаль не дадут.

В ответ раздались презрительные гудки.

А через пару деньков, накануне Нового года, приехал мамин старый друг из Штатов и наряду с многочисленными шмотками, купленными для меня и мамы, привез ананас. Тогда ананасы были, если уж не редкостью, то не всякому по карману. Я бережно взял его в руки. Желто-лимонного цвета, сочный, он словно и не проделал долгий путь через океан. И тут я вдруг недовольно поморщился, потому что вспомнил военрука. Он непрестанно любил повторять: жизнь - это вам не ананасы. И у меня сложилось впечатление после этого назойливого рефрена, что он ни разу в жизни не видел ананаса. Люди любят употреблять в выражениях слова, о которых понятия не имеют. Я заметно повеселел и аккуратно обглодал экзотический фрукт, словно родную грушу, до кочерыжки.

Когда встал вопрос, что подарить военруку под Новый год, вопросов уже не было. Ребятам очень позабавило, что мы подарим ему ананас, поскольку это слово было уж очень часто в его употреблении.

Ананас, завернутый мною дома в фольгу, и перевязанный ярким красным бантом вручил нашему военруку староста класса. Ласточкин долго, я бы сказал с благоговением, его разворачивал и, заметив кочерыжку, нисколько не удивился. Он, столько повидавший и переживший в жизни, и впрямь в глаза не видел этого экзотического фрукта. И аккуратно откусил почерневшую кость. И тут же сплюнул.

- Ну и гадость, эти ваши ананасы. Не зря я вам говорил, что лучше нашего не бывает. Даже фрукта.

Класс расхохотался во весь голос.

Военрук растерянно заморгал ресницами. Он ничего не понимал. Я настолько упивался его унижением, что не заметил, как возле меня оказался Санька Шмырев. Он со всей силы врезал мне кулаком по лицу. Но я не упал. Я всегда умел отражать удары. Я лишь слегка покачнулся.

Военрук внимательно посмотрел на меня, словно хотел объяснить мне что-то важное, но у него не хватало для этого слов. И я навсегда запомнил этот пронзительный взгляд. Затем он обвел уставшим, каким-то прощальным взглядом наш класс.

- Спасибо, ребята, за поздравление. Новый год действительно приносит сюрпризы. Хотя это и не всегда ананасы. Но вы знаете, единственное, о чем я не жалею в своей жизни, это то, что так их и не попробовал. Все больше на пути встречались прогнившие кочерыжки, но я с этим справлялся. И поэтому считаю... - он вновь внимательно на меня посмотрел, - поэтому считаю, что свою жизнь прожил, как надо. Хотя уже поздно.

И он словно в подтверждении вечернего времени посмотрел на часы.

- До свидания, ребята.

Он тогда не сказал: прощайте. Но в классе повисла такая тишина, словно именно это слово и было произнесено.

Больше мы военрука не видели. Нам сказали, что вместо него придет другой. Он пришел - энергичный, молодой, ироничный, по собственной воле ушедший в отставку. Он носил офицерскую форму как настоящий денди. Правда, на его груди не блестели медали. Но это его не портило. Мы сразу же нашли с ним общий язык. И я потихоньку стал забывать нудного старикашку.

Как-то, перешагнув порог школы, я увидел портрет молодого офицера. Он улыбался красивой, безупречной улыбкой. И на его груди блестели медали. И эти глаза, внимательные, серьезные, словно что-то пытались объяснить. Мне показалось, что я их уже где-то видел. Приблизившись к портрету, я заметил черную рамку и фамилию Ласточкин. И очень, очень длинная биография, напечатанная мелким шрифтом для того, чтобы вместились на страницу. Ведь от Бреста до Берлина много километров и долгих четыре года. И много потерь, и много побед. Как они могли уместиться всего на одном листе?

- Закуришь, Виталий? – я услышал позади себя знакомый, но слишком официальный голос. И обернулся. Санька Шмырев глубоко затягивался сигаретой, хотя я никогда не видел его курящим. Мне так захотелось закурить и всех послать к черту. Но я крепко сжал кулаки. И печально улыбнулся Саньке.

- Ты же знаешь, в нашей школе курить не положено. А жаль Ласточкина, все-таки неплохой он был человек. Да?

Санька бросил непогашенный окурок у моих ног и молча ушел. Я, оглянувшись воровато по сторонам, поднял недокуренную сигарету, вдохнул с жадностью запах и тут же, сморщившись, бросил ее в урну, предварительно затушив.

А вечером, чтобы окончательно успокоить свою совесть, обратился к любимой маме. Разодетая, она сидела на кухне, небрежно закинув ногу за ногу, изящно держала бокал вина в тонкой руке и глубоко вдыхала дым дорогой американской сигареты.

- Да, мам, так мы с ним немного повздорили, а он теперь умер. В общем-то, как-то на душе не очень.

- А ты знаешь, мой дорогой мальчик, Мой милый Талечка, что все люди умирают? Особенно это свойственно пожилым и особенно тем, кто прошел войну. И еще, ты знаешь, сколько до смерти он ссорился, сколько тратил нервов, сколько переживал? Люди не умирают по заказу. Конечно, всем было бы проще, если бы человек предупреждал о своей смерти. Наверное, все тут же были бы с ним добренькими и заботливыми. Кто-то бы с удовольствием попросил прощения. Но, увы, мы не предупреждены. Ну, разве что о больных. Впрочем, как это ни кощунственно звучит, им действительно умирать легче. Перед кончиной они слышат лишь те слова, которые, возможно, хотели слышать всегда... Так что я тебя не пойму. Чтобы идти вперед, нужно многое забывать. А мелочи - как болото, лишь тянут назад. Кстати болото и впрямь состоит из жалких мелочей. Всего лишь из неразложившихся растительных остатков. Но как засасывает!.. В жизни нужно выбирать главное, не остатки, ведь в ней так много выбора. И чем больше ты зацикливаешься на средненьком, тем более средненьким становишься. Но ты же не хочешь стать средним в этой жизни?

- Я им не стану, - я громко поцеловал маму в щеку. – Обещаю тебе.

Всегда обожал маму за то, что она отвечала на вопрос теми словами, которые я и желал от нее услышать. Может, моя совесть пыталась сказать мне что-то другое, но я быстро ее успокоил. Потому что моя мама знала гораздо больше моей совести. С этого дня я окончательно перестал думать о военруке...

Тогда я так и не узнал - как не любят меня ребята с нашего класса. Хотя был уверен, многие меня уважали или боялись. Впрочем, я считал, то это одно и то же. После окончания спортинтерната все мы разбежались в разные стороны. И лишь по нелепой случайности попали в одну команду с Санькой. И почти наладили наши отношения. Потому что Санька ходил в благородных, многое списывал на ошибки молодости и даже «списал» мне военрука. Я это понял по тому, что о Ласточкине мы никогда не говорили.

А однажды я встретил Альку. Прошло уже несколько лет с окончания школы. И вновь это случилось в новогодние праздники.

Оставалось совсем чуть-чуть до Нового года. Я стоял в очереди за абхазскими мандаринами. Их привезли свежими, румяными, и мама сказала, что только здесь и нужно покупать мандарины. Я стоял в очереди последним, а мандарины уже походили к концу. Но я все равно стоял, надеясь на чудо. Меня попросила мама.

- Я же сказала, очередь не занимать, - буркнула девушка в фуфайке и шапке-ушанке, похлопав грубыми рукавицами перед моими носом. Я не мог рассмотреть ее лицо. Впрочем, торгующим мандаринами лица не нужны.

Не знаю почему, но я вдруг разозлился и ляпнул.

- А я очередь занимал не за мандаринами.

- А за чем? – опять же грубые слова вынырнули из-под ушанки.

- За вами.

От растерянности она сдвинула ушанку на затылок, и ее золотистые волосы (я до сих пор не знаю, бывает ли в природе такой цвет волос) рассыпались по грубой, черной солдатской фуфайке. Я никогда не видел такие волосы, разве в кино - такой контраст золотистого и черного.

- Вы краситесь «Гарнье-Париж»? - ляпнул я от удивления.

- В парижках я не была, но парик ношу. Попробуйте, – она стянула свою ушанку, и я наконец увидел ее лицо. Это было красивое лицо. Или не очень. Но мне оно очень и очень понравилось своей нестандартностью. Широкоскулое, румяное, с россыпью веснушек на неровном носу.

Неожиданно для себя я дернул ее за волосы. Так дергают за косичку понравившуюся девчонку.

- Это не парик, - только и сказал я.

- И не краска, - ответила она. - Я не могу себе позволить ни Гарньер, ни Париж. Я могу позволить другое.

- М-да? И что же? Если это не секрет, конечно.

- Конечно, не секрет. Какие могут быть секреты от случайного покупателя?

Секреты бывают только от близких. От мамы, например.

- У меня, к вашему сведению, нет секретов от мамы, - вызывающе заметил я.

- Ну да? – она и впрямь удивилась. – Все равно. Значит, еще будут. Ты совсем молоденький.

- Не думаю, что будут. И все-таки раскройте свой секрет, что вы можете себе позволить?

- Например, торговать фруктами на улице.

Я был разочарован.

- И это все?

- А тебе этого мало? Ты же себе такого не можешь позволить, - она бесцеремонно, оценивающе оглядела меня с ног до головы.

По сравнению с ней я будто только что вышел из лондонского ресторана Julie's - длинное темное пальто в серую клетку, белый шарф, небрежно заброшенный за плечо, лаковые ботинки на толстой подошве, недавно привезенные из Англии очередным маминим поклонником. Пожалуй, она права. Торговать фруктами я себе позволить не мог.

- И это себе не можешь позволить, судя по твоей здоровой, ухоженной физиономии, - она достала из-под прилавка початую бутылку дешевой водки, проворно налила в одноразовый стаканчик и протянула мне. – Ну, как? Позволишь?

Я отрицательно покачал головой. Я был тверд, как лондонский денди, вышедший из ресторана, в котором не подают спиртное.

Продавщица расхохоталась во весь голос. Чуть грубоватым, хриплым смехом. И все равно у нее была красивая улыбка. Она залпом осушила стаканчик и выбросила в сугроб.

- Нехорошо мусорить на своем рабочем месте.

- А я и не мусорю. Просто хотела проверить, красавчик, ты бы поднял стакан? Так нет, похоже, побрезговал. Только советы, вижу, умеешь давать. Но ничего, мой друг подберет. Он ничем не брезгует. Он настоящий друг.

- И он вас любит? – мое сердце предательски кольнуло.

- Просто обожает! Не веришь? Сейчас сам узнаешь. Мишка! Мишка! Куда ты, подлец, пропал! – она закричала на всю улицу, как истинная продавщица, торгующая абхазскими мандаринами.

Я поежился, представив, как из-за угла вынырнет здоровенный лысый бугай с татуировкой на запястье. Этаким местный грузчик. Только такого парня я мог себе вообразить рядом с этой рыжей девченкой. Я уже даже собрался ретироваться. Но передумал. В конце концов, я умел отражать удары. Хотя мне меньше всего хотелось участвовать в уличной драке. Мне не хотелось огорчать маму перед праздниками.

- Ми-ша! Ау! – продолжала орать девушка. Наконец, из-за угла показался ее друг. Я слегка опешил. А она бросилась к нему и поцеловала в черную лохматую дворняжку морду.

- Привет, мой дружок. Ну, Мишка, покажи этому чистюле, на что ты способен, – она кивнула на стаканчик.

Мишка чинно приблизился к сугробу, подтолкнул к себе мордой стакан, вылизал остатки водки и, ухватив зубищами, ловко бросил его в мусорное ведро.

- Вот это называется дружбой! - ликовала девушка. - Ты можешь похвастаться таким другом?

Нет, я не мог. Поскольку у меня друзей вообще не было. Разве что когда-то Санька.

- И это все, на что вы с ним способны? – я нарочито безразлично повел плечами.

- Нет, еще мы с ним способны сегодня встретить Новый год на улице, под елкой.

- Ну, на улице под елкой сегодня будут справлять тысячи людей. Это не достижение. Всего лишь та же тусовка, которая из квартиры переметнется на свежий воздух.

- Может, и переметнется. Только на площадь. А под нашей елкой. Вон той, - она указала большой рукавицей на кривую потрепанную елку у поворота. – Там вообще никого не будет. Только я и Мишка.

Она ласково потрепала дворнягу по загривку. И выжидающе на меня посмотрела. Мишка взглянул на меня, и в его круглых печальных глазах застыл вопрос.

- Только я и Мишка! - девушка сердито топнула валенком по замерзшему снегу.

- И я!

Мой голос прозвучал с вызовом. И первая мысль, промелькнувшая после отрезвления от предновогодних чар, была довольно стандартна: что скажет мама? Пожалуй, я совершал первое безрассудство в своей жизни. Безрассудные люди чемпионами не становятся. Разве что поэтами. Или торговцами абхазских мандаринов.

- Тебя-то как зовут, джентельмен? – в глазах девушки промелькнула нескрываемая грусть. – Вдруг никогда больше не свидимся.

- Во-первых, свидимся. А во-вторых, меня зовут Виталий.

- Но мама-то тебя по-другому называет.

В ее словах проскользнула ирония. И я впервые не обиделся за маму.

- По-другому, - с готовностью ответил я. – Ласково, как все мамы. Талик, Талька, Таля.

- Вот чудно! – девушка расхохоталась, встряхнув рыжими волосами. Несмотря на мороз, шапку-ушанку она так и не надела. Может, ради меня. - А я Аля, Алька, Алик. Как все просто. Стоит у тебя отобрать одну букву, и получусь я.

Пожалуй, на имени наше сходство с Алькой заканчивалось. Но об этом я решил умолчать.

В этот предновогодний вечер я впервые солгал своей маме, заявив, что праздную у Саньки Шмырева. Мама мгновенно поверила и не опечалилась, поскольку из Дании вернулся ее очередной дружок. И мама собиралась с ним встретить Новый год в ресторане, в новом блестящем платье, которое он успел ей подарить. Мама, конечно, ради приличия несколько раз печально вздохнула и потрепала меня по светлым волосам.

- Как жаль, сыночек, что ты не сможешь с нами пойти в ресторан. С ровесниками, оно, конечно, веселее, Хотя твой Санька, думаю, не тот случай. А девочки там будут? Сам понимаешь, какие нынче пошли девицы. Так что, будь осторожнее.

В том же длинном пальто с небрежно переброшенным белым шарфом я направился на встречу Нового года. И чувствовал себя полным дураком, так до конца и не понимая, зачем нужно так легкомысленно губить праздник. Лондонские денди не справляют Новый год на улице, как бездомные бродяги. Им больше подходят шикарные рестораны. Поэтому, когда я увидел общипанную елку с редкими мигающими огнями и ни души вокруг, то с облегчением вздохнул. Даже подумал, что успею еще до двенадцати в ресторан. И резко повернул обратно. Но звонкий голос меня остановил.

- Эй, денди! Ты куда? Испугался?

Я обернулся.

Алька и ее лохматый приятель Мишка вызывающе смотрели на меня. Алька не удосужилась даже переодеться перед праздником. Тот же ватник, шапка-ушанка и джинсы, заправленные в большие валенки. Правда вместо водки в ее толстых рукавицах была бутылка шампанского.

- Стрельнем? – она направила на меня шампанское, как автомат.

«И что я делаю здесь?» – подумалось мне в очередной раз. Если бы меня увидела мама рядом с этой продавщицей, да еще под елкой, она бы, наверное, сошла с ума. Я подходил Альке так же, как ее дворняга в интерьеры Эдинбургского замка.

- А я думала, что ты испугаешься, - захохотала девушка, показав свои белые безупречные зубы.

- К твоему сведению, я хоккеист. А трус не играет в хоккей.

- Ну да? – Алька притворно вытаращила глаза. - А похож на артиста. Я думала, хоккеисты другие.

- Ты так говоришь потому, что хоккей видела только по телевизору.

- А что, вне телевизора все спортсмены так любят наряжаться?

- Только те, у кого есть вкус, – с достоинством парировал я.

- А-а-а, - восхищенно протянула Алька. Это восхищение прозвучало как откровенное издевательство. - А что, для того, чтобы махать клюшкой, нужен особенный вкус? Я-то думала, глупенькая, что нужна всего лишь сноровка.

- Вообще-то, нужен талант. Но вкус и сноровка не помешают.

Алька посмотрела на свои большие мужские часы и звонко присвистнула:

- Чуть Новый год не прозевали. Так и остались бы куковать в старом.

- Лучше бы, какие часы прокуковали, - хмуро ответил я. – Что это за Новый год без часов.

Алька вновь взглянула на часы. И громко крикнула своей дворняге:

- Ну, Мишка, пора! Новый год!

Мишка по команде громко гавкнул. Один раз, два, три... Он гавкал равномерно, с интервалом, словно отсчитывал секундные стрелки. Как положено.

Ровно двенадцать раз. В это время Алька разлила шампанское по пластиковым стаканчикам и один протянула мне.

- С Новым годом, хоккеист! Не забудь загадать желание!

Мы залпом выпили, едва Мишка гавкнул двенадцатый раз.

- С Новым годом, Алька!

Мы символически поцеловались три раза. Щеки Альки горели от мороза. И меньше всего в солдатском ватнике она напоминала Снегурочку. Но моя голова почему-то пошла кругом. И я свое головокружение списал на шампанское.

- Ну что, хоккеист, не жалеешь, что пришел под елку? Разве ты когда-нибудь так справлял Новый год?

- Нет, и наверняка больше уже не буду. Но это не значит, что он не получился скучным.

- А это и есть самый скучный праздник для взрослых, потому что они слишком много от него ждут. А дожидаются только в детстве. Потому что мало хотят.

Я огляделся кругом. Народ уже высыпал на улицу. Кое-где раздавались песни и крики, взрывались петарды, и пестрое конфетти падало прямо в снег.

- И что дальше? – я притворно зевнул.

Алька зевнула вслед за мной.

- Откуда мне знать? Я ведь сама впервые здесь встречаю Новый год. Просто хотела над тобой подшутить. Но, видимо ничего не получилось.

- Не получилось, Алька, не получилось.

Я сдвинул ее шапку ушанку на затылок. И ее волосы, золотистые, мягкие рассыпались по черной фуфайке. Их тут же проворно запылили снежинки. И я легонько прикоснулся губами к ее волнистым заснеженным волосам.

- Но ведь это не значит, что ничего не получилось вообще.

Всю новогоднюю ночь мы бродили по улицам. Я так и не понял, что делаю рядом с этой продавщицей в солдатском ватнике и ее беспородистым псом. Общих тем для разговора у нас фактически не было, и мы просто молчали.

Чтобы наше молчание, в конце концов, не превратилось в пытку, я пригласил девушку в ночной бар. Пожалуй, это было ошибкой. Здоровый мордатый охранник вежливо пропустил меня вперед и встал стеной перед Алькой.

- Рабочие понадобятся только к утру, перед закрытием бара, - резко заявил он.

Алька не обиделась, не возмутилась. Она скривила страшную гримасу и прохрипела.

- А грабители вам не понадобятся?

Охранник машинально схватился за оружие. И я поспешил увести девушку от греха подальше.

- Не хватало, чтобы нас еще повязали, - зло бросил я в ее смеющееся лицо.

- А это было бы здорово! – Алька всплеснула руками. – Представляешь, мы с тобой, наедине, проводим новогоднюю ночь в обезьяннике. Когда еще выпадет такой шанс? Это тебе не четыре стены, телевизор и салат оливье. Скучотище!

Мне вдруг до ужаса захотелось оказаться в четырех стенах у телевизора. Уплетая за обе щеки салат оливье. И уже от всей души жалел, что поддался на эту авантюру, не будучи даже по натуре авантюристом. Поэтому оказавшись у старенького, четырехэтажного дома с единственным расписанным на все лады подъездом, я поспешил ретироваться. Мысленно поздравляя себя, что не родился в таком доме и никогда не окажусь на месте этой продавщицы.

- Пока, Алька. Как-нибудь увидимся, - как можно беспечнее бросил я ей на прощание.

- Ага, приходи за мандаринами. Я тебе без очереди отоварю - лучшим товаром. Не волнуйся, гнилье не подсуну.

Едва отдалившись на несколько метров от подъезда, я услышал позади себя звонкий лай, какой-то шум, напоминающий шлепок о землю и хрип, похожий на вздох.

Я мигом очутился у подъезда. И увидел растрепанную Альку. Ее шапка ушанка и рукавицы валялись в стороне, а она двумя руками удерживала рвущегося Мишку. У ног девушки, прямо в сугробе, лежал здоровый парень, он тихо стонал и держался за глаз.

- Учись, хоккеист! – Алька гордо встряхнула пышными волосами. – Я его одной левой. Ну и Мишка, конечно, не растерялся, - она ласково потрепала собаку по лохматой морде.

- Извини, Алька, извини. Я как-то не сообразил. Конечно, тебя следовало провести до квартиры. Вон, у вас даже в подъезде выкручена лампочка.

- Еще чего! – фыркнула Алька. - Я, если хочешь знать, вообще ничего не боюсь! И никого! Вот так.

И она для убедительности топнула ногой.

– А вот тебя действительно следует провести. Сейчас знаешь, сколько швали на улицах! Пошли, хоккеист! – и она подтолкнула меня вперед.

Это меня окончательно взбесило. Я со всей силы схватил ее за руку и потащил в подъезд. Там была такая крошечная темень, что я тут же споткнулся о что-то твердое, не удержался на ногах и упал, потащив за собой Альку. Ее волосы, мягкие, пушистые рассыпались по моему лицу, и я почувствовал ее холодное, замерзшее дыхание. И нашел ее губы.

Алька жила на первом этаже. Ничего не соображая, мы, целуясь и спотыкаясь в темноте, добрались до ее квартиры, открыли дверь и упали на высокую кровать. Я успел подумать, что на такой высокой кровати, скрипящей железными пружинами, спал только в далеком детстве. У бабушки. Как это было давно. И бабушка тогда еще была, и железная кровать, и общипанный голубь, и я, такой маленький, такой другой. Как легко, как хорошо все было тогда.

Как легко и хорошо мне было с Алькой сейчас...

Я проснулся от солнца, стреляющего лучами мне в лицо. За окном падали большие хлопья снега. И переливались в солнечном свете. Маленький снегирь на заснеженном подоконнике клевал хлебные крошки. Я потянулся. Я хорошо помнил новогоднюю ночь. Я о ней думал. И впервые забыл подумать о маме.

Когда я огляделся, то меня ничего не удивило в этой однокомнатной клетушке. Я так и знал, что Алька должна жить именно так. Старая железная кровать, дешевенькие обои в мелкие розочки, круглый старомодный стол, белый буфетик. А на кухне свистит чайник. Наверняка в горошек, промелькнула у меня мысль, когда я босиком направлялся туда.

Чайник был не в горошек, а в клеточку. Но не это меня удивило. Вместо девушки там нахально восседал здоровый парень с фингалом под глазом, который ему вчера и поставила Алька.

От возмущения я лишь невнятно пробормотал:

- А где Алька?

Парень проворно снял с плиты чайник и налил себе крепкого чаю.

- В коридоре, - он кивнул на входную дверь.

Я выскочил в коридор и увидел Альку, стоящую на трех табуретах и ловко вкручивающую лампочку. Сделав все, она, словно акробатка, проворно соскочила с этой пирамиды и оказалась у меня в объятиях.

- Это, чтобы ты не спотыкался в темноте, хоккеист.

Она нажала на выключатель. И от яркого света я зажмурил глаза.

- Алька, там, на твоей кухне вчерашний бандит. Кто его посмел впустить, Алька.

Девушка звонко расхохоталась. У нее был подкупающий, заразительный смех.

- Нас было только двое. Но, похоже, что впустил не ты. Кто остается?

Я встряхнул Альку за плечи.

- Но зачем? Я не понимаю!

- А что, по-твоему, ему нужно было ночевать на улице? В мороз? Он бы просто умер в сугробе. Вот, когда ты уснул, я его и впустила. На кухне он согрелся и отоспался. Разве я сделала что-то не правильно?

Я не на шутку разозлился.

- Ты или дура... Или... - я махнул рукой. – Как можно впустить в дом неизвестно кого! Нет, известно! Он ведь на тебя напал вчера!

Я решительно распахнул дверь. И крикнул.

- Эй ты, а ну, вали отсюда! Быстро, пока я тебе второй фингал не поставил.

Парень суетливо надел куртку и бочком попятился к двери.

- Спасибо, Алька, - пробормотал он. – Ты хорошая девушка. Без тебя я бы просто погиб.

И он пулей выскочил за дверь.

- Хорошо, что у тебя красть нечего, наверняка бы обчистил, - по-деловому заключил я.

- А бутылку водки он все же прихватил с собой. Ну, да Бог с ним. Неизвестно, где ему придется ночевать, пусть согреется.

Я заметил на столе открытую соломенную шкатулку.

- Похоже, не только водку он у тебя прихватил, дурочка.

Алька мигом очутилась возле стола.

- Что-нибудь ценное?- я нахмурился.

Алька вздохнула.

- Да как сказать. За два червонца он может ее продать. Больше не дадут.

- Что продать?

- Брошку. Ну, такая в виде бабочки, с белым стеклянным глазком.

- Стеклянным глазком... - протянул я. – Да Бог с ней. Разве это вещь.

- Да, дешевка, - вздохнула Алька. – Но единственное, что мне досталось от бабушки. У меня же не было родителей, только она. Да черт с ней, с этой брошкой! Все равно я бы ее не носила. А вот парня жалко.

- Дура ты, Алька. Брошку не жалко, бабушку не жалко. А какого-то ворюгу жалко.

- Ничего ты не понимаешь, хоккеист, ничегошеньки! Если бы у меня не было бабушки, я вполне бы могла оказаться на его месте. И не уверена, впустил бы меня кто-нибудь согреться в новогоднюю ночь. При чем тут брошка? А бабуля, думаю, мной гордится. Она никому в помощи не отказывала, и даже не задумывалась, что ей отказывают почти все...

Мама сразу же поняла мое настроение. Она весело вглядывалась в мое повзрослевшее лицо и, глубоко затянувшись тонкой английской сигаретой, дыхла на меня сладковатым дымом.

- Ну, Таличек, расскажи про свою девушку поподробнее.

Я замахал руками.

- Ты с чего взяла, мамуля! Какую еще девушку! Некогда мне думать о девушках! У меня на носу решающий матч турнира.

- Это ты Шмыреву можешь сказки рассказывать, а меня, мой мальчик, не проведешь. Он из хорошей семьи?

Я никогда не лгал маме. Мне не нравилось ей лгать. Но я, слегка покраснев, пробубнил.

- Из очень хорошей, мама.

Мама небрежно потрепала меня по щеке.

- Уж я-то знаю, что ты способен выиграть любой матч. И любовь не исключение. Ты нас познакомишь?

- Позднее, мамуля, позднее, - я поцеловал маму в щеку. – Чего напрасно девушку обнадеживать? Я же не собираюсь жениться?

- Но если из очень хорошей семьи... Почему бы и нет?

- Мало ли хороших семей на свете? И мало ли у них дочек? А я у тебя один, мамуля. Неужели ты так легко готова отдать меня в чужие руки?

Мама прижала мою голову к своей груди и взъерошила мои волосы.

- Моя воля, я бы тебя никогда никому не отдала. Но моей воли так мало...

Мне стало стыдно, что я так нагло соврал своей любимой маме. И сам не ожидал, что лгать так легко. Гораздо легче, чем говорить правду.

Впрочем, я был уверен, что для лжи отпущено очень мало времени. Ровно столько, сколько продлится моя связь с Алькой. Мимолетная связь, поскольку я совсем не был влюблен в эту продавщицу мандаринов. Просто даже логически я не мог в нее влюбиться. Это выглядело бы, по меньшей мере, неуважением ни к моей маме, ни к себе, ни к своему блестящему будущему. Об уважении к Альке я не задумывался.

И все же после каждой тренировки, первым делом бежал в ее маленькую квартирку, пропитанную запахами старой мебели и абхазских мандаринов, продающихся за соседним углом.

С Алькой было очень просто. Она не нагружала сложностями, много смеялась и мало думала. Когда я был рядом с ней, мне казалось, что на свете вообще не существует проблем. Разве что маленькие недоразумения, которые легко решались.

- Представляешь! – возмущалась Алька, и ее круглые щечки краснели от негодования. – Есть ненормальные, которые готовы наложить на себя руки! Какая неслыханная наглость! Ему разрешено каждый день просыпаться, бесплатно наблюдать снег за окном, любоваться солнцем, слышать чириканье воробьев. А он, видите ли, ничего этого не хочет. Видите ли, устал от всего! Как все-таки испорчены люди! Вот ты хоть раз встречал животное, готовое добровольно уйти из жизни?

- Встречал, Алька, - улыбался я. – Лебеди, например.

- Ну, лебеди это другое, - не сдавалась Алька. – Там любовь настоящая. И они лишь этой любовью живут. А люди живут многим-многом другим. У людей гораздо больше прав на жизнь. А они этими правами не пользуются. Вон, я сегодня прочитала, как один выбросился из окна, с девятого этажа, между прочим. И причин у него не было никаких! И жена не ушла. И на работе повышение. Недавно из кругосветного путешествия вернулся. И шикарную дачу недавно приобрел. Все отлично!

- Может, поэтому и выбросился?

Алька подозрительно на меня покосилась.

- А ты прав, хоккеист, может быть. Если бы он оказался на моем месте, у него и мысли такой бы не возникло. Слишком много бы пришлось доказывать в этой жизни. А ему, похоже, доказывать уже было нечего. Вот сейчас такой шанс и представится.

- Где, там? – я показал пальцем вверх, где должно быть небо.

- Да нет, здесь. Судьба оказалась мудрее его. Представляешь, с девятого этажа – и не разбился. За дерево зацепился. Но все равно здорово поранился. Похоже, уже не поднимется. Вот теперь и придется бороться за жизнь. И жена

может уйти, и работы никакой не будет, и путешествие не светит, и дача уже не нужна. Знаешь, легко умереть тоже дано не каждому. Наверное, нужны причины.

Я крепко прижимал Алькину голову к своей груди. Целовал ее в ухо и шептал.

- Не знаю, Алька, не знаю. Во всяком случае, я умирать не собираюсь. Я очень люблю жизнь, просто не люблю жизненные обстоятельства. А они зачастую на моей стороне. У меня нет причин умирать.

- У меня тоже, хоккеист, а жизненные обстоятельства я принимаю, хоть они играют на другой стороне. Наверное, на твоей, хоккеист. Пусть будет так, пусть будет... - Алька в ответ целовала меня. С большой страстью, хотя ни о страсти, ни о любви мы никогда не говорили. Мы понимали, что по всей логике вещей, это просто невозможно. Поэтому для нас все было просто.

На следующий вечер я прятался за поворотом, ожидая, когда Алька наконец-то расторгнется мандаринами. Был сильный мороз, в темноте кружили большие ватные хлопья снега. Я подпрыгивал от холода на месте, проклиная любителей мандарин. Их, похоже, было не мало. И мороз их не пугал. Как и Альку. До меня доносился ее веселый, бодрый голос.

- Приходите еще! Мои мандарины самые лучшие.

- Спасибо, девушка.

- У вас так приятно покупать, не то что за соседним углом.

- И не обсчитываете.

- И гнилых не подсовываете.

Я решительно завернул за угол. Я изрядно замерз и уже собирался разогнать этих ярых поклонников мандарин и продавщицы. Как вдруг услышал визгливый голос, показавшийся мне знакомым. И в ответ – Алькин возмущенный крик. Похоже, не все любили Альку, в отличие от мандарин. Разгоралась потасовка, но я был уверен, что Алька в ней непременно выиграет. Я вплотную приблизился к очереди.

Алькина шапка ушанка сбилась на затылок. Ее круглое личико пылало от негодования. И пухлые губы дрожали.

- Я? – Алька сжала кулачки. – Я вас обсчитала? Да как вы смеете! Я в жизни никого не обсчитывала! Скорее меня...

Я уже было рванул к девушке на помощь, как знакомый властный голос тут же меня остановил.

- Да! Обсчитала! И я это при всех заявляю! И не исключено, что подам жалобу!

Моя мама. В новой дубленке с беличьим воротником, привезенной из Голландии ее другом, стояла напротив Альки и, сощутив свои красивые раскосые глаза, вызывающе смотрела на нее. Я уже было решил смыться от греха подальше, как вдруг одновременно и она, и Алька заметили меня.

- Виталенька, сынок! - Воскликнула мама, всплеснув своими ухоженными руками. – Ну, как тебе эта нахалка! Мало того, что она обсчитывает, так еще при всех оскорбляет!

- Это я оскорбляю! – Алька подперла руки в боки и фыркнула. – Да я слова дурного не сказала!

- А вы других слов не знаете, кроме дурных. Также мне! Воспитание! Ужас! Какая-то продавщица с тремя классами образования! Вы себя хоть в зеркале видели! К тому же от вас разит водкой!

- Ах ты... - Алька надула щеки, и подалась вперед, через прилавок. - Ах ты...

Очередь заметно поредела. Мандарины любили все, но не за такую цену. Мама судорожно схватила меня за локоть.

- Видишь, сынок.

- Не смейте оскорблять мою маму, – пробубнил я и опустил взгляд.

Алька неожиданно расхохоталась во весь голос. Ее шапка упала в снег. Ее золотистые волосы мягкими волнами рассыпались по плечам. Она хохотала мне в лицо, запрокинув руки за голову. Затем вытащила из кармана деньги и бросила их нам. И купюры закружились на ветру вместе со снежинками.

- Ловите их! – крикнула нам Алька. – Это вся выручка! Я не бедная! А вам, наверняка, пригодятся! На воспитание!

Из-за угла выскочил Мишка и свирепо залаял на меня и маму. Мы попятнулись. Мама потащила меня к дому. Мишка громче и громче лаял нам вслед. Он единственный не любил мандарины. И он единственный любил Альку больше всех на свете и единственный сумел ее защитить.

Дома мама ловко чистила ярко оранжевые мандарины. Один протянула мне. Я отказался. Мама бросила дольку в рот и поморщилась.

- Фу, подсовывают всякую гадость! Ну и кислятина.

Я прекрасно знал, что мама бесстыдно лжет. Я не раз лакомился сладкими, сочными абхазскими мандаринами.

- Нужно покупать фрукты только в супермаркете! Именно! И нигде больше! – категорично заключила мама. – Ты согласен, сынок? В нашем положении не стоит опускаться до уличных торговков. Это неприлично! А мы с тобой вполне приличные люди. И даже более того. Кстати, а как твоя девушка поживает, ну та, из очень хорошей семьи? Ты к ней сегодня не пойдешь?

Я маме ничего не ответил. И закрылся в своей комнате. К Альке в этот вечер я не пошел.

А на следующий день осмелился лишь на звонок.

- Знаешь, хоккеист, не нужно нам с тобой больше встречаться, - весело ответила Алька в трубку. – Хоккеист и торговка... Нет, не звучит, пожалуй.

И – короткие отрывистые гудки.

Тогда я впервые осознал, насколько мне плохо без Альки. И чуть-чуть обиделся, что она, оказывается, может легко со мной расстаться. Этим же вечером я целовал ее пышные золотистые волосы и шептал:

- Не бросай меня, Алька, не бросай.

- Но ты хоть, хоккеист, веришь, что я твою маму не обсчитала?

- Еще не родился тот человек, кто способен на это. Мою маму ни в чем не обсчитаешь.

С Алькой мы встречались почти каждый день до моей поездки на решающий матч Евротура в Стокгольм. Это были, пожалуй, самые счастливые и веселые встречи. И я уже ни на секунду не сомневался, что влюблен по уши. Алька отвечала мне той же любовью. Хотя о любви говорила меньше, чем я. Она не любила лишних слов о любви. Хотя о посторонних вещах болтала легко и без умолку. Мне это нравилось. С ней было настолько надежно, что не хотелось думать о ненадежности жизни. Все мои проблемы Алька решала на словах, и проблемы, как ни парадоксально, действительно легко решались.

- Представляешь, Алька, тренер заявил, что я сноб. И это меня может погубить.

Алька прижималась всем телом ко мне и горячо дышала в лицо.

- А ты не будь снобом, хоккеист. Ведь со мной ты не сноб. И ничто тебя не погубит.

- А Шмырев и вовсе обозвал меня жлобом. Наверное, от зависти.

- Жлобам не завидуют. Со мной ты не жлоб. И со своим Шмыревым не будь им.

Мне и впрямь казалось, что с Алькой я становлюсь лучше. Потому и старался как можно реже видится с мамой.

Это был наш последний вечер перед поездкой в Стокгольм. Снег прямо валил на наши головы. Метель сбивала с ног. Я приподнял воротник алькиной фуфайки и потуже завязал старенький махеровый шарф на ее шее.

- Знаешь, Алька, я женюсь на тебе, - мои слова перехватил ветер и унес в неизвестную даль вместе со снегом.

- Что-что? – закричала Алька, сделав вид, что не услышала.

- А вот так! Возьму и женюсь! – еще громче закричал я. И в ответ загудел ветер.

- Не слышу, хоккеист!- в ответ закричала Алька, вновь притворившись, что не услышала.

- Вот женюсь и все! – уже орал во все горло я. – Вернись и женюсь!

- А я не слышу! – смеялась мне в лицо Алька, придерживая шапку-ушанку двумя руками.

Я безжалостно содрал шапку с ее головы, бросил в сугроб. Золотистые волосы девушки рассыпались по меховому воротнику. Я осторожно приподнял один локон над ухом и еле слышно зашептал прямо в ухо.

- Выйдешь за меня замуж, Алька?

- Ты бросаешь слова на ветер, хоккеист.

Ветер и впрямь разошелся не на шутку. Мы еле держались на ногах.

Я схватил Альку в охапку, и мы укрылись в подъезде.

- Здесь нет ветра, Алька. Ты выйдешь за меня замуж?

- А ты вернешься ко мне, хоккеист?

- Хоккеисты слов на ветер не бросают. Я не просто вернусь, я завалю тебя кучей подарков. Что тебе привезти, Алька?

- Не будь смешным, хоккеист. Чего здесь нет, что есть в Стокгольме? И снег есть, и метель, и елки растут, и даже одна продавщица продает абхазские мандарины на углу, слышал? Ну, разве что нет краски «Гарнье-Стокгольм». А может ее и вовсе нет?

- В ней ты уж точно не нуждаешься, - я намотал золотистую прядь волос Альки на свой палец. И поцеловал ее. Я собирался сказать, что привезу свою победу, но вспомнил, что победу накануне уже пообещал маме. – В таком случае я привезу тебе свое слово.

- Ты думаешь, из этого слова что-нибудь может получиться? Хоккеист и торговка?

- Ты ошибаешься, Алька, где ты здесь видишь торговок? Хоккеист и его ... Его... - слово «жена» почему-то у меня застряло в горле.

- Возвращайся, хоккеист, - Алька нежно поцеловала меня в губы и, слегка оттолкнув от себя, бросилась к своей квартире. Я ее не держал. Слова не мог унести ветер, даже такой сильный, как сегодня. Ведь хоккеисты слов на ветер не бросают.

Альку я тут же забыл, едва ступив одной ногой на мостовую Стокгольма. Знаменитая городская ратуша на острове Кунгсхольмен, где ежегодно устраивается банкет и бал в честь нобелевских лауреатов и где я раскупорил самую дорогую бутылку шампанского от Pernod Ricard за «штуку» евро, Королевский дворец и Опера, сад скульптур Карла Миллеса, где я фотографировался у каждой скульптуры, каждый раз немного изменяя свой гардероб... А сам матч! Мой оглушительный успех – «хет-трик»! Фуршеты, поклонницы и поздравления... Все это притупило память о чувствах. Все теперь работало исключительно на имидж. Это было просто необходимо для тех интервью, которые я раздавал направо и налево.

Маме я звонил каждый вечер и взахлеб рассказывал о своих победах. А по возвращении, утонув в цветах, автографах и воздушных поцелуях длинноногих дорогостоящих девиц, я и вовсе устыдился своего недавнего прошлого. Мне оно казалось каким-то новогодним наваждением в пелене снега, словно дед мороз сыграл со мной неудачную шутку. И я в нее, как в детстве, легкомысленно поверил. Разве существует на свете такой альянс – хоккеист и торговка? Даже стыдно кому признаться. Это потом, гораздо позже я осознал, что на моем пути встречались исключительно торговки, разодетые в дорогие шмотки, болтающие исключительно о товаре (приравнивая к нему человека) и знающие цену каждой вещи на свете. Единственной торговкой, из всех встреченных на моем пути, не была Алька. Но это я понял гораздо позднее.

А по приезде мы собирались шумно отметить нашу победу в ресторане.

- Так и быть, можешь пригласить свою даму, - хлопнул меня по плечу Санька Шмырев. – Чего ты ее скрываешь? И так всем известно, что ты влюблен по уши.

Я в ответ хлопнул его гораздо сильнее.

- Ты о чем, дружище? По уши влюбляются только в детстве. В Стокгольме мое детство закончилось. Знаешь, на чужбине с ним как-то легче прощается.

Не хватало притащить на такое солидное мероприятие такую несолидную Альку, просто девчонку с улицы, где торгуют некачественными фруктами.

Мы шумно и дорого отметили нашу победу. Из девушек была только подруга нашего капитана Лехи Ветрякова. Красавица, сошедшая прямо с обложки модного глянцевого журнала. В прямом смысле сошедшая, потому что Леха держал этот журнал у самого сердца. Длинноногая блондинка в супероткрытом блестящем платье с полуоткрытым пухлым ротиком преданно смотрела на Леху и ни разу за вечер не проронила ни слова. Поэтому никто так и не узнал: а умеет ли она вообще мыслить и разговаривать? Но это никому было и не интересно. Ее красота могла оправдать любые, самые глупые мысли и слова. И я дал себе слово, что моей девушкой станет непременно такая же. И ее фото обязательно будет красоваться на глянцевой обложке вместе с моим. (Мои прогнозы очень скоро сбылись. Фортуна всегда играла на моей стороне. А я как всегда играл роль нападающего).

В конце шумного застолья к нам подошел официант с огромной корзиной абхазских мандаринов и слегка поклонился.

- Просили передать вашему столику. Так сказать, от чистого сердца.

Мои скулы напряглись, я почувствовал, как лицо покрывается красными пятнами. Удивленный Шмырев попытался перехватить мой взгляд, но ему не удалось. Я смотрел в одну точку на столе.

- И у кого такое чистое сердце? – хохотнул Леха.

Официант пожал плечами.

- Я толком не понял. Вроде бы какой-то грузчик передал, наверное, поклонник вашей команды.

- Ну! Если уже грузчики нам поклоняются, значит, ребятки, наша победа вонзилась в самое сердце народа! Значит мы и впрямь победители! Так выпьем за нас, самых из самых! – Леха высоко поднял бокал.

Санька Шмырев недоуменно вертел в руках ярко желтый мандарин, понюхал его и почему-то недоуменно посмотрел на меня. Но сейчас мой взгляд, уже спокойный и равнодушный, ничего ему не сказал.

Каждый раз я объезжал за два квартала улицу, на которой мог встретить Альку. Но однажды таксист притормозил прямо напротив лотка, где она торговала мандаринами.

- Пойду куплю килограммик. Это быстро, парень, ты погоди. А то жена придушит, если не затарюсь.

Я поднял воротник пальто и спустился с сидения, чтобы меня не было видно. Но любопытство взяло вверх, и я осторожно заглянул в окно. Мандаринами торговала совсем другая продавщица. Старая, толстая и очень крикливая.

- Ты поезжай, - сказал я таксисту, расплачиваясь. - Я тоже пойду куплю мандарины. А то и меня придушит - мама, если я не затарюсь.

- Ну, мама это святое, - хихикнул таксист, ловко пересчитав деньги. – Только мандарины похуже стали, видишь, продавщицу заменили. Теперь придется покупать в другом месте.

Я обогнул немногочисленную очередь с другой стороны. И терпеливо ждал, когда на поле боя между толстой продавщицей и покупателями закончится перебранка. В маленьком перерыве между базаром, я осторожно обратился к продавщице.

- Извините, - робко начал я.

Она, подперев руки в боки, с недоумением обернулась ко мне, не ожидая такого нахальства.

- Ты че? Совсем ослеп от наглости? Не видишь, что очерега с другой стороны? А?

- Я по другому вопросу...

- А у нас только один вопрос! Мандарины! – она гордо встряхнула головой, словно торговала не полусгнившими фруктами, а по меньшей мере «Подсолнухами» Ван Гога.

- Продавщица мандаринами, Алька...

В одну секунду торговка преобразилась. Как-то сгорбилась, даже стала меньше в размерах.

- Ты че, парень? - тихо сказала она. - Ну-ка, отойдем-ка.

Она внимательно и почему-то грустно оглядывала меня с ног до головы. Мне стало неловко.

- Вот уж не подумала бы, что у Альки такие знакомцы. Такой весь лощеный, чистенький... Да, видно, мало был с ней знаком. Ну, это понятно. Куда ей было до тебя дотянуться...

Она приподнялась на цыпочках и дотянулась до моей новой кепи, сделанной из чисто английской шерсти.

- А где Алька? – резко перебил я ее сомнительные комплименты.

Она неожиданно смахнула грязным фартуком слезу. И посмотрела куда-то в сторону.

- Там, где все скоро будем. Да только ей рановато, поди...

Я не выдержал и схватил продавщицу за плечи.

- Я вас не понимаю, не понимаю, объясните же, черт побери! О чем вы! О чем говорите! – мои зубы буквально стучали от волнения.

- Да ты иди туда, к ней, можешь еще и успеешь, хотя... Хотя такие, как ты, вряд ли поспевают к таким, как Алька, - продавщица махнула рукой и, словно пытаясь перебить душившие ее слезы, заорала во весь голос. - Свежие абхазские мандарины! Свежие абхазские мандарины! Свежие...

Я бежал к алькиному дому. Я плохо соображал, что хотела мне сказать торговка. Но я хотел успеть, так и не зная куда. Ветер бился в мою грудь, пытался сорвать пальто. И в моих ушах истерично звенело: свежие абхазские мандарины... свежие абхазские мандарины... Что-то больно ударило в мою спину, я резко обернулся. Какой-то мальчишка выглядывал из-за угла и хихикал. Под моими ногами валялся на белом снегу ярко оранжевый мандарин.

- Свежие абхазские мандарины!

Я изо всех силы пнул мандарин ногой, как шайбу, и он покатился по заснеженной дорожке в неизвестном направлении. В никуда...

Дверь алькиной квартиры была распахнута. Я даже на секунду успокоился. Что я себе придумал! Но едва переступил порог, как в нос ударил неестественный сосновый запах вперемежку с хлоркой. Под ногами что-то хрустнуло. И я заметил, что наступил на еловую ветку. Они были разбросаны по всей квартире, словно в канун Нового года, когда мы познакомились с Алькой. Но это не был Новый год. Это был год уже наступивший. И он не напоминал праздник. Он принес с собой что-то пугающее, нереальное, то, что в нормальной жизни быть не может. Но почему-то иногда бывает.

- А, это ты..., - услышал я позади себя хриплый голос. И обернулся.

За круглым старомодным столом сидел парень, бомж, которого в новогоднюю ночь лихо отделала Алька, а потом приютила у себя. За что он ее обокрал.

- Уже что, все закончилось? – заплетающимся языком промычал он.

- Что все?

- А то ты не кумекаешь! Все так просто! Закопали. Постояли, пару слов слезливых брякнули и разбежались. Я лично ушел первым. Чего стоять? И к чему? Нет хорошего человека. И к чему слезливые словечки. Она их все одно уж не услышит. Вот так-то. А я лучше здесь ее помяну. Добрую душу. Так честнее. Водку я у нее спер, так вот вернуть пришел, а пить не с кем. И ту брошь притащил, - он разжал ладонь, на его огрубевшей красной ладони блеснула металлическая бабочка. – Ее брошка, а носить некому. Вот так, парень.

Я осторожно присел на самый краешек стула, словно боялся, что стул подомной рухнет. И, сняв кепку, стал безжалостно мять ее в руках.

Парень проворно налил мне полный стакан водки. Стакан был весь запыленный и водка вы нем казалась мутной, словно забродивший уксус.

- Ну что, помянем девчонку? Вроде близкие вы были с ней. Или ошибаюсь?

- Ошибаешься, - резко ответил я. И поднялся со стула. Тот покачнулся, но удержался на месте. - Я ее, конечно, знал, так же как и ты, но чтобы...

- Ну, понятно. От живых отказаться трудно. Они и в суд подать могут. А от мертвых окреститься раз плюнуть. Там другие судьи. К тому же ей все одно уже плевать, был ты ей близок или нет. Ей вообще уже все одно.

Парень все время навязчиво буравил меня своими пропитыми красными глазенками. И я нахлобучил кепку прямо на брови. Так ему труднее было уловить мой взгляд.

- Так что, и пить брезгуешь за ее душу? – парень выгнулся и заглянул прямо мне под кепку.

- При чем тут душа? А если я вообще не пью?

- Знаешь, если бы я вообще не пил, то сегодня непременно бы начал, - он залпом опрокинул полный стакан водки, предназначенный мне. – И почему погибают самые лучшие. Вот я, к примеру... Мог тысячу раз помереть. И в сугробе мог бы пьяным замерзнуть, а в армии меня так шарахнуло, еле склеили, можно сказать по частям, и в пожаре мог заживо сгореть, когда котенка соседской девчонки вытаскивал. Правда, уже напрасно. Хотя, что бывает напрасным? Ее родители потом мне целый месяц жить у них разрешили. Вот так. Так что я весь в шрамах, ожогах, с отмороженными пальцами, весь клееный, переклеенный, но почему-то живу, - по глазам парня потекли слезы. Он смахнул их рукавом замусоленной тельняшки.

Потом вдруг резко ко мне повернулся. И на его лице выступило искреннее почти детское изумление.

– Странно... И ты почему-то живешь...

Я выскочил за дверь. Споткнулся о порог лестницы. И вспомнил, как мы с Алькой в новогоднюю ночь по этой лестнице покатались кубарем. А потом целовались, целовались... Боже, но ведь этого не может быть! Этого просто не может быть, чтобы она из-за меня. Ведь она была совсем другой. Она крепко держалась на ногах. И земля крепко держала ее. Она из любого, самого невозможного тупика могла отыскать выход... А мне даже не позвонила. Но почему? Конечно, можно было спросить у этого забулдыги, что все-таки произошло. Но мне казалось, что его пьяный ответ меня не устроит. К тому же мне не нравился его навязчивый взгляд. Словно я виноват в смерти Альки. Да и вообще, что еще смею жить на белом свете. Ну, конечно! Как я сразу не догадался! Продавщица мандаринов! Она ничего про нас не знала. И ее объяснение будет вполне разумным, лишенных эмоций, загадок и пьяных притч.

Было уже довольно поздно. Метель усиливалась. И белая парусиновая крыша от торгового лотка развевалась на ветру, словно одинокий затерявшийся в шторме парусник. Вокруг не было ни души.

Я стоял, тупо уставившись на пустой лоток, где-то жалобно и протяжно выла собака. И словил себя на мысли, что это судьба, что все к лучшему, что совсем необязательно знать – как и почему умерла Алька. И я смогу прожить жизнь, так никогда и не раскрыв этой тайны. К чему мне она? Ведь уже ничего нельзя было исправить. А мучительные воспоминания будут разрушать медленно, но верно мою жизнь, мое будущее. Да, я остался в живых. Хоть меня совсем недавно в этом откровенно обвинили. Но если я остался в живых, значит мне нужно идти дальше по жизни, так всегда говорила мне мама. А жалость и слезы плохие попутчики, попутчики слабаков и неудачников. Я никогда не хотел быть таким. И все сделаю, чтобы им не стать. Сегодня судьба пощадила меня, не раскрыв тайны. Так зачем идти вопреки судьбе, если она так благородно со мной поступила... Однако, подумать о благородстве судьбы я поторопился.

Позади раздался звук неровных шагов. Чья-то сильная рука легла мне на плечо. Я вздрогнул и резко обернулся. И нос к носу столкнулся с Санькой Шмыревым.

Мое сердце бешено заколотилось. Что он мог знать? Что он знал? И откуда?

- А это ты, - кисло усмехнулся Санька.

Я заметил, что он изрядно пьян. Пьяным Саньку я видел редко, пожалуй, в последний раз, в день смерти нашего военрука. Оставалось надеяться, что сегодня он надрался по поводу какого-нибудь праздника, а не траура. Я даже пытался вспомнить, когда у Шмырева день рождения. Но так и не вспомнил.

Санька вдруг забарабанил по пустому лотку траурный марш.

- Поздно уже, Виталик. Очень поздно.

- Ты о чем, Санька? – я втянул голову в плечи и с опаской на него покосился. Траурный марш зазвучал все громче и отчетливее. Ему в такт где-то недалеко подвывала собака.

- Я говорю, поздно. Мандарины уже сегодня продавать не будут. Уже ночь, одна крошечная пустая ночь.

- Ну, завтра с утра купишь, - некстати ляпнул я.

- Ты думаешь? Ты так думаешь? А если и завтра не будут продавать мандарины? А если вообще никогда, никогда их уже не будут продавать?

Я не мог понять Саньку. Мне казалось, что он что-то знал, но пока не раскрывал карты. И меня это пугало. Но я решил тоже пока не торопиться со следующим ходом. И выждать. Время играло на моей стороне. Я был трезв, и у меня было куча времени. Санька же торопился, потому что был пьян.

- Я здесь всегда покупал мандарины, - Санька начал первым, как я и предполагал. Он торопил время. - Такие абхазские, ярко оранжевые, сочные.

Словно килограмм солнышек покупал. Представляешь, за каких-то пару жалких червонцев я мог купить килограмм солнца.

Санька покачнулся, и я придержал его за локоть.

- Тебя отвезти домой? Ты плохо выглядишь, друг.

- Друг? – Санька странно на меня посмотрел. И отвел руку. – Странно, ты впервые меня назвал другом. Неужели я им когда-то был.

- Мне жаль, если ты думал иначе.

- А ты, вот ты, - Санька вцепился мне в плечи. У него была железная хватка нападающего. – Ты любишь абхазские мандарины?

Меня встревожил его вопрос. Мандарины я не любил. Разве что одну их продавщицу. Но это было так давно. И со мной ли? И не очередные ли это проделки Деда Мороза под Новый год.

- Нет, Санька, к сожалению, я предпочитаю яблоки.

- Но ведь ты не мог, не мог не знать ее! – Санька уже почти кричал.

- Кого? – я невозмутимо пожал плечами.

-Ну, одну продавщицу мандаринов. Ты же здесь живешь недалеко, ты не мог не заметить – ты каждый день проходил мимо этого лотка. У тебя не было другого пути.

- Может, но я никогда не останавливался. А почему ты так взволнован, Санька? Что-то случилось?

- Что-то случилось, - передразнил он меня. – Оказывается, смерть можно назвать просто случаем.

- Смерть? – я изобразил на своем лице неподдельное удивление. – А что эта продавщица умерла? Как жаль. Ах, да, я буквально накануне видел, кажется, ее. Такая толстая, пожилая, в грязном фартуке. Ты что ее близко знал? Она была твоей родственницей? Извини, я приношу соболезнования, но она и впрямь неважно выглядела.

- А ты всегда прекрасно выглядишь, - вдруг некстати ляпнул Санька и посмотрел на меня мутным, пропитым взглядом. Но этот взгляд был настолько пронизывающим, глубоким, он напоминал мне взгляд бомжа.

Я невольно поежился. Словно меня второй раз за день обвиняли, что я смею ходить по этой земле. И что удивительно, земля меня еще держит.

- Ладно, - Санька похлопал меня по плечу. – Мы имеем в виду с тобой совершенно разных людей. Я говорил о девушке, очень красивой девушке, с необыкновенными золотистыми волосами, это ее цвет волос, она никогда не пользовалась «Гарнье-Париж». У нее все было свое. И смерть тоже была ее. Может быть, в ее духе. Хотя всё это и несправедливо. Мы с ней учились в одном классе, ну еще до спортивной школы. Она – моя первая любовь. Может, поэтому я тебе о ней не рассказывал. О первой любви не хочется говорить, как, наверное, и о последней.

Санька явно хотел поплакаться в жилетку и рассказать о смерти девушки, в которую, как я понял, он был влюблен. И которая искренне любила меня. Но, слава Богу, он это не знал. А я не хотел знать, как она умерла. Мне нужно было жить дальше.

- Ну, если ты не хочешь, чтобы я тебя проводил... - я повернул в сторону, желая поскорее смыться и от Саньки, и от его трагедии, и от правды.

Но из темноты вновь завыла собака. Так жалобно, так протяжно, так страшно, что я поежился. Мишка оказался из подворотни и напрямик направился к нам. Он шел медленно, задрав голову вверх, воя на луну и поминая свою хозяйку. Вдруг, почуяв меня, он бросился с рычанием в мою сторону. Я отшатнулся.

Санька силой оттащил собаку от меня и, словно пытаюсь приглушить боль, стал жадно целовать его морду, его лохматую шерсть, его невыносимо печальные глаза.

- Мишка, боже! Как я счастлив, что ты нашелся, Мишка! Я так боялся, что ты пропал...

Санька поднял на меня полное слез лицо.

- Мишка очень миролюбивый, ты его не бойся. Удивительно, что он на тебя бросился. Он, наверное, слегка очумел от горя. Это ее собака. Мишка так любил ее. Точно как я, а может и больше. Если больше любить возможно.

- Странно, я бы никогда не подумал, что ты способен влюбиться в обычную продавщицу абхазских мандарин. Ты, ведущий хоккеист команды, надежда отечественного спорта.

Я говорил про себя. И сам удивлялся этой неравной любви. Как говорила Алька – хоккеист и торговка – невозможный альянс.

- Хоккеист и торговка – невозможный альянс, - твердо сказал я.

Санька поднялся с колен, придерживая Мишку, словно боялся, что тот убежит. Санька вдруг успокоился. Он окончательно понял, что его подозрения на счет меня совершенно беспочвенны. Разве я способен полюбить торговку? Я и сам уже в это с трудом верил.

- Ты прости меня, Талик, - вдруг сказал Санька и покачнулся на месте.

Это было выше моих сил. И я покачнулся вслед за ним.

- Какие-то дурацкие мысли приходили в голову. Ты прости. Может быть, я слишком пристрастен. И поскольку сегодня напился, думаю, что всё хотел списать на тебя. Мне казалось, что ты – источник всех бед. Я очень ошибался, ты прости меня Талик.

Санька крепко обнял меня. Но я незаметно освободился от его объятий. Он и впрямь не заметил.

- Знаешь, Алька же была влюблена. И я даже понятия теперь не имею в кого. Мне кажется, она и погибла поэтому. Хотя, конечно, это чистая глупость и смерть ее – чистая случайность. Просто меня смутило одно письмо, которое уже потом я нашел в ее сумочке. Так, обычное слезливое письмецо, что не хочется жить, потому что ее бросили. Просто и без объяснений. Но ведь я-то знаю, что она всегда могла жить. Даже когда невыносимо. Она ведь осталась совсем одна... Но выжила, еще как выжила! Вот так... А в этот роковой день она просто мыла окна...

- Не понял? – я насторожился.

- Но ты сам подумай, как можно мыть окна зимой? Да еще становиться на скользкий, замерзший подоконник. В этом была вся Алька. Вот она и свалилась.

- Не может быть, ведь она...

Я едва не закричал, что это глупость, что она жила на первом этаже, но вовремя прикусил язык. Моя судьба была все-таки благородна.

- Да, она мыла окна. Но самое смешное, что свалилась она с первого этажа! Смех! Правда, смех! Просто зацепилась за дерево и – головой прямо об лед. Чистая случайность. Редкая случайность, чтобы с первого этажа... Ну, знаешь, как под детский трамвайчик. Нелепая и почти смешная смерть. Если бы не смерть.

Я вдруг вспомнил, как Алька с возмущением рассказывала, что здоровый благополучный мужик бросился с девятого этажа и зацепился за дерево. И его это спасло. Альку дерево погубило. Или она просто хотела, чтобы ее погубили.

- Как назло, в метро попался мерзкий дешевый дамский журнальчик, - продолжал Санька. Словно боялся, что мне надоест его выслушивать. – Так там какая-то дура писала, что, если бросает мужчина, женщина должна, чтобы спастись, что-то делать. Активно, не вдумываясь, но делать. Алька, как я понял, бросилась мыть окна. Может, она просто каждый вечер ждала у окна? И ей плохо было следить за дорогой, по которой должен был прийти он. А он не пришел. И кто он?

- Это уже не имеет значения. В смерти девушки никто не виноват.

- А знаешь, Талька, в любой смерти кто-нибудь да виноват. Я в этом больше чем уверен. Просто если один давит машиной, его отдают под суд. А эти... Они давят другим. Но результат один. И я обязательно найду эту сволочь.

- Странный ты, Санька. Как будто за любовь или нелюбовь можно судить.

- Знаешь... Помнишь, в ресторане, ну, когда мы праздновали нашу победу, вдруг прислали корзину мандарин. И я сразу понял, что это от Альки. Но ведь она меня не любила. И я... Ты прости меня, я грешным делом подумал на тебя. Наверное, мне хотелось так подумать. Потому что слишком тебя не любил. Ты прости меня, Талик.

Я приобнял Саньку и похлопал его по плечу.

- Она прислала их только тебе. Только тебе. И кто знает, вдруг она любила только тебя.

- Ты так думаешь, Талик? – в глазах Санька выступили слезы. – Ты так думаешь?

- А кого еще? – просто ответил я, как само собой разумеющееся.

И Санька как ни странно мне мгновенно поверил. Людям свойственно верить в лучшее. Люди хотят жить дальше.

- Я тебя все же проведу, Санька.

- Нет, Талик, - он в ответ обнял меня. – Спасибо тебе. И прости за все. А меня проведут.

Он кликнул Мишку и они пошли рядом, прорываясь сквозь метель, в глухую ночь, под пугающий вой ветра. Над ними светила полная луна, и мне показалось, что они могут потеряться в пурге, в этом озлобленном ветряном мире, сбивающим каждого с ног. Что они могут споткнуться о лед. Упасть в сугроб. И уже не подняться. Как когда-то не поднялась Алька. Два одиноких, потерянных путника. Которые сегодня потеряли самое дорогое. И в этой жизни им эту потерю уже не вернуть.

Впрочем, как и мне...

В этот вечер мне хотелось уткнуться в подушку и плакать, плакать, плакать, не скрывая своих слез. Или напиться до беспамятства. А, возможно, и то и другое. Я не заплакал и не напился. Потому что меня дома ждала мама.

- Боже, да на тебе лица нет! – всплеснула она тонкими, нежными руками, унизанными золотыми кольцами и браслетами.

Я бессмысленным взглядом рассматривал свое лицо в зеркале. Оно было на месте. Как всегда ухоженное и здоровое.

- Тебе непременно нужен отдых! – торжественно заключила мама. – Как и мне, кстати. Сегодня мы отмечали в ресторане мой отпуск. И ты знаешь, Андрей Валентинович был так любезен и презентовал мне бесплатную путевку в Египет.

Мама бесцеремонно оттолкнула меня от зеркала и покрутилась возле него, демонстрируя новое платье.

– Кстати, как я сегодня выглядела? Лучше всех?

Я по-прежнему бессмысленным взглядом рассматривал маму. Ее черное строгое платье с закрытым воротом.

- Ты догадался, это Шанель? Мило и просто. Но как эффектно!

- Да, словно на похоронах.

Мама всплеснула руками.

- Не смей при мне говорить о похоронах! Это так грустно! Я избегаю похорон. Многим это кажется невежливым. Но какое мне до них дело. Ведь покойнику это невежливым не покажется. Он даже не будет знать, пришла я его проводить в последний путь или нет. Мне вообще смерть кажется несправедливой вещью, ты как думаешь? Особенно по отношению к близким, которые еще живы и собираются жить дальше. Гораздо справедливее было бы, если бы люди уходили незаметно,

исчезали что ли, ну, растворялись в пространстве. Словно куда-то уехали и уже там, в далеком неизвестном, дожидались своих близких. Правда, милый?

- Я не знаю, мама. Не мы придумали этот мир. И смерть не мы придумали. Я единственно знаю, вернее, сегодня только узнал, что в наших силах отсрочить чью-то смерть. Мы же делаем наоборот.

Мама присела возле меня на корточки и нежно погладила меня по лицу.

- Ну что ты, мой мальчик, что ты... Мы скоро с тобой уедем в Египет. Там так много солнца, много неба и много-много песка. И вообще – много этой замечательной страны. Там даже пирамиды есть, представляешь! Этакие странные сооружения, для меня лично непонятные, но для них... Как знать... В них даже фараонов хоронили, ужас какой! А одного даже раскопали, да, да, ты мне веришь? Так после этого все копатели и поумирали! Жуть, как интересно, И как туда хочется! Но я думаю, мы не умрем, если хоть одним глазком взглянем на эти каменные чудовища? Или все же опасно? Не хочется из-за ерунды умирать. Хотя мне иногда кажется, в основном, умирают из-за ерунды...

Мама тараторила без умолку - необязательную и милую чушь. Мне показалось, что она так не хотела слышать о причинах моей тоски. Как совсем недавно я так же не хотел слушать Саньку.

- А знаешь, мама, - безжалостно перебил я ее мечты о Египте. – Умерла моя девушка.

Мама резко встала, повернулась ко мне спиной, налила себе полный бокал Токайского вина и приблизилась к окну.

- Слышишь, мама, сегодня хоронили мою девушку.

- Разве она была твоей девушкой? – мамин голос неприятно дрогнул, словно раздался скрип двери.

Я схватился за голову. О, господи! Ну конечно! Она все, все знала! Это она спровоцировала скандал с Алькой! Это она ненавязчиво, но убедительно доказывала невозможность альянса торговки и хоккеиста.

Я бросился к маме и сзади схватил ее за плечи.

- Ты все, все знала! - прохрипел я.

Мама невозмутимо повернулась ко мне, освободившись от моих цепких рук, и залпам выпила бокал вина.

- Более того, - невозмутимо сказала она, не отрывая взгляда от моего лица. – Я обижена, сильно обижена, что ты так долго скрывал эту нелепую связь! Это несправедливо по отношению ко мне. И не скрывай ты этого, я бы сумела на корню все разрушить. И сегодня ты бы не бился в истерике, потому что понятия бы не имел, что погибла какая-то продавщица фруктами.

- Она бы тогда не погибла, - сквозь зубы процедил я.

- Глупости, какие глупости! – мама ласково взяла меня за локоть и усадила, как маленького, на диван, уселась рядом, слегка сжав мою руку.

- Мне иногда кажется, что все к чему я прикасаюсь, погибает, - я сглотнул не выступившие слезы.

- Я понимаю, что мой сын самый лучший в мире! Но поверь, не лучше того, кто этот мир придумал. Ты слишком, слишком много на себя берешь. Хочу тебя разочаровать, но ты далеко не вершитель судеб. Ты сам справедливо сказал, не мы придумали этот мир и тем более не мы в состоянии придумать чью-то смерть. Эта девчонка даже с тобой не пожелала говорить, даже не попыталась выяснить, почему ты ее бросил.

- Как много ты про меня знаешь, мама.

- Больше, чем ты думаешь, Талик.

Я в ответ пожал руку мамы. Я неожиданно стал успокаиваться.

Действительно, как много я на себя беру. И как несправедливо, что все скрывал от

мамы. Во всяком случае - многого мог бы избежать. Но мне так хотелось успокоить до конца свою совесть. И справиться с моей совестью была способна лишь моя мама.

- Mam, но если бы я вернулся к ней, как обещал, может быть, этого не произошло бы? – неуверенно спросил я, также крепко вцепившись в мамину руку, как в детстве.

И, как в детстве, она уберегла меня от всех беспокойных проблем.

- Не это, так другое - но случилось бы. Кстати, я тоже однажды чуть не свалилась с окна, когда мыла окна. А у нас девятый этаж! А я, между прочим, так долго просила тебя их помыть! Но ведь со мной ничего не случилось! Потому что не должно было случиться, вот так! И кстати, ты так и не подумал о самом простом! Когда хотят умереть, не падают с первого этажа. Это просто смешно.

Если бы не смерть Альки, мне бы действительно стало смешно. Как глупо! Свалиться с первого этажа и умереть. Альке больше подходила смерть с высоты самолета, при нераскрытом парашюте. Насколько это было бы благородней!

- Мама, - я крепко обнял ее за плечи. – Ты знаешь, мне впервые в жизни сегодня хотелось напиться до беспамятства и безутешно рыдать в подушку.

- Знаешь, Талечка, я ведь тоже умру. Но честное слово, не хочу, чтобы ты напился и рыдал на моих похоронах. Более того, лучше бы ты на них вообще не появлялся. Если честно, я бы сама не хотела на них быть. Хотя понимаю, что единственные похороны, где мне придется побывать, будут моими.

Я нахмурился. Мне никогда не приходила в голову мысль, что моя мама, моя любимая мама, мой самый на свете дорогой человек может умереть. Разве она посмеет оставить меня один на один с этим запутанным миром, кишачим проблемами и драмами. Нет, пусть умирает кто угодно, только не моя мама.

- Не волнуйся Талечка, - мама нежно провела ладонью по моему нахмуренному лицу, как всегда прочитав все мои мысли до последней строки. – Я никогда не умру.

Мама встала с дивана и вновь налила себе бокал токайского вина. Залпом выпила и закурила. Она делала все очень изящно и эстетично. И тоненькая сигарета в тоненьких ухоженных пальчиках удивительно шла ее утонченному облику. Словно она грациозно и легко выпорхнула из немого кино. В этом узеньком закрытом платье от Шанель, подчеркивающим ее стройную не стареющую фигуру, этот легкий макияж на благородном аристократичном лице.

И я поверил, что она действительно никогда не умрет. Только не она. Хотя в этот вечер меня так и не покидала странная, навязчивая мысль, что моя мама только что вернулась с чужих похорон.

А дальше все понеслось по нарастающей – к моему триумфу, к победе. Все у меня получалось так, как хотела всегда моя мама, как когда-то она загадала. И наверное, как хотел и я.

Впрочем, у нас не было с мамой разных желаний. Мне везло во всем, и в спорте, и в личной жизни. Я объездил полмира, и моя физиономия была знакома любому, даже не хоккейному болельщику. Моя физиономия мелькала в модных журналах, где я налево и направо раздавал интервью, без ложного стеснения и ложного стыда рассказывая о своих вкусах, привычках и личной жизни. О спорте и его значении для государства и общества я не рассуждал. Возможно, я об этом не хотел знать, а возможно, просто не задумывался. За меня это делал Санька Шмырев, но не на страницах блестящих журналов, а среди своих учеников в средненькой школе, куда он устроился после того, как его попросили из команды за излишнюю несговорчивость. Когда он категорически отказался проиграть еще до матча. За определенную сумму.

В личной жизни мне везло не меньше. Среди многочисленных поклонниц я выбрал самую красивую, как две капли воды похожую на девицу нашего капитана Лехи Ветрякова, с которой познакомился пару лет назад в ресторане, когда мы праздновали блестящую победу в Стокгольме. Но моя девушка была лучше.

Ее звали как английскую принцессу - Диана, что меня окончательно сразило. Наша судьбоносная встреча, как положено, произошла в Доме кино, на премьере какого-то модного фильма, названия которого мы так потом и не вспомнили. Диана, как и подружка нашего капитана, была самой популярной моделью, ее красивое, слишком правильное лицо мелькало в гламурных журналах и рекламных роликах. Она даже умудрилась сняться в одном сериале, чем я нескончаемо гордился.

Она одевалась в самых модных бутиках, выбирала самую дорогую одежду, при этом профессионально ощупывала ткань, щурила свои огромные голубые глаза, прицеливаясь на цену. И у меня иногда мелькала предательская мысль, словно она на базаре, но эту пошлую мысль я поспешно гнал прочь.

Я не раз слышал, как она по телефону безапелляционным тоном обсуждает цену, которую ей должны заплатить за честь увидеть ее красивую фигуру на очередном показе. Иногда ее тонкий отточенный голос срывался до визга, и у меня появлялась мысль, что она очень уж напоминает базарную торговку. Но я тут же гнал эту мысль от себя. Моя девушка с именем принцессы никогда не может быть похожа на торговку.

У нас с ней сложился позитивный альянс супермодели и суперхоккеиста. За такой альянс двумя руками голосовала моя мама. И мы вскоре собирались пожениться.

Мама обожала Диану. Как обожал ее я. А Диана, как назло, обожала мандарины и покупала их в самых дорогих супермаркетах. Когда она небрежно бросала на диван пакет с мандаринами, и они, ярко желтые, рассыпались по белоснежному плюшу, словно по снегу, мои кулаки сжимались, и мне казалось, я не выдержу и закричу.

Я давно забыл Альку, но эти мандарины... Они напоминали о чем-то страшном, неправильном, о том, что не может быть в моей жизни. И никогда не будет.

Потому я однажды просто и ясно объяснил своей принцессе, что терпеть не могу мандарины, что один их вид вызывает у меня аллергию. Для убедительности пару раз чихнул и промокнул глаза салфеткой. Хотя слезы так и не выступили. Я по-прежнему не умел плакать. Диана не обиделась, и в моем доме мандарины больше не появлялись. Просто теперь и на фото, и в рекламе я видел Диану непременно с огромным ярко желтым мандарином. Она кокетливо держала его в обеих руках, и ее пухлые алые губки при этом были соблазнительно приоткрыты.

После этого незначительного казуса я все дальше и дальше оттягивал нашу женитьбу, хотя по-прежнему обожал Диану, как и моя мама. Впрочем, моя мама тоже почему-то перестала настаивать на этом браке. На этом настаивала лишь Диана. В довольно категоричной форме, словно предлагала безупречный дорогой товар. И в этот момент она мне вновь напоминала уличную продавщицу. И я вновь отгонял эту несправедливую мысль. И, словно в знак извинения, уже чуть было не сдался, но вдруг заболела мама.

Это случилось внезапно и очень некстати. Перед решающим матчем с канадцами, который должен был проходить в Монреале. Наша команда вот-вот должна была туда вылететь, а тут мне позвонили на спортивную базу, где мы готовились к игре. Низкий, бесстрастный женский голос объявил, словно спортивная комментаторша, что моя мама в больнице. Она лежала в отделении онкологии.

Я долго сидел, тупо уставившись на один из завоеванных спортивных кубков, возвышающийся на моем столе. За окном светила яркая оранжевая луна, так

похожая на мандарин. И гудки телефонной трубки, оставшейся в моей руке, отрывисто выли. Их вой напомнил ту самую собаку Мишку в ту самую зимнюю ночь. Почему он тогда выл? И почему я теперь не вою? Ах да, просто не умею. Я ведь не собака. За меня это делает телефонная трубка.

Этой же ночью я был в больнице. А следующим утром улетел в Монреаль.

Мы выиграли этот матч. Я, как всегда, отличился, забив две шайбы из трех, причем одну - решающую. Меня в буквальном смысле носили на руках и забрасывали цветами. А хозяйка ледовой арены – как лучшему игроку матча - даже подарили желтый спортивный «Феррари». Я с детства мечтал о такой машине и не мог оторвать от нее взгляд. Гладил ее блестящую кожу и даже поцеловал в квадратную морду с круглыми фарами-глазами. Как, наверное, удивится мама, когда я подкачу к ней на этой дорожке игрушке! С кучей подарков, среди которых обязательно будет платье от Диор.

А в это время в больничной палате, где окна закрывали белые жалюзи, умерла моя мама. Но я даже не почувствовал этой смерти, поскольку когда-то искренне поверил в ее слова, что она будет жить вечно.

Когда я вернулся, увенчанный лавровым венком победителя, мою маму уже похоронили.

Я сидел в кабинете главврача, пытаюсь вникнуть в смысл его равномерных, как секундные стрелки, слов. За окном виднелся припаркованный «Феррари».

- Она не хотела, чтобы вам сообщали, – врач протер салфеткой очки в роговой оправе и вновь нацепил на нос. – Это было ее последнее желание. Хотя было ли это желание искренним?

- Вы о чем? – я посмотрел на него тяжелым взглядом.

- Вам лучше знать. Мне лично показалось, что хотела она как раз обратного.

Но не в моей компетенции рассматривать подсознательные желания пациента. Это скорее вопрос психиатра. Я же мог только распорядиться ее последней волей, изложенной в письменной форме.

- Она сама никогда не ходила на чужие похороны. И, наверное, не хотела, чтобы это делал я, - попытался вяло оправдаться.

- На чужие? - он удивленно на меня посмотрел. - Я и не подозревал, что похороны матери могут быть чужими. И всегда имел глупость думать, что со смертью матери или отца в некотором смысле умираешь и сам. Во всяком случае, хоронишь и часть своего сердца. Может быть, главную его часть.

В этот миг мне опять так не хватало моей мамы, которая бы в один миг в пух и прах разбила бы все обвинения этого моралиста. И освободила мою совесть.

Я вдруг со страхом понял, что теперь некому будет освобождать мою совесть. И с каждым годом она будет загромождаться ошибками и расплатой за них. И, как говорила мама, будет мешать идти вперед, не оглядываясь на мелочи, засасывающие как болото. Я вдруг отчетливо осознал, что с сегодняшнего дня потерял не только лучшую в мире мать, но и лучшего адвоката. И уже не знал, какая потеря бьет сильнее по моему сердцу и ударит сильнее по моей судьбе.

- Во всяком случае, есть письменное заявление моей матери, - сухо отрезал я, - в котором она действительно отказывалась видеть меня на своих похоронах. Я по-прежнему говорил о маме, как о живой. – И не вам меня судить. Скорее я могу предъявить обвинение в том, что вам не удалось ее спасти.

- Я не господь Бог, вы сами когда-то это заявили, молодой человек. И я вас предупреждал, – не менее сухо отрезал врач и поднялся с места, дав понять, что наш разговор закончен...

Действительно, совсем недавно, перед поездкой в Монреаль, я бросил ему это в лицо, когда он категорично сказал, что моя мать может умереть в любое

время. Я также сидел в его чистеньком кабинете, также за окном падал снег, и он также протирал салфеткой очки в роговой оправе. Правда, спортивный желтый авто еще не был припаркован у ворот больницы. И, пожалуй, тон главврача был помягче. Он еще не мог поверить, что я улечу в Монреаль. А я не мог поверить, что моя мама вот так просто возьмет и умрет.

- Я настоятельно вам советую не уезжать, молодой человек, сказал он мне тогда.

- У меня важнейший матч! Меня некому заменить! – я возмутился, не понимая, как до него не доходит, насколько важна эта поездка.

- У вас впереди еще много матчей, смею надеяться. Но мать... Она у вас одна. И другой уже никогда не будет.

- Эта поездка не только моя личная прихоть, это... - я на секунду запнулся и выдавил впервые в жизни, - от этого зависит честь государства.

Я закашлялся от своих слов и покраснел от кашля. Он с интересом на меня посмотрел, и мне показалось, что в его глазах мелькнули насмешливые искорки. Хотя, возможно, это просто промелькнули солнечные блики в его очках.

- Ну, если честь государства. Похвально, что у нас есть еще мастера, которые так пекутся о чести страны. Правда, я всегда предполагал, что честь страны – это и есть честь спортсмена.

- Что вы хотите этим сказать? – сквозь зубы процедил я.

Он встал, приблизился к окну и тихо, мягко сказал, так и не обернувшись в мою сторону. Словно в последний раз хотел убедить.

- Ваша мать может умереть в любую минуту.

- Вы не господин Бог, чтобы это знать. Вы всего лишь один из врачей одной из больниц.

- Я очень хороший врач очень хорошей больницы, - так же тихо ответил он, не оборачиваясь, – Но я действительно не господин Бог. Ни я, ни господин здесь не помогут, но единственный шанс на спасение есть.

- Единственный шанс - это не так уж мало. Мы с одним шансом, бывало, выигрывали целые матчи. Шанс, мне кажется, вообще бывает в единственном числе. И в чем он, если не секрет?

- Не секрет. Это вы, как ни странно. Если вы останетесь... Если вы все-таки останетесь, - уже более чем настойчиво повторил он, так же стоя ко мне спиной, - ваша мать сможет еще пожить. Во всяком случае, на какое-то время вы сможете ей продлить жизнь. Смею вас заверить, у меня большой опыт и не только в медицине. Такое случалось...

- Это более, чем странно, – усмехнулся я. И с некоторым апломбом добавил. – Я всего лишь форвард. И опыта ни в религии, ни в медицине у меня нет. И вряд ли смогу ей помочь, сидя у больничной койки, от жалости сжимая руку. Помочь – это ваш долг и обязанность.

- Мне очень, очень жаль, что я уже ничем не могу помочь вашей...

Последнее слово я не услышал. Поскольку поспешно покинул кабинет.

Я сидел у постели матери, взяв ее за тонкую руку. Ее волосы, красивые, пышные, были разбросаны по подушке, которая пахла хлоркой. Ее глаза, огромные, голубые, по-детски смотрели на меня, словно о чем-то хотели спросить. Или попросить. Но я не спросил о чем, поскольку сам всегда просил у нее.

- Ты прекрасно выглядишь, мама, - сказал я то, что и положено говорить у постели больного.

Впрочем, я почти не лгал. Она не была похожа на умирающую. Разве лицо чуть бледнее обычного. А, возможно, это тусклая лампа на больничной тумбочке придавала вполне благородную бледность ее утонченному лицу.

- Ты едешь в Монреаль? – тихо спросила она, и мне показалось, что в ее огромных глазах застыл испуг.

- Ну конечно, мама. Ты же сама этого хотела - видеть своего сына победителем, - поспешно, слишком поспешно ответил я, словно подсознательно боялся возражений.

- Конечно, - еле заметно улыбнулась она. – Мой сын всегда будет победителем.

- Я только волнуюсь за тебя, мама, - сказал я то, что должен сказать любой сын.

- Но ты, надеюсь, не напьешься от волнения? – и вновь в этих глазах какая-то слабая надежда на правильный ответ.

Я ответил правильно. Как считал нужным.

- Ну что ты, мама! Ты меня с детства отучила запивать проблемы вином. Вино - удел слабаков и неудачников.

- И не станешь рыдать в подушку, если вдруг... - она вдруг умоляюще на меня посмотрела. И ее взгляд впился в мои глаза, словно пытался в них что-то увидеть.

- Ну ты что, мама. Ты меня научила никогда не плакать. Слезы ведь мешают стать победителем.

Мама повернула лицо к стене.

- Как многому я тебя научила, сынок... Только... Только...

- Что, мама? Ты что-то хотела сказать? – я погладил ее мягкие пышные волосы.

- Нет, сынок, ничего.

Она медленно повернула голову ко мне и стала внимательно разглядывать мое лицо, фигуру, словно пыталась запомнить.

- Как хорошо, когда люди уходят незаметно.

- Я посижу, когда ты уснешь, я уйду незаметно, - сказал я, не пытаюсь вникнуть в смысл ее слов.

- Нет, ты уйди так, чтобы я тебя видела. Твою походку, твои жесты. Иди, Талик. Я хочу тебя видеть. К тому же тебе предстоит завтра важный перелет. Ты еще должен отдохнуть, да? Ну же, иди, – она еще сильнее вцепилась мне в руку, словно наперекор своим словам. Словно хотела сделать вызов и моей силе воли, и моей будущей победе, и моему сегодняшнему уходу и самому Монреалю.

Я осторожно освободился из ее цепких рук. И вздохнул.

- Ты как всегда знаешь все про меня, мама. И понимаешь меня больше, чем я сам себя понимаю. Я скоро вернусь, не волнуйся. И как ты всегда этого хотела, вернусь победителем. Ты дождись, мама.

Она мне ничего не ответила. Свет в палате потух. Она выключила настольную лампу. Она не захотела видеть, как я ухожу.

Я вернулся победителем, но мама меня не дождалась. И я не увидел, как уходит она. И куда. Мама навсегда осталась живой для меня. Но помочь в этой жизни она мне ничем уже не могла. И вряд ли прав был главврач, утверждая, что если бы я остался, то продлил бы ей жизнь. Мама бы в пух и прах разбила все его демагогичные измышления. И тут же бы успокоила мою совесть.

Иногда я ловил себя на чудовищной мысли, что злюсь на нее: ведь она оставила меня одного в этом безжалостном мире. Где я один должен решать проблемы этого мира. И некому было меня защитить от этого мира.

Весь мир она безжалостно свалила на меня...

Этим же вечером я пошел на кладбище вместе с Санькой Шмыревым.

Мы медленно двигались по заснеженной тропинке. Уже вечерело, сквозь мутное небо настойчиво пробивались первые звезды. Было тихо и безветренно,

снежинки вяло кружились в зимнем воздухе, и, опадая на замерзшие могилы, мгновенно таяли. Мы всю дорогу не проронили ни слова. Я первым нарушил молчание, уже возле холмика, покрытого редкими венками. Здесь была похоронена моя мама. И я в это по-прежнему не верил.

- Как мало венков, - сказал я только потому, чтобы уничтожить раз и навсегда эту могильную тишину.

Мне было все равно, что говорить.

- Мало, - согласился Санька, сняв кепку. И снежинки падали на его стриженую голову. - Знаешь, Талька, я и сам удивился, что так мало народа было на похоронах. Твоя мама... Она была всегда такой общительной, веселой, красивой. Казалось, у нее столько друзей и поклонников. А оказалось...

- Может быть, все друзья и поклонники были слишком похожи на нее, - пожал я плечами.

- Ты о чем?

- Мама мечтала уйти из мира незаметно, легко. Знаешь, ей это почти удалось. И зачем из похорон устраивать бенедикс? Она сама терпеть не могла чужие похороны, даже друзей. И всю жизнь их избегала.

- Ты так думаешь? – Санька внимательно на меня посмотрел.

- Я не думаю, я знаю.

- Тогда, ответь, зачем она устроила, даже оплатила похороны Альки, помнишь, той продавщицы мандаринов? Ну, помнишь, я тебе про нее рассказывал. Девушки, которую я любил.

Я похолодел. И от волнения стал дышать на руки. Этого не может быть, этого просто не может быть! Санька наверняка ошибается. Или что-нибудь перепутал.

- Знаешь, я твоей матери до гроба буду благодарен, - продолжал Санька. – У Али же никого не было. И твоя мама все взяла на себя. Знаешь, я тогда понял, что, оказывается, совсем ее не знаю. Она так плакала на похоронах.

- Но зачем? - прохрипел я. - Зачем ей это было нужно?

Я так сильно тер руку об руку, что они покраснели. И жгли.

- Я тогда спросил у нее примерно тоже самое. И она ответила, что все время покупала мандарины у этой девушки. И ей нравились и мандарины, и девушка. И еще... Она сказала, что считает несправедливым, когда уходят так рано. И вновь заплакала. Я, помню, успокаивал ее как мог. Представляешь, она пожалела уличную продавщицу. Кто бы мог подумать! Твоя мама... Всегда такая утонченная, такая изящная... Всегда окруженная дорогими вещами и влиятельными людьми. И уличная торговка. Странный альянс. Я, по-моему, ее видел тогда в последний раз... Живой. Как теперь помню. Хотя, сколько уже лет прошло? Такой же зимний вечер. Снежинки кружат в воздухе. Но у мамы твоей почему-то расстегнута шуба. Словно ее все время бросало в жар. Помню ее черное закрытое строгое платье. Такое простенькое, хотя она любила дорого одеваться. В этом же платье ее и похоронили, как она велела.

«Платье от Шанель, - усмехнулся я про себя. - Или все-таки нет? Или мама мне солгала? И в который раз?..»

- Так что... - Санька вздохнул и выдержал положенную паузу. – Видишь, как получается. Она была готова помочь первой встречной продавщице. А к ней на похороны никто не пошел.

- Ты меня обвиняешь, Санька?

- Я? – он посмотрел на меня с искренним удивлением. – Только не тебя. Кого угодно, только не тебя. Я отлично понимаю твою мать. Она была помешана на тебе. И я искренне верю, что меньше всего в жизни она хотела, чтобы ты рыдал на ее похоронах, а потом с горя напился.

Мне уже казалось обратное. Моя мама хотела именно этого. Того, что запрещала мне делать всю жизнь. И раз в жизни я мог себе это позволить. Но опоздал. И не знал, жалею ли об этом опоздании.

- Спасибо, Санька, за то, что ты для меня сделал, - я крепко пожал его руку. И задержал в своей. Так мы некоторое время стояли у могилы моей матери, словно вторично провожали ее в последний путь.

- Все нормально, Виталик. Все нормально. Ты бы сделал то же самое для меня.

Я этого не знал. И этого не мог знать Санька, потому, наверное, при этих словах его голос слегка дрогнул.

- Знаешь, Талик, я благодарен своей судьбе, что хоть в конце жизни, хоть немного узнал твою мать. Ну какой она была... По-настоящему...

Я даже в конце жизни так и не узнал свою мать. И лишь сегодня, на свежей могиле, покрытой редкими венками, нашел силы понять, что все мои проблемы она брала на себя. И похороны, и свадьбы, и ненависть, и любовь, и ошибки, и слезы, и даже алкоголь. И конечно, вину.

Она неистово, судорожно, порой бесцеремонно ограждала меня от жизни. И от себя самого. Пожалуй, и мою жизнь она целиком взяла на себя. Оставив мне лишь ее модель, которую она когда-то придумала. И мне теперь придется строить свою жизнь заново. Но вряд ли у меня хорошо получится. Потому что строить жизнь меня так никто и не научил. Я умел лишь разрушать. Но сейчас ответственность за разрушение придется нести только мне. Мой бесценный, мой незаменимый адвокат умер. Прости меня, мама... Комок слез подкатил к горлу. Но я так и не заплакал. Даже на могиле матери. Меня плакать тоже не научили.

Шмырев вытер слезы рукавом. И мы так же медленно, так же молча, стали отдаляться от могилы по заснеженной тропинке. Уже в ночь.

Звезды ярко светили, но меня не покидало странное ощущение, что моей звезды там уже не было. Она в какой-то момент погибла. В какой? Что она здесь, на земле, у меня в квартире, рядом с кубками и медалями, рядом с гламурными журналами и рекламами, проданная за гроши, совсем мертвая, словно засохшая бабочка в гербарии, сияет на моем столе. А где-то высоко в небе летает мой голубь, которого я кормил в детстве, улыбается военрук в военной шинели, за углом весело продает абхазские мандарины уличная торговка, и легкомысленно кружится возле зеркала моя мама. И только они остались в живых.

Потом я научился жить без мамы. И хотя я навсегда запомнил слова доктора, вину перед ней не чувствовал, потому что отчетливо осознал что это последнее чувство вины мама тоже взяла на себя и унесла с собой в могилу. Мне же она предоставила право жить дальше. И прямо, не оглядываясь на мелочи и пустяки, уверенно шагать вверх.

И я шагал нога в ногу, рука об руку вместе со своей принцессой Дианой. Нас признали самой гламурной парой страны. И мне оставалось совсем чуть-чуть – чтобы меня признали лучшим форвардом мира.

Беззаботные, мы просто купались в роскоши. Мы построили шикарный дворец под Москвой. И купили огромный замок в Англии. Правда, поначалу моя девушка хотела иметь резиденцию настоящей принцессы Дианы, но ей популярным английским языком объяснили, что та уже принадлежит чистокровной королевской семье. Однако моя Диана не унывала, она была уверена, что дождет своего часа, поскольку титул лорда я себе уже купил. На день рождения Диане я подарил океанский остров с пальмами и настоящими папуасами. А в памятный день нашего знакомства купил ей целую планету, которую назвал ее именем. По воскресеньям мы ходили, как положено, в церковь, которую построили на мои же деньги. У нас был

свой личный духовник, готовый в любой момент отпустить все наши грехи, потому что тоже был нами куплен. В храме Диана проворно крестилась, ставила за свою удачу самые дорогие свечки, давала большие пожертвования и со спокойной совестью возвращалась домой. Впрочем, как и я. Нам не за что было беспокоиться. У нас была крупная страховка и на земле, и на небе. И мы вольны были делать все, что заблагорассудится. Мы запросто могли заказать весь поезд в Ленинград, чтобы в пути отметить свою годовщину знакомства. А в минуты скуки и уныния могли сорваться с места и улететь в Рим, только для того, чтобы отужинать в пиццерии. Помню, как в Венеции, когда мы ночью катались на лодке, в полутемном зале ресторана повисло молчание, когда я зажигал стодолларовые купюры одну от другой. Только для того, чтобы отыскать бриллиантовую сережку Дианы, закатившуюся под столик. А потом сверху вниз смотрел на недоуменных иностранцев, которые наверняка думали: «Вот она, широкая и загадочная русская душа». И только гораздо позднее я понял, что думали они совсем о другом. И загадочность русской души тоже уже в другом. Но в то время я не нагружал себя философскими мыслями. Мой девиз был прост и, как казалось, очень справедлив: если я работаю на славу, пусть и слава поработает на меня. И моя слава мне ни в чем не отказывала. Я сумел выжать из нее все, что возможно. Или почти все. Потому что Диана в этом меня всегда превосходила.

Но мы так и не поженились. Я сумел убедить Диану, что гражданский брак - это супермодно, и мы его достоинства с успехом рекламировали во всех передачах. Во всех передачах красивые, шикарно одетые, излучающие уверенность и умеренный снобизм мы откровенно говорили о своей любви на всю жизнь. Я же, когда выпадал удобный случай, без зазрения совести изменял Диане, будучи уверенный в ее верности. Она с успехом не упускала шанса изменить мне, будучи уверенной, что я ей верен до гроба. Мы никогда не любили друг друга, но нам было друг с другом настолько удобно, что и мысли не возникало расстаться. Мы слишком были похожи.

Жили мы в основном в загородном дворце, редко наведываясь в городские квартиры. Диана настолько уверовала, что она принцесса, и, нежась в розовой ванне, полной душистой пены, с бокалом дорогущего шампанского, непременно просила меня надеть на ее пышные волосы золотую диадему, увенчанную алмазами и изумрудами. А потом, обмотанная пушистым белым полотенцем, долго истерично визжала в телефонную трубку, назначая себе очередную цену. А затем, примостившись в уголочке дивана, расшитого золотой нитью, словно заправский мошенник, рассчитывала в блокноте план уничтожения очередной восходящей звезды-модели, которая была и помоложе, и посвежее. Я бы не удивился, если бы мне в один прекрасный день нашептали на ухо, что она отправила на тот свет не одну конкурентку, подсыпав на светском рауте в вино яд... Я же, как истинный король хоккея, заказал себя клюшку и шайбу из чистого золота.

Конечно, при таком стиле жизни нам нужно было все больше и больше денег. Деньги стали нашей идеей, нашим государством, нашим Богом. И поэтому, когда мне предлагали сделки (по так называемым договорным матчам), я – в отличии от Саньки Шмырева – с легкостью соглашался.

Мама уже по уважительной причине не могла отмывать мои грехи, а прежний батюшка – по причине неуважительной - как-то плохо в последнее время меня понимал, все чаще недоверчиво косился в мою сторону и без должного энтузиазма прощал мои прегрешения. Впрочем, я вложил крупную сумму в другой храм, строящийся неподалеку от нашего дворца. И у меня появился еще один батюшка-духовник, как бы дублер. Так что на всякий случай я заручился двойной поддержкой с небес. Грехи мои теперь отпускались с большей эффективностью. И вновь меня не волновали. Так что с совестью все было в полном порядке. Как и в остальном.

Этот мартовский день накануне женского праздника должен был стать для меня решающим. Днем, когда я наконец-то взойду на самую вершину спортивного олимпа. Мне нужно было забить всего лишь две шайбы, чтобы стать самым результативным форвардом первенства и навеки внести тем самым свое имя в анналы спортивной истории.

Что я буду делать там, на пике вершины, увенчанный лавровым венком, меня уже не волновало. Я подозревал, что на свете много других свободных вершин, которые никто еще не покорил. И все они с нетерпением ждут моего визита.

Это был обычный мартовский день. Когда весна только по календарю. За окном падал снег, и какой-то голубь попытался примоститься на моем подоконнике. Но я его тут же грубо смахнул рукой. Голубей я уже не любил. Они мне напоминали неприятные картинки из прошлого, и эти картинки я так же грубо смахнул из своей памяти.

Я поцеловал золотую клюшку перед выходом. Это было моим ритуалом. Потом я поцеловал Диану.

Она взъерошила мои и без того непослушные волосы.

- Милый, ты же не обижаешься, что меня там не будет? Ты же прекрасно знаешь, что мне волноваться вредно. К тому же... ты же отлично понимаешь, что мне еще нужно успеть сходить в парикмахерскую и посетить солярис (она всегда путала обычные иностранные слова с чем-то очень интеллектуальным). И потом... разве можно доверять этим поварам! Я заказала в ресторане рулет из хамона с цуккини. А они возьмут и перепутают. И подадут, не дай бог, не с цуккини, а кабачками. Помнишь, что случилось с Лялечкой! Какой ужас! Как она покраснела, когда объявили артишоки, фаршированные анчоусами, а вместо анчоусов оказалась обыкновенная килька. Упаси бог мне такое пережить! Я не хочу от стыда провалиться под землю. К тому же, ты знаешь, этих проходимцев. За ними нужен глаз да глаз. Я должна все лично пересчитать, каждую копейку и каждое блюдо. Я должна быть, как всегда, лучше всех!

- Ты лучше всех! – я поспешно еще раз поцеловал Диану.

- Так ты не обижаешься, милый, что я тебя не поддержу в трудную минуту?

- Ну, разве чуть-чуть, - я в шутку обиженно надул губы.

Хотя в душе ликовал. После матча мне необходимо было перекинуться пару словечек с одной очаровательной рыжей, совсем молоденькой фанаткой, чтобы договориться о встрече.

- Готовь лавровый венок, - я в третий раз для убедительности любви поцеловал Диану и поспешил смыться.

Выйдя из подъезда, я как назло споткнулся о тело мертвого голубя, которого грубо смахнул рукой со своего подоконника. Его застывшие круглые глаза удивленно смотрели на меня, словно пытались понять, чем он мог помешать мне. Вокруг птицы, на снегу алели капельки крови, словно неаккуратный маляр стряхнул кисть. Я поморщился и три раза сплюнул. Мне это что-то напомнило. Но я не верил в приметы. И, в конце концов, не я съел этого голубя.

Я приблизился к своей желтенькой «Ферарри». И заметил, как навстречу мне ковыляет сухонькая сутулая старушка с общипанным псом, шерсть которого была местами съедена лишаем. Я поспешно стал открывать машину, повернувшись бесцеремонно спиной. Эти страшные картинки из какой-то непонятной жизни меня лишь раздражали. В конце концов, не я же виноват, что какое-то абстрактное государство не может позаботиться о своих стариках. Я вообще старался поменьше бывать на улице. Улица, помимо моего желания, заставляла о чем-то думать. А думать я не собирался. Мысли двигали лишь назад. А я сегодня должен покорить, по меньшей мере, Олимп.

- Дай сынок, только на хлебушек, - жалобно, почти плача попросила старушка мою спину.

Я суетливо стал рыться в карманах пальто, где, как назло, там валялись одни сотки. Ну, не стольник же ей подавать! И я, ловко запрыгнув в автомобиль, лихо сорвался с места, рванув мимо старушки и ее беспородного пса. Уже в машине с удивлением подумал, почему я не дал сотку, которая для меня ничего не значит. Я даже за нее не смогу купить бутылку импортной минералки. На душе стало слегка муторно, но я запил эту муть той же импортной минералкой.

За полчаса до игры в раздевалке вдруг неожиданно появился Санька Шмырев. Я не видел его с тех пор, как мы были на могиле моей матери. С тех пор наши пути окончательно разошлись. Мы даже не перезванивались.

Выглядел Санька неважно. Он не то чтобы постарел, но как-то посерел, полысел, словно его основательно помяли, а отутюжить некому было. Я в очередной раз убедился, что принципиальность и честность - примета бедных и пьяниц. Ни тем, ни другим я становиться не собирался.

- В общем, Талька, я пришел пожелать тебе удачи, - сказал довольно неуверенно Санька.

Я внимательно на него посмотрел. Если бы я не знал его с детства, то подумал, что он мне завидует. Но Санька себе не мог позволить и такой роскоши. Пожалуй, слишком хорошо он о себе думал. Я протянул ему руку.

- Спасибо, Санька. Удача непременно будет на моей стороне.

Санька в ответ вяло пожал мою руку.

- Главное, понимать, Талик, на чьей стороне ты.

- Сань, не грузи меня перед матчем, а? Мы уже с тобой это проходили. И отличником в науке морали я не стал. И никогда не стану. Это место тобой уже занято, и я на него не претендую. Так что... - мне ужасно захотелось схватить утюг и погладить старую куртку, джинсы, лицо, руки моего бывшего товарища.

- Ладно, Виталик, ты прав. Не будем. В общем, я здесь со своими ребятами, может, пару минут ты им уделишь после матча, а?

- Ты ли это, Санька? – я снисходительно улыбнулся. – Ты всегда меня считал исключительно дурным примером.

- Почему считал? Но ребятам, согласись, это не объяснить. Ты победитель. И никому не важно, какой ценой досталась победа. Если бы они не попросили, вряд ли бы ты сегодня меня увидел. Победителей, как известно, не судят.

- Но осуждают. Увы, ничем помочь не могу. У меня уже заказан ресторан на вечер. Кстати, приглашаю. Конечно, без твоих подопечных.

- Странно, еще матч не начался, а ты уже собираешься его праздновать.

- Я в приметы не верю, не научили. И знаешь, Саня, даже если я провалюсь сегодня, за это тоже стоит выпить. В конце концов, и победы, и провалы отмечаются одинаково.

- Талик, ребята меня очень просили. Им важно увидеть глаза своего кумира после победы.

Я вдруг подумал, что после победы мне обязательно нужно заглянуть в глазки моей очаровательной рыжей поклонницы.

- Слишком красиво выражаешься, Санька. А красивые слова мешают сосредоточиться. Так что, извини в очередной раз.

- В очередной раз не извиняю, - резко ответил Санька и решительным шагом направился к выходу.

На прощание мы не подали друг другу руки. Но меня, по-прежнему, не покидала мысль, что Саньку непременно нужно отутюжить.

Моя очаровательная рыжая фанатка, совсем девчонка, сидела в первом ряду. И когда играл государственный гимн, я сосредоточено смотрел лишь на беленький платочек, развевающийся на сквозняке. Это был наш условный знак. И я уже подумывал, что бы такое правдоподобное сочинить для Дианы, чтобы объяснить свое ресторанный опоздание.

Матч проходил гладко, как я и предполагал. Меня даже взяла некоторая обида, что команда соперников была не настолько сильна, чтобы соответствовать мне. Голы всегда смотрятся эффектней в напряженной игре.

В первом периоде одну шайбу я забил, и все шло по намеченному плану. Во втором я несколько расслабился, хотя, возможно, просто нетерпение мешало реализовать несколько голевых моментов. Впрочем, это было не важно, потому что время еще было. Впереди был третий, последний период. Когда и должен был состояться последний гол – как последняя точка в подписании акта о моем триумфе.

Я знал, что в жизни случаются подлянки. Всегда оставляя пару процентов на возможную неудачу. И даже мудро подготавливая себя к ней. В конце концов, любая спортивная неудача – не роковая. И даже если бы я не забил гол сегодня, вскоре предстоял еще один матч. Когда с легкостью можно было наверстать упущенный шанс. Но, конечно, победы хотелось именно сегодня. Во-первых, слишком дорогой ресторан заказала Диана, а я не собирался раскошелиться после каждого матча. А во-вторых, именно сегодня я должен получить не только лавровый венок, но и юную девчонку в придачу. А она может достаться лишь победителю. Так я сам для себя решил. Поэтому еще один гол был так важен именно сегодня.

В третьем периоде у меня словно открылось второе дыхание. Я легко скользил по полю. Перед глазами, словно в немом кино, мелькали лица болельщиков, световые лучи прожекторов, цветные рекламные пятна на льду... В моей голове также легко, светло и прозрачно пронеслась мысль, что вот-вот я щелкну по шайбе, и она беспрепятственно пронесется прямо в ворота. И я уже отчетливо видел девушку-удачу, увивающуюся вокруг меня. Которая никогда не обманывала. И которая не обманет и сегодня. У нее были рыжие волосы, как у моей юной фанатки, черненькое платьице от Шанель, как у мамы, а в своих сильных руках, как у меня, она крепко держала золотую клюшку и лавровый венок.

Мама будет сегодня непременно гордиться мной. А рыжеволосая поклонница подарит свой первый поцелуй. А в дорогом ресторане меня ждет ароматные, экзотические блюда и моя верная Диана... Моя голова пошла кругом.

Защитник точно отпасовал мне с нашей зоны. Я мягко принял передачу и мгновенно вошел в зону противника. Боже, ну почему мне так легко все дается! Даже жутко, неужели мама как всегда права, я - избранный в этой жизни. И мой путь будет исключительным. Еще совсем чуть-чуть, совсем немного, один только бросок и олимпийские боги примут меня в свои объятия, и поклоняющиеся олимпийским богам сегодня склонят голову и предо мной. Только один бросок.

Не сбрасывая скорости, я изо всей силы размахнулся и... вместо шайбы вдруг увидел ярко желтый абхазский мандарин. И пролетающий мимо голубь задел меня своим крылом. А в голове, словно пули, просвистели слова военрука, что спорт – это тоже война. Но это ложь! Это неправда! Спорт – что угодно, но не война. И оранжевый апельсин на ледяном поле – тоже ложь. И голуби в ледовый дворец не залетают. Всё это - вранье, и я давно забыл все фразы военрука. Я – самый расчетливый, самый здоровый, самый трезвый на свете человек. И мои ноги никогда не подкашиваются. Я твердо стою на земле, впрочем, как и на льду. И умею сильно и точно бросать по воротам противника. А все остальное – чепуха и фантазии неудачника Саньки, который когда-то был моим другом.

Я мощно щелкнул по воротам. Но я – самый расчетливый на земле и на льду – на этот раз не рассчитал силы броска. Или слишком его рассчитал. Шайба

соскользнула с крюка клюшки и над предохранительной сеткой полетела прямо на трибуны. В неизвестность...

Мне казалось, что я стою один на площадке. И все прожектора наведены на меня, словно я на сцене, где должен сыграть свою последнюю роль. Но ведь еще так рано, я еще так молод! Почему такое ощущение, что это – прощальный бенефис. И почему я закрываю глаза, если все равно ничего не вижу. И зачем затыкаю уши руками, если все равно ничего не слышу. И почему мне так страшно, если для этого нет никаких оснований. В конце концов, ничего ужасного не произошло. Каждый чемпион имеет право на промах. Это была, пожалуй, моя последняя трезвая мысль.

Впервые за свою спортивную карьеру я покачнулся на льду и стал медленно сползать. Уже у самого льда меня подхватили чьи-то сильные руки.

Очнулся я от сильного запаха нашатыря, ударившего мне в нос. Окружающий мир был настолько ярким, словно кто-то переусердствовал с контрастом в телевизоре. И я слышал этот мир настолько отчетливо, будто кто-то включил звук на полную громкость.

Я услышал крики, увидел мечущихся людей. Мимо меня пронесли носилки с каким-то человеком, накрытым белой простыней. Я еле прошептал потрескавшимися губами.

- Что это?

Меня никто не услышал. Но почему-то все обернулись в мою сторону. И закричали, указывая пальцем прямо на меня.

- Он убил человека! Он убил человека! Он убил человека!

Что за чепуха! Мы же не на войне. Это всего лишь стадион. И я не солдат. Я всего лишь форвард.

- Он убил человека! Он убил человека!

Этого не может быть! Ведь не было даже шайбы. Я ударил всего лишь по абхазскому мандарину. Мандарином невозможно убить человека.

- Он убил человека!

До меня вдруг дошло значение этих слов. И я даже не удивился. Разве я впервые убиваю? И разве не убивают все? Разве мы чем-то отличаемся от животных. Просто они убивают, борясь за свою жизнь. Мы же в основном убиваем из-за угла, но тоже - борясь за свое существование... Сегодня я убил человека по-настоящему. Не зная его, ни разу не видя его, не имея к нему никаких претензий. И не желая его убивать... И уже оправдать меня будет некому. Мой бесценный, мой единственный, мой самый любимый адвокат уже умер. Моя мама. И не я ли убил и ее? И Альку? И военрука? И голубя?.. И нет оправдания мне за эти смерти... Единственная смерть, в которой я не был виноват, случилась сегодня. Хотя сегодня я убил по-настоящему. И за это мне, видимо, придется заплатить по-настоящему.

А потом я сидел в раздевалке, как в камере предварительного заключения, и мне в лицо ослепительными вспышками щелкали фотоаппараты. Словно затворами автоматов. Я машинально закрывал лицо руками. Так научила меня мама. Закрывать лицо лишь в двух случаях: когда не хочешь видеть или когда не хочешь, чтобы видели тебя. У меня случились два случая одновременно. И я закрывал лицо руками, изо всех сил сжимая их.

Щелчок, еще щелчок. Словно выстрелы. Так говорил военрук. Спорт – это тоже война. И жизнь тоже. Боже, как же я ее избегал. Неужели этот старый военрук был прав? И война в каждом мгновении, в каждом движении, в каждом слове для нас продолжается. И врагов на ней больше, гораздо больше, чем друзей. На нас идут целые батальоны. А рядом - только немногие друзья, остальные – лишь товарищи по оружию или по несчастью.

Меня тоже предали, и, наверное, очень не любили. Впрочем, за что меня было любить. И я понял, отчетливо, до пульсирующей боли в висках понял, насколько у меня мало друзей. Ни одного.

Щелчок. Еще щелчок. И еще. Когда же наконец-то закончится моя смерть? Хотя, наверное, это всего лишь холостые выстрелы. Как говорил военрук, на гражданке стреляют холостыми, но все равно убивают. Незаметно, но убивают. Меня сегодня убивали в первый раз, и я заслужил это, потому что сам убивал не раз. Как на войне...

Сквозь автоматную очередь фотоаппаратов я вдруг услышал знакомый голос. Это кричал Шмырев. Он отгонял папарацци словно злейших врагов. Наконец они исчезли. Наверное, впервые в гламурных журналах я появлюсь не с сияющей ослепительной улыбкой, а с раздавленной несчастной гримасой.

- Фу, - Санька промокнул носовым платком свои помятые щеки и лоб. - Подонки, на чем угодно сделают свой поганый бизнес.

Я поднял на Саньку бледное, вмиг постаревшее лицо. Мне не хотелось ему отвечать, так же как и всем остальным, но я ответил.

- Спасибо, Санька. Ты иди, пожалуйста, иди.

- Но может быть... Я же понимаю, как тебе... В общем, если что...

- Иди, Санька, - прохрипел я.

Видно в моем голосе, жестах было что-то такое, что Санька больше не сопротивлялся. Только тяжело вздохнул. Вплотную приблизился ко мне. Положил свою широкую ладонь на мое плечо, слегка его пожал и быстрым шагом вышел из комнаты.

Я облегченно вздохнул. Мне не нужны были ни утешители, ни благодетели. И меньше всего я нуждался в Саньке. Друзья из прошлого остаются лишь в прошлом. Я вдруг отчетливо осознал, что с Санькой такое никогда не могло произойти. И Санька даже случайно не смог бы убить человека.

Боже, я же сегодня убил! В моих глазах вновь помутнело, я схватился за голову. И уже ничего больше не помнил.

Очнулся я у себя дома лишь следующим утром. И поначалу ничего не понял и не хотел понимать. И словно сквозь прозрачную пелену увидел перед собой врача и нашего капитана Леху Ветрякова. Издалека до меня донеслись их голоса.

- Ничего страшного, - бодрым голосом объявила доктор. – Пару деньков отлежится и будет как новенький. Это всего лишь шок, вызванный нервным стрессом. Это быстро проходит... Так что действительно ничего страшного.

Ей, конечно, ничего страшного, пронеслась в моей голове злая мысль. Она никого не убивала. Хотя как знать?

- Я тоже на это надеюсь, - не менее бодро ответил Леха. И мне показалось, что он немножко заигрывал с врачом. – Сами понимаете, он – первоклассный нападающий. И такая потеря будет большим ударом для всей нашей команды. Как и для страны.

Леха не думал об убитом. И обо мне он тоже не думал. Он думал, как остаться капитаном лучшей команды. Мне даже показалось, что он до конца не осознавал, что на самом деле произошло. Да и как он мог осознавать, если это произошло не с ним.

Когда врач ушла, притворяться спящим уже не было смысла. И я громко кашлянул, чтобы привлечь внимание Ветрякова.

- О, Талька! Очухался! – радостно завопил Леха. – Умница! И врачиха – умница, все правильно говорила. Кстати, она ничего, жаль, что ты ее не видел. А глазки! Как у молодой косули. Правда, халатик, к сожалению, скрывал фигуру. Вдруг она квадратная, как у меня?

- Леха, - оборвал я его болтовню и поманил к себе пальцем. – Леха, как там, он и впрямь мертв?

Леха печально вздохнул. Хотя меньше всего на свете ему хотелось говорить о печальном. Он не любил ни сложностей, ни сложных разговоров. Куда приятнее поболтать о молоденькой врачихе.

- Ну, в общем... В общем, мертв он... Как пить дать, мертв. А что делать? Уже ничего не поделаешь, только остается смириться с этим фактом. Во всяком случае, ты ни в чем не виноват. Такие случаи уже бывали в истории спорта. Не ты – первый и дай Бог, чтоб последний. Но я сомневаюсь. Так что твоя совесть чиста.

- Уж куда чище, - прохрипел я, вновь откинул голову на подушку и прикрыл глаза. – Кто он, Леха?

- Кто? – Леха засуетился, наливая себе чай. – Да никто. А тебе зачем это знать? Такие вещи лучше не знать. Чем меньше знаешь, тем проще жить. На войне, кстати, тоже не спрашивают паспорт того, кого убивают.

Я перехватил руку Ветрякова и крепко ее сжал.

- Кто он, Леха?

- А у тебя сильная рука, Талька. Еще пару деньков и как миленький встанешь на лед.

- У меня и сильные нервы, не беспокойся. Кто он, Леха?

- Фу! – Ветряков сделал большой глоток, осторожно проглотил горячий чай и промокнул вспотевший лоб салфеткой. – Ну и настырный же ты. Я же сказал – никто! Просто никто. Ты знаешь, я даже такой серости в жизни и не встречал. У него даже фамилия Смирнов. Разве запомнишь? Как будто мертвый человек, и жалеть его надо, ты согласен, жалеть нужно всех мертвых? Но это? Знаешь, как будто и не было человека. Был и нет. Просто так. Был и нет. Я не знаю, но мне кажется, что ты убил – случайно, конечно! - просто серость.

- А ты понимаешь, что такое убил?

- Я понимаю, что ты классный центр, я понимаю, что тебе следует немножко очухаться от всего этого, и ты прекрасно встанешь на ноги. Мы не Боги, и не нам решать: мертв кто-то или нет.

Я поднял свою голову с подушки и вцепился двумя руками за воротник Лехиной рубашки.

- Да, не нам решать... Но сегодня я хочу решить. Я, только я, ты слышишь? Без мамы, без товарищей, только я один! Я убил человека и должен нести за это ответственность, даже если я убил ничто!

- Ответственность? – Леха готов был расхохотаться. - А какую, если не секрет? Даже если ты будешь умолять милицию тебя посадить, никто пальцем не пошевелит. И правильно сделает! Знаешь, сколько стоит день пребывания в тюрьме? И с какой стати за тебя будут платить? Дудки! Им своих достаточно! Еще не хватало посадить невиновного. Они, кстати, дело даже не возбуждали. Несчастный случай и точка. Я тебя глубоко ценю, как игрока, но все равно сомневаюсь, что ты настолько гениален, чтобы рассчитать и произвести щелчок шайбой в голову конкретному человеку, сидящему на трибунах за десяток метров от тебя, причем двигаясь по хоккейной площадке со скоростью ветра. Увы! Твои способности небезграничны. А насчет ответственности, она вот где, - Лехв постучал по своей голове. – Так что не волнуйся. Тебя еще так достанут журналисты, что ты будешь плакать. Советую по добру по здорову, смотаться куда-нибудь подальше на пару неделек, пока все не утрясется. Люди забывают быстро, а репортеры еще быстрее.

Леха оказался прав. Телефон мой не умолкал ни на секунду. И в дверь также непрерывно звонили. Еще это можно было бы пережить, просто не отвечая на звонки, если бы не Диана. Для нее наступил звездный час. Она раздавала интервью направо и налево. Не гнушаясь мельчайшими подробностями нашей совместной

жизни. Даже не забыла упомянуть, что на мандарины у меня аллергия. Она однажды меня так достала, что я не выдержал и на нее замахнулся.

- Ты что – дура?! – мое лицо перекосило от злобы. - Ты что не соображаешь, что это не шутки! Это трагедия! Из нее делать фарс просто преступно! А делать на этом карьеру и деньги - преступно вдвойне!

- Ну, ударь, ударь меня! Кто бы говорил о преступлении! Может, ты и меня хочешь прибить, а? Да ты на меня молиться должен, что я с тобой осталась! Любая другая никогда бы не жила с убийцей!

Молиться на Диану я не собирался. И когда на следующее утро вышла красочная статья о том, что мое поведение становится все более неуправляемым, что я почти избил свою почти жену, я собрал вещи и навсегда покинул этот дом. С его дорожкой мебелью, джакузи, винами и дешевой торговкой. Захватив с собой лишь небольшую дорожную сумку со всем необходимым. И ни разу не пожалел об этом.

Ветряков оказался прав. В милиции дело об убийстве сразу же закрыли. И вызвали лишь один раз – уточнить формальности. На прощанье усатый лейтенант даже в шутку меня пожурил.

- Эх, хоккеист, как ты подло промахнулся! Ты бы лучше не в Смирнова попал.

- Не понял.

- Чуть левее, и одним рецидивистом было бы меньше. И нас от лишних хлопот бы избавил.

Я во все глаза уставился на лейтенанта. Ничего не понимая. Он важно покрутил свои усы.

- Понимаешь, рядом со Смирновым сидел матерый бандит, по прозвищу Митяй. Недавно отсидел, но уже успел опять вляпаться по уши по одному делу. А прямых улик пока против него у нас – ноль целых ноль десятых. Эта сволочь даже издевалась над нами, давая свидетельские показания, когда ты маханул в того парня. Вот если бы чуть левее – и этого бандюгу одним махом. Большое бы дело для страны сделал. Может, еще и орден бы получил... История, конечно, неприятная. Но чего не бывает... Да, вот если бы Митяя... Эх, а так теперь работы невпроворот.

После беседы с лейтенантом остался весьма неприятный осадок. Действительно, почему я не попал в какого-то Митяя? А если бы попал? Интересно мучался бы так? Хотя... Откуда мне знать – кто такой Смирнов. Человек без лица, без фамилии, без биографии. И если капнуть поглубже, вдруг мне повезет, вдруг он окажется не намного лучше Митяя. Вдруг судьба ко мне вновь повернется открытым лицом, и окажется, что я все же сделал доброе дело для общества, случайно избавив его от очередного негодяя... В конце концов, много ли сейчас на свете хороших людей. Не замешанных в грязных делишках. Может он – тайный алкоголик, избивающий до полусмерти жену и детей. Еще лучше, чтобы этот Смирнов занимался подпольным наркобизнесом или торговлей оружием. Неплохо, если бы у него оказалась неприятная рожа, на которой явственно проступили бы все его тайные пороки.

От этих мыслей мне стало намного легче. И я уже с тоской думал о своем брошенном комфортабельном доме. О джакузи. И даже о Диане. Пожалуй, пора возвращаться. Пока же я ютился в однокомнатной квартире, о которой никто на свете не знал. Лишь случайные подружки, которых я приводил сюда в тайне от Дианы. Мне захотелось домой. Но я все же решил сходить на похороны Смирнова, чтобы окончательно успокоить совесть. Я уже был почти уверен на сто, что Смирнов далеко не ангел, в которого попала моя стрела.

Это были первые похороны в жизни, на которых мне пришлось побывать. Ведь я не был даже на похоронах матери. Жизнь словно издевалась надо мной, заставляя сейчас делать то, что я всегда избегал.

Конечно, на похоронах нужно было появиться тайно, чтобы никто меня не узнал. Впрочем, за эти дни я изрядно похудел и оброс щетиной. Помимо всего прочего я нацепил темные очки, купил в секонд-хенде старомодную шляпу и поношенное пальто. Сейчас, в новом облике я вполне походил на спившегося интеллигента. Узнала бы сейчас меня мама? Нет, конечно, нет. А если и родная мать не узнала бы, то смело можно идти на похороны человека, которого ни разу в жизни не видел. Но жизнь которого уничтожил и который вот-вот может уничтожить мою, уже после своей смерти. Этого нельзя было допустить.

Я шел словно на поединок – с мертвым. И мне обязательно нужно было этот поединок выиграть. Чтобы жить дальше, никогда не оглядываясь назад, на этот трагичный матч.

На улице все таяло. Весна подступала настойчиво и, как всегда, с опозданием. Пока я пробирался между могильными плитами, порядком испачкался. Наконец увидел малочисленную кучку людей, столпившихся у свежевырытой могилы. Я остановился чуть поодаль, наугад выбрав какой-то памятник. И опустил голову, словно пришел к близкому человеку. Но этот маскарад оказался необязателен. На меня никто не обращал внимания, и украдкой можно было спокойно наблюдать за происходящим.

Народу было немного. Женщина, вся в черном, застывшая, словно каменная, и сцепившая перед собой руки. Наверное, жена. Мое сердце учащенно забилося. А рядом еще человек десять родственников или коллег в зимних пальто и шляпах, очень похожих друг на друга, даже одного роста. Вообще пришло до неприличия мало людей. И я даже обиделся за покойного. Хотя все складывалось как нельзя кстати. Пожалуй, его ни слишком любили в жизни, чтобы почтить его смерть.

Лишь один мужчина выделялся среди всех. Он был как-то ярче, выше, что ли, сильнее остальных. И даже одет по-другому. В дорогом длинном пальто. Без шапки. Его светлые волосы то и дело спадали на высокий лоб. Он единственный взял слово.

Я испугался. Мне показалось, что меня сейчас размажут по стенке. Обвинят во всех смертных грехах. И даже хотел заткнуть уши. Но я ошибся. Об убийце не было сказано ни слова. Смерть произошла в результате несчастного случая... Хорошо поставленным низким голосом, словно актер, выступающий сказал дежурные фразы о достоинствах покойного. О том, какой он был добросовестный работник, честный семьянин и просто хороший человек. Вообще, мне все это показалось пустым звуком, игрой. И я даже в душе возликовал. Этот мужчина явно не питал к Смирнову особой симпатии. Значит, у меня был шанс.

- И в конце хочу добавить, - пробасил он и встряхнул своей пышной белой шевелюрой. – Смирнов был моим единственным другом. И останется им навсегда.

Заключительные слова звучали настолько фальшиво, что мне показалось, будто это я выступаю на могиле Саньки Шмырева. Или наоборот. Мне даже подумалось, что сейчас вот-вот послышатся аплодисменты. Вместо аплодисментов раздался громкий плач и стоны. Жену Смирнова подхватили чьи-то руки. А самого Смирнова отправили на вечный покой.

Поднялся сильный ветер. Моя шляпа едва не улетела, я схватил ее двумя руками и уже не поворачивался в сторону похоронной процессии. А бессмысленным взглядом смотрел на чью-то чужую могилу, ничего не видя перед собой. В разболевшуюся голову настойчиво стучала мысль: Неужели это я? Неужели я – виновник этого сборища? Я – виновник, что на земле несвоевременно появился еще один крест? Но этого не может быть!.. Или я сойду с ума, или докажу, что у

Смирнова были существенные причины для смерти. В конце концов, вдруг он был болен раком, и я просто облегчил его последние дни?.. Я хватался за любую соломинку.

Погруженный в свои мысли, я и не заметил, как все разошлись. Лишь едва повернувшись, увидел одиноко стоящую у могилы вдову. Я не знал, что мне делать. Пора было смываться. Да и вообще лучше поскорее забыть об этой трагической истории. Но я чувствовал, что не смогу, пока не узнаю о Смирнове побольше. Хотя, конечно, не у его жены. А, например, у так называемого друга. Друзья всегда выложат то, что надо.

Я уже собирался ретироваться, как увидел, что вдова направляется прямо ко мне. Мои руки похолодели и еще больше вцепились в шляпу, будто пытаюсь прорвать на ней дырки. Она меня узнала. Ну, конечно! Разве можно не узнать человека, который убил ее мужа. Наверняка, она мое лицо изучила наизусть. Я так и не повернул голову в ее сторону и лишь услышал вкрадчивые шаги, уже совсем близко, совсем, еще чуть-чуть.

- Извините, - услышал я сдавленный тихий голос. И не обернулся. - Извините, вы не могли бы мне помочь.

Мне пришлось повернуть голову, и я с трудом поднял глаза. И встретился с ней взглядом.

Я бы никогда не смог определить ее возраст. И никогда бы не смог узнать такую женщину не только в толпе, но и среди трех человек. Женщина без лица. Впрочем, возможно во всем виноваты слезы. Лицо было красным, опухшим и каким-то расплывшимся. Я стоял перед ней, вцепившись двумя руками в шляпу. И смотрел на нее, повернувшись уже лицом к лицу. Совсем близко. Возможно, если бы она меня узнала, мне бы стало легче. Даже если бы она стала рвать на себе волосы. Или на мне.

Но она меня не узнала. Она просто обратился к первому встречному за помощью.

- Извините, - ее голос дрогнул. Казалось, она вот-вот разрыдается. Но она не плакала. – Такой ветер... Так неожиданно. Все ушли. Я не хотела уходить со всеми. Я хотела побыть одна. Но такой ветер. И так неожиданно. И этот крест. Его плохо укрепили. И этот ветер. Мне кажется, он вот-вот упадет. Вы не могли бы мне... Мне помочь.

Я по-прежнему бессмысленным взглядом смотрел на нее, вцепившись в свою шляпу. До меня с трудом доходили ее слова.

- Ах, извините, вы тоже... Вы тоже пережили горе. Я понимаю. Я пойду... Я попрошу еще кого-нибудь. На кладбище всегда есть люди. И живые тоже...

- Не уходите, - я вдруг оторвал руки от шляпы и схватил ее за локоть. Шляпа отлетела в сторону и плавно опустилась на чью-то могилу.

Она резко отдернула руку и пристально на меня посмотрела. Я испугался. Теперь она точно меня узнает. Моя светлая взлохмаченная шевелюра мелькала последние дни в каждой газетенке.

- Вам тоже плохо? - выдавила она. – Я понимаю. Это ваша девушка?

- Какая девушка? – не понял я.

Вдова кивнула на памятник. И, наконец, я его тоже увидел. Мраморный памятник с фотографией. Окаменев, я впился глазами в фотографию. Меня мутило. Ноги подкашивались. Я прошептал побелевшими губами, хотя думал, что говорю про себя.

- Алька.

- Алька, - как эхо повторила за мной женщина. – Необычное имя.

- Да.

Нет! Этого не может быть! Но почему? Кто, Боже, кто так жестоко растасовал карты?! И почему?! И за что?!

- Почему? И за что? Такая молодая. Мой муж погиб тоже таким молодым. И что теперь делать, - Смирнова произнесла это таким обыденным, таким скучным голосом. Но почему-то стало еще страшнее.

- Почему погибла ваша девушка?

Почему? Я не мог ответить. И поэтому соврал. И мой голос звучал словно со стороны. Дрожащий, неуверенный голос человека, пережившего горе.

- Она не моя девушка. Она моя сестра.

- Еще хуже, - по-житейски вздохнула вдова. – Родная кровь. Значит ваша фамилия Коробов? – назвала она фамилию Альки.

- Да, - вновь солгал я, по-прежнему плохо соображая.

Какой дурной знак! Алька словно преследует меня. Хотя, что тут удивительного. Это было самое дешевое кладбище в городе. И здесь совершенно логично могли оказаться два незаметных человека.

- Вам плохо? – вдова участливо вытщила из сумочки успокоительное. – Выпейте.

Я отрицательно покачал головой, пытаюсь взять себя в руки. И мне это почти удалось. В конце концов, я сильный, трезвый, здоровый на голову человек. И должен понимать, что в жизни случаются совпадения. Но они не больше чем совпадения. И теперь, когда со мной рядом не было мамы, нужно учиться жить самому. И самому пытаться находить выход из самых безвыходных ситуаций. Я его обязательно найду. И узнаю кто такой Смирнов на самом деле. Разоблачу его. И оправдаю свое случайное убийство. И только я могу это сделать.

Вдова повернулась ко мне спиной и молча пошла к могиле мужа.

- Погодите, - окликнул я ее. Мой голос стал тверже и решительнее. – Я вам помогу.

- Вы поднимите шляпу, - она кивнула на могилу, куда приземлилась моя шляпа. - Жалко, такое хорошее качество.

Я хотел сходить за шляпой, но вдруг раздумал. Не хватало, чтобы там оказалась могила военрука. Этого я уже не переживу.

- Ничего, она совсем старая.

Я крепко вбил крест в могилу человека, которого убил. Мы молча постояли. И я предложил проводить Смирнову домой. Она согласилась.

- Смерть сближает людей, правда? – тихо сказала она. – Вот мы, впервые друг друга видим, и уже столько общего. Наши родные похоронены рядом, кощунственно звучит, но они соседи. И мне легче, когда сосед - хороший человек. И мне кажется, что мы с вами тоже уже соседи. Как ни странно, мне даже легче. Возможно, это жестоко, но я так рада, что именно ваша сестра рядом похоронена. Представляете, если бы кругом были похоронены одни старики! А так смерть не представляется уж слишком неправильной, нелогичной. Столько кругом молодежи! И мой муж... Он не один. Знаете, куда страшнее, если бы его соседом оказался какой-нибудь рецидивист. Это было бы так грустно. Но когда я узнала, что ваша сестра. Мне полегчало. Хоть это неправильно, желать смерти молодым. Но я теперь ни о чем не думаю. Что правильно и что нет. И желать смерти никому не хочу. Но и не хочу, чтобы мой муж оказался самым молодым среди умерших.

У меня ее откровение вызвали неприятные чувства. Хотя она и выглядела не совсем адекватной. Эти болезненно красные щеки. Эти возбужденные глаза. Эта глупая словоохотливость.

- А сколько вашему мужу было? – спросил я не из чистого любопытства.

- Тридцать четыре.

Всего на пару лет старше меня. Мне это не понравилось. Я убил совсем молодого человека. Но сколько тогда лет ей самой? Неужели столько же? Я бы дал гораздо больше. Неужели она всего на несколько лет старше Дианы. Хотя... Диана не пережила такого горя и сомневаюсь, что переживет. Даже если что и случится, ее внешность не пострадает.

- А я на год моложе, - ответила на мой немой вопрос Смирнова. – Вот так.

- Я сочувствую вашему горю.

- Спасибо. Спасибо...

Мы остановились на автобусной остановке. Смирнова смотрела вдаль, словно искала кого-то и не находила. Мне искренне было жаль ее, потерявшую близкого человека. И хотя сегодня я вообще никого не потерял, мне было так же тяжело. И я всеми способами пытался бороться с этим грузом вины. Как учила мама.

Я словил такси. И почти силой впихнул туда Смирнову, хотя она убеждала, что это слишком дорого. Для меня же это было пустяком. Я давно не понимал цену вещам. И мог купить все, не собираясь отказываться от этой привычки. Пока.

Мы приехали в район на окраине города. Однотипная многоэтажка смотрела на нас равнодушными одинаковыми окнами.

- Вы теперь одна? – спросил я Смирнову.

Она утвердительно кивнула в ответ. Но мне показалось, что она еще не осознает, что одна.

- И у вас нет родственников?

- Родственников? – она скользнула по мне безразличным взглядом. – Почему, родственников у меня много. Но я сказала, что не хочу никого видеть.

- Это будет неправильно, если я зайду? – осторожно поинтересовался я.

- Почему? Все правильно. У вас хорошая, молодая сестра. Но она умерла. У меня хороший молодой муж. Но он умер. Они соседи. Мы же можем по-соседски зайти друг к другу, как и они.

Мне стало жутко. Но выбора у меня не было. Вдруг я сегодня узнаю о Смирнове то, что навсегда снимет груз с моей совести. И поддерживая вдову за локоть, я провел ее в квартиру.

Я не знал, что могу увидеть в ее доме, но меня он неприятно поразил. Это не была квартира алкоголиков, наркоторговцев, здесь не пахло лекарствами для умирающих от неизлечимых болезней. Это была квартира скромных, почти бедных интеллигентов. Вся заваленная книгами. В углу чопорно стоял старомодный рояль. На подоконниках цвели фиалки. А на стенах висели репродукции известных художников реалистов. А вообще все было чисто, уютно и вызывающе интеллектуально.

Я желал бы увидеть другую обстановку. Но мои желания не оправдались. Хотя, в конце концов, кто сказал, что тайный преступник не может жить в интеллектуальной квартире, тем более что жена наверняка не осведомлена о его сомнительной деятельности. Я подошел к книгам, ровно расставленным по полкам. Книги были старые, зачитанные, что называется, до дыр. И я хотел поверить в то, что их зачитала только жена.

Я оглянулся, желая спросить о профессии умершего, но не успел. Вдова сидела на диване с остекленевшим взглядом, слегка покачиваясь и шепча пересохшими губами.

- Это все неправда... Этого не может быть, потому что это все неправда.

Я подбежал к ней и со всей силы сжал ее холодные руки.

- Успокойтесь. Ну, пожалуйста, я вас очень прошу. Успокойтесь. Вам дать лекарство?

Она отрицательно покачала головой.

- Нет, дайте мне выпить. Там, за книгами, есть тайная полочка. Мой муж, дурачок, думая, что я не догадываюсь, сам ее сделал. Он прятал там спиртное. Но я все знала. Я так боялась, чтобы он не спился. Чтобы не умер от алкоголя. Чего я боялась? Такого пустяка. Он от алкоголя не умер...

Вот оно! Я ликовал. Так я и знал. Тайный алкоголик. А это ведет не только к разрушению собственной личности, но и разрушению окружающего мира. Сколько он разрушил? Я это узнаю и окончательно успокоюсь.

Я нашел тайник и вытащил бутылку дешевой водки. И налил полную рюмку. Я же пить не собирался. Мне это запретила мама. Я собирался еще получить лавровый венок. И я его получу!

Вдова залпом все выпила. На ее глазах появились слезы. Но это уже были слезы облегчения.

- Он был очень талантливый человек, - она уткнулась лицом в подушку на диване. - Поэтому иногда позволял себе.

Да уж. Оправдать после смерти можно кого и что угодно. Даже рецидивиста. Я же сдаваться не собирался.

- А кто он был по профессии?

- Ученый, - просто ответила она, уже сама налила себе рюмку водки и залпом выпила. - А впрочем, какое это имеет значение? Я просто не верю, что его нет. Просто не верю, наверное, потому так все легко и переживаю. Если бы поверила, то наверняка бы оказалась в сумасшедшем доме.

Да, от сумасшествия ей было недалеко. И неужели в этом моя вина?

Я сидел напротив женщины, у которой отнял мужа. И сам в это не верил. Если бы поверил, то тоже бы оказался в психушке. Чтобы этого не допустить, я должен разоблачить ее мужа и успокоиться, что жизнь его отнял не зря.

- Он много пил, - осторожно начал я, - возможно и много болел?

- Болел? Нет, вы знаете, несмотря на его хилую структуру, он был очень сильным и здоровым человеком. Я думаю, ему было отпущено много лет. Помните Грэма Грина? Он прожил почти девяносто, каждый день с виски. Его очень любил мой муж.

Я понятия не имел о Грэме Грине. Но эта версия, пожалуй, отпадала. Здесь нужно капать глубже.

- Вы сказали, он был ученый. А что он изобрел?

Она впервые за наше знакомство улыбнулась. Вопрос ей показался нелепым. Словно у меня, у форварда, спрашивали: сколько я пропустил голов.

- Изобрел... Ученые не обязательно изобретают. Но от этого они не менее ученые. Изобретают, скорее, изобретатели. А мой муж писал диссертацию...

Ага, диссертация. Перед моими глазами вдруг всплыла фигура друга Смирнова. Успешного, целеустремленного человека. Вот кто наверняка что-то изобрел. И если дело в диссертации, не у товарища ли воровал мысли Смирнов? На этом пункте, пожалуй, стоило остановиться.

- Возможно, мои расспросы вас утомляют, - сказал я то, что нужно сказать в таких случаях, надеясь на обратную реакцию. Мой расчет удался.

- Что вы, не уходите. Странно, с родными не хотела остаться, а с чужим человеком... С чужим человеком, пожалуй, легче. Тем более что наши самые любимые оказались соседями.

Не хватало вновь вернуться к этому! И решил задать главный вопрос, который может перевернуть и дальнейший ход моих мыслей, и мое дальнейшее расследование.

Я приблизился к окну. И впервые пожалел, что не курю. Сейчас сигаретный дым, медленно улетающий в форточку, был бы как нельзя кстати. За окном пейзаж

был не из лучших. На небе даже не виднелось звезд, хотя по законам природы они там должны были бы быть.

- Скажите, - начал я, не оборачиваясь, и мой голос предательски дрогнул, – а как погиб ваш муж?

Она не удивилась моему вопросу. И даже не вздрогнула. Она просто сказала. И ее голос, чисто и невинно прозвучал в угнетенной тишине.

- Его убили.

Мне не стало жутко. Мне впервые показалось, что это криминальная история из телевизионной хроники, к которой я никакого отношения не имею.

- Разве просто так убивают ученых?

- Ученых – она искренне удивилась. – Ученых... Не знаю. Я знаю, что просто так убивают людей.

Впервые после этих простых и незначительных фраз я позволил себе выпить. Впервые. Подошел к начатой бутылке, налил дешевую водку в стакан, и залпом выпил. Боже, сколько раз я мог начать с дорогого вина, налитого в дорогой бокал по дорогому поводу. А выпил с дешевого стакана самой дешевой водки. Залпом. И может, впервые хотел опьянеть.

- А как его убили? – сдавленным голосом произнес я, еще не опьянев.

Женщина вновь взяла какую-то книжку и повертела ее в руке.

- Его бы все равно убили, – сказала она так, словно сказала о чем-то незначительном, неважном, словно о другом человеке.

Как ни странно, но ее мысль меня обрадовала. И я тут же воспользовался ее откровением.

- Все равно? Убили? Но за что? За что можно убить невинного, порядочного человека. Ученого. За что?

- Именно, ученого, – она гордо встряхнула головой. – Ученых всегда есть за что убить – они слишком много знают. А если они еще и порядочны...

- Я понимаю, - если честно, я ничего не понимал. – Он знал какую-то тайну?

- Тайны бывают тайнами лишь тогда, когда о них не говорят вслух. Он попытался сказать.

- Поэтому его и убили?

Вдова тяжело вздохнула, тяжело опустила на диван. Мне показалось, у нее слипаются глаза. Хотя возможно, их застилали слезы.

- Если бы его убили поэтому... Как ни странно, мне было бы легче. Вы понимаете... Ну, словно убили за идею, за науку... Во всяком случае, смерть была бы более осмысленной, если вообще можно таковой назвать смерть. А так... Его гибель лишена всякой логики, она до того нелепа, что иногда кажется просто фарсом. Ну, знаете, словно всю жизнь бросаться под танк и погибнуть под колесами детского велосипеда. Так и случилось с моим мужем. Всю жизнь что-то пытался доказать, рисковал своим положением, званиями, не боялся оказаться в смешном положении со своими идеями. А погиб...

Вдова издала какой-то звук, похожий на смех. Мне стало жутко.

– А погиб на ледовом стадионе, на хоккее. От удара шайбой. Вы, наверное, читали в газетах про этот матч. Это про моего мужа.

- Да... Конечно... Да... Я что-то читал, - буквально выдавил я из себя. – Извините, я не знал... Вы, должно быть, ненавидите этого хоккеиста?

- Ненавижу? – она, казалось, удивилась моему вопросу. – Пожалуй, я не знаю... Я не думала пока об этом. И, если честно, я вообще этого хоккеиста не воспринимаю как реальность, как конкретного человека. Наверное, пока... Пока окончательно в себя не приду... А теперь... Мне он совершенно неинтересен. Я его даже в лицо не знаю. Так, видела мельком в какой-то газете. Но разве такое лицо запомнить? Настолько обычное, правильное, типичное лицо спортсмена. Почему

все спортсмены так похожи? Или мне так кажется. Я вообще плохо запоминаю лица. А это лицо... Я бы его никогда не узнала. А, возможно, он просто был заурядный спортсмен.

- Он великий хоккеист, - с раздражением выпалил я. И тут же осекся, когда она внимательно на меня посмотрела. – Впрочем, я не знаю... Но так говорят.

Меня душила обида. Чтобы про меня так сказать! Это уже слишком! Про меня, которого мама считала уникальным, самым ярким и самым талантливым! Да эта курица просто ни черта не понимает! И тем более в мужской красоте! Это про ее мужа говорили, наверняка справедливо, что он заурядность. А она вдруг пытается представить его гением. И я чуть было не попался на ее удочку. Все ложь, вранье! Правду мне может раскрыть только его друг или враг, какая разница?

- Вы не обращайте внимания на мои слова, - виновато ответила на мои мысли вдова. – Я вообще плохо понимаю, что происходит. И сколько еще времени должно пройти чтобы понять... Я не знаю... Но думаю, тому парню, хоккеисту, не легче. Ведь он не виноват... А получается поломал нашу жизнь. Просто так... Это страшно. Его, наверное, по ночам мучают кошмары. Знаете, его доле я не завидую точно так же, как и своей. Ведь, по сути, он и свою жизнь поломал.

Она вдруг уткнулась лицом в подушку, вышитую руками, и глухо зарыдала. Я подошел к ней.

- Пожалуйста, ну, я вас очень прошу – не надо. Я вас очень, очень прошу...

Я почти силой оторвал ее руки от мокрого лица. И промокнул ее лицо носовым платком.

- Успокойтесь, пожалуйста.

Мне так захотелось кричать: «Ну, простите, простите меня! Пожалуйста!» И я неосторожно прошептал.

- Ну, простите меня.

- За что? - она громко всхлипнула.

- Что не могу вам помочь, - тут же исправил я свою оплошность.

- Мне уже никто, никто не поможет. Я как подумаю... Неужели завтра я проснусь и его не будет. И вечером я не буду ждать его с работы, накрыв стол. Вы знаете, он так обожал мои голубцы! И шутил, что любит их не меньше меня. Кому мне теперь готовить. А наша дача... Он сам принимал участие в ее строительстве, сам все придумал и сам руководил. Не смотрите, это он с первого взгляда такой робкий, нерешительный. Знаете, его ум просто кипел идеями! Он даже этот дом, который строится, хотел назвать в честь меня! А завтра... Завтра мы собирались идти в оперу... Я даже платье себе новое сшила. И где, где теперь он, ну скажите, где? Где?

Она уткнулась лицом в мое плечо. Я осторожно погладил ее тонкие волосы.

- Я не знаю... Не знаю... Не знаю.

- Но ведь он где-то есть... Ведь по-другому не бывает?

- Конечно, конечно есть... Только не с вами... Все где-то есть.

- И ваша сестра?

- И моя сестра.

Я усмехнулся. Где ты теперь, Алька? И почему вдруг ты стала моей сестрой. И почему все так получилось? И кто, кто в этом виноват.

- Извините, - вдова резко отпрянула от меня. И встала с дивана. – Уже поздно. Я и так столько отняла у вас времени. Вы идите, и спасибо за все.

Не хватало меня еще благодарить!

- Но возможно, вам страшно оставаться одной?

- Я уже одна. Навсегда. И разве что-нибудь может быть страшнее того, что случилось?

Она молча проводила меня до двери. Когда мы остановились у порога, ее взгляд бессмысленно блуждал по моей фигуре, лицу.

- Я ведь даже не спросила, как вас зовут? Я лишь знаю, что вашу сестру звали Алька.

- Виталик, - от неожиданности я назвал свое настоящее имя. И со страхом на нее посмотрел. Не сказать, что это имя было сверхредкое, но и частым я бы его не рискнул назвать. - Виталий Николаевич Круглов, - я тут же сочинил отчество и назвал фамилию Альки. В совокупности имя не так выделялось.

- Виталий Николаевич... Виталий – протянула она. – В наше время довольно часто так называли. Теперь реже.

- Да, - поспешно ответил я. – Моих ровесников много с таким именем. А как вас зовут.

- Меня? – удивилась вдова, словно у нее никогда не было имени. – Ах, да, извините, я ведь тоже не представилась. Надя... Надежда Андреевна Смирнова.

- Теперь понятно, почему хотел ваш муж назвать дом вашим именем.

- Понятно. Только его надежды так и не сбылись. А дом так и останется не построенным.

- А можно я вам помогу?

- Зачем? – в ее глазах я уловил подобие страха.

Только я мог ответить на этот вопрос правду. Но я ответил, конечно, другое.

- Вдруг мы станем соседями?

Этим вечером я сидел один в совершенно пустой квартире. С совершенно пустой головой. Иногда ловя себя на мысли, что хочется выпить. Но эту мысль я силой гнал от себя. Я еще верил, что против жизни Смирнова найдутся такие доказательства, убеждающие, что жить ему дальше не имело никакого смысла.

Я понимал, что долго скрываться в этой никому не известной квартире не получится. Она была записана на меня, и рано или поздно ее легко вычислят. К тому же газеты уже вопили о моем таинственном исчезновении. Да и в спорткомитете пора было объявиться. Хотя выходить на лед у меня не было ни сил, ни желания. Мне нужно было время хорошенько подумать и просто придти в себя.

Поэтому я позвонил Лехе Ветрякову и сообщил, что мне нужен месяц, чтобы восстановить силы. Поэтому я срочно уезжаю на отдых за границу. Куда именно я не сказал, Лехе это было знать необязательно.

- Понимаю, - хохотнул он. – Сбегаешь от всех? Месяц, конечно, вполне достаточный срок, чтобы все устаканилось. А по приезду никто из борзых репортеришек и не вспомнит об этой гнусной истории. Надеешься, что вновь звезда Виталия Белых засверкает на спортивном небосклоне? И в блестящих журналах вновь появится сияющая физиономия хоккеиста-аса, а не мученика с рожей Раскольникова? Кстати, лучше бы ты попал в какую-нибудь привредную старушку-процентщицу. А то в спорткомитете и так затылок чешут по поводу этого сомнительного матча. Да и завистников хватает, сам понимаешь, и охотников побыстрее занять твоё местечко. А тут ты еще со своим отпуском. Я и сам тебе это советовал. А вот теперь... Не знаю, Талька, не знаю. Но думаю не вовремя.

- А мне плевать! – сквозь зубы процедил я. - Чтобы занять мое место, зависти и охоты мало. Тут нужно гораздо большее.

- Ну и хорошо, что плевать. Значит, встаешь на ноги. Кстати, меня тут бомбит твоя прекрасная Диана. Что ей передать? Девушка переживает.

- Я ей сам позвоню. Хотя нет, передай, что через месяц я буду у ее ног.

- Месяц разлуки для такой девушки – слишком много. Как, кстати, и для команды. Боюсь, этот месяц будет лишним для твоей карьеры.

- Знаешь, Леха, мне все равно. Так что я выбираю этот месяц.

Я бросил трубку и облегченно вздохнул. Вот и все. Я хотя бы на месяц могу скрыться от всех неприятностей. И от людей, которые мне о них не дают забыть.

Все это напомнило детство, когда я попадал в неприятную ситуацию. Тогда я обязательно заболел недели на две. С наслаждением валялся в постели и начисто забывал о всех невзгодах. А когда «выздоровливал», они оказывались уже в прошлом, так что вспоминать о них не имело смысла.

Сейчас я и впрямь подумывал на время смыться за границу, послать всех к черту и отключить свою память. Может это и правда, что от себя сбежать нельзя, но от своей памяти-то можно. Просто не думать, и все. Это же так просто.

Но ни за границу, ни от своей памяти сбежать мне так и не удалось. Вечером раздался телефонный звонок, и я вздрогнул. Никто не знал этого места. Я некоторое время раздумывал, брать ли трубку. Звонок настойчиво и монотонно продолжал трезвонить. «А, все равно смываюсь из города», - решил я и поднял трубку.

- Виталий?

Слава Богу, незнакомый голос. Может, ошиблись?

- Вас беспокоит Надя... Надежда.

Какая еще Надежда? Надежду я уже почти потерял.

- Надежда Смирнова, - ответил голос моим мыслям.

Я напрягся. Черт! Ну, конечно, в благородном порыве я же дал ей свой телефон.

- Слушаю вас, – от неловкости я ответил довольно резко.

- Извините, я, наверное, не вовремя. Просто вы говорили... Что может еще зайдете. Вы так заинтересовались работами моего мужа. И я тут... В общем разбираю его записи, черновики. Я думала вы мне посоветуете. Просто его близкий друг попросил просмотреть его труды. И я думала вы мне посоветуете...

- Конечно! – взволнованно ответил я. – Пожалуйста, никуда не отлучайтесь и без меня ничего не предпринимайте. Буду у вас через сорок минут.

Ровно через сорок минут она открывала мне дверь. Как и положено в черном платье. Серые волосы были собраны в пучок, перевязанный черной лентой. Я словно увидел ее впервые. Я не знаю, с какого раза можно было запомнить ее лицо, ее голос. Но не со второго – это уж точно. Настолько весь ее облик был неприметен, бесцветен, что если бы меня под пытками выспрашивали ее приметы, я бы все равно ничего не сказал. Какой нос? Длинный, короткий? Обычный, средний. Какие губы? Большие, маленькие? Обычные, средние. Лоб? Высокий, низкий? Обычный, средний. Лицо, круглое, вытянутое? Самое обычное. Глаза – карие, голубые? Между карими и голубыми. А волосы ни светлые, ни темные, а просто серые... Вот и весь человек. Я не знаю, какой мужчина мог ее полюбить, но, во всяком случае, я бы никогда. Хотя она была ни уродливой, ни красивой. Она была просто никакой. И как можно полюбить ничто?

- Проходите, вот сюда, - она широко распахнула дверь комнаты. – Это его кабинет. А я пока приготовлю кофе. Или чай?

- Кофе. С молоком, пожалуйста.

Она притворила дверь кабинета, и я остался один в комнате человека, которого убил. Я зябко повел плечами. И огляделся.

Типичная комната ученого. Все стены заставлены стеллажами с толстыми книгами, из которых я наверняка не прочитал ни одной. Письменный стол, заваленный исписанными бумагами. В углу старомодный зеленый торшер. Что я здесь делаю? Это настолько далеко от моего реального, благополучного мира. Редкие пробелы на стенах были увешаны репродукциями живописных портретов. По всей видимости, это были писатели и ученые. Я узнал только Пушкина.

Ближе к окну висел плакат. Я приблизился, чтобы получше его разглядеть и замер на месте. На плакате был изображен я. Во всей своей красе - в хоккейной форме. Я застыл в броске по воротам противника, широко размахнувшись клюшкой. Казалось, вот-вот я сделаю щелчок, и шайба улетит в неизвестность. На этом плакате было запечатлено то замечательное время, когда ни я, ни Смирнов еще не знали в какую цель в конечном итоге она попадет. Я бессмысленным взглядом уставился в свой портрет, моя рука слегка прикоснулась к плакатной клюшке, словно бы сейчас я смог изменить ход событий, исправить роковую ошибку судьбы. Словно бы у меня были силы и возможность направить удар в другую сторону.

- Странно, что из всех вещей в кабинете, вас заинтересовал лишь этот плакат.

От неожиданности я вздрогнул, не заметив, как вошла Смирнова. Я резко убрал руку с плаката. И повернулся к ней лицом, заслоняя свое бумажное изображение. И пробурчал что-то невнятное.

- Ну, в общем... Удивительно, что у такого человека... В общем ученого. И вдруг этот плакат...

- А я совсем про него забыла. Вернее, так привыкла, что не обращала внимания. И вот вы напомнили.

Смирнова попыталась отодвинуть меня в сторону, пробираясь вплотную к плакату.

- Его следует снять. Вы меня понимаете.

Не дав ей рассмотреть свое сияющее изображение на плакате, я резко сорвал его со стены.

- Я вас понимаю. Я вас очень хорошо понимаю, - я поспешно, почти лихорадочно рвал плакат на куски. Они плавно опускались на пол. Моя рваная на две части улыбка, мой рваный нос, рваные глаза и рваное тело. Словно меня линчевали. И палачом являлся никто иной, как я сам.

Смирнова подняла с пола часть моего лица и бессмысленно вертела ее в руках.

- Я даже не знала, кто тут сфотографирован. Но я знаю наверняка, что его любимый хоккеист. Он мог позволить себе повесить в кабинете только изображение личности, которую он высоко ценил. А вы случайно не узнали, кто это был на плакате?

Я пожал плечами.

- Я плохо разбираюсь в хоккее.

- А вы мне так и не сказали, чем занимаетесь по жизни.

- Не сказал? - я изобразил удивление. - Да, пожалуй. Ну, в общем... В общем я вольный художник.

Я ляпнул первое, что пришло в голову.

- Художник? Это слово многое подразумевает. Или вы в буквальном слове художник?

Нет, живописцем изобразить себя не получится. Еще не хватало, чтобы она попросила показать картины. И музыкант из меня не выйдет. Вдруг она попросит сыграть. Остается...

- В общем, журналист. Пописываю статейки то тут, то там. Как получится, - назвал я профессию более мне знакомую из всех творческих.

- Журналист? - Смирнова насторожилась. - Может быть, вы не случайно...

- Что вы! - я замахал руками. - У меня не было никакой цели, поверьте. Я вам могу поклясться чем угодно. И попал я в ваш дом действительно чисто случайно. По вашему же приглашению. Да и живу я здесь недавно, работал на Дальнем Востоке и здесь пока не могу найти постоянную работу. Так что вы не волнуйтесь.

Почему-то именно Дальний Восток ее окончательно успокоил. Она даже облегченно вздохнула.

- А знаете, это даже к лучшему. Сам Бог мне вас послал. Раз вы литературный работник, вам легче будет разобраться в рукописях моего мужа. Он ведь тоже был в некотором роде писатель. Правда, его удел не художественная литература, а тончайшее, скрупулезное, почти медицинское изучение человеческой психики, поступков. Ведь он по профессии психоаналитик. Модная нынче профессия. Говорят, даже прибыльная. Почти превращенная в ремесло. Впрочем, как и все остальные. Но это не про моего мужа. Он действительно художник в своем деле. Вы это поймете.

Честно говоря, я ничего не понимал. И не хотел понимать. И, положив руку на сердце, сомневался, что вообще смогу что-либо понять. Я вообще был не охотник до книг, даже до самых простых. А тут, похоже, веяло сверхумными теориями. Я уже подумывал, как буду выпутываться из этого положения. Более того, доказывать, что Смирнов был отвратительной личностью, я уже не собирался, поняв, что мне это не по зубам. К тому же мне не терпелось поскорее собрать вещишки и смотаться на заграничный курорт.

- Вы говорили, у него есть близкий друг, - попытался я выкрутиться. – Мне кажется ему будут более близки теории вашего мужа. А я... всю жизнь писал лишь про российские дороги и дальневосточную тайгу. И положив руку на сердце, я и журналист-то никудышный. Так, районный газетчик.

Смирнова еле заметно улыбнулась. Скорее, я просто понял, что она улыбнулась. Просто губы слегка дрогнули. Но мне показалась эта улыбка теплой.

- Я потому вам и верю, что вы не столичный репортеришка. Я сразу все про вас поняла. Что приезжий. Это сразу видно.

Это про меня-то! О котором вся пресса писала не иначе, как про столичного денди, вкусу которого может позавидовать любой парижский кутюрье!

- А эти сплетники только и делают, что смакуют скандалы, обсасывая их со всех сторон. Как вы думаете, когда это кончится? Когда им, в конце концов, надоест и они переключатся на что-то иное? Вот сегодня уже написали, что этот... - она запнулась, и на ее лице промелькнула неприязнь. – Ну, этот... гениальный, как они называют, хоккеист уехал отдыхать за границу. От пережитого шока. Видите, как все просто. Он пережил шок и может себе позволить расслабиться. Моего мужа отправил на тот свет, меня загнал в угол, а сам уехал на курорт. Как все просто. И как просто решаются проблемы. Не правда ли?

Мне стало жутко. Я посмотрел за окно. Серое низкое небо, голые пошарпанные небоскребы, грязная капель, назойливо и нервно барабанящая по подоконнику. А на Каннарах должно быть тепло. И песок на берегу желтый, яркий, горячий. И столько красивых девушек с бронзовой кожей и манящими белозубыми улыбками. А какое там небо! Синее, синее. Без единого облачка. И чайки летают так низко, что задевают крылом. Боже, как же я туда хочу. Даже с Дианой. Или без нее, какая разница?

И вдруг в голову ударила мысль, словно шайба. Что я больше там не побываю. Никогда... Какое страшное слово - никогда. И я в последний раз попытался увернуться от удара этой чудовищной мысли.

- Вы понимаете, - промямлил я, глядя на свое разорванное лицо, на куски тела, валяющееся на полу. – Вы понимаете... Работа здесь вряд ли предвидится. Сами понимаете, столица. Нужны связи. И еще, наверное, что-то нужно. Я ведь подумывал вернуться... на Дальний Восток. На родину.

Смирнова плавно опустилась на диван. Ее губы дрожали. Она перевела взгляд за окно и, наверное, увидела то же что и я. Только в отличие от меня, не вспомнила про Каннары.

- Да, конечно, конечно, я все понимаю. И как я смела надеяться, что вы поможете? Совершенно случайный человек. Хотя, может быть, я так легко и доверилась, что вы - случайный. И я про вас ничего, ничего не знаю. Близким, как правило, доверяешь меньше. Хотя, наверное, это неверно. Извините, что задержала. Я все понимаю. Может, я слишком поверила теории своего мужа: если и дается случайность, то дается не зря, и уже становится не случайностью... Вот видите, он ошибался. Бывает, что зря. И остается всего лишь случайностью. Или нелепостью, я не знаю.

Это не случайность. Тем более не нелепость. Но Смирнова об этом никогда не узнает. Что не судьба нас свела. А я сам постучался к Надежде Андреевне в дверь, чтобы побольше узнать о ее муже. И желательно только негативного. Чтобы успокоить свою совесть. Чтобы потом гордо хлопнуть перед ее носом дверью и заявить во всеуслышанье, что был прав! Этот человек дурен, отвратителен, гадок! Не я убил его шайбой. Это его наказала судьба.

И не мог я Смирновой объяснить, что теперь иду на попятную, так как у меня не хватает сил для поиска доказательств. А, может, просто уже по собственной воле не хочу ничего доказывать. Потому что она, Смирнова, оказалась хорошим человеком. И я не желаю ей еще раз делать больно, выставляя на всеобщее обозрение пороки ее мужа. Пусть они будут похоронены вместе с ним.

От последней мысли у меня даже слеза накатила – от собственного благородства. Осталось разве смахнуть ее рукавом. Но я не успел, поскольку увидел слезы, выступившие в глазах вдовы. Она незаметно смахнула их рукавом черного платья.

- Извините, - сквозь душившие ее слезы сказала она. – Никак не могу привыкнуть, что его нет. Даже язык не поворачивается говорить о нем в прошлом лице. Кажется, он вот-вот позвонит...

Раздался резкий телефонный звонок. И мы вздрогнули. Одновременно. Мне, как и ей, явственно показалось, что это может звонить только Смирнов.

Она дрожащими руками взяла трубку.

- Это я, Надежда, - тихо сказала она, словно в прострации.

Так она могла представиться только своему мужу. Но все оказалось гораздо проще и прозаичнее. Я даже сквозь телефонные линии услышал грубый мужской бас. Сомневаюсь, что так мог ругаться ученый психоаналитик Смирнов. Тем более с того света.

- Дача? – еле слышно переспросила Смирнова. Но новый поток брани ее миглом отрезвил. – Ах, да, конечно. Но у меня сейчас такое положение... В общем, я не могу больше оплачивать. Я хочу расторгнуть... Погодите, ну не нужно так грубо...

Она отвела руку с трубкой в сторону, чтобы не слышать очередной поток нецензурной лексики. Зато я услышал и приподнялся с места.

Это было странное ощущение. Я всегда думал, что я крутой парень. Иначе быть не могло. Я был игроком мирового уровня. Меня любили самые красивые женщины. Но оказывается, что я просто так думал и не более. Вернее, меня так заставляли думать мои заслуги, мои подружки и моя пресса. Но лишь сегодня, в эту минуту я по-настоящему понял, что значит быть мужиком. Я резко выхватил трубку из рук Смирновой. И закричал. Я сам от себя такого не ожидал.

- Какого черта! Чего ты матюгаешься! Слышишь, еще одно слово, и от тебя останется мокрое место!

Там, на том конце провода, похоже, знали, что Смирнова потеряла мужа, и не преминули этим воспользоваться, чтоб содрать с нее побольше. И никак не ожидали, что их посмеет перебить такой же грубиян. Но сдаваться не собирались... Мой собеседник даже вякнул в ответ, что это от моей рожи останется блин. И я впервые за всю жизнь выругался матом. Я единственный не ругался в команде. И

это был еще один повод меня не любить. Если бы меня услышала мама, она бы во второй раз умерла. Или, возможно, одобрила? Я ведь, оказывается, так мало знал мать. И тут, как последний сапожник. Я даже приосанился и стал выше ростом. Мне казалось, я себя начинаю уважать.

Впервые в трубке повисло уважительное молчание. После моего трехэтажного мата даже голос у них стал помягче, чуть ли не сошедший на сопрано.

- Так мы договоримся?

- Еще бы! Но контракта никто разрывать не собирает. И я с вами встречаюсь лично! Завтра же! У меня ощущение, что вы сознательно затягиваете со строительством. Если такое повторится! – и я на всякий случай еще раз ругнулся.

Я бросил трубку и виновато посмотрел на Смирнову. Пожалуй, впервые с того времени, как я ее узнал, она открыто, без стеснения улыбнулась.

- Знаете, я бы никогда не подумала, что вы ругаетесь. А вот мой муж... Иногда позволял. Это было некоторое средство самозащиты. Ведь с ними нельзя по-другому?

- С ними – нет. А знаете, вы мне не покажете фотографию мужа? – вдруг попросил я.

Если честно, даже забыв, что это именно я – виновник его гибели. Мне вдруг захотелось посмотреть на фотографию человека, которого так сильно любили. Нет, которого так сильно любят и, наверное, будут любить всегда.

Она молча встала и стала рыться в ящиках стола.

Только теперь до меня дошло, что убийца впервые увидит фотографию своей жертвы. И мне вновь захотелось сбежать. И я уже вот-вот собирался пожаловаться на плохое самочувствие, но не успел. Фотография уже была в моих руках.

Поговорки, что два сапога – пара, или что муж и жена – одна сатана, были точно про них. Я впервые увидел насколько могут люди подходить друг другу и насколько они могут быть похожи. Его внешность – такая же незапоминающаяся, как и ее. Бесцветное лицо, серые редкие волосы, едва прикрывающие залысину, невыразительные глаза, обрамленные безвкусной оправой очков.

Но мне от этого легче не стало. Это лишь снижало шансы на то, что он был дрянным человеком. Я ведь уже точно знал, что она не была плохой.

- Правда, очень выразительное лицо? Впервые увидев такое, никогда уже не забудешь, – Смирнова поцеловала фотографию.

Воистину говорят, что любовь слепа. Дай Бог, чтобы она еще оказалась и глуха.

- Да, очень выразительное, - ответил я, чтобы не обижать ее.

- А почему вы сказали, что завтра разберетесь с ними? Чтобы позлить? Вы же уезжаете. И вся злость свалится на меня.

Я легонько пожал руку.

- Я решил повременить с отъездом. На недельку. Мне тут обещали одно местечко. И потом, я же хотел встретиться с этими жлобами. А я слов на ветер не бросаю.

Смирнова буквально сияла. Она действительно надеялась на меня. Верила. И отказывать ей я не имел права. В конце концов, и мне нужна эта неделя. Я хотя бы смогу раскопать какой-то компромат на Смирнова, прочитав его записи. Вдове, конечно, о тайных его пороках не сообщу, но зато - успокою свою совесть и вновь смогу жить по-прежнему. А неделя это ведь так мало.

- Неделя – это так много, - сказала Смирнова, приподнявшись с дивана. – Вы за это время сумеете внимательно изучить все записи мужа и что-нибудь мне посоветовать. В общем... Спасибо вам огромное. Так что приглашаю вас на ужин. Я сделала голубцы, которые обожает... простите, обожал мой муж. Я ведь его ждала... Но не пропадать же, их ведь и мне одной не осилить. Вы не откажетесь?

- Нет, я не откажусь, - вслед за ней я поднялся с места. В животе бурчало. Я действительно был чертовски голоден.

Мы кушали на кухне. Это была довольно просторная кухня, в центре которой стоял круглый стол. Смирнова зажгла свечи. Не потому, что это был интимный вечер, а в память о своем муже. Она все делала во имя мужа. И я этому не сопротивлялся. Я вновь сумел абстрагироваться от его личности. И уже не думал кто он мне и кто я ему. Я думал, что впервые за это короткое время, прошедшее с убийства (о том, что убитый Смирнов, я не хотел думать), мне было не то, чтобы хорошо, но, наверное, спокойно.

Смирнова придвинула тарелку с горячими голубцами, и я, попробовав их, удивился. Искренне удивился. Я ел во многих ресторанах, я бывал во многих странах и отлично знал их кухню. Но я никогда в жизни не ел подобные голубцы. Не знаю, как по женскому вопросу, но относительно еды у Смирнова вкус был отличный.

Видимо, на моем лице было такое глупое выражение, что Смирнова растерялась.

- Знаете, я всегда гордилась этим блюдом. Но теперь... Мне кажется, я переоценила свои таланты. Вы ведь с Дальнего Востока. Там, я уверена, кормят вкуснее.

Вот как кормят на Дальнем Востоке я как раз знал плохо. Хотя и бывал там, недаром я вспомнил об этом крае. Хорошо помню свои ощущения от этой поездки. Помню как мы, разбалованные столичные звезды обедали в столовой на сборах. Помню, как демонстративно корчили рожи и недовольно косили глаза на поваров. Помню, что нам все не нравилось. Хотя угощали они от чистого сердца. И даже в честь нашего приезда приготовили собственноручно вылепленные пельмени с семгой. Это было настолько вкусно, что мы так и не признались друг другу. Мы недоуменно пожимали плечами и с восхищением, громогласно, непонятно назло кому, вспоминали Японию. Вот там настоящие гастрономические изыски! Вот там истинно изысканный вкус! И при чем тут Дальний Восток? Помню, работники столовой робко стояли, как провинившиеся школьники, скрестив руки за спинами, растерянные, краснощекие. Они никогда не бывали в Японии, хотя и жили не так уж далеко от нее. Они лишь сокрушенно вздыхали, что так и не сумели нам угодить. Но, несмотря на все их вздыхания, сожаления, растерянность, мне тогда показалось, что японскую кухню они ни во что не ставят, хотя и ни разу не были в стране Восходящего Солнца.

Не знаю почему, они меня раздражали. Своей неприкрытой простотой, необоснованной правдой, уверенностью, что их земля все равно самая лучшая. И я выпалил на одном дыхании.

- И вообще! Во всем цивилизованном мире не принято убивать животных. Все цивилизованные люди давно перешли на другую пищу! Это же какое-то варварство!

- И на какую, если не секрет? – вперед выступила маленькая официанточка, с раскосыми глазами и смуглой кожей, судя по всему, корейка. Я прекрасно помнил ее пламенный взгляд, обращенный в мою сторону, когда я поглощал пищу. – Ну же, на какую пищу перешли эти чужеземцы?

Я невозмутимо пожал плечами.

- На растительную.

Она громко, вызывающе расхохоталась на всю столовую.

- Вот варвары! Они даже, наверное, не изучают в школе ботанику. Они понятия не имеют, что растения дышат и слышат. Они – живые!

Помню, Лешка Ветряков попытался нас примирить.

- Всё верно. Всё – живое. Но не умирать же и нам, живым, с голодухи!

- Вам вообще не следует умирать, - сказала, примирительно раскосоглазая. – У вас впереди матч. И нужны силы, много сил. Для этого нужно кушать.

- И нужна добавка! – Лешка предательски, с нарочитой жадностью, протянул руку с чистой тарелкой.

За ним последовали остальные.

Я же, протестуя, уселся в углу с надутой рожей. Мне ужасно хотелось добавки. Тем более, впереди был матч. И нужны были силы. Но от гордости я сдержал себя.

- Может быть, это хоть скушаете? – с издевкой спросила узкоглазая официантка, судя по всему, по уши влюбившаяся в меня. И протянула огромную тарелку салата, в котором перемешались все растения, ростки и корешки.

- Это скушаю, - поступился я своей совестью.

Но едва я набрал полную ложку, как она ехидно заметила:

- А ведь и они были живые.

Я гордо бросил полную ложку на стол. По столу расползлись красно-зелено-сметанные струи.

- Все живые, - крикнула в мою прямую спину девчонка, словно ударила. – Все живые. Только не вы...

Поэтому, сегодня, сидя на уютной кухне за круглым столом, покрытым клетчатой льняной скатертью, я имел права сравнить, как кормят на Дальнем Востоке и здесь. И голубцы Смирновой не уступали дальневосточным пельменям.

- Это воистину вкусно! – я разрезал очередной голубец, аккуратно опустил кусочек себе в рот и закрыл глаза от наслаждения, демонстрируя насколько действительно вкусно.

- Просто я в фарш добавляю виноград. И тушу голубцы в виноградном соке. Получается, что они будто бы пропитаны вином. Я сама придумала этот рецепт, но никогда его тайну не открывала мужу.

- И это правильно. Между мужем и женой должны быть тайны. Маленькие тайны. Это украшает семейную жизнь и не делает ее пресной, - глубокомысленно заметил я, словно был раз десять женат.

- Вы правильно заметили – маленькие тайны. Большие же ведут к подозрению или отчуждению.

Смирнова встала со стола и принялась мыть посуду. Чайник уже кипел на плите, и я взялся за приготовление чая.

- У вашего мужа, как я понимаю, была большая тайна.

Смирнова пожала плечами.

- Даже не знаю, можно ли называть тайной то, что связано с работой.

Возможно, он просто проводил какое-то очередное исследование и пока не хотел меня в него посвящать. Поэтому... Поэтому я на него никогда не обижалась. Я считаю его великим человеком. А на великих грех обижаться.

Я вспомнил фотографию Смирнова и подумал, что он может быть похожим на кого угодно. И на прораба, и на ученого. Но только не на великого прораба и не на великого ученого. Я отлично понял, что Смирнова хочет мне поведать о какой-то тайне мужа или с моей помощью ее раскрыть. Но торопить ее я не хотел. Не потому, что боялся спугнуть, а просто не хотел, чтобы на меня взвалили еще одну тайну. И вообще я дал себе слово помочь Смирновой. У меня были деньги, чтобы помогать. Но тайна... Это уже слишком. И я, поспешно, допив чашку чая, встал со стола.

- Мне действительно пора, а завтра, как и договаривались, я обязательно разберусь со строителями. Вы только дайте адрес.

- Конечно же, я поеду с вами, – Смирнова поднялась вслед за мной.

Еще чего! Я хотел поехать туда на машине. Но вид желтенького феррари мог бы шокировать вдову. Откуда у простого журналиста из Дальнего Востока такая машина?

- Не стоит себя утруждать, - попытался я отговорить Смирнову. Но она была непреклонна.

Я обреченно вздохнул, когда она назвала место встречи на вокзале, откуда отправляются пригородные электрички. Когда я в последний раз трясся в грязном вагоне? Может быть и никогда. И никогда бы не подумал, что начну это делать в тридцати с лишним лет. По логике вещей, человек с возрастом движется по восходящей. А не наоборот. Впрочем, я был уверен, что все эти неудобства искусственны и кратковременны.

Я быстрым шагом направился к двери, но сбежать мне так и не удалось.

- Погодите, Виталий Николаевич! Вы же забыли...

- Что? – не понял я.

- Ой, вернее, я забыла, дать вам рукописи мужа. Вы же обещали...

Я уже не помню, обещал или нет. Но отказать у меня не было ни слов, ни возможности. Смирнова быстро распахнула дверь кабинета и, присев на корточках возле ящиков стола, стала лихорадочно доставать оттуда бумаги. Аккуратно сложила их в одну папку, которую перевязала ленточкой, и торжественно вручила мне.

- Вы не беспокойтесь, работы все отпечатаны на машинке. Я сама печатала его труды! – гордо добавила она. Не иначе, вспомнив о жене Льва Толстого. – Но вы понимаете. У меня есть еще одна просьба, – она умоляюще заглянула в мои глаза. – Я понимаю, вы мне ничего не должны. И вообще, я так вас беспокою...

Я резко перебил ее путаную речь. Вспомнив, что еще как ей должен! Что это я, именно я разрушил их семейную идиллию! Причем навсегда. И навсегда остался должником этой семьи.

- Просите что угодно, ради Бога.

Ради Бога, только скорее!

- Дело в том... Есть еще и другие труды. Помните, что я говорила по тайну... Ну, что муж писал какую-то работу, проводил какое-то исследование. Но мне не давал печатать этот труд. Я знала, что он что-то скрывает. И что пока мне это знать не обязательно...

- Вы хотите, чтобы я прочитал эту работу?

- Понимаете, у нас в семье было всё настолько тактично, настолько честно, что даже после его смерти... - при этих словах она вздрогнула и на ее глазах выступили слезы. – Что даже после его смерти я не хочу нарушать заведенный годами порядок нашей жизни. Поэтому мне неудобно без его ведома копаться в его мыслях. А вы... Вы совсем другое. Вы совершенно чужой человек для меня. И для него особенно. Поэтому...

- В конце концов, можно оставить его тайные мысли в покое, - сделал я робкую попытку отказаться читать рукопись.

- Ну что вы! А вдруг это окажется чрезмерно важно для науки! А если нет... Если там что-то личное... Я предоставляю вам право мне ничего не рассказывать.

Я задумался. Зря, наверное, совсем недавно так легко пытался отказать от мысли разобраться в черновиках Смирнова. Похоже, это как раз то, что и нужно для меня и моей реабилитации. Для очистки моей совести. Для возможности вернуться к своей прежней благополучной жизни. И никогда, никогда больше не ездить на электричках. И более того – навсегда забыть, вычеркнуть из памяти адрес Смирнова. Сама вдова, похоже, в чем-то подозревала мужа. И, похоже, не только в каком-то сенсационном научном открытии.

- Дайте мне эту рукопись. Я обещаю, обещаю, что помогу вам. Это действительно интересно, Надежда Андреевна. И действительно может представлять глубочайший научный интерес.

Смирнова бросила благодарный взгляд в мою сторону, вытащила ключ из кармана платья и стала осторожно открывать верхний ящик стола. Словно совершала священнодействие. Наконец дверца распахнулась, ящик оказался совершенно пустой. Смирнова недоуменно оглянулась на меня, захлопав серыми ресницами. Затем лихорадочно стала ощупывать дно, но безрезультатно.

- Но этого не может быть, - она, словно в полусне, качала головой. - Этого не может быть. Эта папка... Такая пластиковая, ярко синяя, блестящая. Я подарила ее мужу на день рождения. У него никогда не было таких красивых папок. Все картонные. И поэтому он в нее складывал самое сокровенное. Все свои мысли. Словно отдавая дань уважения мне и словно прося прощения, что пока не может дать почитать. И почему... Почему ее нет?

Я приблизился к ящику и на всякий случай сам все осмотрел. Он действительно был абсолютно пуст.

- Вы успокойтесь. Пожалуйста, успокойтесь, - я положил руку на плечо Смирновой. - Эта папка вполне может оказаться в другом месте. Вы же прекрасно понимаете, вы пережили такой стресс. Вы вполне могли забыть.

- Я ничего не забыла, ничего, - она гордо встряхнула головой.

- В любом случае, вы еще поищите. А завтра мы встретимся, как договаривались.

Я быстрым шагом направился к выходу. На пороге я оглянулся. Смирнова так и стояла в проеме двери в библиотеку. Ее руки безжизненно свисали вдоль тела. А взгляд был устремлен в мою сторону. Но она на меня не смотрела. Она смотрела в неизвестность, где, возможно, мог быть ее муж. И у него она пыталась отыскать ответы на мучившие ее вопросы. Я эти ответы дать пока не мог. Я так и не сказал ей до свидания. Она бы все равно не услышала.

Этой ночью я долго пытался уснуть. Ворочался с боку на бок. Считал про себя баранов и верблюдов. Но все напрасно. И вдруг вспомнил про рукописи Смирнова. Вот что наверняка сможет побороть моего нового врага - бессонницу. Безусловно, чтение. Читать я итак не любил. А если это еще какие-то заумные трактаты, в которых я ни черта не смыслил, тогда, уверен, сон придет незамедлительно.

Я включил ночник, развязал папку и вытащил первый машинописный листок. И прочитал заглавие: «Формула счастья». И усмехнулся. Оказывается Смирнов еще и романтик.

Впрочем, дальнейшее чтение внесло некоторые сомнения по поводу романтизма ученого. Он дал слишком простое определение счастья. Это – ни что иное, как долгая жизнь. Уже потом, витиеватым слогом, свойственным аналитикам, он доказывал, почему.

Я не все понимал, особенно в научных витиеватых домыслах, догмах, примеров из истории мира и примеров из историй собственного мира. Но основную мысль все-таки уловил. Человечество, оказывается, на всем протяжении своего существования глубоко ошибалось в определении счастья. Оно видело его, скорее, в страстях, порывах, борьбе, победе, славе. Во всем таком, что сокращало жизнь каждого индивидуума в отдельности. Но что может быть дороже самой жизни? В повседневных ее проявлениях, в рутинной работе, в прогулках на природе, в тихой, но надежной любви. И чем больше нам дано этих дней, тем человек счастливее. Чем более замкнуто человек живет, тем он счастливее. И тем больше шансов на счастье у других. Во всяком случае, меньше шансов причинить боль и себе, и себе подобным.

Короче, Смирнов не был поклонником Мцыри, готовым отдать жизнь за три дня на свободе. Скорее, он был поклонником Премудрого Пескаря.

Как ни странно, но в этом я почти был согласен со Смирновым. Только, по моему убеждению, эта повседневная жизнь должна стоить гораздо дороже.

Далее ученый на конкретных примерах пытался доказать, как придти к счастью. Он даже рисовал в своих работах некий путь человека, который на каждом важном этапе распадался на несколько других путей. И правильный выбор, идущий не от сердца, а от ума, должен был привести к долгой и счастливой жизни...

В общем, на каком-то этапе пути, прямо на развилке нескольких дорог я благополучно заснул. Крепким, здоровым сном. Правда, так и не успев почувствовать себя счастливым.

Утром я проснулся вполне отдохнувшим. Игнорирование бритвы уже вошло в мою каждодневную привычку. Я вырядился в старую одежду, которую приобрел в комиссионном, и натянул на глаза кепку. Что ж, даже если рабочие являются заядлыми хоккейными болельщиками, сомневаюсь, что в таком виде они меня узнают.

Впрочем, до конца отказываться от своих привычек я не собирался. Более того, это было выше моих сил. Поэтому словил такси и помчался на вокзал, где мы встречались со Смирновой.

Она уже меня ждала. Черный платок, наброшенный на голову и черное старомодное пальто делали ее чуть ли не бабушкой. А ведь она была еще так молода. Впрочем, мой внешний вид был ей под стать. Этаким мужлан, только что из забегаловки.

Свободных мест в электричке было много.

- Хорошо, что не выходные, - по-житейски просто заметила Смирнова. – В будни все едут в город, а не наоборот.

Меня это мало успокоило. И я с невыносимой тоской вспомнил о своем желтеньком феррари. Электричка нагоняла на меня такую тоску, что впору было завывать. Холодная, грязная, с рванными дерматиновыми сидениями. Из тамбура навязчиво просачивался табачный дым. Я поморщился и от злости повернулся к окну. Разговаривать у меня желания не было. За окном мелькал не менее грязный и еще более тоскливый пейзаж. Заводские трубы, голые почерневшие за зиму деревья, утопающие в талом снегу, голодные привокзальные дворняги.

- Будете? – Смирнова чувствовала себя виноватой. И почти умоляюще протянула мне термос с горячим кофе.

Я отрицательно покачал головой. И прикрыл глаза. С закрытыми глазами мир всегда выглядит более-менее сносно. Во всяком случае, его можно было представить любым, на свой вкус. И я почему-то вспомнил Диану. Как она нежилась в розовой ванной, полной благоухающей пены. И в ее узкой руке был зажат хрустальный бокал с шампанским. А отточенную головку украшала королевская диадема... Господи, если бы она меня сейчас увидела, в этой электричке, рядом с этой бесцветной женщиной в черном.

- Приехали, Виталий Николаевич, приехали!

Я с трудом открыл слипшиеся глаза. И увидел над собой старое лицо женщины в черном. Я невольно поморщился. И тут же хотел расхохотаться. И этот Смирнов еще смел изобретать формулу счастья! Рядом с такой общипанной курицей!

- Извините, - я взял себя в руки. – Извините, Надежда Андреевна, я так плохо спал этой ночью.

Я был наивен, думая, что дача может находиться недалеко от станции.

- Всего лишь сорок минут пешком, - пояснила Смирнова. – Мы так обрадовались, когда нашли это место. Это ведь так недалеко от станции.

Воистину, каждому коню своя упряжка! Мне этим утром приходилось ехать в упряжке Смирновой.

Мы шли вдоль леса по проторенной дачниками тропе. Под ногами хлюпала грязь, с елок падали капли талого снега, назойливо и истерично кричали вороны.

- Как хорошо! – Смирнова глубоко вдохнула воздух, пропитанный гарью несущихся рядом машин. – Я обожаю лес. Мой муж тоже обожал. Он так мечтал об этой даче! Еще немного и его бы мечта сбылась. Совсем чуть-чуть. Он мне рассказывал, как мы на веранде летними вечерами будем пить чай с мятой. Он обязательно хотел выращивать мяту в саду. А писал бы он прямо на воздухе, во дворе. Он хотел даже построить что-то типа мини кабинета. В общем, обычная открытая беседка, со столиком и пишущей машинкой. Обвитая плющом... Правда, красивая мечта?

Я кивнул. Ничего красивого я не видел. Я вспомнил свою дачу, нет, дачей назвать это трудно. Дворец? Именно так звала этот огромный особняк Диана. С английским садом вокруг. Все было подчинено правилам этого садово-паркового искусства. И три сросшиеся березки, и прудик с желтыми кувшинками, и извилистая речка. И даже сельская хижина, покрытая берестой, и с соломенной крышей. Все было настолько нарочито неприхотливым, нарочито естественным, нарочито натуральным, что выглядело безвкусными декорациями в дешевом театре. А зимними вечерами мы сидели перед дворцовым камином с рельефным панно и лепным орнаментом, переходящим на стены. И Диана весело щебетала о пустяках, в основном о подружках, которым она успешно перемывала косточки. Ни одну из них она к нам в дом так и не пригласила. Настолько, видимо, доверяя мне.

Мы остановились на развилке дорог.

- Вот эта ведет в деревню, - пояснила Смирнова, - эта в лес, а вот эта прямо к нашей даче. Еще совсем чуть-чуть. И мы будем на месте.

На месте. Только на чьем? Это место Смирнова. Но только не мое. Что он там писал о развилке дорог? У каждого, на каком-то этапе несколько вариантов судьбы. И главное - выбрать правильный. Правильный ли я выбрал сегодня? Ведь в это время я должен был барахтаться в море на Канарских островах рядом с загорелыми черноволосыми красавицами. И почему я теперь иду по лесной дороге, рядом с совершенно чужой женщиной, и мои резиновые сапоги утопают в грязи. И разве это можно назвать счастьем?

Нет, Смирнов не доказал самого главного. Счастье – это не долгая жизнь. Это отсутствие совести. Я не мог похвастаться совестью в избытке. Но тот грамм, который у меня был, сумел меня погубить. Оказывается, и грамм совести достаточно, для того, чтобы она победила. Вот поэтому я сейчас не в своем дворце у камина, не рядом с Дианой, барахтающейся в розовой ванне, и не на Канарах. А тяжело ступаю по весенней грязи, разглядывая хмурое небо и пустырь, на котором кое-где вяло идут строительные работы, и рабочие громко ругаются матом.

- Как мы быстро дошли, – сказала Смирнова, остановившись возле своего участка. - Менее чем за сорок минут. Это потому, что мой муж хромал, и мы медленно шли по лесной тропе. Зато мы столько видели и слышали! Мы просто наслаждались природой... Но что теперь говорить об этом.

Об этом действительно не стоило говорить. Нам предстоял совсем другой разговор.

Сквозь завалы кирпичей, досок, цемента мы с трудом пробрались к дому. Хотя домом эту уродливую комбинацию пока назвать было трудно. Но все же основная часть работы была все же проведена. Оставалось вставить окна, сделать отделочные работы, покрасить. Вообще-то, насколько я понимал, времени много не

требовалось. Но так называемые мастера, похоже, думали по-другому. Зная, что хозяйка осталась одна, они решили бесконечно тянуть работу и деньги.

- Правда, замечательная дача? - Смирнова заморожено разглядывала постройку.

Я бы так не сказал. Скорее избушка на курьих ножках, разве что двухэтажная.

- Замечательная, - ответил я наперекор своим мыслям. – Правда, что-то не видать ее замечательных создателей.

Мы нашли их на втором этаже за второй бутылкой водки.

- Ну что, мужики, - я невольно скривился, - похоже, работенка движется в нужном направлении. И главное – разогревает.

- А ты, пацан, не выпендривайся!

Здоровенный мужик в фуфайке сделал пару шагов вперед. И вызывающе блеснул золотым зубом. Не иначе он был командиром этой шайки.

- Работенку двигает только рубль! Вернее бакс. То бишь евро. Понял?

- Но мы ведь вам заплатили, - робко встряла Смирнова.

В ответ послышался такой поток брани, что я не выдержал. Схватил главного за ворот фуфайки и встряхнул так, что он не устоял на ногах и опустился на пол. Мужик провел широкой красной ладонью по вспотевшему лбу, криво усмехнулся, вновь сверкнув золотым зубом, и уважительно на меня посмотрел.

Его дружки вскочили с места, уже приготовившись окружать меня. Но золотой зуб остановил их одним взмахом руки.

- Что-то мне твоя рожа знакома, пацан.

- Наверняка, внимательно читаешь сводки «Их разыскивает милиция».

- Не-а, - золотой зуб почесал за ухом. – Рожей не вышел. Ты птица другого полета. Хоть и щетинкой оброс, и сапожки кирзовые на помойке подобрал. Летаешь ты в других местах, в более отдаленных. Но в каких, не могу с ходу припомнить.

Не хватало, чтобы этот мужлан оказался заядлым болельщиком. Нарваться на таком пустяке!

Я поманил его пальцем.

- Ойдем в сторонку и я объясню, где летаю.

- Идем, - он хитро мне подмигнул. – Может, и объяснишь где крылышки-то подпалил.

Естественно ничего объяснять я не собирался. Я собирался смяться, пока мою физиономию не опознали. Поэтому, не дав раскрыть рта золотому зубу, я тут же предложил солидную сумму. Вот тогда он рот и раскрыл от удивления. И перестал глазеть на меня. Перед его глазами мелькали зелененькие бумажки. Я уже был не нужен.

- Вот это дело! – он дыхнул на меня перегаром. – Вот это я понимаю. Не волнуйся, пацан, сделаем все как нужно.

- И главное вовремя, - я вытащил пачку денег и сунул ему в карман. – Если оправдаешь доверие, столько же получишь потом.

- Оправдаю, оправдаю, ты не кипятись, - он мгновенно пересчитал деньги. И даже протянул мне руку на прощание.

Я попытался сделать вид, что не заметил. Но потом вдруг передумал.

Интуиция мне подсказывала, что не протяни я руку, золотой зуб запросто, в один миг может плюнуть на деньги и послать нас ко всем чертям. Я чувствовал, что подобные им, конечно, знали цену деньгам, но не менее они требовали и за себя лично высокую плату. Хотя, наверняка, себя не так уж ценили. Поэтому я наспех пожал ему руку, позвал Смирнову, и слегка подхватив ее под локоть, скоренько стал удаляться.

- Эй, пацан! – крикнул мне в спину золотой зуб. Я похолодел. И оглянулся.

- А все-таки, чего при таких-то бабках ты при такой-то бабе! – он гнусно захихикал, довольный своей шуткой.

Я невольно сжал кулаки. По всем правилам мне следовало ринуться в драку, но мое положение это не позволяло. Меня выручила Смирнова.

- Идемте, Виталий Николаевич, не стоит с ними связываться.

Я сделал вид, что стоит, еще как стоит.

- Ну, я вас прошу, - Смирнова умоляюще на меня посмотрела.

Я облегченно вздохнул. Драться я не собирался. Но, похоже, золотой зуб решительно собирался меня вспомнить. Похоже, он все-таки был болельщиком. И какого черта они все так интересуются хоккеем. Хотя... Судя по золотому зубу, книжки он вряд ли бы читал. И в концертном зале я с трудом мог его представить.

Обратная дорога мне далась гораздо легче. И я понял, что человек может привыкнуть абсолютно ко всему. И к холоду в электричке, и к неудобным грязным сиденьям. Я даже как заправский пассажир занял более удобные места и соизволил хлебнуть остывший кофе из термоса.

- Но ведь у вас нет денег, - робко заметила Надежда Андреевна. – Как вы сможете с ними рассчитаться?

- Не волнуйтесь. Я неплохо в таежных местах зарабатывал.

- Но я должна... Должна как-то с вами рассчитаться. Это все вообще выглядит и странно, и неудобно. С какой стати вы обязаны мне помогать. Совершенно чужому человеку. Чужому...

Я промокнул губы салфеткой и внимательно посмотрел на Смирнову.

- А знаете, вы уже не выглядите такой чужой.

Она слегка покраснела и машинально стала завязывать узел на черном платке.

- Ну, в таком случае... Единственное, что я могу для вас сделать... Это... Вы человек приезжий и необязательно вам платить за квартиру. Это так теперь дорого. Я хочу пригласить вас в свой дом. Вы же видели, есть свободная комната. Кабинет... Моего мужа, - при последних словах ее руки бессильно упали. На концах черного платка виднелись аккуратно завязанные узелки. – Вы можете там остановиться. Я уверена, он был бы только рад. Он умел платить добром за добро.

Добром за добро... Если бы она только на секунду могла представить, какую добрую услугу я оказал ее мужу. Мало того, что убил его, так теперь еще и кабинетик собираюсь прибрать к рукам.

- Спасибо за приглашение, - резко ответил я, но заметив, как она изменилась в лице, смягчил тон и поспешно добавил. – Я подумаю, обязательно подумаю. Просто, вы понимаете, я привык жить один. Свой устав, свои привычки.

- Я понимаю. И все-таки... Мой дом всегда будет для вас открыт. Тем более... Ведь вы собираетесь ознакомиться с его трудами, - она робко на меня посмотрела. Ей так хотелось узнать, читал ли я работы ее мужа.

- Я читал, - ответил я на ее немой вопрос. – Безусловно, не все, в общем, не так много. Но это действительно интересно.

- Вы только скажите правду. Дело в том, что многие называют его мысли не новыми, многие – устарелыми, а большинство – просто ненужными. А как вы думаете?

Я думал и первое, и второе, и третье. Но вслух сказал четвертое. Я сказал, что меня чрезвычайно заинтересовали его труды, но окончательное мнение я скажу лишь после полного с ними ознакомления. И невзначай словил себя на мысли, что моя речь постепенно начинает подстраиваться под лексикон Смирновой. Впрочем, чему удивляться. Уже сколько времени я общаюсь только с ней.

- Кстати, а вы нашли папку? Ну, последнюю его работу?

Она отрицательно покачала головой.

- Как-то странно все. Неправдоподобно. Папка должна быть на месте, я в этом просто уверена.

- Может быть, ее украли?

Смирнова вздрогнула и буквально оцепенела. Похоже, для нее эта мысль показалась чудовищной. И она замахала руками, словно от нее отбиваясь.

- Ну что вы! Виталий Николаевич! Даже думать об этом не смейте! Моего мужа окружали исключительно порядочные люди! Среди них были даже гении!

Я лично тоже сомневался, что порядочные люди и тем более гении могут украсть. Но одолжить на время, особенно если это касалось науки. Почему бы и нет?

- Ну, хорошо, Надежда Андреевна, вы только так не волнуйтесь. Я погорячился. Но ведь вполне допустимо, что ваш муж незадолго до смерти мог сам отдать папку кому-нибудь из своих коллег.

- И это невозможно, - вздохнула она. – Дело в том, что в тот... тот страшный вечер... ну, когда Юра пошел на хоккей... я в общем видела папку в его руках. Он перехватил мой взгляд и спрятал ее в ящик и закрыл его на ключ. Вот так.

- А потом он умер, - вслед за ней вздохнул я, начисто забыв, что явился виновником его смерти.

- Его убили, - тихо поправила меня Смирнова.

- Случайно, - еще тише добавил я и перевел взгляд за окно.

- Но к папке это не имеет никакого отношения.

- А когда он умер, - настойчиво повторил я, - в вашем доме было много народа?

- Сами понимаете, его уважали и конечно пришли с ним попрощаться, – она не выдержала и расплакалась, едва опустив голову на мое плечо. Но тут же встрепенулась. – Извините. Впрочем, не так уж много и пришло попрощаться. Юра был не очень общителен. Скорее замкнут, предпочитал компаниям и гостям наш дом.

«А может быть его просто не сильно любили?» – именно такая мысль пронеслась в моей голове. Мысль, которая не раз меня утешала.

- А вот этот человек, я его краем глаза заметил на похоронах. Такой высокий, красивый... Вы что-то про него говорили. Он вроде бы друг вашего мужа.

- И друг, и враг, - просто ответил Смирнова.

Я невольно вспомнил про Саньку Шмырева. В ответе Смирновой не было ничего нового для понятия дружбы.

- Так друг или враг все-таки? И что перевешивает?

- Полное равновесие, - Смирнова улыбнулась лишь краешками губ. – Он очень много значил для Юры. И Юра для него значил не меньше. Вы, возможно, не успели заметить, но он благополучнее других. Это сразу бросается в глаза. Он – самый успешный из их курса. Они вместе закончили университет. У него вышло много книг, за рубежом в том числе. В общем, вполне удачливая судьба. Но в трудную минуту он всегда бросался нам на помощь. Впрочем, Юрочка тоже не раз его выручал.

- Ну, про друга я все понял. А как на счет врага?

- Это исключительно в науке. Они придерживались кардинально различных точек зрения в психоанализе. Они были абсолютные антагонисты с абсолютно противоположным мировоззрением. И здесь ни один, ни второй не шел на компромисс. Юра был романтик в науке. А Макс - прагматик. Но драки шли исключительно словесные. Только на кафедре. В жизни они обожали друг друга.

- Чего не скажешь о вас, - заключил я.

- С чего вы взяли? – Смирнова напряглась.

- Вы его так хвалите, словно до сих пор извиняетесь перед мужем, что никогда не любили его друга.

- Нет, просто я слишком любила мужа, чтобы любить еще кого-то. Тем более того, кто всегда у него выигрывал, - резко ответила она и тут же сама испугалась своего тона. – А возможно, мне просто не хватало для этого сердца. Впрочем, возможно, вы правы. Возможно, я что-то упустила. Все это время я нахожусь словно в прострации. Поэтому действительно вам стоит поговорить с Максом.

Во-первых, я ни с кем говорить не собирался. Но я заметил удивительное качество этой женщины. Робкая, тихая, почти забитая, она умела поставить вопрос так, что невозможно было отвертеться. Впрочем, в сегодняшнем положении мне за многое приходится отвечать. Тем более мне ничего не стоит познакомиться с этим счастливым человеком. Вдруг он сможет успокоить мою бунтующую каплю совести. Одно меня настораживало – и он вполне мог оказаться заядлым болельщиком. И я неосторожно ляпнул.

- Скажите, а он любит хоккей?

Да, этот вопрос был нехстати. Смирнова побелела и стала лихорадочно развязывать узелки на черном платке.

- Странный вопрос.

- Да ничего странного, - как можно беззаботнее ответил я. – Просто заядлые болельщики слишком времени тратят на разговоры о спорте. А я терпеть не могу спорт.

- А мой муж любил, хотя говорил об этом мало. Но вы не волнуйтесь, Макс – не болельщик. Он любит спорт исключительно в себе. Прекрасно играет в теннис, прекрасно плавает, каждый день по часу проводит за тренажерами. Но дальше этого любовь не идет. Он слишком много болеет за себя, чтобы болеть еще за кого-то.

Смирнова явно недолго любила этого Макса. А мне он все больше нравился. И чем-то напоминал меня. Почему люди не любят своих успешных сограждан?.. Впрочем, ответ на этот вопрос я очень скоро узнал.

В этот вечер мы тепло простились со Смирновой у подъезда ее дома. Она еще долго благодарила меня, со слезами вспоминала своего мужа, сетовала на одиночество и приглашала бывать почаще. По-моему, она начинала ко мне привыкать, как к собаке, с которой не чувствуешь одиночество. И которой можно от души выговориться, не услышав в ответ лая.

Мимо нас прошли две женщины, по всему видимо, соседки. Одна из них не выдержала и укоризненно посмотрела на Смирнову.

- Эх, Надя, а ведь совсем недавно-то схоронила мужа.

Я уже собирался ответить, что я брат. Двоюродный, но не успел. Они гордо минули меня, громко хлопнув дверью подъезда.

- Вас пугают сплетни? – спросил я, кивая на закрытую дверь.

Смирнова в ответ усмехнулась.

- Если бы они меня пугали, разве бы я пригласила вас жить у меня? И мое приглашение остается в силе.

- Вы – смелая женщина.

- Нет, просто мне уже все равно. Все это такие мелочи, от которых иногда хочется расхохотаться. И почему люди так много времени уделяют пустякам? Я раньше тоже уделяла. И теперь очень жалею об этом. Стоило ли на это тратить жизнь? Такую прекрасную жизнь, которая была у меня. А теперь мне все равно. Знаете, меня даже утешают теперь мелкие колкости, гадости. Я отвлекаюсь и хоть чуть-чуть физически чувствую окружающий мир. Хотя мне все равно.

- Это временно. Поверьте мне, – я слегка прикоснулся губами к холодной руке Смирновой. Я в который раз просил у нее прощения.

Где-то вверху злобно хлопнула форточка. Я их не осуждал. Разве они могли знать, что случайный палач пытается вымолить хоть немного пощады.

Говорить с Максом пока не стал. Я закрылся в своей тайной квартире и старался не высовывать носа. Мне было совсем ни к чему, чтобы меня узнали на улице. Ведь по логике вещей и по своему же утверждению я давно купаюсь в волнах далекого теплого моря и валяюсь на пляже рядом с длинноногими загорелыми красавицами. От всей души отдыхая душой... Но вопреки логике и своим утверждениям я валялся на кровати, по собственной воле запертый в четырех стенах. И вместо обжигающего итальянского солнца в мокрое от дождя окно стучались бледные солнцеподобные лучи. Об отдыхе моей души не было и речи.

Все чаще звонил телефон. Это меня настораживало. Об этой квартире никто не знал, а со Смирновой мы договорились, что я ей сам позвоню, когда будут новости. Я подозревал, что репортеришки уже разнюхали про мое тайное пристанище. Однажды как-то не выдержал и со злостью выдернул шнур из розетки. И оказался полностью изолирован от окружающего мира. Это случилось со мной впервые в жизни. Я вообще не жаловал одиночества, и боялся его. Пожалуй, эту черту я унаследовал от своей мамы. А уж если бы она застала меня закрытого в четырех стенах за чтением, уж не знаю, вознесла бы она руки к благодарению или просто залепила бы мне оплеуху.

Но этого узнать я уже не мог. Поэтому действовал по своему усмотрению.

И продолжил изучение трудов Смирнова. Хотя мне это давалось не так уж легко. А Смирнов отчаянно пытался доказать, что такое счастье. Или как стать счастливым. Что означало - как продлить жизнь. Он приводил примеры из жизни известных и неизвестных людей. Как правило, известные оказывались в менее выгодном положении, потому что всю жизнь действовали и вопреки логике, и вопреки здравому смыслу, опираясь исключительно на свой талант и потакая исключительно своим минутным прихотям и желаниям. Но главная их ошибка – это многочисленное окружение. Которому они не противились, а зачастую потакали.

Еще один важный вывод Смирнова – умелое «отсечение» ненужных людей ведет к продлению жизни, то есть к счастью. Смирнов даже осмелился привести пример из собственной жизни, когда был влюблен не в ту женщину. И если бы вовремя не расстался с ней, то уже давно бы погиб.

Я невольно усмехнулся. Странные мысли. Можно подумать он теперь не погиб. И по такой глупой случайности! Гораздо достойнее было бы умереть от любви. А не от руки своего кумира.

Но когда я дошел до главы, что все люди являются невольными убийцами друг друга, один в большей степени, другой в меньшей, один сознательно, другой нет, то было уже не до смеха. Мы все убиваем друг друга. Как ни парадоксально, но нас в итоге убивают ни войны, ни катастрофы и ни болезни. Только мы сами. Это мы сочиняем и войны, и катастрофы, и даже болезни. Мы делаем все, чтобы сократить жизнь другому. И не только научными открытиями, не только закулисными подлостями, но и просто незначительными словами и жестами. Я, как и Смирнов, уже верил, что кто-то может дожить до ста лет. Но я никогда не поверю, что и его не убивали. Это просто означает, что он не дожил до ста пятидесяти. Не нужно даже говорить о пагубности алкоголя, сигарет и ядов. До любого состояния можно довести. Вольно или невольно. Человек не может так довести сам себя. Это нереально. И неправдоподобно. Это выше человеческих сил. Он слишком зависим. Слишком беспомощен и слишком слаб в обществе, где его касается всякая мелочь. И всякая мелочь может приблизить его гибель. Мне даже показалось, что дожить до назначенного судьбой возраста он способен только в одиночку. И вообще одиночки гораздо больше живут. Но это уже из биологии. Хотя разве мы не часть биологии? Подобное когда-то доказывала моя мама.

На одном дыхании я прочел эту главу. Сердце мое колотилось, руки дрожали, и смутные картинки из прошлого загружали, перескакивая одна на другую, как в калейдоскопе, мой воспаленный мозг. Я не выдержал, открыл бар и достал бутылку виски. Припасенную когда-то для случайных посетительниц. Залпом выпил полный стакан. Взъерошил вспотевшие волосы.

- Прости меня, мама, я не пил даже когда узнал, что ты умерла, - я взял фотографию своей матери и прижал ее к своим губам.

Она смеялась на фото. Но в ее распахнутых настежь глазах я уловил страх. Словно она видела мое будущее.

На следующее утро я решил посетить Макса. Предварительно договорился по телефону о встрече и представившись другом семьи Смирновых.

Он жил, как я и предполагал, в одном из респектабельных районов, в самом центре. Я на всякий случай оставил свою машину в квартале от его дома. И вскоре уже, после краткого объяснения с консьержкой, взбежал по лестнице на второй этаж.

Он быстро открыл мне дверь, как-то уж слишком быстро для его просторной четырехкомнатной квартиры. Словно он под дверью прислушивался к моим шагам. Но эти подозрения я мгновенно отверг. Его солидный и внушительный вид не давал права на подобные мысли.

- Здравствуйте, - протянул он мне руку и вежливо пригласил пройти в комнату.

Я последовал его приглашению и огляделся. Комната была просторная, стильная, в светлых тонах, не загроможденная мебелью и вещами, поэтому уютная, немного напоминающая офис. Впрочем, ультрасовременная, под стать хозяину.

Мы уселись в кожаных креслах за стеклянным маленьким столиком.

- Ну и чем могу служить? – спросил через чур вежливо Макс, разливая кофе по маленьким чашечкам из темного французского стекла.

Вообще, все выглядело настолько благовоспитанным, аккуратненьким и стерильным, что мне стало противно. И я некстати ляпнул.

- Я и понятия не имел, что ученые сегодня живут так.

- Ученые живут по-разному. И так тоже. А вы что-то имеете против?

Странно. Я сам поражаюсь и своим вызывающим мыслям, и своему вызывающему поведению. Я никогда не был против роскошной жизни. Напротив, приветствовал ее и справедливо считал одной из составляющих успеха. Но почему-то именно здесь, на этом скрипящем кожаном кресле, среди нарочито пропорциональной мебели, напротив этого лощеного красавчика в белом хлопковом костюме, я вдруг вспомнил более чем скромную и немодную квартирку Смирнова. Тоже кстати (или некстати) ученого.

- Да нет, - я как можно равнодушнее пожал плечами. – Против ничего не имею.

Макс внимательно на меня посмотрел, и мне показалось, что в его очень светлых, почти стеклянных глазах зажглись недоверчивые искорки. Он мне не верил. Более того, я вдруг явственно, почти физически осознал его превосходство над собой, хотя он к этому не давал явных поводов. И все же. Я впервые в жизни понял, понял на собственной шкуре, насколько дорогая одежда, дом, сама жизнь влияет на отношения людей. И насколько вещи, не человек, а вещи определяют тон этих отношений и главенствуют в выборе такого тона.

Сегодня в глазах преуспевающего Макса я был никем. Всего лишь неудачником и другом такого же неудачника – Смирнова. Вряд ли бы он в небритом, бедно одетом госте смог бы опознать гениального хоккеиста, сумевшего покорить мир и тем самым приобщиться к избранной касте, ведущей дорого оплачиваемое существование. Кстати, один из атрибутов которого, мой желтенький феррари, стоял

всего лишь в квартале отсюда. Но этого Макс не мог знать. Он знал лишь то, что видел.

- Кстати, я о вас ничего не слышал от Юры, - усмехнулся Макс. – И если честно, поначалу с недоверием отнесся к вашим словам. Но теперь... Теперь я убедился, что вы действительно можете быть другом Смирнова. Он тоже не понимал, что так могут жить ученые. Он, как и вы, полагал, что ученые должны жить в захлавленной пыльными книгами библиотеке. Знаете, более чем стандартное представление о быте. В таком случае, артисты должны жить только среди афиш и плакатов, повара – среди кастрюль и тарелок, а спортсмены – среди спортивного инвентаря и кубков. Смешно, не правда ли?

Мне было не смешно. Хотя я его отлично понимал, вернее, должен был понимать. Ведь еще вчера жил как он, ну, разве что не в современном стиле. Просто на этот стиль у Дианы не хватало ни ума, ни понятия. Она предпочитала роскошь в стиле барокко.

- Человек не может и не должен жить на работе, - глубокомысленно заметил Макс. – Хотя, безусловно, она откладывает отпечаток на его быт.

Я огляделся. И вновь не выдержал.

- Но по вашей квартире этого не скажешь.

Макс откровенно расхохотался мне в лицо.

- Я и впрямь узнаю друга Смирнова! Настоящего друга. Только не понимаю, почему он вас так тщательно скрывал?

- Он не скрывал, просто... - я запнулся, хотя версия нашего знакомства была мною продумана. – Просто видимо при вас у него не было случая обо мне вспомнить. Так бывает. Тем более, что мы подружились через его жену... Надежду... Надю. Мы были соседями, жили в одном доме, в одном подъезде. А потом я уехал... И наша дружба превратилась скорее в телефонную. Или письменную.

Я не мог не заметить, как он скривился при упоминании жены Смирнова. И в очередной раз убедился, что они друг друга не терпели.

- И что же вы теперь от меня хотите? – довольно резко спросил он.

- Вообще-то лично я ничего, - не менее резко ответил я. – Я по просьбе Надежды Андреевны.

- А Надежда Андреевна почему сама не соизволила придти? – иронично уточнил он.

- Вы сами должны понимать, почему.

Он вздрогнул, опустил глаза и принялся наливать кофе. Я решил не искушать его своими подозрительными намеками и уже миролюбиво продолжил.

- Она сейчас не в самом лучшем состоянии. И вы это отлично знаете. Похоже, она очень, очень сильно любила мужа.

- Да она была просто на нем помешана! – грубо отрезал Макс. – Может, это его и сгубило.

- К сожалению, его сгубило другое.

- Да я не про то! – Макс махнул рукой. – Я про жизнь его, а не про смерть! Умереть можно от чего угодно, здесь наши желания бессильны. А вот как прожить жизнь в наших руках!

- А я думаю, его вполне устраивала и его жена, и его жизнь.

- Конечно, устраивала! Если человек смиряется, его что угодно устроит! Даже нары и тюремная решетка! Но смирение – это гибель для личности! Для писателей, артистов, ученых! Впрочем, для всех художников в своем деле! Даже для поваров, если он личность! Смирение – это удел посредственности и монахов. И, безусловно, неудачников. Он не был ни посредственностью, ни монахом. Но сам, по собственной воле пожелал стать неудачником! Это более чем преступно для ученого!

- А Надежда Андреевна считает его гением в своем деле.

- Еще бы она считала по-другому! Она сама слепила из него то, что хотела и назвала это гениальностью. А воля его была парализована. Он жил по схеме, которую придумал, вернее, которую ему выгодно было придумать. Чтобы хоть как-то оправдать свое существование. Но, как видите, схема его, выстроенная годами, разрушилась в один миг. Одним ударом шайбы! Знаете, складывается такое ощущение, что он, знавший, каким в идеале должен быть жизненный путь, чтобы жить долго и счастливо, сам ступил не на ту дорогу и именно поэтому погиб. Он оказался жертвой собственных фантазий. Вместо того чтобы просто жить, он жил по придуманной схеме, она душила его, не позволяла сделать шаг ни влево, ни вправо, и в итоге его погубила.

- А вы знаете, как нужно жить? – я внимательно посмотрел на Макса.

- А этого вообще знать не нужно. Нужно просто жить.

- Ну, вы-то живете не просто, - я огляделся.

Он оценил мою шутку и расхохотался.

- Безусловно! Но чем проще относишься к жизни, тем она дороже оплачивает.

Еще какой-то месяц назад я бы легко нашел с Максом общий язык. Я вообще был как две капли воды на него похож. Но теперь словно вглядывался в свою старую фотографию и с тоской вспоминал свое прошлое. И уже отлично понимал тех, кто ненавидит удачливых, благополучных. Я совсем недавно был таким. В таком же легком белом хлопковом костюме, на кожаном диване, с чашкой кофе в руках я мог развязно рассуждать о том, что жизнь дорого платит тем, кто к ней просто относится. У меня и мысли не могло возникнуть, что когда-нибудь, в один из заснеженных дней она резко прекратит оплату и предъявит такой счет за свои бесплатные услуги, что погасить его не будет ни сил, возможности. Разве что ценой расставания с самой жизнью.

Но на это меня тоже не хватило. Во всяком случае, я не спешил. Я по-прежнему оставлял лазейку для своей измученной совести. И она должна была вывести меня в прежнюю жизнь, о которой я так истосковался. Которую мог уже наблюдать только со стороны.

Я уже начинал ненавидеть себя. Мне показалось, будто становлюсь похожим на тысячи завистников, которым не удастся жить так, как Макс. И только поэтому они его ненавидят.

Черт побери! Не адвокатом же я нанимался к Смирнову. Я должен быть обвинителем, ну, на первых порах, следователем, обязанным любой ценой раскопать компромат. К тому же Макс трезвомыслящий человек, коллега и главное - друг. Только он мне и может помочь в этом деле. И больше не медля, я просунул голову в свою заветную лазейку.

- Скажите, а Юра... Он вообще был хорошим человеком? Ну, кроме того, что он придумал какую-то дурацкую, почти смешную схему счастья, за ним ничего не водилось?

Это были неосторожные слова. Все-таки я был плохим следователем. Мой вопрос насторожил Макса и очень его поразил. Он нахмурился. И чашка с кофе дрогнула в его руке.

- Я вас не понимаю, Виталий Николаевич. О чем вы? Позвольте узнать, зачем вообще ко мне пожаловали?

Я шумно вздохнул, словно переведя дух. Вытер носовым платком влажный лоб.

- Вы меня не правильно поняли. Возможно, это дурацкий вопрос. Я совсем не о том хотел спросить.

- А мне кажется, именно о том, - резко ответил Макс. – Я, кажется, начинаю понимать. Старый друг жены Смирнова, так вдруг внезапно появившийся лишь после его смерти. Безусловно, вам хотелось бы узнать о Юре что-либо нелицеприятное, чтобы не так безнравственно выглядело столь скорое ухаживание за его женой.

Я криво усмехнулся. Еще чего не хватало! Даже сама эта мысль унижала меня. Это после принцессы Дианы! Я, конечно, мог все потерять – и красивые вещи, и красивых женщин, но только не вкус к ним. Я уже было попытался защищаться, как Макс вдруг приблизился ко мне, и на его лбу образовалась глубокая морщина, словно он о чем-то пытался вспомнить.

- А ведь мне ваше лицо знакомо, - с удивлением заметил он. – Вот только не могу понять, где мы встречались.

Я насторожился. Нет, на сегодняшний день безопаснее быть поклонником Смирновой, нежели убийцей ее мужа. И мгновенно изобразил на лице беспечное выражение.

- Скорее всего, вы видели мою фотографию у Смирновых.

- Да, да, может быть. Фотография соседа. По дому. И по подъезду. И по лестничной клетке, не так ли? Может быть. Так вас интересуют пороки Смирнова, а не его добродетели? - в глазах Макса появилось откровенно ехидное выражение.

- Повторяю, вы меня не правильно поняли. Если честно, меня интересует все. Ведь я журналист, вам, наверное, говорила об этом Надежда Андреевна. И я собираюсь теперь писать книгу об ученом Смирнове, который, кстати, был моим другом, - уже с достоинством, твердым голосом ответил я.

Пожалуй, несколько снобистский тон на какое-то время расположил ко мне Макса. Он даже дружелюбно улыбнулся.

- Ах, вот оно что! С этого бы и начинали! Ну что ж, извините, если чем-то вас обидел. Сами понимаете, что мы склонны думать о людях хуже, скорее всего только потому, что не желаем, чтобы они были лучше нас. Вот и мысленно фантазируем... Ну, что же, еще раз простите.

- Я уже забыл, - вновь с достоинством ответил я.

- Ну и прекрасно! Значит книга. Просто замечательно! Просто великолепная идея!

Макс как-то слишком возбудился, обрадовался, что мне позволило усомниться в его искренности. Впрочем, я тоже хотел думать о нем хуже, чем он есть, чтобы как-то себя обелить.

- Знаете, Смирнов этого достоин! Вот еще одна сторона смерти. О мертвых думают, их жизнь интересует, ее анализируют. Разве живые часто такого удосуживаются? А все почему? Живые и раздражают, им и завидуют, их ненавидят. А к мертвым уже никаких счетов. Смерть оплачивает все. И прибавляет прощение и сочувствие. Разве не так?

- В общем, так, но довольно прозаично и где-то цинично.

- А я не романтик, в отличие от Смирнова. И, возможно, где-то циник. Но скептическое отношение к действительности помогает жить.

- И жить недешево, - вновь не удержался я.

Макс вновь хохотнул.

- Вы меня вновь поддели. Ну, что ж. Я этого вполне заслуживаю. Я ведь живой, в отличие от Смирнова. И ко мне снисхождения нет.

- Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли, Максим Станиславович, я не хочу писать хвалебную оду на смерть Смирнова. Я не хочу подгонять его жизнь под его же схему. Я хочу написать правду о человеке. И все.

Макс иронично усмехнулся.

- Ради Бога! Только мне не заливайте. Правду. Вы хотите написать правду только потому, что она теперь легче раскупается. Люди хотят узнать о жизни великих побольше гадостей, это, знаете ли, облегчает им жизнь. Уж если великие были такими, то что говорить о нас, грешных.

- Великим больше позволено, - заметил я.

- Вы так думаете? А я думаю, что это они себе больше позволяют. Кстати, Смирнов себе ничего не позволял. Но, наверное, поэтому он так и не стал великим. И, позвольте откровенно, кому будет интересна эта книга?

- Если читают его труды, станет интересен и человек, их сочинивший.

- Возможно. Возможно, - задумчиво протянул Макс. – Только его труды... Они весьма спорны и пессимистичны. Вряд ли кто-то захочет жить по той схеме, которую он придумал. По схеме вообще вряд ли кто хочет жить. Тем более своей нелепой смертью он полностью перечеркнул верность своих убеждений. Все в жизни – случай. И жизнь, и смерть. Он же исключал случай из жизни. И считал, что все можно запрограммировать. Как видите – нет! Но я согласен в одном с вами, эта книга может действительно заинтересовать. Но не с точки зрения биографии Смирнова, это никак! И вряд ли с точки зрения его трудов. А скорее с позиции его смерти. А к чужой смерти гораздо больше наберется любопытства, чем к чужой жизни. Действительно необычайный факт гибели! Таких фактов, пожалуй, можно пересчитать по пальцам за всю историю существования мирового хоккея, не так ли?

Я буркнул в ответ что-то невнятное и принялся старательно размешивать сахар в чашке кофе.

- Так, так, - ответил за меня Макс. - Человек, сознательно избегающий нелепых и трагичных случайностей, которые, по его мнению, можно расчетливо избежать, приходит в самое безопасное место, более того, в самое излюбленное свое место – на стадион и безмятежно следит за матчем. И в один миг, только в один миг, когда и предчувствие какое-либо исключается – прямо в голову летит шайба. Смирнов, пожалуй, в это мгновение ничего не понял. И – слава Богу! По-моему, это был даже его любимый хоккеист, можно сказать, его кумир. Если бы это не закончилось так трагично, то выглядело бы даже забавно. Что с вами?

Я плохо себя уже контролировал. Меня бросило в жар, и сжал до боли пульсирующие виски.

- Вам плохо? – с тревогой спросил Макс, слегка прикоснувшись к моему плечу.

- Да нет, ничего, - я облизал пересохшие губы. – Просто у вас душно. И еще кофе...

- Да, да, конечно, как я сразу не сообразил, действительно душно.

Макс вскочил с места, включил кондиционер, достал из-за барной стойки бутылку холодной минералки, налил в высокий синий бокал. Я залпом выпил и перевел дух.

- Спасибо, все нормально, не беспокойтесь.

- А я, было, испугался, что мое нетактичное описание смерти на вас так подействовало. Нет, конечно! Конечно, духота и крепкий кофе! У журналистов крепкие нервы, не так ли?

Не знаю почему, то ли назло Макс, то ли назло себе, я тут же отказался от версии про духоту и кофе, и вызывающе ответил:

- Он был моим другом, вы это знаете. Я, в отличие от вас, вряд ли бы смог вот так, просто рассуждать о его смерти или слушать подобные рассуждения!

- Ну что ж, можно в таком случае порассуждать о его жизни. – Макс не ответил на мой вызов и, напротив, угодливо подлил еще минералки в синий высокий бокал. – Хотя повторю, как бы ни цинично это прозвучало, жизнь его менее интересна, чем смерть. Возможно, этот хоккеист даже оказал ему услугу. Так бы никто и понятия не имел о скромном ученом с незапоминающейся фамилий Смирнов. А теперь об этом

трубят газеты всего мира, вот вы даже книгу писать собираетесь. Смею полагать, не вы первый, не вы последний. Эта неприметная фамилия уж очень даже вонзилась в память каждому. Да, да, не смотрите на меня таким возмущенным взглядом. Я называю вещи своими именами. Смирнов лишь своей смертью прославился. Конечно, лучше бы это произошло не так рано, а хотя бы еще годков через тридцать, но тут мы решать бессильны. И потом, откуда нам знать, чтобы случилось с ним в этот день, если бы не удар шайбы? Он мог и под машину попасть, могла, в конце концов, начаться давка на стадионе от радости победы, и он бы в ней погиб. Да мало ли что могло быть! Тогда смерть бы его никто не заметил. А этот хоккеист... Благодаря ему он и прославился и, возможно, благодаря ему, труды Смирнова даже опубликуют и оценят, как знать. А вот сам Смирнов этому чемпиону оказал не очень хорошую услугу своей гибелью, вы не находите?

Макс пристально на меня посмотрел. Я ответил ему подобным взглядом. Я вообще сомневался, что все свои напыщенные речи этот красавчик произносит всерьез. Как-то уж слишком чувствовалась ирония ко всему происходящему. Но решил пока не замечать его иронии ни под каким предлогом. Так будет больше шансов, что он выскажется до конца. И в этих высказываниях по неосторожности промелькнет что-то для меня полезное.

Я равнодушно пожал плечами.

- Я не задумывался о том, кто кому какую услугу оказал. Разве можно задумываться об услугах в трагедии?

- А почему нет? Сами посудите, ведь этот хоккеист, не помню его фамилии, он и так был знаменит на весь мир! Ему подобная слава уж точно была ни к чему. Еще чуть-чуть и он мог быть признан лучшим хоккеистом мира. И в один миг стал признанным убийцей... Так не он ли в этой истории более пострадавшая сторона?

- В любом случае, он живой.

- О, да, это, конечно, много! Но будь на его месте человек послабее, мог бы от такой трагичной случайности, от угрызений совести и застрелиться. А если даже не покончить с собой... Ну, посудите, разве его жизнь не может превратиться в пытку? Знаете ли, с таким грузом жить не каждый выдержит. Правда, пишут, что он отправился в Канны восстанавливать нервы. Но как знать, каким он оттуда вернется.

- Вы так много читаете прессы, - не выдержал я и язвительно усмехнулся. – Там много сплетен.

- А знаете, без сплетен и жить было бы не так весело, согласитесь. Правда, веселиться могут лишь те, кто в этих сплетнях не фигурирует. Этому хоккеисту думаю не до веселья. Вот про кого любопытно книжку-то написать! От восхождения к закату. Нет, пожалуй, не к закату. Закат это нечто постепенное и размеренное. И падение не подойдет. На падение тоже нужно время. Здесь все стремительнее и страшнее. Пожалуй, от восхождения к смерти. Не один, оказывается, Смирнов умер. Я думаю, умер вместе с ним и его невольный убийца. Даже если его простят, клеймо то останется. И наверняка за спиной каждый раз перед матчем кто-нибудь да весело ляпнет: уж не прильет ли он и на этот раз кого? Случайно.

- А вы жестоки.

- Не я жесток, а мир. Я всего лишь часть этого мира, очень маленькая часть. Хоккеист этот поболее для мира значил. Гордость нашего спорта! И возможно жестоким-то и не был, но поступок совершил жестокий, хоть и невольно. Ему, пожалуй, тяжелее, чем любому преступнику, если он, конечно не подлец окончательный. Вот его-то совесть с чисто психологической, научной точки зрения интересней всего понаблюдать. И про это написать книгу. Пожалуй, я за это возьмусь. Возможно, еще смогу помочь ему как психолог. А вы помогите мне.

- В каком смысле? – нахмурился я.

- Ну, вы же журналист, у вас наверняка имеются связи. Постарайтесь добыть его телефончик, а лучше всего адрес, говорят, он по прежнему адресу теперь не живет, скрывается, ну это понятно.

- Боюсь, ничем вам помочь не могу, - резко отрезал я. – Я здесь недавно и связи мои ограничены. Спортом же я и вовсе не увлекаюсь.

- Да? – искренне удивился Макс. – Я был уверен, что вы, по меньшей мере, мастер какого-нибудь вида спорта. Такой мощный торс, такая крепкая фигура, такая уверенная походка. Да и мускулы немалые под вашей одеждой я угадываю.

- Да, занимаюсь на тренажерах, хорошо плаваю. Спорт для меня это здоровье, и все, – я не на шутку разозлился.

Прежде всего, Макс поставил меня в такое положение, когда я должен постоянно оправдываться. К тому же и разговор начинал раздражать. Я уж точно пришел не за тем, чтобы обсуждать: есть ли у меня совесть или нет? Мне нужно было узнать про Смирнова что-то такое, чтобы эту самую совесть успокоить и успокоиться самому. И, конечно, спросить про исчезнувшую папку. Поэтому я решил взять инициативу в свои руки, переведя разговор на другое. И задал неожиданный вопрос. И попал в цель.

- Кстати, у Смирнова в день похорон пропала важная папка. Вы случайно не в курсе?

Макс вздрогнул. Именно вздрогнул, я не преувеличил. И его очень светлые, словно стеклянные глаза, настороженно забегали по моему испытывающему лицу.

- Папка? Вы говорите папка? - взволнованно переспросил он. И взъерошил свои русые, густые с еле заметной проседью волосы.

- Вы что-нибудь об этом знаете? – я вновь почувствовал себя следователем и буквально впился в Макса взглядом.

- Безусловно! Безусловно, знаю! - выдохнул он, налил уже себе полный стакан минералки, залпом выпил.

Я опешил. Неужели вот так просто он выложит все карты на стол. Мне даже стало досадно.

- И что вам известно об этой папке?

- То, что она точно была! Он мне даже сам ее показывал накануне смерти. Помню, он похлопал по ней, она была такая синяя, прозрачная, нет, точнее голубая. Он похлопал по ней и сказал: «Вот она и докажет: зря я прожил жизнь или не зря. Что меня, возможно окончательно утешит. Или расстроит». Помню, я попытался взять из его рук папку, справедливо думая, что он протягивает ее именно мне, но ошибся. Он резко отдернул руку и добавил: «Нет, это я пока никому не покажу. Даже тебе, хоть ты мне и близкий друг, и коллега, и возможно, более всех бы понял меня». Я спросил, не очередное ли это его открытие в области психологии? Он сказал, что возможно. Но не это главное. Главное, это открытие в жизни и смерти. В том, что смерть никогда не бывает случайностью. Помню, он еще громко повторил: «Никогда!» И в любой, даже самой нелепой, самой неожиданной, самой внезапной смерти всегда кто-либо повинен, хотя бы и косвенно. И все мы в той или иной степени являемся убийцами. Впрочем, этим ответом он меня не сразил, я давно знал, что он работает над этой проблемой, и никогда этого не скрывал. Это был его конек, его сумасшедшая идея, его фетиш. Помню, я это ему так и сказал. Но он как-то возбужденно на меня посмотрел и уже торжественно заявил: нет, тут дело не в психологии, это вторично, и было бы преступно думать только лишь о науке, здесь главное найти истину в ее материальном значении и доказать ее на основе реальных фактов.

Я плохо понимал, о чем говорит Макс и уж совсем не в силу был понять, что имел в виду Смирнов. Но интуитивно почувствовал, что эта папка с его последним трудом жизни представляет огромный интерес, возможно, не только для науки. И как

знать, вдруг и для меня лично. Что если Смирнов на основе собственного примера хотел доказать, что убийцами являются все. Вдруг и он сам кого-то, пусть невольно, но убил. Этот было бы для меня весьма кстати.

- Так где, где эта папка? – поторопил я Макса, прервав его малопонятную речь.

Он удивленно на меня посмотрел.

- А я откуда знаю? При мне же Юрка и спрятал ее в ящик стола, и запер на ключ. Вот, пожалуй, и все, что мне известно. Но, поверьте, я не меньше вашего встревожен ее исчезновением. Когда исчезают неопубликованные труды ученых после их смерти, это знаете ли, всегда катастрофа.

Я не мог понять, либо Макс сейчас оправдывается за первую реакцию, когда я спросил его про папку. Либо и впрямь напуган ее исчезновением.

- Но тогда непонятно, как она могла пропасть, - я недоуменно развел руками. – Надежда Андреевна говорит, что отчетливо помнит, как накануне своей смерти он при ней спрятал эту папку и взял ключ с собой. А потом были похороны. И с тех пор никто больше ее дом не посещал.

- Кроме вас, - ненароком заметил Макс.

- Да, кроме меня. Но я появился в их доме, когда уже было обнаружено исчезновение папки.

- М-да, у вас замечательное алиби, чего нельзя сказать о нас, о его друзьях и коллегах, которые пришли провожать его в последний путь, – с какой-то нарочитой горечью сказал Макс.

- Ну что вы, - мне стало неловко, – я никого не подозреваю. Об этом и подумать нельзя. И тем более Надежда Андреевна. Просто... Возможно, кто-то сумеет вспомнить какие-то детали. Возможно, Смирнова сама что-то перепутала, я это вполне допускаю, она была в таком состоянии, вы понимаете.

- Да, я хорошо понимаю. И еще понимаю, что ей очень бы хотелось, чтобы именно я был виновен в пропаже папки. Еще бы! Складывается, как по писанному. Успешный, но не очень талантливый ученый-карьерист крадет неопубликованный труд, свежие мысли у простака гения, у святой наивности. А лучший друг семьи, журналист, решает провести собственное расследование и восстановить истину. Замечательно! Литературно! Даже кинематографично! Только, знаете, не складывается. Так как вам хотелось бы, не складывается. Злодей, во-первых, чрезвычайно талантлив, жертва довольно посредственна, хотя, повторюсь, у нее были все шансы стать гением, а правдолюб хочет лишь достигнуть собственной цели, а не правды, то бишь написать книгу или еще что.

Под «еще что» он понимал, безусловно, Смирнову. Но я, стиснув зубы, вновь решил проглотить и эту пилюлю.

- Да, кстати, еще одна маленькая деталь! – Макс поднял указательный палец вверх. – И жертва-то – не простак и уж, конечно, не святая наивность!

Вот оно! Я даже затаил дыхание. Главное не спугнуть. Еще чуть-чуть и возмущенный Макс выложит нелицеприятные факты про Смирнова. Только бы не спугнуть. Нависла напряженная пауза. И я ее не выдержал и спугнул.

- Если Смирнов обвинял абсолютно всех в убийстве, хотя бы и непреднамеренном, значит, он обвинял и себя?

- Ах, бросьте, - Макс раздраженно махнул рукой. И задел бокал с минералкой. Бокал чуть было не упал мне в руки. Но я ловко его успел подхватить. - И не ловите меня на слове! В запале мало ли что можно ляпнуть! К тому же, это идеи Смирнова на счет человеков-убийц. Моя точка зрения совершенно другая. Насколько Смирнов мог подвести идею о том, что все люди убийцы, настолько я ее мог разбить в пух и прах, доказав что убийц вообще не существует в природе. Есть только обстоятельства.

- Это все демагогия, - вздохнул я, определенно поняв, что спугнул Макса и вытянуть из него, во всяком случае, сегодня ничего не удастся.

- А наша наука и строится на демагогии. Она вся сплошная демагогия. Более того, я вам открою тайну, здесь и таланта особого не требуется. Здесь требуется один талант – риторики и умение вести спор. А главное, уметь любую идею, любую точку зрения перевернуть до неузнаваемости. Чтобы можно было взглянуть на нее с разных сторон. Вот почему сегодня эта наука так популярна, более того, дорого оплачиваема и престижна. Добро и зло - возведены до абсурда. Перемешаны в таких словесных изысках, что их уже не различить.

- Странно, - я усмехнулся. – А все представляется наоборот. Во всяком случае, я как журналист тоже кое-что понимаю в человеческой душе или характере.

- И что же вы понимаете?

- По логике, это Смирнов должен оправдывать всех на свете, даже убийц. С его тихим спокойным, почти забытым характером. А он наоборот объявляет всех преступниками. А вы... С вашей уверенностью, вашим практицизмом и здравомыслием вдруг оказываетесь каким-то прямо человеколюбом.

- А может, в этом и кроется логика? Вы не находите? Может, человеколюбом способен быть только удачливый человек, а не наоборот. Ведь удачливому не за что ненавидеть других. Это его все имеют право ненавидеть. А неудачливого все любят, тогда, как он, ненавидит всех. Вот и вся логика.

- Но, по сути, только страдание может привести к сочувствию.

- Страдание? Бросьте ваши штучки! Вы что думаете, удачники не страдают? Вам трудно будет меня понять, но поверьте на слово, удачу гораздо тяжелее перенести, чем неудачу. Люди проходят огонь и воду и, как правило, им тяжелее всего даются медные трубы. Согласитесь, ведь удача – это и слава, и деньги, и любовь. От этого можно и спиться. От несчастий тоже можно спиться, но в неудаче легче поддержат. А в удаче сами с удовольствием споят. Удачника с удовольствием подтолкнут к краю пропасти, разве не так? Удача несет преклонение и ненависть. Неудача – жалость и презрение. Первое перевешивает второе. Презрение можно перенести. Ненависть – с огромным трудом. Ненависть способна на убийство, тогда как презрение – нет. Презрение к неудачнику, напротив, ведет к самоуважению, самовозвышению. Ведь мы лучше того, кого презираем. Но мы хуже того, кто удачлив и может презирать нас. Удачливые люди, если они чуть слабы, как правило, плохо кончают. Неудачники, даже если они очень слабы, могут вернуться к жизни. У них больше шансов. Их жалеют и даже могут с удовольствием помогать. А удачных топят и уничтожают. Сила нужна для удачливых. Для неудачливых (они и так бессильны) нужна лишь удача.

- В таком случае, если продолжать вашу мысль, случись у вас катастрофа, вы потеряете и удачу, и все блага, что ее сопровождают, и возненавидите человечество?

- Прекрасный вопрос! – искренне расхохотался Макс, обнажив свои безупречно белые зубы. – Только, увы, не ко мне! Я ничего не потеряю. У меня нет для этого оснований. И хоть я не придумал программу собственной жизни, жизнь сама за меня ее придумала. Я могу терять. Но по минимуму, который быстро восстанавливается.

- От тюрьмы, и сумы не зарекайся, как говорят в народе.

Я вспомнил, кем являюсь на сегодняшний день. От тюрьмы недалеко, и от сумы. Я вспомнил, кем был совсем недавно. Еще жалкий месяц назад мог поклясться своей головой и повторить слова Макса, что никогда ничего не потеряю.

Вообще, последнее время я стал ловить себя на мысли, что стал другим. И не просто я сам, мой характер, мои привычки изменились после той трагедии. Моя речь стала умнее, глубже, сложнее. Как ни странно, но я уже без особых усилий подбирал

слова, выстраивал их в замысловатые фразы, иногда достигая чуть ли не уровня риторики. Я вдруг понял, именно при знакомстве с Максом, что чувствую себя в диалоге, как рыба в воде. Именно потому, что всегда был таким. Просто моя профессия, где больше следовало работать ногами, нежели головой, не позволяла мне раскрыться. Впрочем, это не позволяла и мама. Сама мастер диалога и убеждений, она оставляла за собой право, и мыслить, и говорить. Моим же делом была клюшка и молчаливое согласие с матерью. Теперь... теперь все по-другому. Клюшку я уже потерял, и мать тоже. Теперь мне самому предстояло работать головой. И у меня это, без ложной скромности, неплохо получалось. Оставалось разве жалеть, что я так мало читал. Впрочем, мало читая, я имел прекрасное представление о многих произведениях, улавливая и запоминая их смысл на слух. Теперь же, общаясь со Смирновой и Максом, я так же легко, на лету схватывал приемы риторических изысков.

- Ого-го! – Макс слишком откровенно посмотрел на большие квадратные часы, почти сливающиеся с белой стеной, и нетактично громко присвистнул.

Мне пришлось резко встать с места.

- Извините, - сухо сказал я. – Я действительно слишком уж воспользовался вашим гостеприимством.

Я прошел в коридор, набросил на себя потрепанное пальто и нахлобучил на глаза кепку.

- А я с удовольствием дал вам этим воспользоваться, - широко улыбнулся мне Макс, пожимая на прощание руку. – Тем более у нас не только был общий, как оказалось, друг, но и возникло общее дело.

Я вопросительно приподнял брови.

- Вы будете писать о жизни и смерти Смирнова, - пояснил Макс. – И мой долг всячески вам в этом помогать. А я примусь за скрупулезное исследование души того, кто убил ученого. Разве это не общая цель? Эти два человека, хоть и не были даже знакомы, но роковым случаем теперь навеки повязаны.

Краска медленно подступала к моему лицу, вплоть до удушья. И я некстати закашлялся.

- Холодновато, поди, в таком пальтишке, - сочувственно заметил Макс и бесцеремонно пощупал ткань старого пальто, приобретенного мною в комиссионке. – Но я смею надеяться, что ваша книга позволит вам приобрести что-либо подобротнее.

- Вы прекрасно знаете, что я пишу не ради гонорара, - сдавленным голосом прохрипел я.

- Безусловно! Это ваш долг и дань памяти погибшему другу. И, безусловно, мы еще встретимся. И я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Мне лишь нужно завершить кое-какие дела, и я полностью в вашем распоряжении. И тут же вас оповещу, позвольте ваш телефончик.

Макс тут же вытащил из кармана светлых хлопковых брюк мобильник, и я машинально продиктовал свой телефон.

- Всего доброго, - я вторично протянул руку, желая поскорее ретироваться.

Макс задержал мою руку в своей и навязчиво впился в меня глазами.

- Погодите, погодите, все-таки мне ваше лицо определенно знакомо, - он нажал на выключатель, яркий свет ударил мне прямо в глаза. Я резко зажмурился, мне показалось, что я на допросе.

- У меня феноменальная память на лица, - самодовольно произнес Макс. – Профессиональная привычка, в некотором роде. Я запоминаю с первого взгляда своих пациентов. Стоит мне лишь раз взглянуть им в лицо, я почти безошибочно угадываю суть, нет, не детали, а основную суть их характера. Детали уже потом, при откровенной беседе.

- И что вы про меня угадали? - я вызывающе посмотрел на Макса.

- Вас что-то мучит. Что-то определенно важное. Мучит настолько, что вы чуть ли не готовы сломать свою судьбу.

Я не выдержал и снисходительно улыбнулся.

- Вы плохая гадалка, хотя не спорю, наверняка, профессионал в своем деле. Но подобные вещи можно сказать про каждого. Практически каждого что-то мучит и каждый не раз готов сломать свою судьбу. Я не исключение, особенно после того, как потерял лучшего друга и, следовательно, пережил трагедию. Еще бы меня что-то не мучило. Вот вас разве ничего сейчас не мучит?

Макс выдержал мой взгляд.

- Ну что ж, возможно вы прав, – великодушно согласился он. - И все же...
Ваше лицо...

Я широко распахнул дверь. И уже одной ногой переступил через порог.

- Ах, да! – вдруг ненароком бросил Макс мне в спину. – Я видел вас на похоронах Смирнова. Только вы, почему-то, прятались за чужой могилой. Почему?

Я, не оборачиваясь, резко ответил.

- На сей раз, вы определенно ошиблись. И вас определенно подвела профессиональная память.

Я плотно закрыл за собой дверь и через ступеньки бросился стремглав вниз, не дожидаясь лифта. И лишь в своем желтеньком феррари почувствовал себя в полной безопасности. Но ненадолго. Я вдруг понял, какую совершил ошибку, оставив свой номер телефона. Если он того пожелает, запросто может вычислить, кто к нему приходил. В этой квартире жить уже было небезопасно. К тому же подходил срок моего возвращения с Канарских островов. Меня вскоре будут разыскивать коллеги. Диана, пожалуй, уже вся извелась. Что ж, пришло время что-то решать. Немедленно, сию секунду.

Я припарковал машину возле супермаркета, закупил там еды. Уже, без зазрения совести, купил бутылку дорогого виски. Мама бы наверняка не одобрила подобный демарш. Но мама была далеко. Кроме нее мне никто не мог посоветовать, как жить дальше. На это, я смел надеяться, была способна только бутылка хорошего виски...

Уже дома, в своем тайном убежище, я накрыл себе стол – по богатому. Сварил раков и омаров, нарезал толстыми ломтиками красную ветчину, налил полный бокал и, укутавшись в пушистый плед, почти сразу его выпил.

Мысли сразу же стали приходить в порядок. Конечно, самым разумным было еще потянуть время. Телефон отключен, а дверь можно и не открывать, не будут же ко мне вламываться. Но интуиция, разбавленная щедрыми глотками виски, подсказывала, что нужно решить вопрос немедленно. Пора вернуться из Канар и выйти на свет.

Виски не только привело мои мысли в порядок, но и определенно притупило совесть. Мне вдруг этот месяц, проведенный в обществе вдовы, в самобичевании и самоограничении показался не просто глупым, но и до крайности комичным. Что я себе придумал! Разве Макс не прав, что мне теперь гораздо тяжелее, чем жертве. И это в некотором роде трусость, вот так, в один день, бросить большой спорт, карьеру и пустить свою жизнь под откос, рыдая по ночам в подушку по безвременно погибшей жертве. Да, мама бы это расценила как малодушие. И не только мама. Все мои товарищи по команде в один голос уверяли меня, что нужно все забыть и вернуться к полноценной жизни. Какого черта я здесь пью в одиночку! А не возвращаюсь с Канар, загорелым и отдохнувшим?

Мои мысли, разогретые виски, прыгали, разлетались и вновь соединялись, пока, наконец, не сложились в одну мозаику. Где был изображен я с золотой клюшкой в руке. И где-то мой дом, мой особняк, мои друзья и вся моя такая беспечная и благополучная жизнь. Что ж, пожалуй, я поблагодарю виски, и распрощаюсь с ним навсегда. Больше пить не следует. Совесть вновь спит крепким сном, как младенец. Я уже определенно знаю, что делать. Я возвращаюсь. И предвкушаю, как меня встретят друзья, с распростертыми объятиями. Как Диана бросится мне на шею. И одна маленькая рыжеволосая фанатка помашет мне платочком с трибуны после очередного моего триумфа (почему бы и нет?). Этот месяц я навсегда вычеркну из своей жизни, как кошмарный сон. Про трагедию уже никто, кроме родных Смирнова и меня, не вспоминает. В нашей стране все забывают быстро. И особенно трагедии. Поскольку они имеют несчастье слишком часто меняться.

Я подключил телефон и быстро, уверенно стал набирать номер Лехи Ветрякова.

Мне никто не ответил. Но я чувствовал, что нужно прямо сейчас, во что бы то ни стало дозвониться, договориться. Я словно боялся, что если не сейчас, разом, махом, что-то непредвиденное, страшное, вновь может нарушить мои планы. Я лихорадочно набирал и набирал разные номера. «Никого нет дома, оставьте свое сообщение на автоответчике». Мобильный тоже не отвечал или абонент были временно недоступен. Все одно и то же. А когда, когда абонент будет доступен! Я в бессилии опустил руки. Схватился руками за голову. Господи! Что это я! Ну, нет сейчас Лехи, будет через полчаса, час... Нет, нужно хоть с чего-то начать мое возвращение. Тогда начну с Дианы! Конечно, это самое разумное, и самое приятное. Как я сразу не сообразил! Нужно вначале вернуться домой, а потом уже в спорт. В спорт нужно возвращаться только из своего дома, чтобы все поняли, что у меня все, как и прежде.

Я позвонил Диане. И уже не удивился, и не разозлился, что ее телефон тоже не отвечал. Диана наверняка на показе мод, а, возможно, снимается в очередном ролике или сериале. Она так востребована сегодня! Так самодостаточна! С какой стати молоденькой хорошенькой девушке сидеть дома. Или отвечать по мобильнику, если на нее наведены софиты?!

Я аккуратно поставил бутылку в бар, мне она уже не пригодится. Тщательно побрился, принял душ и собрал немногочисленные вещи. Что ж, я взглянул на себя в зеркало, в отражении на меня смотрел вполне симпатичный, чистенький, ухоженный, богато одетый парень, от которого освежающе пахло французской туалетной водой. Эстет, как и прежде. И какой черт меня надоумил становиться бомжом! Все игра в благородство! Никогда я им не отличался. Пусть оно останется на долю моего бывшего дружка Саньки Шмырева. С меня вполне достаточно золотой клюшки, уютного особняка, желтенького спортивного феррари и французской туалетной воды. Ах да, еще Дианы.

И я решительным шагом направился к ней. В этом тайном убежище мне было больше делать нечего.

Уже на улице, глубоко вдыхая морозный ветер попеременно со снегом, я вдруг вспомнил, что забыл рукописи Смирнова. И поморщился. Плохая примета. Значит, ухожу не навсегда. Но еще хуже возвращаться. И я не вернулся. А запрыгнул в машину и уже через минут сорок поднимался на лифте в свою городскую квартиру.

Я открыл двери своим ключом. Уверенно перешагнул порог, в темноте едва задев головой огромную хрустальную люстру в просторном холле. Подвески звонко зазвенели, словно колокольчики. А в нос ударил сладкий запах духов. Диана неисправима. Почему она так любит все напыщенное, как эта люстра, и сладкое как эти духи. Я словил себя на мысли, что мы любители совершенно разного. Но ничего,

это никогда не мешало нам любить друг друга. Едва слово любить пронеслось в моем мозгу, я вздрогнул. Почему то мне меньше всего хотелось сегодня любить Диану. Но я тут же списал это на свою многодневную усталость от пережитого.

В комнате, как и следовало ожидать, были разбросаны многочисленные крикливые тряпки Дианы, а на диване валялись ярко оранжевые шкурки мандаринов, их запах навязчиво разносился по всей комнате. Невольно я почувствовал легкий укол совести. Я так и не сходил на могилу Альки. Ведь собирался же совсем недавно положить цветы и поправить ограду. Я встряхнул головой: черт, причем тут Алька! Я должен, я просто обязан ее забыть! Иначе мое возвращение будет бессмысленным.

Я поднял с пола журнал мод, машинально его перелистал. И в одно мгновение мир богемы промелькнул перед моими глазами. Безвкусно наряженные девицы, почти гренадеры, атрибуты роскошной жизни и виде дворцов с фонтанами, банкетные столы, ломящиеся от экзотических яств. Я поежился. Я так не хотел ни девиц, ни особняков, ни банкетов. Но я должен, черт побери, просто обязан все это желать! Боготворить это! Молиться на это! И почему меня вдруг тошнит при одном взгляде на этот пресытившийся бездарный бомонд.

Нет, я определенно устал. Нужно дождаться Дианы, чтобы все стало, наконец, на свои места. Не силой же себя сюда притащил!

И, чтобы скоротать время, стал поливать цветы, которые за время моего отсутствия не просто засохли, некоторые при чуткой Диане благополучно почили навеки. Это почему-то меня опять разозлило. Бездушная, легкомысленная девица. Интересно, она хоть одну книжку в своей жизни прочитала? Неожиданно этот вопрос меня очень заинтересовал. И я, полив цветы, убрав со стола и дивана ее вещи, прилег отдохнуть. Виски постепенно выветрилось, но голова гудела. Я задремал. Мне снились десятки, сотни ярко оранжевых мандарин, которыми метко стреляет в мою голову Диана. И от каждого удара голова тяжелеет, А Диана в легкой белой тунике и сандалиях на босую ногу, загорелая и счастливая, кричит:

- Еще, еще одно очко в мою пользу!

И я почему-то слышу голос Лешки Ветрякова:

- Талька! Талька!

Я корчусь от боли и просыпаюсь.

- Талька!

Леха Ветряков воотчию стоит у дивана и зовет меня.

Я тяжело поднимаюсь. Пожалуй, судя по обеспокоенному взгляду Лехи, видок у меня еще тот. Не помогли ни новые брюки, ни французская туалетная вода. Я себя переоценил.

- Вернулся? – встревожено спрашивает он.

Я пригладил свои взлохмаченные волосы.

- Как видишь.

- Что-то ты слабо загорел, - неуверенно говорит он.

- Да я прятался от солнца.

Леха подозрительно косится на меня. Он понимает, что на Канарах спрятаться от солнца довольно трудно. А я в свою очередь тоже подозрительно на него поглядываю. Что он делает в моей квартире и как он вообще открыл двери?

- У тебя дверь была открыта, - почему-то виновато оправдывается Леха.

- А как ты вообще догадался, что я здесь? – спросил я.

- А где ты еще можешь быть? – Леха пожимает плечами и отводит взгляд.

Да, действительно. Леха же понятия не имел о моей тайной квартире. Это его вполне оправдывает.

- Ну и как съездил? – Ветряков наконец сел на диван, забросил ногу за ногу и закурил.

- Нормально, – я насторожено смотрю на Ветрякова. Что-то не так, я это чувствую, но что? – Нормально. Я в форме.

- А по тебе не скажешь, - вздыхает Ветряков. – Похудел, осунулся, вон какие мешки под глазами.

- Это вполне поправимо. Ты, Леха, лучше скажи, когда мне приступать к тренировке?

- К тренировке? – Леха вздрогнул и вновь отвел взгляд. – Ну, как тебе сказать...

- Прямо скажи, прямо, и не юли. Я же чувствую, что-то не так, черт побери!

Я не выдержал и стукнул кулаком по столу. Одна единственная шкурка мандарина, которую я не заметил и не убрал, подпрыгнула.

- Хорошо, прямо так прямо, - ответил Ветряков и в его голосе я уловил металлические нотки. – Только ответь, я тебя предупреждал? А? Предупреждал, чтобы ты никуда не сматывался. Конечно, как человек, как товарищ, я тебя мог понять. Такой стресс и все такое. Но кроме меня этого, пожалуй, никто не понял. Среди самого горячего сезона смотреться на Канары! Это тоже надо иметь голову на плечах! Бросить команду в такой момент, большой спорт этого не прощает. Вот!

- И как этот большой спорт меня наказал?

- Конечно, я бы предпочитал, чтобы ты разбирался с тренером.

- Предпочитал, но почему-то сам ко мне явился, сам нарывался на встречу.

- Я? Нарывался? Да я меньше всего, - начал было Ветряков и тут же осекся. – Ах да, ну конечно. Ну, в общем, я посчитал, что как твой близкий товарищ сам должен тебе все объяснить.

- Ты так благороден! Ну, давай, объясняй, близкий товарищ! Смелее! - Я не выдержал и нервными шагами смерил комнату.

Леха остановил меня, слегка стиснув ладонью мое плечо, почти дружески. Почти, потому что едва я на него посмотрел, он тут же отвел виноватый взгляд.

- Эх, Талька, Талька. Ну что я могу сказать. Не я здесь виновен, должен сам понимать, Если хочешь знать, я грудью встал на твою защиту! Но что я значу? Если руководство комитета посчитало, что ты из игры выбыл.

- То есть? – я по прежнему сверлил Леху взглядом.

- Так и есть. Тебя сломила эта история, раздавила, можно сказать. Ну и какой ты после этого боец? А нам нужно выигрывать. А какая победа с форвардом, мысли которого работают в одном направлении. Для форварда лучше, чтобы их вообще не было, во всяком случае, во время матча. Говорил же тебе, соберись, никуда не уезжай. Знаешь, мое мнение, что справиться с собой возможно лишь во время изнурительного труда, а не расслабляющего отдыха.

- И что, уже есть замена? – я криво усмехнулся.

Леха утвердительно кивнул.

- Не думал, что так легко найти замену чемпиону мира, без пяти минут герою книги Гиннеса.

- Замену можно найти кому угодно. Сам знаешь, незаменимых нету.

- Ага, знаю. Зато с удовольствием находятся их заменяющие, не так ли?

- Зря ты так, Талька, я и так взвалил на себя не самую благородную миссию. И потом... ты сам должен понимать, спорт есть спорт и у него свои сроки. Ну, еще пару лет покатался бы...

- Хочу заметить, что ты меня старше на год.

- А я не питаю иллюзий на свой счет. И, если хочешь знать, готовлю себя к этому. Меня уже пригласили одну спортивную передачку вести, хочешь, тебя порекомендую?

- Нет, Леха, не хочу. И вряд ли, захотят демонстрировать мою рожу на всю страну, чтобы зрители тыкали в меня пальцем и говорили. А, это тот, который прибил человека! Ишь как устроился в непыльном местечке, а тот бедолага...

Я запнулся. Комок подкатил к моему горлу, и я сжал до боли пульсирующие виски. Леха приблизился ко мне и положил свою широкую ладонь на мое плечо.

- Ну не нужно, Талья, пожалуйста. Ведь все в жизни поправимо. К тому же тебя ведь не полностью исключили из команды, просто временно отстранили. А тот молокосос, которого взяли тебе на замену, кажется, чей-то племянник. Хотя парень способный, но твоего уровня ему не достичь. Так что, думаю, в итоге все встанет на свои места.

- Не утешай меня, Леха! Не хватало еще твоей жалости. Ты думаешь, я буду кусать локти? Если хочешь знать, я до последнего не знал, вернусь ли. Но видишь, за меня все решили другие. Меня просто мучает то, как я ухожу. Ведь собирался на белом коне. А получается, что выметают с позором. Знаешь, я ведь хотел, чтобы обо мне жила память как о чемпионе, внесшее большой вклад в развитие хоккея, а, похоже, теперь остается другая память. Врагу такого не пожелаю. Память, к сожалению, тоже выборочна, а выбирают, как правило, позорный скандал, а не честные победы...

Сейчас мне нужно было выговориться, довериться, даже поплакаться. Мамы, моего главного утешителя, рядом не было. Случайно рядом оказался Леха. И я готов был уже излить ему душу, и чуть ли не рассказать о том, что произошло со мной в последний месяц, что сегодня я теряю не просто свою любимую работу, но и свой привычный уклад жизни.

Хотя, нет. Я обязательно скажу Лехе, что еще есть Диана, и она меня вытащит, поддержит, спасет. И очень скоро, нет, завтра же мы с ней уедем на Канары, по-настоящему уедем. Мне действительно нужен отдых.

Эти слова уже вертелись на устах, как вдруг в квартиру ворвалась Диана. Леха стоял в проеме двери, и меня не было видно. А сам Ветряков не успел ничего сделать, чтобы предотвратить неприглядную сцену.

Диана сразу же бросилась ему на шею и защебетала:

- Ой, ты уже здесь, Лешечка, как здорово! А я купила три кило мандарин, марокканских. Говорят, тают во рту. Наконец-то я смогу вдоволь поесть мандаринов...

Тут она запнулась, заметив меня в углу комнаты. Ее большие синие глаза округлились, и ярко накрашенный рот скривился в улыбке.

- Талик? – промямлила она, отпустив наконец оцепеневшего Ветрякова.

– Ты? А когда ты приехал? - спросила она первое попавшее в голову.

- Сегодня, - довольно дружелюбно ответил я, сам не ожидая от себя такой приветливости. – Ты прекрасно выглядишь, Диана.

Я не солгал. Она действительно похорошела. Наше расставание явно пошло ей на пользу. А, возможно, Алешкина любовь, придала ее внешности некоторый шарм и изюминку. Одета она была как всегда вызывающе, в ярко красных длинных сапогах- ботфортах на шпильках и зеленой блестящей мини-юбке. Впрочем, ее безвкусный образ целиком был в Лехином вкусе. Она, как две капли воды, была похожа на его пассию, с которой он нас познакомил много лет назад. До меня вдруг дошло, что Диана – совсем не мой выбор. А всего лишь слепое подражание любимцу женщин и ловеласу Лехе. Что ж, я вынужден признаться, что она принадлежит ему по праву. У меня таких прав нет. К тому же, положила руку на сердце, меня эти права всегда тяготили. Эта ясная и простая мысль так развеселила меня, словно я освободился в одно мгновение от нитей паутины, связывающих меня долгие годы.

Леха наконец-то вспомнил, что он мой товарищ, хотя по совместительству – и предатель. Он, наверняка, так же вспомнил, что у него все-таки благородное сердце и он не трус. Он вышел на середину комнаты. Встал напротив меня. И как-то сурово, почти грубо (виноватые всегда выбирают подобный тон) произнес:

- В общем, ты все понял, Талька. Я хотел сразу сказать, но тебе нужно было узнать про вещи поважнее.

- Точно, Леха! Куда поважнее! – я дружески хлопнул его по плечу.

Он смутился.

- Извини нас, Виталик. Я не знаю, какие слова подобрать, в общем, чтобы ты простил. Впрочем, можешь не прощать - имеешь право. У тебя и так не самый лучший период в жизни, и еще это... В общем, я - подлец, да, Талька, подлец, можешь меня ударить.

- Еще чего!

Я готов был расцеловать Леху. Как-то в одно мгновение вдруг почувствовал себя не просто свободным, а впервые за это время даже чуть-чуть счастливым. Похоже, именно эта толика счастья довольно заметно отобразилась на лице, поскольку и Леха, и Диана недоумевающе смотрели на меня во все глаза. Не понимая, издеваюсь я, переживаю или действительно радуюсь.

- Талька, ты чего? – Леха, красный как рак, еще пытался вызвать меня на серьезный разговор.

Я понимал, что ссора по всем законам мелодрамы или анекдота бы была к месту. И успокоила бы чуть-чуть Лехину совесть, но этой радости я ему не доставил.

- Да забудем, Леха! Подумаешь, какая беда! Не жену ведь тебе отдаю.

Прекрасная Диана рассердилась не на шутку. Чего-чего, но она не ожидала от меня такой откровенной радости по случаю нашего расставания. Наверняка, даже мечтала о моей драчке с Лехой, чтобы потом, томно закатив глаза, рассказывать какому-нибудь журнальчику для сплетников, как из-за нее, роковой красавицы, чуть не поубивали друг друга два великих спортсмена.

- А я, между прочим, тебя никогда не любила! – Диана вызывающе топнула шпилькой. Она еще надеялась меня разозлить.

- Ну, и слава Богу. Вся твоя нерастроченная любовь достанется Лешке. И вскоре наверняка выйдет статейка под названием «Алешкина любовь». Для моей скромной персоны там места не останется.

- Останется, - угрожающе проскрипела Диана, - еще как останется.

- Ну и Бог со мной!

Нахлобучив шляпу, я направился к выходу. В коридоре налетел на пакет, наполненный мандаринами. Они, ярко оранжевые, покатались в разные стороны. Я принялся их ловко катать ногой по полу.

- Хочу заметить, что ты бывший хоккеист, а не футболист! - язвительно заметила Диана, все еще желая спровоцировать меня. Но я звонко чмокнул ее в щечку.

- А еще бывший любовник принцессы Дианы. Который расстался с ней только потому, что терпеть не может мандарины.

- Прекрати, Талька! – у Лехи явно сдавали нервы из-за моего беспечного вида.

Представляю, сколько раз он прокручивал в уме встречу со мной. Сочинял убедительный монолог, придумывал слова прощения. Но наша встреча далась ему настолько легко, что он этого не хотел понимать. И мне показалось, начал сомневаться в Диане. Поскольку я так радостно с ней расстаюсь, словно избавляюсь от непосильной ноши, значит, для этого есть причины. Он прав. Много причин. Я сочувственно посмотрел на Лешку.

- Ну, все, ребятки! – я шутливо им поклонился. – Как говорится в таких случаях – желаю счастья в личной жизни!

Леха уже в этом счастье определенно сомневался.

- И что ты теперь будешь делать, Талья? – хмуро спросил он.

- Как что? – я изобразил на своем лице искреннее недоумение. А что в таких случаях делают? Ухожу в монастырь.

С монастырем, пожалуй, я поспешил. Вскоре Диана незамедлительно раструбила об этом всем репортерикам. Везде, где только возможно, повыходили заметки с сообщением, что известный хоккеист Белых, недавно убивший ученого Смирнова, покинул этот бренный мир навсегда и подстригся в монахи. А через пару месяцев в гламурном журнале для сплетников вышло злобное интервью с Дианой под названием «Лешкина любовь», в основном посвященное моей скромной персоне. Она не гнушалась интимных подробностей. И закончила тем фактом, что я чуть не убил из-за нее своего лучшего друга, ползал перед ней на коленях, желая вернуть любовь, что она лично вынимала меня из петли и что, наконец, я из-за нее ушел в монастырь, не сумев пережить суровые реалии жизни.

М-да, женщины могут простить что угодно, возможно, даже убийство из ревности, но только не счастье. По поводу расставания с ними.

Я не разозлился за эту статью, не возмутился. Мне она была в некотором роде выгодна. За монастырскими стенами меня уж точно никто не потревожит. Я могу считать себя вычеркнутым из списка, живущих на этой земле. Но это не означало, что я умер. Просто покинул этот навязчивый, лживый и бесперспективный мир. Чтобы обрести свой.

Но это все случится попозже. А этим вечером я уходил навсегда от своей бывшей возлюбленной и своего бывшего друга. И ни капельки не сожалел об этом.

Я выскочил на улицу и глубоко вдохнул свежий воздух. Стоял апрель, но зима если и уходила, то крайне медленно. Сегодня она вновь крепко заняла свои позиции, одарив весенние календарные дни крепким морозом и снегом. Я искренне любил зиму. И чувствовал себя зимой как рыба в воде, словно Ихтиандр. Помню приятные ощущения детства, когда выглядывал в окно и видел медленно падающие белоснежные хлопья снега, сугробы и нашу спортивную площадку, уже залитую толстым слоем синего льда. Я благоговейно брал в руки клюшку, сентиментально, чтобы не видела мама, целовал ее. А потому принимался за важнейшую работу – точил и чистил коньки. Даже потом, когда хоккей стал моей профессией, ремеслом, которым надо заниматься круглый год, я все равно по наитию с благоговением ждал зиму. По детской привычке, по детским щемящим впечатлениям считая, что только зимой по-настоящему могу быть счастливым. Потому что только лед, холод и снег – полноправные составляющие настоящего хоккея. Другие времена года – это лишь искусственное его дополнение... Разве можно сравнить то ликование, когда, уставший, красный от мороза, с обледенелыми руками, коньками, переброшенными через плечо, возвращаешься домой и сразу лезешь в пенистую ванную, согреться. А потом с жадностью набрасываешься на горячий ужин, вдыхая аромат жареной яичницы с луком и докторской колбасой. Разве может повториться это впечатление летом или весной, когда после тренировки в холодном зале сталкиваешься лицом к лицу с обжигающим солнцем. Это так противоестественно, так неуютно и не так красиво.

Теперь, эти детские воспоминания, эти вибрирующие ощущения до легких коливок в сердце, целиком захватили меня, когда я уже сидел в машине и вглядывался в лобовое стекло, на котором равномерно, влево и вправо двигались «дворники», расчищая падающий снег. Машина сорвалась с места. И я знал, куда она меня понесет. И я знал, куда именно сейчас, в эту минуту, хотел поехать.

Остановился я возле своего старого дома, в своем старом дворе, где мы когда-то жили с мамой. Где я не был с тех самых пор, как она умерла. Когда слишком поспешно, но и, не забывая о выгоде и, принимая крикливые аргументы Дианы, продал квартиру, где родился и вырос. И где, наверное, был по-настоящему счастлив.

Я вышел из автомобиля и, забросив голову вверх, долго вглядывался в окно на кухне, где горел свет. Совсем чужие люди уже живут там. Они наверняка сделали ремонт, поменяли обои и линолеум. Возможно, и двери, на которых с моего рождения мама химическим карандашом отмечала мой рост. И свет в окне тоже совсем другой. Хотя может быть разве другой свет? И все же я знал, что другой. Не мог объяснить, чем он отличается, но физически это чувствовал. Тот свет, свет моего дома, навсегда, в каких-то смутных, неосознанных ощущениях запечатлился в памяти. Убегая на каток, я все время оглядывался на окно и махал маме рукой. И возвращаясь, обязательно поднимал голову и видел в окошке маму, которая меня всегда ждала.

Сегодня меня никто не ждал. Сколь долго я бы не впивался взглядом в светящееся окно кухни. Боже, хоть бы на миг все вернуть... Я бы этот миг прожил не так. Я бы почувствовал полное ликование, полный восторг, благодарность и верность моему прошлому. Но вернуть уже ничего невозможно.

Слезы медленно потекли по щеке и я, словно задыхаясь, стал ловить ртом воздух. Снег прилипал к моим мокрым губам, языку. А я, словно надеясь на чудо, помахал рукой этому окну. И окно почему-то погасло. Я стал вглядываться в эту черную дыру, до боли сощурив глаза. Мне показалось это символичным, словно вот-вот, вдруг, нечаянно, перечеркнув догмы этого грамотно устроенного мира, вдруг появится мама и помашет мне в ответ.

Но мне никто не ответил. Все было гораздо проще. Чужие люди закончили ужин и ушли. Догмы этого мира сломать невозможно. И это, наверное, неправильно.

Слегка сгорбившись, втянув голову в плечи и уткнувшись в пушистый шарф, я побрел прочь от дома, забыв даже про припаркованный автомобиль. И незаметно для себя, полностью погруженный в воспоминания, очутился возле нашего дворового катка. Я почувствовал, что мне нравится сегодня мучить себя. Хотя почему, ответить не мог. Возможно, это в натуре многих людей. Когда итак на душе плохо, сознательно делать себе еще хуже, чтобы до конца испытать чашу мучений, не оставить на дне ничего. И тем самым – освободиться наконец от них.

Каток был прежним, разве что появился лишний фонарь, освещающий маленьких любителей хоккея. Еще полные радужных надежд, они бодро, правда слегка неуклюже, скользили по льду, падали, барахтаясь на скользкой поверхности, и вновь поднимались, чтобы забить заветный гол, словно от этого незначительного гола зависела вся их дальнейшая судьба. Мальчишки были очень похожи на нас, румяные и крепкие, правда, уже одетые в современную, наверное, дорогую форму. И коньки у них были другими. Один паренек был вообще моей копией. Он старался больше других, и по его лихому взмаху шайбы, по его сосредоточенному лицу, я понял, что он хочет быть лучше и талантливее всех. Он уже который раз настойчиво погонял шайбу к воротам, но ему не везло. То шайба улетала в другую сторону, то он у самых ворот падал. Но парень не сдавался, упрямо и упрямо пытаясь забить гол. Штаны на коленках у него порвались, а на щеке сидел синяк, но мальчишка с какой-то настойчивой злостью все стремился и стремился к воротам.

И я загадал, если сейчас же он забьет гол, то... Я сам не мог понять, чего я хочу. Может, возвращения в спорт? Как ни странно этого уже не хотелось. Может, возвращения Дианы? Этого никак не желал. Возвращения прошлого? Это из области фантастики. Мне никогда не вернуть ни детство, ни маму, ни Альку.

Вдруг мальчишка лихо щелкнул по шайбе и она легко, даже весело прошмыгнула в ворота. Я облегченно вздохнул. Я не успел загадать желание, но мне почему-то стало светло и радостно от этого детского гола. Мое незагаданное желание сбудется. У меня все еще будет хорошо. Я с легким сердцем пошел прочь. Сегодня я сумел проститься и с Дианой, и с хоккеем, и даже со своим детством. Оставалось... Оставалось совсем немного. Нужно было только решиться на этот шаг.

Недалеко от лотка, где продавали мандарины, я остановился. Когда-то давным-давно, здесь я ожидал Альку, прислушиваясь к ее хриловатому приветливому голосу.

- У нас самые лучшие мандарины на свете!

Альки давно уже не было. Незнакомая пожилая продавщица в ватнике (точь в точь как у Альки) зевала, сложив перед собой руки и пустым взглядом вглядываясь в снежный вечер. Иногда она приплясывала на месте от холода (точь в точь как Алька) и растирала замерзшие щеки толстыми рукавицами (точь в точь как у Альки). Очереди за мандаринами не было. Наверное, сегодня, меньше стало их любителей. А, возможно, из-за того, что они стали продаваться на каждом углу.

- Мандарины отличные, покупай, парень, не пожалеешь, - она навязчиво протянула мне сомнительный мандарин.

Я взял его и повертел в своих руках. Наверняка она выбрала лучший. Но это ему не помогло. Он местами был сморщенный и побитый морозом.

- Скажите, - обратился я к ней, будучи единственным покупателем. – У вас самые лучшие мандарины на свете?

Она резко захлопнула рот и вытаращилась во все глаза на меня, тут же отобрав мандарин.

- Нет, ну, правда, скажите – самые лучшие?

Я видел, что она любой ценой хотела заловить единственного потенциального покупателя. И уже набрала полный рот воздуха, приготовившись ответить: еще бы! Но, не знаю почему, возможно, сегодня у меня был жалкий вид, возможно, глаза опухли от мороза и слез, возможно, болезненно тряслись губы, но она неожиданно честно ответила:

- Ступай, парень, во-он туда!

Она взмахнула рукой, указывая в противоположную сторону.

– Там супермаркет, там мандарины более качественные. А у нас и с кислинкой, и с подгнившим бочком, чего уж... Да и ящик последний остался, уж мне-то поверь, не самый лучший. Подмороженный. Но это я виновата. Как следует, не укутала, мне и расплачивайся. А чего я тебе всякую ерунду буду подсовывать, ты-то тут при чем.

Не знаю почему, она меня, эта знакомая продавщица, вдруг пожалела. По ее виду я понял, что она не раз подсовывала и замерзшие мандарины, и гнилые. А вдруг увидев меня, словно очнулась. И готова была мерзнуть еще часа два на морозе, но меня не обманывать. Алька, не твои ли это проделки? Но я тебя и на сей раз обману.

Я дрожащими руками вытащил портмоне, достал деньги, даже не знаю сколько, и протянул продавщице.

- Мне весь ящик, - попросил я.

Она оторопела. Потом встрепенулась. По ее лицу мгновенно пробежала радость, какое-то невысказанное счастье. Она не могла удержаться от такого соблазна, вот так просто, на халяву спихнуть какому-то чудачу или тайному алкоголику все это гнилье. И платить хозяину за него не надо. И торчать на морозе. В этот миг все это отразилось на ее морщинистом, красном от мороза, толстом

лице. И искушение. И горечь от того, что она на это искушение почему-то не поддастся. И радость, что не поддастся. Она даже почувствовала гордость за свое решение, может, впервые за долгое время, и гордо встряхнула головой.

- Нет, парень, - в ее глаза светилось торжество. – Мандарины не продаются. Поскольку это – брак!

Я уже знал, уже чувствовал, что никакие деньги. Никакое желание халявы не заменят этой гордости. Понимания своего достоинства. Она словно вдруг поднялась на несколько ступенек над собой. И впервые за свою жизнь встала на пьедестале. Сейчас ее ничто не могло сломить. Я это уже отчетливо понял. И сломить ее торжество в этот миг могла только изощренная хитрость. Я не преминул ею воспользоваться, у меня этого товара было в избытке.

Я взволнованно посмотрел на часы и присвистнул.

- Ого, я же опаздываю, ну, же мамаша, пожалуйста. Я понимаю ваши правила торговли, но, может, пойдете на уступки? А? Не успею я к другому лотку, да еще придется искать и замороженные мандарины, и с гнильцой.

- А к чему тебе такие? – не сдавалась она, подперев руки в бока.

- Вино делать, - простодушно ответил я. – Именно с таких получается великолепнейшее вино, изысканный аромат! У меня рецептик дома, один француз по благу украл в эксклюзивном ресторане в Париже.

- Француз? – она недоверчиво покосилась. – Ну, у французов воровать можно, это ничего, мало их от Москвы гнали.

- Мало, мало. Ну, а рецептик я и тебе принесу, честное слово.

После рецептика она поверила, прямодушно так. Она и помыслить не могла, что такое можно сочинить.

- Ну бери, коли так, отдам по дешевке.

Я бросил деньги на прилавок.

- погоди, погоди, тут деньжища, а не деньги. Столько этот товар не стоит. Счас я сосчитаю, а положенное верну, - она уже знала, что такое торжество честности и с этим не собиралась расстаться.

- Не нужно положенное, - воскликнул я от радости, схватил ящик и уже попытался смыться, но не успел. Она ловко всунула сдачу в карман моего пальто.

И я ей уже не перечил. Я уже чувствовал, что с этого пьедестала ее трудно свалить. Теперь она никогда в жизни не обманет своего покупателя. Если конечно, сегодня ночью не пожалеет о своем благородстве. Сегодняшняя ночь, пожалуй, будет последним ее искушением. И я надеялся, она его выдержит.

Сколько я слышал о том, что вниз катиться гораздо легче, чем подниматься вверх. И вдруг сегодня я опроверг эти догмы. Не может быть это правдой. Если бы человек, особенно не самый хороший, хоть раз в жизни совершил благородный поступок и почувствовал радость от этого, ему было бы легко, очень легко подниматься в гору. И он вряд ли бы с горы захотел вернуться назад, вниз. Падать, может, и легче, но подниматься куда приятнее.

Я загрузил мандарины в багажник и улыбнулся. И этому снегу, и этому ледовому катку, и этому дому, и своему детству. Мне давно не было так хорошо. И я совершенно не жалел о прошлом. И о своем падении, и о той яме, в которой когда-то оказался. Мне вдруг показалось, что именно сегодня, в этот вечер, я вместе с продавщицей поднялся на одну ступеньку. Еще робко, еще незначительно, но сумел сделать этот шаг наверх. А в той яме, куда я когда-то упал очень давно, валялась и моя золотая клюшка, и мой лавровый венец, и потрепанная книга Гиннеса. Я же – без ничего, без вещей и дома, без славы и работы, без сожаления о прошлом – сделал первый и робкий шаг наверх.

Хотя не исключал, что еще будет, как у продавщицы, искушение легко и бездумно соскочить вниз.

Я притормозил машину где-то в центре. И, уткнувшись лицом в руль, долго сидел неподвижно. В этот миг у меня не было ничего. Только - полная свобода. Словно только что появился на свет. В свое тайное убежище пойти я не мог, мой телефон уже знал Макс, и наверняка его уже вычислили репортеришки. У Дианы тем более нечего было делать. Хотя и эта квартира, и загородный дворец были моими, я их уже не хотел видеть. Я даже прикинул, что если у нее отберу это имущество, то заработаю в ответ хроническую головную боль. Мне изрядно надоело, что мое имя изрядно полощут в прессе. Да и в стиле барокко жить я не хотел. А делать ремонт не хотел еще больше. Мамина квартира? Ее я давно продал. Так что мне некуда было идти. Разве что в монастырь. Но его я просто не заслужил. Для этого у меня не было ни сил, ни души...

Вот так, оставшись ни с чем, я долго сидел, уткнувшись лицом в руль. Но зато чувствовал себя благородным и честным.

Наконец, очнувшись, посмотрел в замерзшее стекло на звезды, на ватные хлопья снега, на городские огни и резко рванул с места. На целой земле у меня оставалось лишь одно место, куда я мог поехать, зная наверняка, что мне будут там рады. Где я смогу чувствовать себя в безопасности не только от журналистов, Дианы, коллег-хоккеистов, но и от самой жизни. От той жизни, от которой я сегодня отказался раз и навсегда.

Через полчаса я уже звонил в дверь. Было, пожалуй, слишком поздно, но я уже не чувствовал времени.

- Это вы? – Надежда Андреевна ни удивилась, ни смутилась. Она просто сказала. – Так хорошо, что вы пришли.

- Не знаю, смею ли вас тревожить, но у меня такие обстоятельства, - начали было я свою напыщенную речь, но она тут же ее прервала.

- Я знала, что вы придете. Чувствовала. Вот ваша комната, - она широко отворила дверь кабинета своего мужа. Человека, которого я убил.

- Спасибо, - смущенно ответил я. – Спасибо. Это временно, поверьте, я найду для себя что-либо подходящее и обязательно... А деньги, деньги я сейчас же...

- Как вам не стыдно, - она укоряюще посмотрела на меня и поправила черный платок. – Юра бы мне этого никогда не простил, если бы именно с вас я взяла деньги.

Это правда. Они бы не простил. Если бы с меня, убийцы, еще взяли деньги.

- Вы располагаетесь, а я сейчас что-нибудь приготовлю.

Располагаться не надо было. Вещей практически не было, весь мой гламур теперь будет принадлежать Диане. А мои дорожные шмотки, наверняка, придется впору Лехе Ветрякову. Зато сейчас я располагал самым ценным, чего у меня никогда не было в избытке. Временем. Я разместился на мягком удобном диване. Прикрыл глаза. Наверное, вот так, каждый вечер, уставший от работы, садился на диван Смирнов, закрывал глаза и думал о том, как человечество сделать счастливым. А Надежда Андреевна в это время ему готовила ужин. Какая тоска! Вихрем пронесли у меня в голове картинки из прошлого, словно выдернутые листки школьного альбома по рисованию. И мои тренировки, и бесконечные поездки, и гул самолетов, и царапины на льду от коньков, и шумные приветствия в ресторанах и клубах. Как это было давно. Какой бешеный ритм жизни, в котором я не успевал подумать о чем-то важном. Впрочем, думать о важном и не хотелось. Да и было ли оно, важное? Мог ли я его для себя сформулировать? И вот теперь, этот мягкий просиженный диван, и уйма времени, которое я не знал куда деть и как им распорядиться.

- Вот и готов ужин, - улыбнулась Надежда Андреевна.

Мы вновь, как в благородном семействе, при свечах, уселись за круглый стол.

- А вы сегодня выглядите совсем по-другому, – заметила вдова, пристально вглядываясь в мое лицо. – Такой выбритый, нарядный.

Я мысленно возмутился своей непростительной оплошности. Сегодня во мне запросто можно было угадать известного хоккеиста Виталия Белых. Впрочем, волнения оказались напрасными. За месяц я похудел, осунулся, даже постарел. К тому же Надежда Андреевна по-прежнему не хотела смотреть на фотографии убийцы своего мужа. Да и вообще, я уже легко согласился, что мое лицо вполне стандартно и похоже на тысячи лиц спортсменов во всем мире.

- Да был тут на одной встрече, - оправдывался я как мог, – деловой. Но дела не удались. Так что я практически без работы.

- Ну и замечательно! – довольно нетактично отреагировала на мое сообщение Смирнова. – Ой, извините, я не то хотела сказать. Конечно, это ужасно, что без работы. Но я имела в виду совсем другое. У вас просто будет больше времени разобраться в делах моего мужа. Возможно, только вы сможете понять, что его мучило последнее время. И, в конце концов, куда подевалась эта папка!

- Вы не только замечательные голубцы готовите, котлеты ваши тоже – просто чудо, - улыбнулся я, не ответив на ее реплику, и нанизал вилкой очередную котлету. Она и впрямь была чудо. Пышная, мягкая, буквально таяла во рту.

- Это тоже мой маленький секрет. Я обязательно смешиваю разные фарши, добавляю цедру лимона, ложку сладкого вишневого ликера и много свежего укропа.

- Действительно, необычное сочетание. Сладкого, кислого и пряного.

- Я люблю необычные сочетания. Они как-то украшают, и не только вкус блюда, а вообще жизнь. Знаете, это тоже в некотором роде одна из теорий моего мужа. Сочетание. То, что несомненно удлиняет жизнь.

- В смысле? – не понял я.

- Вы, думаю, согласитесь. Слишком большие крайности всегда губительны. Если в один период идет слишком много хорошего, вскоре обязательно нужно ждать слишком много дурного. А если каждый день состоит из кислого и пряного, сладкого и горького, желательнее в более-менее равных пропорциях, то вполне вероятно, что в жизни не произойдет слишком большой трагедии.

- Как не случится и слишком большого счастья, - невесело продолжил я.

- Безусловно! Слишком большое счастье, если хотите, это такой же подрыв и здоровья, и психики. Как и горе. Не каждый может его достойно пережить. И в конечном итоге оно тоже запросто может сократить жизнь.

- Значит, долгая и благополучная жизнь должна быть ничем иным, как фаршем, - заключил с иронией я.

- А вы зря смеетесь. Представьте, если бы вы несколько дней ели только кислое, потом только сладкое, потом только острое. Что стало бы с вашим желудком? Знаете, люди склонны фантазировать о своей жизни. А ведь всё гораздо проще. И всё имеет свой аналог. На уровне первоначального смысла, если хотите. На уровне желудка. Как бы грубо это не звучало. И если бы каждый мог это понимать...

- Как понимал ваш муж?

- Именно. Он не сразу пришел к этому. Но потом... Когда он все понял, жить ему стало гораздо проще. Его теории стали просты и ясны, как прост и ясен сам человек в его первобытном значении.

-И поэтому он считал всех людей убийцами?

Пожалуй, я слишком грубо и прямо это выпалил. Надежда Андреевна встала с места, вся напряглась, приблизилась к плите и стала разливать чай. Руки у нее заметно тряслись.

- Простите, я не то имел в виду.

- Мне не за что вас прощать, вы просто, как и многие, неправильно поняли смысл трудов моего мужа.

- Под многими вы, безусловно, имеете в виду Макса?

Она резко обернулась. И внимательно на меня посмотрела.

- Не только его. Но буду откровенна, его в первую очередь. Вы с ним встречались?

Я утвердительно кивнул и постарался подробно изложить наш разговор, ничего важного не упуская.

Надежда Андреевна слушала внимательно, сложив руки перед собой, почти как старуха. У меня в голове плохо умещалось, что ей так мало лет. А еще меньше умещалось то, что в нее сильно можно влюбиться. Может быть, Макс где-то прав? Смирнов просто смирился, в надежде прожить много-много лет, благодаря Надежде. Но, если разобраться, к чему такая жизнь? Впрочем, разве я могу судить о чьей-то жизни вообще.

Я сделал последний глоток чая с ромашкой и отставил чашку.

- Но папку, похоже, он не брал. Хотя... В одном моменте разговора мне показалось обратное.

- А с Максом всегда так. Его зачастую трудно понять. Он скажет предложение вслух, а в уме его продолжит. Но кто знает, что это за продолжение. Возможно, только с Юрой он был откровенен по-настоящему. Ну, откровенен настолько, насколько вообще был способен. И все убеждения Юры он отрицал напрочь. И получался таким чистеньким, с чистенькими руками. Еще бы! Он всех оправдывал с чисто психологической точки зрения, даже убийц. Тогда как Юра всех объявлял убийцами. Но это примитивный, неправильный взгляд на предмет. И тем более неправильное отношение к Юре. Юра прекрасно относился к людям, он их искренне жалел и понимал. Но он признавал факты! Тогда как Макс вряд ли пожалел и захотел понять хоть одного человека, кроме себя, разумеется.

- Это разумеется, - с удовольствием согласился я, вспомнив ухоженного благополучного Макса, уверенного, что в его жизни никогда не случится падения.

И легкая зависть вновь кольнула мое сердце. Ведь я был уверен, что буду жить, как он. Но у меня в отличие от него это не получилось. Где я допустил промах? Неужели, только тогда, когда промахнулся по воротам? Или все началось в далеком детстве, когда я прищемил крыло голубю и лишь на миг пожалел об этом? Неужели Макс за свою жизнь так никому крыла и не прищемил? Разве такое возможно?

- Ваш муж считал потенциальными убийцами всех, в общем, всех способных на убийство?

- Да нет же! Нет!

Надежда Андреевна разволновалась. И ее лицо пошло красными пятнами. Вообще, я заметил, что она всегда себя держала в руках, только если это не касалось ее мужа.

- Вы опять же неправильно все понимаете! – она вновь разлила чай по стаканам. – Большинство и не помышляет об убийстве и уж тем более понятия не имеет, что является виновником чьей-то смерти. Понимаете, человек привык рассуждать довольно грубо и естественно в угоду себе. Если я не взял пистолет, топор или еще что, значит, я и не убивал. Но ведь большинство убийств на земле происходит не при помощи оружия. Я уверена, если заняться статистикой, то с помощью оружия гораздо меньше можно уничтожить людей, чем при помощи неверных действий, слов, заявлений. Чем с помощью трусости, подлости, малодушия. И так далее! Я, безусловно, не беру такие крайние меры, как атомная бомба. Здесь речь идет об уничтожении всего человечества. Хотя... Хотя кто будет этому виновник? Уж, безусловно, не только тот, кто нажимает на кнопку, и не только

тот, кто отдает приказ. Цепочка может тянуться бесконечно. И повязаны в этой цепи могут быть сотни, нет, тысячи человек. Которые могли предотвратить и не предотвратили. Не предотвратить убийство, это тоже убийство, вы разве не согласны? Впрочем, атомная бомба – это я так, для общего примера. Юра любил брать частные примеры. И считал, что убийство человека начинается с того, когда он нечаянно, еще хуже, если неслучайно, просто от нечего делать, наступает ногой на какого-нибудь жучка или гусеницу. Знаете, я вам скажу больше: только люди с чистой совестью и чистыми руками могут считать всех виновными в чьей-либо смерти, поскольку в первую очередь истязают этими обвинениями себя. И только люди, на душе у которых камень, могут оправдывать всех, поскольку в первую очередь пытаются оправдать себя.

- Вы опять про Макса?

- А с какой стати он вдруг стал таким ярым адвокатом человечества?

- Он утверждает – от благополучной жизни.

- Возможно, что и так. Но не исключено – что от неблагополучной совести. Вы заметили, как много сейчас кричат, оправдывая явных убийц, пытаются чуть ли их не обелить, списывая все на обстоятельства. А всё почему? Создается такое впечатление, что каждый легко может поставить себя на их место. Словно каждую минуту ждет, что и сам способен убить. И почему, ну вот ответьте – почему, так сейчас легко оправдываются все пороки человечества? И не просто оправдываются, но и большинство встает грудью на их защиту. Только потому, что каждый или погряз в этих пороках или желает уже завтра в них погрязнуть...

Она на мгновение задумалась.

- В конце концов, ведь и все преступления можно привести в норму, узаконить и жить по этим законам. Тогда они уже не будут выглядеть преступлениями, а просто укладом жизни. Тут за примером далеко ходить не надо. Взять хотя бы нашу прессу и телевидение. Юра считал, что главным убийцей, особенно в современном мире, является слово. Как в писании. В начале было Слово... Ведь от слова зависит все, и жизнь, и смерть, и мир, и война. Одно слово может привести к победе или поражению, возвеличиванию или позору. А когда слово стало неконтролируемым... Любую гадость можно написать про людей, обесславить их на весь мир. И что, вы думаете, люди это выдерживают? Кто-то кончает с собой, у кого-то сердце само останавливается. Одна смерть ведет за собой другие. Не все близкие выдерживают гибели родных. И где искать виновных? И кто их ищет? Подумаешь, какой-то репортериска прилюдно вытащил грязное белье. Кто его объявляет убийцей? Напротив, говорят иное: он просто сказал правду. Но ведь не вся правда обязательна. Особенно, если к ней прикасаются дети. Знаете, раньше вообще это правдой и не называлось. А просто грязными сплетнями кумушек. Тогда нужно и заявить, что у нас не свобода слова, а свобода сплетен. Вот будет настоящая правда.

Я вдруг вспомнил, с какой радостью Диана купалась в этих сплетнях, тоненькими пальчиками перелистывая гляцевые журналы, и радостно вздыхала, смакуя каждое грязное словцо. И чем больше грязи было вылитое на человека, тем возбужденнее блестели ее глазенки и ее узкий лобик вмещал все нелюбезные факты и ее маленький умишко ликовал, что кого-то облили помоями.

- Ну, вот и отужинали, - улыбнулась Надежда Андреевна, собирая со стола. – Кажется, я вас утомила своей болтовней.

- Да нет, - возразил я, начисто забыв, что назвался репортером. – Я тоже не люблю журналистов.

- А вот в этом вы не правы. И не должны так говорить, потому что сами журналист. Вы должны защищать свое дело. Хотя, действительно, журналистика стала самой убийственной профессией. Есть журналисты-убийцы, но ведь есть и

врачи-убийцы, и ученые-убийцы, и политики-убийцы, и кинематографисты-убийцы... Список можно продолжать бесконечно. В итоге ведь не профессия виновата, а люди. Из любого дела можно сделать и подвиг, и позор. Как из любого кирпича может появиться и публичный дом, и библиотека. Просто у творческих профессий больше возможностей для того, чтобы опозорить, больше возможности безнаказанно убивать. Врачу или ученому это сделать труднее - здесь можно найти вещественные доказательства. Тогда как искусство, как правило, обвиняется лишь косвенно. Культура не подпадает под уголовную ответственность, практически. Даже, если это вовсе и не культура, а искажение фактов, извращение и глумление над людьми и историей. Опять же – такой публичный дом... культуры. Но ведь существует еще понятие профессии в идеале! И к этому идеалу нужно стремиться. Просто, смотря в каких руках этот идеал окажется. Грязных дел не бывает, бывают грязные люди. Можно ведь писать о хорошем, взывать к доброму, настоящему. А можно перемывать кости другим и зубоскалить... И при чем тут профессия, как таковая?

- А вы идеалистка, - я не выдержал и улыбнулся.

- Нет, идеалистом был мой муж.

В кабинете, где совсем недавно еще жил Смирнов, на его диване уже была застлана постель. И я, едва соприкоснувшись головой с подушкой, тут же погрузился в глубокий сон. Меня в эту ночь кошмары не мучили.

Проснулся я от настойчивого стука по подоконнику. Приблизился к окну и столкнулся взглядом с сереньким общипанным голубем. Он удивленно тарачился на меня, словно удивляясь непрошенному гостю.

- Ну что, будем знакомиться?

Я слегка постучал костяшками пальцев по стеклу. Голубь взмахнул крыльями, сделал вираж над подоконником и вновь приземлился на то же место. И уже вызывающе на меня посмотрел. Слово показывая всем видом, что не боится. Я вновь постучал, но уже громче. Птица в ответ лишь подпрыгнула на месте и еще ближе придвинулась к стеклу. Голубь приглашал меня к игре, и я уже было решил затарабанить со всей силы по стеклу, как услышал стук в дверь. И резко обернулся.

На пороге стояла Надежда Андреевна с аккуратно сложенным в руках полотенцем и новой зубной щеткой в упаковке.

- Извините, я заметила, что вы явились ко мне буквально ни с чем. А у меня всегда в запасе есть новые ваннанные принадлежности. На всякий случай. К нам раньше иногда приезжали непрошенные гости издалека, в основном Юрины пациенты.

Я кивнул за окно, указывая на голубя.

- Он тоже бывший пациент?

Надежда Андреевна тепло улыбнулась.

- Вообще-то он Юрин друг. И не только он, их много. Юра каждое утро их подкармливал. Знаете, хлеб всегда остается, и к чему его выбрасывать, если найдутся охотники его скушать. Но вы... Если вас голуби раздражают... Стоит их не покормить пару дней, и они уже ищут другое пристанище.

- Нет, меня они не раздражают. Напротив, в детстве...

Я сам себя оборвал на полуслове. Мне не хотелось вспоминать детство. Тем более, оно мне уже не принадлежало. Я выдавал себя за другого человека.

Надежда Андреевна положила полотенце и щетку на мой диван, скрылась в кухне и через пару минут уже протягивала мне коробку с хлебными крошками.

Я приоткрыл окно, запах весны ударил в мою голову, и она слегка закружилась. На подоконник слетелись еще тройка голубей. Они радостно заворковали, и я щедро им бросил хлебные крошки.

- Наконец-то пришла весна. Так долго в этом году она не приходила. Иногда мне казалось, что она вообще не наступит, – я плотно закрыл окно и посмотрел на Надежду Андреевну.

- Мне тоже так иногда казалось, - она вздохнула. – И не знаю, наступила ли она. Во всяком случае, для меня. Знаете, остановка времени это не просто красивое слово. Я физически это ощутила, когда умер Юра. И я точно знаю, что время останавливается. Все сливается в один день. Слова, поступки, мысли. Я не знаю, когда оно вновь для меня пойдет.

- Пойдет, обязательно пойдет, Надежда Андреевна.

Вдруг я словил себя на мысли, что взвалил на себя непосильную ношу – успокаивать каждодневно, нет сиюминутно жену человека, которого сам же и убил. Выдержу ли я это? И кто бы меня успокоил.

Я почувствовал себя страшно одиноким в этом мире. И, словно в подтверждение своих слов, огляделся, словно в этом небольшом кабинете, заваленном книгами, цветами, и птицами за окном, вмещался весь мир. Впрочем, разве этого мало для мира? Цветы, птицы и книги. И зачем люди хотят на много больше? И почему я так много когда-то хотел? Я случайно натолкнулся на взгляд Надежды Андреевны. Ах, да. Еще она. Она поселилась в моем маленьком мире, который я сегодня принял. И все же надеялся, что не навсегда.

- Я на пару часов сбегаяю на работу, а квартира в вашем распоряжении.

- На работу? - Я был искренне удивлен. Не знаю почему, но мне казалось, что ее работа - это был муж. Я не мог представить ее вне этой квартиры, вне воспоминаний о муже.

- Да, я подрабатываю иногда. Частными уроками музыки. Хотя теперь... теперь все уже будет по-другому.

- Вы бросите работу?

- Напротив, я только начну работать. Раньше ведь существовала только работа мужа. А моя... Это так, чтобы заполнить время другим. Ну и, конечно, немного заработка. Хотя на музыке много не заработаешь.

В черном строгом драповом пальто с потрепанным каракулевым воротничком, в махеровом берете и коричневых сапогах с широкими голенищами, она выглядела типичной учительницей. Правда, для учительницы музыки была слишком уж старомодной. А ведь она далеко не стара. Я в очередной раз удивился, что мог найти в ней ученый Смирнов. Пусть и сам внешне не примечательный, не яркий, он все же оставался человеком, каждодневно мечтающим об открытии, человеком мысли и своей, пусть никому непонятной, фантазии. Впрочем, дальше этого он не пошел. Яркие фантазии и любопытные мечты, а рядом блеклая, абсолютно неинтересная женщина. Кто же из них победил. Ответ на этот вопрос я знал прекрасно.

Наспех умывшись, попив чаю и послонявшись взад-вперед по комнате, я от невыносимой тоски, захлестнувшей меня, от безысходности, в которую я угодил по собственной воле, решил плюнуть на все и вновь поспать, чтобы забыться. По-другому я пока бороться с тоской не умел. К тому же было еще очень рано. Ведь проснулся я не по собственному желанию, а по желанию голубя.

Я на всякий случай подбросил им еще крошки хлеба, и устало упал на диван. Тут же сомкнул глаза. Я очень, очень устал за это время. Меня никогда так не изматывали ни тренировки, ни перелеты, ни презентации. Измотать до болезненной тоски, до паралича воли меня смогла только совесть. И я устал с ней бороться. Я решил ее почаще усыплять. Причем делалось это элементарно. Нужно почаще спать самому.

Но даже такое простое мне снова не удалось.

Едва задремав, я вздрогнул от пронзительного звонка в дверь. И твердо решил не открывать. Это был не мой дом и лишние разбирательства с соседями мне тоже ни к чему. Я ожидал, что вновь позвонят. Но за дверью быстро успокоились и звонок не повторился. Зато сон как рукой сняло.

Я медленно натянул на себя брюки и майку и на всякий случай на цыпочках подошел к двери и посмотрел в глазок. На лестничной клетке никого не было. Я осторожно приоткрыл дверь и услышал медленные шаги, поднимающиеся по лестнице. И пронзительный звонок наверху. Я уже было собирался уйти, как заметил на полу аккуратно сложенную газету. Я в недоумении поднял ее и плотно закрыл за собой двери.

Это была обычная рекламная газета, которую бесплатно раздавали на каждом переходе и станции метро. Что за правила в этом дурацком доме! Будить людей, чтобы подбросить рекламу! Сомневаюсь, чтобы ученый Смирнов читал ее по утрам. Я не на шутку рассердился. Еще не зная, что именно с этой бесплатной газеты и пронзительного звонка в дверь будет начинаться каждое мое утро.

Лениво выпив чашку дешевого кофе, которое любезно оставила Надежда Андреевна, я машинально просмотрел бессмысленную газету. И неожиданно зацепился за объявление о ритуальных услугах. Я горько усмехнулся. Ритуальные услуги, похоже, всегда будут преследовать меня. Все же мне следует сходить на кладбище. Я дал себе слово отнести цветы Альке... Дарил ли я ей цветы при жизни? Не помню. Я уже ничего не помню. Но вряд ли. Алька так мало похожа на девушку, которой дарят цветы. Вот Диана... Она их требовала постоянно, непременно в огромных плетеных корзинах, которые украшали золотые ленты и банты. Хотя разве можно требовать цветы? Не знаю. Алька их никогда не просила. И я должен ей их сегодня подарить. Без ее согласия. И с опозданием. Тем более, сейчас нет риска нарваться на Надежду Андреевну, которая могла пожелать посетить могилу мужа.

Наспех собравшись, я поехал на машине на кладбище. С букетом из двадцати желтых роз. Молча, с непокрытой головой, постоял минуту перед ее скромным памятником. И уже было собирался положить цветы на мраморную плиту, как вдруг вспомнил, что совсем рядом находится могила еще одного человека. Человека, которого я не знал, которому ни чем не был обязан при жизни. И, которому после смерти, обязан всем. Даже своей судьбой.

Я по-братски разделил розы. Десять положил на могилу Альке. Она весело смеялась с фотографии. Не лукавя и не притворяясь. Мне кажется, даже не осуждая меня. Если бы я тогда остался с Алькой... Возможно, правильной получилась бы наша судьба? Неужели прав Смирнов в своих наивных теориях? Нужно идти по той дороге, которая лежит прямо перед тобой. Которую ты видишь собственными глазами, а не с чужих слов. И не стоит ни от чего отказываться, чтобы ни встретилось на этом пути. Судьба сама должна за нас решить, как и от чего отказаться. И не стоит пытаться перескочить на другую дорогу, даже более безопасную и совершенную. Вдруг она приведет прямым к обрыву.

Рядом была могила Смирнова. Он наверняка ни от чего не отказывался и шел по выбранному пути. Но разве теперь от этого ему легче? Впрочем, возможно, и да. Я аккуратно положил десять роз. И уже собирался побыстрее уйти, поскольку было не исключено, что после работы на кладбище могла заглянуть Надежда Андреевна. Как я и предполагал, она заглянуть не успела. Я на нее не нарвался. И все же почувствовал, как тяжелая рука сжала мое плечо. Я вздрогнул и резко оглянулся.

- Привет, Талька.

Передо мной стоял Санька Шмырев. Меньше всего на свете я хотел бы сейчас видеть его. И что за дурацкая привычка – встречаться с ним последнее время на кладбище. Хотя, возможно, это знак. Мы окончательно хороним и свою юность, и свою дружбу.

- А я и не знал, что его здесь похоронили, - Санька кивнул на деревянный крест, заваленный венками, из-за которых выглядывала круглая фотография и инициалы.

- Здесь, Санька, здесь. Где-нибудь же нужно было похоронить.
- Ну, да. Вполне логично. Недорогое кладбище для недорогих людей.
- Кому-то эти люди очень дороги, Санька.
- Ты изменился, Талик.

Я посмотрел на часы. Не хватало столкнуться нос к носу с вдовой Смирнова. Так долго скрываться, чтобы в один миг по нелепой случайности раскрыть все карты.

- Я очень спешу, Санька, ты со мной?
- Вообще-то я пришел на могилу Али. Мне хотелось о многом подумать.

Я вдруг вспомнил, что на могиле лежать точно такие десять желтых роз. Меньше всего мне хотелось объяснять Саньке, зачем я туда их положил. Поэтому нужно было любыми путями увести Саньку.

-Знаешь, Сань, мы так редко с тобой видимся. Пожалуй, с мертвыми ты видишься чаще. Да они никуда и не денутся. А вот живые...

- Я слышал, что ты ушел в монастырь?

Ну и Диана! Язык, как помело!

- Ухожу, - поправил я Саньку. – И это равноценно тому, что для тебя я тоже скоро умру. Только в отличие от других могил, ты не сможешь посетить мою.

- Это веский аргумент, - усмехнулся Санька.

Он оглянулся, и помахал рукой в сторону алькиного памятника.

- Вот так-то лучше, – я схватил Шмырева за локоть и, чтобы он не передумал, потащил к выходу. Вскоре, феррари несло нас в центр.

- Хорошая у тебя машина, - с какой-то необъяснимой тоской в голосе сказал Шмырев.

Это так было на него не похоже. Слово он сам всю жизнь мечтал о такой машине. Я бросил удивленный взгляд в его сторону.

- Неплохая, но далеко не новая.

- Тебе она вряд ли в монастыре пригодится. Хотя... Наверняка пригодится монастырю. И все-таки, Талик, странное ты принял решение. Так на тебя не похожее. Ведь Алеши Карамазова из тебя никогда не получится. Когда-то я думал, что он получится из меня. Слишком я о себе хорошо думал.

- Ты чего, Санька? Ты очень хороший человек, и ты это знаешь.

- Об этом должны знать другие. А я в последнюю очередь. У меня же получилось наоборот. Только я об этом и знал. И так старался следовать образу хорошего человека. Пожалуй, перестарался.

Остальную часть пути мы ехали молча. Я не понимал Саньки. Он был каким-то поникшим, уставшим, сломленным. Нотки нравоучения исчезли бесследно из его голоса. Хотя, возможно, этих самых нравоучений мне так сегодня не хватало. Мне так хотелось, чтобы кто-то научил, как жить дальше.

В маленьком полутемном кафе мы заказали себе по бифштексу и чашке кофе.

- Выпить сегодня охота, - откровенно признался Санька.

- Почему именно сегодня?

- Потому что есть повод. Я ведь скоро женюсь.

- Поздравляю. Только ты это так говоришь, словно хоронишь кого-то.

- Возможно, Талька, и хороню. Но не кого-то, а самого себя. Считай, что мы сегодня оба присутствуем на похоронах.

- Ну, в таком случае, угощаю.

Я ожидал в ответ возмущенный отказ, предложение угостить самому. Но услышал лишь покорное:

- Угощай.

Я знал, что человека может сломить безденежье, безработица, смерть близких. Но не слышал, чтобы его сломила предстоящая женитьба.

Вскоре нам принесли коньяк. Я разлил его по рюмкам.

- Странно, ты ведь раньше никогда не пил, Талик, - заметил Шмырев.-

Впрочем, извини. Я все понимаю. Эта трагедия... Это, кого хочешь, сломит. Знаешь, но все равно я не думал, что это так сломит тебя. Ты ведь совсем другой. Ты ведь по жизни благополучный. Есть такие счастливики. И вдруг теперь ты разом все решил перечеркнуть. Не думаю, что монастырь тебе поможет. И не думаю, что ты сможешь ему.

- Что тебя так мучит, Санька? – я поднял бокал и залпом выпил, глядя неотрывно в Санькины светлые, очень печальные глаза. - Это же так просто: не хочешь жениться – не женись.

- А что делать? – искренне спросил Санька. Слово женитьба была последним пристанищем его измученной души. – Что? И не все ли равно. Мне уже вообще все равно давно. Любимой профессии нет, любимой семьи нет, даже не знаю, люблю ли я свой город и свой дом. Знаешь, у меня возле дома рос клен, я сам еще в детстве его посадил вместе с отцом. Боже, как я радовался каждый день, что он набирается силы. Осенью радовался его ярко красным листьям, зимой голым веткам, весной зеленым сочным почкам. Когда умер отец, он, только он поддержал меня, понимаешь! Нет, ты понимаешь, это дерево столько раз мне спасало жизнь! А теперь... И не потому, что оно перестало спасать. Просто мне все равно. Спасает оно меня или нет. Я выглядываю в окно и вижу лишь перед собой обычный клен, каких тысячи. И не больше. Это страшно, Санька, когда не хочется уже, чтобы спасали... А любимую девушку я давно потерял, ты знаешь. Я часто думаю, если бы тогда она не отвергла меня... Ведь все, возможно, было бы по-другому. Она бы была жива. И был бы жив я. Зачем она свернула со своего пути. Ведь на ее пути должен был быть только такой человек как я. Она захотела другого. Что называется не по карману. Не по карману и расплатилась.

- Ты об Альке? – просто, пожалуй, слишком просто спросил я. Но на всякий случай осушил еще одну рюмку.

- Ты помнишь ее имя? – в глазах Саньки появился нездоровый блеск.

- Я все помню, - невозмутимо ответил я. И сам поразился своей невозмутимости.

Мне вдруг захотелось покончить разом со своим прошлым. Безжалостно рассчитаться с ним. В конце концов, после физического, реального убийства человека я вдруг понял, что уже ничего не боюсь. И смерть Альки выглядела всего лишь фарсом, в котором я сыграл водевильную роль. Мне не было страшно. Мне захотелось поставить точку или, хотя бы на первый раз, запятую. Или восклицательный знак! Может хоть это встряхнет Саньку! И он переключит свое отчаяние на меня, свою ненависть на меня и вновь начнет жить! В конце концов, ненависть порой дает больше шансов на жизнь, чем любовь. Я не мог видеть, как мучился мой бывший друг. Этот благородный парень, немножко ботаник, он так когда-то верил в человечество! Я хотел, чтобы он верил в него и дальше. Кто-то же должен. Пусть это даже случится ценой нашей бывшей дружбы.

- Я любил Альку, - Санька держал перед собой рюмку с коньяком и смотрел сквозь нее на меня.

- А я, наверное, нет. Хотя до конца не знаю.

- Что ты хочешь сказать, Талик, - Санька выпил и спокойно на меня посмотрел. Он еще ни о чем не догадывался.

- Ничего особенного. Разве, что Алька не любила тебя.

- Ты не сделал открытие. Я это прекрасно знал. Значит, она любила другого? И ты наверняка знаешь кто он?

- Знаю, Шмырев. Он перед тобой.

Воцарилось молчание. И лишь стук каблучков официантки его нарушал.

Я ждал. И вызывающе смотрел на Саньку. Еще чуть-чуть. Он наконец-то опомнится и со всего размаха ударит меня по морде. У Саньки был сильный удар, я это знал.

Санька отставил рюмку в сторону и стал закасывать рукава.

Ну же, еще чуть-чуть. И передо мной вновь предстанет прежний друг и враг одновременно. Санька. Благородный, честный, всю жизнь откровенно, часто бессмысленно, отстаивающий честь и добро. Все вернется на круги своя. Я, пижон, эстет и негодяй, плюющий на чужие мысли и чувства, играющий лишь на своей стороне. Отличный форвард, нападающий всегда первым, чтобы не успели напасть на меня. Всегда забивающий гол в чужие ворота. Чтобы никогда не забил в мои. И Санька, играющий только по правилам, защищающий ворота всей команды, всего двора, всего человечества. Ну же, Санька, ударь меня.

Санька засучил рукава. И прямо посмотрел в мои вызывающе наглые глаза.

- Жарко здесь, правда?

Я по-прежнему молчал. Я думал, что он просто не оправился от первого шока. Я отнял у него любимую девушку. Возможно, по моей вине она и погибла. Он этого мне никогда не простит. Не имеет права простить.

- Ты ожидал, что я тебя ударю? – усмехнулся Санька и поднял рюмку. – Зря ожидал. Давай лучше выпьем. За будущее, говорят, не пьют, говорят, плохая примета. Нам остается выпить за прошлое, оно ведь у нас было общим, правда, Тальяка? Общий двор, общая команда, общая любовь.

Ну же, Санька, давай, плесни в мое нахальное, покрасневшее лицо коньяком.

Санька со мной дружелюбно чокнулся.

- Прошлому не бьют в морду, Талик, и не плещут ему в лицо коньяком. За него только пьют.

Санька осушил рюмку. Я последовал его примеру. Мне так хотелось в этот миг съездить ему по морде, предварительно плеснув в нее коньяком. Но, положив руку на сердце, не было повода. Санька никогда мне ничего плохого не сделал. Он просто сегодня или вчера отказался от веры в человечество и просто стал в ряды человечества. Где уже стоял давно я.

- Знаешь, Талик, я давно это подозревал, об Альке. Но не хотел или боялся признаться в этом себе. А возможно, не хотел терять тебя. Но как видишь, ты оказался благородней, кто бы мог подумать! И все так просто оказалось. И правда выплыла наружу. И я тебя не потерял.

- Знаешь, Шмырев, ты не женись, а? – очень искренне, по-детски попросил я и положил руку на его плечо.

Он не выдержал и расхохотался. Как-то страшно расхохотался. Грубо, почти до слез.

- Я обязательно женюсь, Талик. Человек не должен жить один. Ну, разве что в монастыре это возможно и оправданно. Хотя... Я тоже тебе скажу. Ты слишком много взвалил на себя. Вот еще хочешь взвалить на себя Альку. Зачем тебе столько непосильной ноши? Ты ни в чем не виноват, запомни это. И поверь мне, если сможешь. В конце концов, ты же - форвард. С любым нападающим это могло произойти. А со мной, возможно, не произошло только потому, что я по случайности оказался защитником. Так когда-то в детстве решили еще за нас. И причем здесь ты? Знаешь, я больше тебе скажу. Мой сосед когда-то сбил машиной собаку. Случайно сбил, была виновата собака. Но он так себя измучил, что в конце концов

все свои деньжищи вбахал в приюты для дворняг. Знаешь, ценой одной жизни, скольких он осчастливил? А если бы этой трагедии не случилось... Сколько бы умерло бездомных собак. Вот так, Санька, мы не можем знать, куда нас ведет дорога. И скольких мы можем осчастливить ценой одной жизни или ценой нелепой случайности. И ты не можешь знать, что тебя ждет. И почему все так произошло. Почему? Именно на этот вопрос нам ответят только в конце жизни... А ты мне теперь нравишься, Талик.

- А ты мне нет, Санька.

- Это, наверное, потому, что в моей жизни ничего никогда не происходило. Я шел всегда прямо, не делая ошибок. Огибая ухабы и ямы, перепрыгивая через лужи и грязь. Может быть, в этом и состояла моя главная ошибка. Я никогда не падал. И я научился понимать тех, кто это делает каждодневно.

- Не женись, Санька.

- Ты в таком случае не уходи в монастырь. Молчишь? И правильно делаешь. Ведь все уже за нас двоих решено. – Санька резко встал и едва не опрокинул стул. Я глубоко вздохнул и поднялся вслед за ним.

- Ну, в таком случае, я хочу тебе сделать подарок на свадьбу – свое авто.

Я ожидал, что хоть теперь он возмутится или хотя бы сплюнет в сторону. Гордости у него не занимать. Но он вновь промолчал, потом внимательно посмотрел на меня и протянул руку.

- Что ж, я весьма благодарен за подарок. Он мне и моей молодой жене будет весьма кстати.

Не знаю, он говорил серьезно или попросту издевался над собой, но подарок принял. Он, тот самый Санька Шмырев, который когда-то отказался от кучи долларов за договорной матч. Который пошел работать простым учителем физкультуры имея за плечами опыт и школу сборной. Он покорно принимал подарок от человека, который, возможно, нарушил когда-то ход и его судьбы.

Судьба ловко перемешала наши карты в игре. И сейчас вытягивала их вслепую. Где туз, а где шестерка уже нельзя было понять и сообразить.

Что ж, сегодня я окончательно простился со своим прошлым. И решил больше не посещать кладбище, поскольку ни с кем не хотел случайно столкнуться. Получалось, что я иду на встречу с мертвыми, а встречаю живых. Чтобы вновь и вновь хоронить. Я устал от траура. Но все же, не забыл заглянуть в бюро ритуальных услуг и сделать заказ. Чтобы каждое утро на могилы Смирнова и Альки были доставлены свежие розы. От меня. Но об этом никто не должен знать. Кроме них.

К вечеру я вернулся в свой монастырь. Не на машине, а на метро. Но это меня уже не тревожило. Вернулся слегка уставший, и от меня порядком пахло перегаром. Я сразу же заметил, как недовольно поморщилась Смирнова, но терпеливо сделала мне крепкий чай и бутерброды.

- Я не знала, что у вас сегодня праздник, – буркнула она.

- Просто встретился с товарищем детства. И тут же расстался. Но уже навсегда.

Неожиданно Надежда Андреевна тепло улыбнулась и присела рядом со мной за обеденный стол.

- Странно, точно так, ну слово в слово, всегда оправдывался мой муж.

Встретился с другом и тут же расстался. Уже навсегда. И я смеялась, что он сразу же нашел три повода, чтобы выпить. Встреча, расставание и навсегда. Ну как за это ругать?

- И вы не ругали?

- Когда как. Скорее проводила воспитательные беседы.

Я невольно поежился. Это еще хуже. Воспитательных бесед я бы не вынес.

- Надеюсь, меня вы не будете воспитывать?

- Вы не мой муж, вы – квартирант. Квартирантов не воспитывают, – она помолчала и тут же резко добавила. – Кстати, мне звонил Макс.

Я удивленно взметнул брови вверх.

- Он хотел бы с вами завтра встретиться. Он не смог дозвониться по тому номеру, какой вы оставили. Вы пойдете к нему?

- А это нужно?

- Вам, наверное, нет. А ради меня, конечно, не стоит.

Все-таки она обладала уникальным даром. Ненавязчиво, словно невзначай, словно не по своей воле, внушить свою волю.

- Извините, я конечно пойду, завтра.

А сегодня я ушел в свою комнату, точнее в кабинет Смирнова, чтобы хорошенько выспаться. Мне это было необходимо и после встречи с Санькой, и перед встречей с Максом.

Едва переступив порог кабинета, я сразу же заметил новую вещь. Вернее, вещь была старая, но видел ее я впервые. Это был старомодный проигрыватель, довольно громоздкий, он занимал половину письменного стола. Рядом были аккуратненько, в стопочку сложены пластинки.

Я взял одну и повертел в руках. Чайковский. «Времена года».

В комнату неслышно зашла Смирнова. И тихо покашляла.

- Извините...

Я обернулся.

- Этот проигрыватель здесь всегда стоял. Раньше. Мой муж обожал классическую музыку. И не только потому, что он использовал ее как один из методов лечения пациентов. И не только, чтобы самому уснуть, он частенько страдал бессонницей. Для него это было... Ну, как бы выразиться... Одним из способов, способствовавших идеализации мира, его гармонии. Возможно, самый доступный способ. Он частенько говаривал, выйдешь за порог дома – везде крики и разрушения. Зайдешь в дом – тишина и гармония. К чему он так всегда стремился. И, наверное, лишь теперь достиг по-настоящему, - Смирнова не выдержала и всхлипнула, уткнув лицо в ладони.

Я приблизился к ней и осторожно положил руку на ее плечо. Она подняла на меня потухшие глаза.

- А вы любите классическую музыку?

Я вспомнил, как за границей ко мне приходили в гостиничный номер товарищи по команде. Послушать джаз. Я слыл знатоком джазовой музыки. Это возвышало меня в глазах других. Когда я, небрежно забросив ногу за ногу. В черных узких брючках и белой рубашке брал в руки воображаемый саксофон, включал свой супер дорогой Sony – и звучал джаз. И я легко и беспечно подыгрывал.

- Там-там-та...

Потом обязательно небрежно бросал пару тройку умных фраз о джазовой композиции и о том, кто ее исполняет. Даже сумел объяснить, почему Джо Завинул работал в стиле джаз-рока. И чем свинг отличается от рубато. Хотя сам не очень-то понимал. За меня говорили сфотографированные в памяти фразы. Положа руку на сердце, джаз я не любил и не понимал. Мне вообще было все равно, есть он или нет. Но джаз являлся одним из составляющих моего образа. Этакого эстета и гламурного мальчишки. И это давало еще одно право чувствовать себя выше других. Особенно когда я бросал заученными цитатами из истории джаза, вычитанными в основном из блестящих журналов для сплетников, которыми систематически снабжала меня Диана. А память, опять же, у меня была отличная. И

ухватив одним глазом пару предложений, я запоминал их на всю жизнь, как фамилии и даты. Поэтому среди своих товарищей, довольно простых и не очень начитанных, я слыл интеллектуалом. Каким не был и в помине.

- Классическую музыку? – машинально переспросил я у Смирновой. – Да, безусловно, люблю.

Я бессовестно лгал. Но какая разница. Если я не любил джаз, хотя делал вид что балдею от него, почему я не могу полюбить классическую музыку, которую ни разу не слышал.

- Но если вам мешает проигрыватель... Он столько занимает места... И не потому что мы совсем были бедными и не могли купить современный магнитофон. Просто нам это не приходило в голову. Если играет проигрыватель, зачем другая техника, правда? И причем тут современность. А Юра вообще утверждал, что пластинку ничто не сможет заменить. Что создается впервые, тому нет аналогов по значимости и качеству, говорил он. Ведь хлеб, например, ничем заменить так и не сумели. И молоко. Разве нет?

Я пожал плечами. Я не задумывался над этим. Я просто быстро менял и одежду, и технику, и мебель на более дорогую и современную. Я всегда считал, что у меня должно быть все самое лучшее.

- Так не уносить проигрыватель? – тихо спросила Смирнова. – Или он вам все же мешает?

Если честно, меня он даже раздражал. Но я ответил то, что нужно было ответить.

- Ну что вы, конечно пусть стоит.

- Спасибо. Я так хочу, чтобы все оставалось, как при Юре. Это для меня много значит. Спокойной ночи.

И она так же тихо и незаметно вышла, как и зашла.

А я долго ворочался с боку на бок. Наконец не выдержал. Встал и приблизился к проигрывателю. Что там говорила Смирнова? Кажется, музыкой лечат бессонницу. Джазом бы я уж точно ничего не вылечил.

Я вытащил наугад пластинку. И поставил ее. Чайковский. «Времена года». Какое сейчас время года? Уже не зима, и еще не весна. Промежуток. Безвременье. В котором я вынужден жить.

Не знаю как на счет гармонии и идеализации всего мира, но эта музыка действительно меня успокоила. И я благополучно уснул крепким сном. Понятия не имею, насколько Смирнов разбирался в музыке, но психиатром был неплохим.

Мое пробуждение благополучным назвать было нельзя. Я проснулся от резкого звонка в дверь. Посмотрел на часы и сгоряча сплюнул. Ну что за навязчивая идея так рано звонить и приходить! Хотя я привык вставать ни свет, ни заря на тренировки, сейчас смирился с другим положением и мечтал выспаться за долгие годы. Но, похоже, мне этого упрямо сделать не давали.

Я набросил на плечи старый потертый халат Смирнова и выглянул за дверь комнаты. В коридоре стояла Надежда Андреевна с уже знакомой мне газетой в руках. Первый раз слышал, чтобы на дом приносили рекламки, словно срочные телеграммы.

- Извините, вас, кажется, разбудили? – виновато спросила Смирнова.

Это еще мягко сказано. Меня разбудили нагло и главное бессмысленно.

- Вижу, вам доставили на дом нечто суперценное? – я кивнул на газету.

Смирнова скрутила ее вчетверо и выбросила в мусорное ведро.

- В таком случае, я не понимаю.

- Я вас забыла предупредить... Есть у нас в районе такой чудак. Старичок-пензионер, полуслепой. Правда, его никто не видел. Но все знают. Каждое утро он

доставляет нам рекламные газеты. Он подходит к метро, берет их целую стопку, и на тележке развозит по квартирам. Его сопровождает собака.

- Он что... - я покрутил пальцем у виска.

Смирнова укоряюще улыбнулась.

- Не думаю. Просто человек всю жизнь работал, а когда вышел на пенсию вдруг понял, что никому в этом мире не нужен. Абсолютно никому. И чтобы люди не напрягались, не хватили газеты у метро, он посчитал, что будет благородно с его стороны приносить их на дом. С самого утра. Чтобы все спокойно за завтраком почитали. Раньше у каждого человека утро начиналось с чашечки чая, бутерброда и газеты. Сейчас никто не выписывает прессу. И потому этот старик в некотором роде возрождает забытые традиции. К тому же он наконец-то нашел для себя работу. И понял, что делает доброе дело.

- Это он так думает.

- Не скажите. Никто ведь не знает, что прочитает в подобной газете. Вполне возможно, что кому-нибудь информация и пригодится. Как ни странно, все привыкли к этим утренним звонкам, они стали в некотором роде ритуалом. И люди не сердятся.

Я сердито сдвинул брови. Похоже, в этом доме мне выспаться по утрам так и не удастся.

- А вас это беспокоит? – испуганно спросила Смирнова. – Если хотите, я постараюсь устроить так, чтобы в нашу квартиру он...

- Нет, что вы! – поспешно перебил я ее. – Кто рано встает, тому Бог дает, разве не так?

Хотя я думал иначе. Но диктовать свои правила было неправильно. В чужой монастырь со своим уставом не лезут. Особенно если в этом монастыре успел порядком наследить.

Я напрямик направился в ванную, но, едва намылив лицо кремом для бритья, тут же передумал и промыл тщательно лицо. Нет, лучше идти со щетиной. Не хватало, чтобы не в меру пронизательному Максусу еще раз показалась знакомым моя физиономия.

Смирнова ждала меня в комнате, через ее руку был переброшен мой дорогой костюм.

- Он был грязный, - она говорила поспешно, словно оправдываясь, - И это не удивительно, на улице такая погода! Но я его аккуратно вычистила.

Я некоторое время задумчиво разглядывал костюм. Нет, в нем идти к Максусу не менее опасно. В конце концов, у него обо мне сложится другое впечатление. И увидев такого модника, денди или еще черт знает что, он запросто сможет меня в этом виде опознать. Но одежды у меня больше не было. По глупости я весь сэконд-хэнд оставил в своей квартире.

- Не сердитесь, пожалуйста! – умоляюще попросила Смирнова. – Я конечно без вашего разрешения. Это видимо неприлично брать без спроса чужие вещи... Но он должен был обсохнуть. И честное, честное слово я не прикасалась к вашим карманам. Так подумать про меня... Вы меня совсем не знаете... Совсем... Я даже без спросу у Юры ничего не трогала...

- Что вы, Надежда Андреевна, что вы, - я легонько прикоснулся к ее плечу. – У меня и мысли такой не было... Я совсем о другом задумался. Просто... Понимаете, это единственный мой костюм, а на улице, как вы сами сказали, такая погода!

Смирнова облегченно вздохнула и улыбнулась.

- Конечно, как мне самой это не пришло в голову. И хотя перед Максусом было бы правильнее предстать в дорогом костюме, сделанном из чистой английской шерсти. Мы поступим обратно логике. Он так всегда кичится своим ухоженным

видом! Просто отталкивающе кичится! Не стоит уподобляться ему. Так всегда поступал Юра.

Положа руку на сердце, мне не нравилось, как поступал Юра. Я бы с удовольствием вырядился в самое лучшее ради Макса, чтобы разговаривать с ним на равных. Но у меня не было другого выхода.

- Выход есть! – торжественно заявила Смирнова и, приблизившись к двухстворчатому платяному шкафу, широко распахнула его двери. Нежно поцеловала одежду своего мужа, словно благословляя ее на служение новому человеку.

Через пятнадцать минут на меня из зеркала смотрело настоящее пугало. Так даже в сэконд-хэнде нельзя было нарядиться. Там всегда можно было выбрать нечто современное, хоть и поношенное.

Эта одежда была настолько старомодна, что я даже предположить не мог, что в таком виде можно еще появляться на улице. Недаром за пределами дома Смирнов не находил гармонии. Еще бы! В таком зеленом фетровом котелке, в таком укороченном черно-сером драповом пальто в катышках! В таких стоптанных скривленных ботинках! Ко всему прочему, Смирнов был ниже меня ростом и брюки в елочку едва доставали до косточек на моих ногах. Что окончательно завершало образ, ну если не клоуна, не бомжа, то городского сумасшедшего точно. Это в таком виде я должен предстать перед Максом, этим красавчиком, утонченным эстетом! Коим совсем недавно являлся и я. Что меня добивало окончательно.

Смирнова всплеснула руками и умиленно разглядывала меня с ног до головы.

- Боже, вы мне сейчас напомнили мужа!

И она промокнула глаза носовым платком.

Если это звучало комплиментом в ее устах, то для меня означало окончательное падение. Я даже попытался вяло сопротивляться.

- Разве? Мне казалось, он совсем был другой.

- Ну конечно другой! – Смирнова гордо встряхнула головой, что должно было означать, что я с ним и рядом не могу стоять.

- Вы, безусловно, разные. Но... Эта одежда... Я раньше не понимала, да и не задумывалась, насколько одежда, стиль, могут изменить человека и сделать похожим на другого. Ну что ж, я вполне довольна. Думаю, на Макса вы произведете самое неблагоприятное впечатление. И он этого вполне заслуживает!

Сказать, что на Макса я произвел неблагоприятное впечатление, значит, ничего не сказать. Когда он увидел огородное пугало на пороге, то не просто вздрогнул, он вытаращил на меня глаза и расхохотался во весь голос. Так громко и звонко, что отворилась соседняя дверь, и очень хорошенькая, веснушчатая девушка появилась на пороге, с не меньшим любопытством разглядывая меня, словно замшелый раритет. Это было уже слишком! Я всегда нравился хорошеньким девушкам. Я быстро проскочил в квартиру Макса и плотно закрыл за собой дверь.

- Я и понятия не имел, что у вас такой хорошо поставленный голос, - язвительно бросил я Максу в лицо вместо приветствия.

- Хороший психиатр просто обязан быть хорошим артистом. Согласитесь, с хорошим тембром голоса проще убедить пациентов. Кстати, у нашего общего друга Смирнова был довольно слабенький голос. Может, поэтому к нему меньше записывалось на прием.

Макс помог мне снять тяжеленное пальто. И я остался в не менее комичном наряде. В коротких брюках в елочку и таком же пиджаке с укороченными рукавами. Но Макс уже не смеялся, он с некоторой задумчивостью, довольно бесцеремонно разглядывал меня с ног до головы.

- Кстати, я пытался дозвониться по номеру, который вы мне оставили. И безрезультатно! – Макс вопросительно посмотрел на меня.

- Да, я теперь живу в другом месте... Снимаю комнату у Надежды Андреевны.

- Не скромничайте, не только, как вижу, комнату Смирнова вы арендуете, но и его одежду.

Черт! Я мысленно выругался. Какой мы допустили просчет! Действительно, как я мог заявиться в одежде покойного ученого к его другу! И как не сообразила такая сообразительная Надежда Андреевна! Или все-таки у нее были основания не сообразить. И с помощью меня сделать определенный вызов человеку, которого она, как я понял, просто ненавидела.

Что ж, если на мою долю выпало стать пугалом, я эту роль исполню с должным достоинством.

Я без приглашения бухнулся в мягкое белое кресло и вызывающе забросил ногу за ногу. Я чувствовал, что этот человек просто так в гости не приглашает, даже если кто-то и собирается писать книгу о его лучшем друге. Значит, я был нужен Максy. Только зачем?

Макс разлил кофе по маленьким чашечкам. Я чувствовал, он тянет время или просто не знает с чего начать.

- И как ваша книга? Продвигается? – начал он издали и довольно неопределенно.

- В общем да, - не менее определенно ответил я.

- Я понимаю. Проще писать книгу о человеке, если живешь у него дома.

Можно проникнуться атмосферой, в которой он существовал. Посидеть в кресле, в котором он сидел, прочитать книги, которые он читал, послушать музыку, которую он слушал. И даже, возможно, через одежду, которую он носил, есть возможность его глубже понять.

- Возможно, – уже невозмутимо ответил я.

- Но... - Макс запнулся и налил себе еще кофе.

Я молча ждал продолжения.

- Но... Вы понимаете, Виталий ... Извините, забыл ваше отчество.

Я упорно молчал.

- Ну, хорошо. В таком случае и вы меня называйте просто Максом. Ведь Юра для нас обоих был просто Юрой, а не Юрием Евгеньевичем, разве не так?

Я тоже налил себе еще кофе и громко хрустнул печеньем.

- Да, так я, собственно, о чем... Я понимаю, что вы были друзьями, жили с его женой по соседству. В одном подъезде, если я не ошибаюсь? И Надя, возможно, многое может прояснить в судьбе мужа. Но вы поймите, - Макс явно начинал нервничать. А мне не терпелось узнать, что я должен понять. Но я по-прежнему молчал. Моя тактика была верной.

- Да поймите же, черт побери! – Макс не выдержал, вскочил с места, тут же опомнился и уже медленным шагом направился к балкону, распахнул его, словно ему было трудно дышать.

- Поймите же, - уже тихо и спокойно начал он. – Я друг Юры со студенческих лет. У нас одна профессия, у нас одно, можно сказать, прошлое, и я считаю своим долгом написать про него книгу. Более того, я заявляю, что лишь я имею на это право! И как коллега, и как друг. Вы же были просто другом. Которого он не видел годами.

Я растерялся, хотя и не подал виду. Вот оно что! Макс решил перетасовать карты и взять инициативу в свои руки. Но зачем ему это понадобилось? Я даже допускаю, что он по-своему любил Смирнова. И искренне сожалеет о его смерти. Но он не менее искренне считал его заурядной личностью, о жизни которого нечего и сказать. Он не ценил его трудов, считал их романтическими бреднями неудачника. И

я решил сделать свой ход. Только он мог спровоцировать Макса на еще большую откровенность.

- Насколько я понимаю, вы нашли папку Смирнова? – резко спросил я, словно в упор выстрелил.

Макс поперхнулся холодным воздухом, закашлялся и закрыл балкон.

- Что вы такое... И почему? С чего вы вдруг это решили... Это же идиотизм! При чем тут папка!

- Насколько я могу понять, легче писать про Смирнова ни другу его жены, ни его коллеге, а человеку, который нашел открытие Смирнова. Разгадал его тайну, над которой он трудился, возможно, последние годы.

- Тайну? Открытие? – Макс расхохотался во весь голос. – О чем вы! У Юрки, если и были, как вы смеее называть, открытия, то на уровне умозаключений, интуитивной дедукции, а скорее - нелогичного созерцания действительности, которую он не вполне адекватно понимал!

Я почесал затылок. Я мало понял, что сказал Макс, но сдаваться не собирался.

- Но ведь вы не менее моего были заинтересованы в том, чтобы найти папку.

- Не менее, а более! Поскольку труды ученых, даже неудавшихся ученых, всегда представляют интерес. Никогда неизвестно, что может прятаться за незрелой мыслью. А тем более, это не может быть известно непрофессионалу, коим являетесь вы, да не в обиду будет вам сказано.

- Не в обиду. Но я не собираюсь эти труды превращать в научный реферат. Мне они необходимы лишь для раскрытия... художественного раскрытия образа ученого.

- В таком случае, в этой папке вы вряд ли найдете что-либо ценное, - довольно грубо ответил Макс, тут же осекся и нервно забарабанил пальцами по столу. – Я хотел сказать...

- Вы хотели сказать, что все же нашли папку, - опередил я его.

Он усмехнулся и развязно откинулся в кресле.

- Напрасно вы меня ловите на слове, молодой человек. Я всего лишь хотел сказать, что если бы там действительно было нечто уникальное, Юра никогда бы так легкомысленно с этой рукописью не поступил. Я не знаю, поймете ли, вы не ученый... Но каждый ученый слишком серьезно относится к своим работам. Не то чтобы он постоянно думал о смерти, но исключать внезапность ее тоже было бы неверно. Более того, у него наверняка имеются копии трудов. К тому же Смирнов всецело доверял своей жене и здесь не мог не ставиться вопрос, где бы он хранил папку.

- Но возможно, в этой папке было такое, что он бы не осмелился показать Надежде Андреевне.

Макс снисходительно улыбнулся, справедливо считая, что наш спор выигран им окончательно.

- В таком случае, о чем речь? И причем тут гениальное открытие? Если это всего лишь личные бумаги Смирнова, то вам тем более негоже их разыскивать так рьяно. Человек не хотел, чтобы они стали достоянием общественности. А вы что, собираетесь их обнародовать вопреки воле покойного ученого?

Ничего я не собирался. Но признал правоту Макса. Смирнова попросила меня разыскать эту папку, наверняка, в своих личных целях. Всего лишь используя меня. Даже если она мне доказывала - про личное можно ей не говорить, - сомневаюсь, что она была искренна. Но Макс не мог знать одного. Эта папка интересовала не только Смирнову, но и меня лично. В ней вполне могла уместиться тайная жизнь ученого, которая хоть как-то могла оправдать его случайное убийство. И все же, я до конца не понимал, зачем пригласил меня Макс. Если он так желает писать книгу про

Смирнова, пусть пишет, не все ли равно, сколько книг про него выйдет. Тем более что я писать ничего не собирался.

Макс, окрыленный такой скорой победой в нашем споре, тут же по-деловому, беспристрастно, выложил карты на стол.

- Поэтому я и пригласил вас, Виталий.

- Для того чтобы я прекратил поиски папки?

- Да нет же, черт побери! – он махнул рукой. – К черту папку! Меня она совсем не интересует! Мне нет никакого дела до интимных тайн Юры, даже если он и был моим другом. А возможно именно поэтому. Я просто прошу, нет, более того, настаиваю, что книгу про него должен писать именно я.

- Ну и пишите! Я никакой договор не заключал, мы вполне можем писать одновременно.

- Вы так и не поняли, - Макс глубоко вздохнул и небрежно откинул назад вспотевшие светлые волосы. – Я, безусловно, могу написать его биографию, вспомнить по памяти его труды, перечислить опубликованные работы. Но мне это гораздо труднее будет сделать без его рукописей, дневников, которые именно вам передала Надя. Возможно, в них и не содержится сенсационных открытий, возможно, и наверняка, они ограничиваются полудетскими романтическими бреднями. И в них мало научных сентенций, но вы меня должны понять. Я профессионал, мне проще будет в них разобраться, систематизировать и проанализировать. Без них книга о Юре была бы неполной. А вы сможете их оценить лишь с точки зрения дилетанта.

Вот оно что! Максимум понадобились неопубликованные труды Смирнова, которые я как-то начал читать и теперь начисто забыл про них. И, положив руку на сердце, продолжать их изучение мне было лень. К тому же я действительно не всегда догонял мысль Смирнова. И, безусловно, отдавал должное Максиму. У него получилось бы лучше. Может, и впрямь отдать? Во всяком случае, это будет справедливо. Макс действительно на основе их сможет написать книгу о Смирнове. Я же, мало того, что убил ученого, теперь еще способствую убийству памяти о нем.

И я уже привстал с места, чтобы улыбнуться дружелюбно Максиму, пожать ему руку и от чистого сердца заявить, что буду только счастлив, если он возьмется за такое благородное дело. Но вдруг Макс сделал роковую ошибку. Он так торопился убедить меня в необходимости передачи ему рукописи, что переоценил свои силы и не рассчитал мои.

Он вслед за мной поднялся с кресла и протянул руку. И торопливо, на одном дыхании, выдал.

- Безусловно, если вы уговорите Надю, что мне эти бумаги необходимы, я в долгу не останусь. И часть гонорара, большую часть, - подчеркнул он, - я выплачу вам. Более того, я могу теперь предложить вам щедрый аванс. Я вижу, вы в деньгах нуждаетесь, - он мельком пробежался взглядом по одежде, неуклюже и смешно сидевшей на мне.

Вот это была для меня новость! Предлагать деньги за рукописи, к которым я не имел никакого отношения.

- И сколько вы предлагаете?

Макс снисходительно похлопал меня по плечу.

- Мне нравится ваша деловитость. Сразу видно, вы прекрасный репортер. Ведь без честной сделки получить ценную информацию невозможно.

Макс тут же назвал сумму. Которая была щедрой лишь для человека в потрепанном фетровом котелке, старом костюме в елочку и дырявых ботинках. Если бы Макс только знал, сколько у меня на счету в банке, думаю, он бы даже сумел покраснеть. И все же эта сумма была немалой, учитывая, что она давалась за один разговор с женой ученого.

- А если я все-таки не сумею убедить Смирнову? Она вас не очень-то жалует, – я продолжал провоцировать Макса.

- Кстати, я и ей собираюсь предложить такую же сумму. Но, если все же, не удастся...

Макс задумался, на его большом лбу появилась глубокая красная полоса. Он откровенно посмотрел мне прямо в глаза.

– Я хорошо знаю Надю. Она вслед за мужем талантливо играла в честность, а, возможно, он вслед за ней... Я допускаю, более того, я почти уверен в подобном ходе событий. В таком случае... - Макс приблизился к стойке бара, вытащил бутылку минералки и разлил по стаканам. – В таком случае, я предлагаю удвоить сумму, если вы передадите мне рукописи Смирнова без ее ведома. Всего лишь на один день. Или на одну ночь, как вам будет угодно.

Я вслед за Максом залпом выпил бокал минералки. Я лихорадочно соображал. Поскольку уже отлично понимал, что в рукописях содержится некая информация, которая очень важна для Запольского. Но какая? Я кое-что читал, но мне трудно было понять, что интересного можно выудить из этих записей. Даже если я прочитаю от корки до корки, смогу ли понять, чего Макс боится или чего так жаждет. А возможно и то, и другое. Но категорично откажись я сейчас, это может спугнуть Запольского. И он окончательно для меня закроется. И я даже в случайной беседе ничего не смогу для себя извлечь. А на случайную оговорку я возлагал большие надежды.

Я поставил бокал на стол. Вытер рукавом пиджака мокрые губы, как и полагается человеку в моем сомнительном положении. И твердо сказал.

- Я подумаю.

- Подумаете, согласны ли вы на эту сделку? – в светлых глазах Макса появились недобрые огоньки.

- Нет, я подумаю, что можно для вас сделать.

Он расслабился, взгляд его потеплел. Он крепко пожал мою руку.

- Я знал, что вы достаточно умный человек, чтобы не совершать больших глупостей.

- Ну, для подобной сделки большого ума не требуется.

А про себя добавил, главное, чтобы не было большой совести.

На лестничной клетке я вновь столкнулся нос к носу с конопатой девчонкой. Она была в красном спортивном костюме, подчеркивающим ее стройную, спортивную фигуру, и кожаных шлепанцах. В своих руках она торжественно держала яблочный пирог, от которого исходил аромат ванили и корицы. Наверняка решила заглянуть к соседям в гости. Но едва заметив меня, девушка почему-то вздрогнула вместо того, чтобы расхохотаться. Похоже, мой вид ее уже не смешил, а пугал. Я спустился на этаж ниже и стал ждать. Она тоже выжидала, когда я уйду. Когда по ее мнению опасность миновала, я осторожно выглянул из укрытия и увидел, что она по-своему открыла дверь Макса. Вскоре раздался ее веселый звонкий голосок. Ай да Макс! Не знаю, нужен ли был для меня подобный факт, но на всякий случай я записал его в своей памяти.

На улице наконец-то разгулялась весна. Солнце расплылось по небу яркими желтыми пятнами, вороны весело купались в лужах, и я с жадностью вдохнул воздух, пропитанный смоляными почками. Я решил прогуляться пешком до следующего метро. Окончательно я никак не мог привыкнуть к городскому транспорту, привыкнуть к толкотне, крикам и стойке на одной ноге оловянным солдатиком. Мне проще было ходить пешком. Но сегодня на меня весело поглядывали прохожие и я пожалел о своей пешей прогулке. Я привык, чтобы на

меня оглядывались восхищенные поклонницы, а не любопытные зеваки. Пожалуй, все же следует сбросить этот маскарадный наряд.

Я даже не заметил, что прохожу мимо комитета по спорту. И только когда услышал испуганное:

- Талька?!

Я вздрогнул, но не обернулся, лишь от неожиданности замедлил шаг. И услышал за своей спиной веселый голос Лехи Ветрякова, обращенный к нашему запасному игроку, бывшему по совместительству большим почитателем моего таланта.

- Да ты чё! Чокнулся! Какой это Талька! Даже если небо упадет на Тальку, вместе с дождем и градом, он все равно отряхнется, почистит ботиночки и укатит на своем феррари под легкий джаз. Кем-кем, а бомжом он не станет.

- Он уже стал монахом.

Леха за моей спиной расхохотался.

- В таком случае, даю голову на отсечение, что он свою рясу носит, как лондонский денди!

Мне надоело выслушивать этот бред, я ускорил шаг, резко свернул в подворотню и перевел дух. Нет, все же не зря я прогулялся. Эта встреча меня окончательно убедила, что маскарадный наряд мне еще долго будет кстати.

Дома я подробно передал Надежде Андреевне наш разговор с Максом. Она возбуждено ходила по комнате, заламывая руки и чуть ли не причитая.

- Ах, какой подлец! Какой подлец! Кто бы мог подумать! Я много про него дурного думала, но это мне не приходило в голову! Чтобы предлагать деньги! За рукописи моего мужа! Какая низость! Как недостойно для ученого! В конце концов, для коллеги! И он смел еще называть себя другом Юры!

Я понял, что причитания в подобном тоне могут продолжаться сколько угодно и решил пресечь их.

- Надежда Андреевна! – на повышенном тоне сказал я. – Я полностью разделяю ваше негодование! Но сейчас не об этом речь! Сейчас главное нам с вами понять, зачем, зачем так срочно ему понадобились эти бумаги!

- Наверняка, чтобы ими воспользоваться! Возможно, опубликовать их, выдав за свои! Такое в науке случается.

Я мудро промолчал. Если честно, я сомневался, что ими можно воспользоваться. Более того, я был уверен, что Макс и грамотнее, и логичнее излагает свои мысли. И мыслей у него этих невпроворот. Тем более он был категорически против романтизации науки, в отличие от Смирнова. И я попытался остороженько намекнуть на это Надежде Андреевне.

Она беспомощно посмотрела на меня и захлопала бесцветными ресницами.

- Вы думаете, здесь кроется что-то другое? Но я тогда не понимаю что. Я читала эти рукописи. И я не понимаю...

- Я тоже не понимаю. Мы с вами непрофессионалы и возможно нам трудно угнаться за мыслью ученых. Может, в каких-то утверждениях вашего мужа содержится нечто такое, что представляет огромный интерес для науки. Но в таком случае, почему Юрий Евгеньевич не обратил ваше внимание на это? Он ведь делился с вами всеми своими мыслями. Почему в этом случае он не перестраховался?

Смирнова недоуменно пожала плечами.

- Может, это я не обратила внимание? Его по-настоящему интересовали три темы. Тема счастья, это когда человек должен идти исключительно своей дорогой и не отказываться от предложенных судьбой неожиданностей. Вторая – это люди, окружающие человека. Вернее, умение отсекал ненужных людей, что наверняка

обезопасит его жизнь по минимуму. И третья – это... Ну, вы знаете, то, что все люди в некотором косвенном роде являются убийцами друг друга.

Я вздохнул.

- Ни одну из этих теорий Макс не признавал. В таком случае, возможно, его интересуют совсем другие бумаги Смирнова? О которых мы не знаем? И он думает, что они у нас. И на всякий случай решил перестраховаться? И проверить, у нас ли они? Знаете, мне кажется, что Макс чем-то напуган.

- Я никогда не видела его напуганным. Ну, разве что перед операцией. Но это вполне естественно. Макса вообще в жизни по большому счету волнует лишь собственное здоровье. Он раб его, живет ради него, работает ради него, молится на него. Но... В этом случае его можно понять. Вряд ли бы кто-то оставался спокоен, если бы ему заменили сердце.

- Сердце? Это так серьезно? А по его виду не скажешь. Такое ощущение, с чем с чем, а с сердцем у него все в порядке.

- Это с совестью у него все в порядке. Поскольку ее нет. Он не признает ее как физический орган. А сердце... У него врожденный порок. И понадобилась операция по пересадке. Он бы с удовольствием и сердца не имел, но это уже не в его компетенции. Не он придумал анатомию.

- М-да, - протянул неопределенно я. – Но это нам, к сожалению, ничего не дает. Мы остались на месте.

Этим же вечером я открыл для себя Шопена. Его музыка, поэтичная и искренняя, уносила меня к берегам Франции. Где я был не раз и где, возможно, уже не буду. И я воотчую видел ее равнины и низкогорья, ее Альпы и ее Средиземноморье. И я помнил себя в порту Марсея и в аэропорту Орли. И я совсем не скучал по Франции, как раньше. Скучать по ней я предоставил право Шопену.

Этим же вечером я случайно открыл томик Достоевского. И открыл для себя Достоевского. И мне не хотелось бродить по извилистым каменистым улочкам Петербурга под морозящим дождем в белые ночи. И мне не хотелось плакать по униженным и оскорбленным. Не хотелось терять, находить и вновь терять границу между преступлением и наказанием. За меня это прекрасно делал Достоевский.

Когда Надежда Андреевна увидела меня, она была приятно поражена.

- А ведь это любимый писатель Юры. Нет, сказать любимый, ничего не сказать. Он его боготворил. Разве что они расходились в одном вопросе.

- В каком же, если не секрет?

- Понимаете, творчество Достоевского практически посвящено одной теме – преступлению и наказанию. Причем одно от другого он не отделял. Преступление обязательно, в любом виде, в рамках закона или через судьбу обязательно влечет за собой наказание. То Юра посвятил себя другой теме. Преступление без наказания. Он доказывал, что преступление чаще всего безнаказанно. Он не имел в виду суд. Он считал, что преступление может быть ненаказанным даже судьбой. Стоит только о нем забыть. И все.

- Так просто?

- Увы. Просто одни люди способны забыть. А другие нет. Те, что не забывают свои дурные поступки, те наказывают себя сами. Те, кто забывает, могут быть не наказаны никогда. Поэтому некоторым нужно помочь забыть.

- Он считал это правильным?

- Ни да, ни нет, он был ученым. Он просто хотел доказать это на практике. Что преступление без наказания возможно. Достоевский же всю жизнь положил на то, чтобы это опровергнуть. Но он был писатель, а не ученый. Его не интересовал физический аспект проблемы, а лишь моральный. Юра же считал, что физическое уничтожение неугодной памяти вполне возможно.

Я внимательно посмотрел на Надежду Андреевну.

- Это уже интересно. А в этих рукописях, что вы мне дали, он затрагивает эту тему?

Она вздохнула и поправила цветную наволочку на моей подушке.

- Увы. Это были всего лишь его словесные изыски. Возможно, если бы он остался жив... Если бы он остался жив...

Надежда Андреевна ушла, она, видимо, не хотела плакать при мне. А я остался с Шопеном и Достоевским наедине. Я был искренне счастлив, что у меня есть возможность и желание с ними сегодня познакомиться.

Утром я вновь ругался, что меня разбудил бессмысленный старик, подсунув под дверь бессмысленную газету. Боже, сколько еще в жизни происходит ненужных вещей! Но они почему-то происходят и никто этому не сопротивляется.

Я подбросил крошки птичкам-попрошайкам, как, наверное, это тысячу раз делал Смирнов, и, по приглашению Надежды Андреевны, пошел завтракать.

За завтраком мы мудро решили, что бумаги Смирнова все же нужно передать Макс. Это решение выглядело вполне логично. По реакции Макса на рукописи у нас был шанс определить те ли это бумаги, за которыми гоняется он. Для нас в этом никакого риска не было. Использовать рукописи ему бы не удалось ни в каком виде, слишком они хорошо были изучены Надеждой Андреевной. Я даже предложил Смирновой, что неплохо бы содрать за эту услугу у Запольского деньги.

- В конце концов, он не обеднеет, а вам эти деньги будут кстати.

- Да, мне деньги будут кстати, - резко оборвала мои доводы Надежда Андреевна. – Тем более, когда строится дача. Но только не эти деньги. И вы даже в шутку не смейте мне предлагать подобной сделки. Не все деньги бывают кстати.

Мне пришлось согласиться и сделать акцент на том, что это был неудачный юмор.

А через несколько часов мы встретились с Максом в центре. Он подъехал на блестящем рено и небрежным жестом пригласил меня сесть в машину. Запольский выглядел возбужденным сверх меры, суетливым и откровенно довольным.

Я молча передал ему папку.

- Замечательно, великолепно, - он похлопал широкой ладонью по рукописи. – Сразу видно, вы деловой человек.

Я невольно бросил взгляд на свое потрепанное пальто, точнее потрепанное пальто Смирнова.

- Что вы, - я нарочито смиренно сложил руки перед собой. – Сразу видно, это вы деловой человек.

Макс машинально поправил блестящий галстук, выглядывающий из-под черного с отливом пальто.

- Я на дней десять улетаю в Штаты, на симпозиум, - подтвердил мою мысль о деловитости Запольский и посмотрел на часы. – У меня как раз будет время ознакомиться с бумагами Юры. Но в любом случае вы сделали правильный выбор. Мне мысли Смирнова покажутся более внятными и доступными. Но уж никак не ожидал, что Надя так легко на это пойдет. Неужели у нее такое ахавое денежное положение?

Ах, как мне хотелось хорошенько врезать по этой холеной красивой роже. Было бы любопытно посмотреть, как он, с кровоподтеками и синяками, выступает перед американской аудиторией. И я со всей силы сжал кулаки.

- Кстати, в ваших руках оригинальные рукописи великого ученого, – невозмутимо ответил я, по-прежнему сжимая кулаки. – А в жизни, сами понимаете, всякое бывает. Вдруг самолет рухнет. Вас, конечно, жалко, но ваши-то произведения останутся целыми и невредимыми. А что будет с бумагами Смирнова?

Макс не разозлился. Даже весело и дружелюбно на меня посмотрел. Он ценил черный юмор.

- Я не боюсь самолетов. Мои самолеты просто так не падают. А на счет рукописей Смирнова будьте спокойны. Я сегодня же сделаю копию и завтра вам вернется оригинал, как и было обещано.

Да, похоже, он так обрадовался бумагам Смирнова, что от всей души плевал на мои карканья на счет удачного полета. Похоже, его самолеты и впрямь не падают. Я даже засомневался, правильно ли мы отдали ему рукописи. Вдруг Надежда Андреевна не умеет читать между строк. И тем более я. Но больше всего я сокрушался, что Запольскому настроению перед полетом испортить не удалось.

- Всего доброго, был очень рад с вами повидаться. - Макс протянул мне руку. – Завтра, как и было договорено, можете забрать оригинал.

Что подразумевалось: пошел вон, болван, завтра, идиот, придется вновь с тобой встретиться. В этом случае мне прочитать между строк удалось.

Я хотел было возразить. Но он поспешно распахнул дверцу машины, и мне ничего не оставалось, как бесславно ретироваться.

Следующим утром я уверенным шагом направлялся к дому Макса Запольского. Уверенности и беспечности мне придал мой внешний вид. Погода была отличная. Наступала настоящая весна. Я с радостью снял котелок Смирнова, и его страшненькое пальто сменил на более приличный плащ. Видимо, купленный четой Смирновых, относительно недавно. Конечно, вид у меня был по-прежнему забитый, но все же на меня уже не оглядывались как на огородное пугало. Хотя, похоже, что известный форвард, эстет и сноб Талик Белых во мне умирал на удивление быстро, охотно и почти безболезненно.

Накануне я и Смирнова уже успели пожалеть, что так необдуманно и поспешно отдали рукописи Максиму. Вдруг он сумеет из них выудить то, что мы так и не заметили. Поэтому я торопился, хотя это было довольно глупо. Макс уже успел тысячу раз их отксерить, если не перечитать.

Я настойчиво и суетливо нажимал и нажимал на дверной замок. Мне не отвечали. Это было, по меньшей мере, странно. Даже если Макс и не чист на руку, он так откровенно не покажет свои нечистые руки.

Наконец дверь отворилась. Правда, не дверь Макса, а его хорошенькой рыженькой соседки. Она высунула свой остренький носик и поманила меня тоненьким пальчиком. Я нехотя приблизился к ее квартире. Не люблю, когда меня так фамильярно подзывают, но я находился не в том положении, чтобы обижаться на вольности.

- Ну и? – как можно небрежнее спросил я.

- Во-первых, здрасьте, - задиристо ответила она.

- А во-вторых, не здрасьте, а здравствуйте, Виталий Николаевич.

- А мне все равно, Виталий Николаевич или Николай Витальевич, - девушка протянула пакет с рукописями Смирнова, – мне велено передать, вот я и передаю. Больше меня ничего не касается, ни ваше имя, ни отчество.

- А жаль, мне например, любопытно узнать, как вас зовут. А еще любопытней, почему это вы, а не Макс передаете столь ценный пакет.

Девушка пожала плечами.

- А он улетел, на симпозиум, - она оглянулась, видимо посмотрев на настенные часы. – Вернее, уже прилетел.

Макс оказался осторожней, чем я думал. Вернее, суеверней, чем я мог даже представить. Черный юмор, как оказалось, он не понимал. И хотя его самолеты не падали, похоже, о времени полета он распространяться не любил. Наверняка, чтобы не сглазить.

Я бесцеремонно стал разглядывать девушку. Она волне могла быть моей фанаткой, той рыженькой и хорошенькой, с которой мне так и не пришлось встретиться наедине в день того рокового матча. И я вновь позавидовал Макс. Его самолеты не падают. И для соседских отношений эта девочка слишком молода. Пожалуй, мой взгляд был через чур развязан и навязчив, и слишком уж не подходил моему внешнему виду. Девушка фыркнула, точно попав в мои мысли.

- Зря вы так смотрите. На пожирателя девушек вы слишком уж не тянете.

Я вздрогнул и встряхнул головой.

- А на кого я тяну?

Он пожал плечами.

- Ну... Макс... Максим Станиславович сказал, что вы какой-то писатель.

Поэтому видок у вас еще тот. В общем, экстравагантный писатель.

- Вы разочарованы?

- Да мне вообще все равно. Я читаю других писателей. И мне их вполне достаточно, только они давно не ходят по нашей земле. Они уже там, - она показала рукой вверх. - А если бы и ходили... Вряд ли бы были теперь писателями.

- Ну, для тех писателей, - я вслед за ней поднял руку, - вы слишком, пожалуй, беспечны и...

Я запнулся

- Наглы? Бесцеремонны? Неинтеллигентны? – продолжила она за меня.

- Да нет... Пожалуй, просты.

Девушка презрительно усмехнулась. Моя фраза явно задела ее за живое.

- А они не выбирали для кого писать. И попадали в каждого. А теперь все прицеливаются, да ни в кого не попадают, в пустоту разве. Холостой выстрел.

- Образно выражаетесь, случайно не в литинституте учитесь?

- Случайно нет. Может, поэто образно и выражаюсь. Медику порой гораздо больше нужны метафоры, чем какому-нибудь писателю. Писателю лучше поучится анатомии человека. А нам образы помогают привыкать и к смерти, и к рождению. И то и другое печально.

- Ну, про первое я понял, но причем тут рождение?

- Оно еще более печально. Потому что приводит все равно к смерти. Мы можем тысячу раз говорить: какое счастье, что ты родился, малыш, но мы не добавляем: ведь и ты когда-нибудь умрешь. И вряд ли сможем утверждать, что жизнь будет прекрасной и небезопасной.

- Пожалуй, как медик вы говорите, по меньшей мере, преступно. В таком случае, жизнь вообще не нужна. И не стоит за нее бороться.

- А кто сказал, что она нужна? Но если она есть, бороться за нее стоит. Еще как стоит.

Я уже по-другому, не бесцеремонно, а с любопытством и даже некоторой грустью рассматривал эту девочку. Разочарование... Больше ничего нельзя было прочитать на ее румяном, слегка конопатом личике. Разочарование. Я это слово узнал совсем недавно. Я просто о нем не задумывался. Мне о нем не разрешала думать мама. Она так хотела, чтобы я никогда не разочаровывался, поскольку это путь к поражению. Алька... Она, потерявшая все в этой жизни, пожалуй, до конца дней в ней так и не разочаровалась. Возможно, я привел ее к поражению. Но я не хотел уже об этом думать. Алька могла разбиться, разочаровавшись лично во мне, а не во всей жизни. Это другое. Это более глубокое и бессмысленное. И, в конце концов, должны же существовать такие люди, как Алька! Хотя бы они дают право думать о жизни лучше, чем она есть. Но разве много осталось таких Алек? Вот, например, эта рыжеволосая симпатичная девушка, напоминающая Альку. Но только внешне. Не похоже, чтобы она страдала от бедности или неразделенной любви. Но все равно она страдает. Болезнь мира? Болезнь человечества? Интернациональная

болезнь? И кто сможет излечить от этой болезни, какой врач, какой знахарь, какой колдун? И какой Интернационал?

Как ни странно, мне расхотелось уходить. И не потому, что привлекала девчонка, и даже не потому, что я хотел выудить сведения о Максе. Мне просто стало интересно. Любопытно. И чуть-чуть тоскливо. Три повода, чтобы не уходить.

- Знаете, - закашлялся я от неловкости, - а мне ведь нужно проверить эти бумаги, - я кивнул на пакет.

Она неожиданно рассмеялась и канапушки расплылись на ее остреньком личике.

- Так проверяйте, - девушка распахнула дверь, приглашая меня войти.

- Вы не боитесь?

- А зачем мне бояться друзей своего соседа?

Я пожал недоуменно плечами и вошел. Пока я добирался до комнаты, я успел вытереть ноги, вымыть руки и даже узнать имя девчонки.

- Ага, Тоня, - я взял со столика пустую бутылку пива. – Поэтому вы меня и впустили. Страх уже нет.

- Страх давно нет. Страх - самое бессмысленное чувство в жизни, потому что от него ничего не зависит.

- Но вы, возможно, боялись за полет через океан вашего... соседа?

- Да нет, - Тоня пожалала плечами. – Его самолеты не падают.

- А вдруг?

- Конечно, может быть, вдруг, еще как может! Просто Макс... Он, по-моему, выбрал правильную тактику в жизни. В основном как бывает?

- Как?

- Ну, все перестраховываясь, крестятся и лепечут всякое и так далее. А он... Он, зная, что бывает всякое, уверенно утверждает: мои самолеты не падают. И правильно! Самолеты же не падают от того говорит он это или не говорит! Они падают совсем от другого! А люди... Ему сразу начинают завидовать, но, как ни странно, верят в его счастливую звезду, может эта вера и помогает не падать его самолетам?

- М-да, - протянул я, - странным способом он избавляется от врагов.

- Ну, не то чтобы от врагов, враги есть у всех, даже если мы о них не знаем.

Просто таким способом он, скорее, избавляется от неудачи. Ведь уверенным на все сто на все сто и верят! А уверенным уже на 99 процентов верят на один лишь процент. И то в лучшем случае. А скорее всего, вообще не верят.

Тоня вытащила бутылку пива из холодильника, который находился в этой же комнате. И заговорщицки подмигнула.

Я неуверенно кивнул в ответ.

- Знаете, еще пару тройку месяцев назад я вообще не пил. Только не стоит утверждать, что когда-нибудь надо начинать.

- Не буду, хорошо, не буду. Но все же... Ведь когда-нибудь надо начинать, чтобы закончить? А? Так что – за рождение и смерть? Не так ли?

Мы расхохотались. И что я здесь делаю? И зачем? Скорее всего, меня влечет сюда тоска о прошлой жизни, о модных и хорошеньких девчонках, о том, на что я имею право. Но...

Но в то же время, как ни парадоксально, я чувствовал, что Тоня, эта милая рыжеволосая Тоня, которую еще пару месяцев назад я, не задумываясь, сгреб бы в охапку и жадно расцеловал, меня теперь не волнует. Я (но этого не может быть!) думал, нет же, нет, точнее тосковал (это вообще невероятно) о Смирновой. Об этой серенькой невзрачной женщине, такой же устаревшей в этом мире, как и ее быт, ее достоинство. Я словил себя на мысли, что ни сама юность, ни ее яркость, ни ее надуманные ранние разочарования меня не прельщают. Мне хотелось, как это ни

грустно, старости, мне хотелось усталости и покоя. Так же, как совсем недавно я попрощался с хоккеем, со своим домом, с принцессой Дианой, с желанием победы и вершины Олимпа, так же сегодня я спешил расстаться с молодостью и поскорее закрыть на все замки за собой дверь. Чтобы меня не тревожили.

Эта юная рыженькая девчонка, словно явившаяся из моего прошлого, меня уже и впрямь не тревожила. И мне от этого ни капельки не было досадно. Пульс был ровным, голова ясная и рука твердая, когда я наливал очередной бокал пива.

- Ну что, теперь за наше общее дело – медицину? – мы звонко чокнулись бокалами. – Анатомия души и анатомия тела. И что важнее?

- Анатомия разума, - Тоня постучала себя по голове. – Я ведь будущий врач-психиатр. Это, пожалуй, самое бессмысленное ремесло в медицине. И результаты их труда менее всего заметны. Здесь уже не стоит вопрос спасут или не спасут. Здесь главное сделать человека более равнодушным. Равнодушие – главный принцип спасения в психиатрии. И главное лекарство. Так выпьем же за равнодушие! За залог долгой жизни любого человека.

Я задумчиво посмотрел на Тоню. Про равнодушие я уже проходил. Эти уроки мне успешно давала мама. И я сдавал экзамены на отлично.

Тоня меньше всего походила на мою мать. И меньше всего выглядела равнодушной. Хотя... ей ведь было всего двадцать. И сдать этот экзамен она еще успеет.

- Значит, уроки по равнодушию тебе успешно дает Макс. Любопытно, не слишком ли много психиатров на одну лестничную клетку?

- А у меня не было выбора. На кардиохирурга, как мой дядька, я бы просто не потянула. Не жалуют девушек в хирургии. И правильно делают.

Я вспомнил, как Смирнова упоминала об операции Макса на сердце. Что ж, похоже, очередная сделка Макса Запольского. Ему здоровое сердце от дяди, он – светлое будущее в психиатрии для его племянницы.

- Значит, не только в уроках по равнодушию преуспел ваш сосед. Уроки по психиатрии не менее безупречные?

- Безупречно можно только лежать и плевать в потолок. А Макс работает, и работает много. У таких людей я сочту за честь брать уроки.

Похоже, эта рыжеволосая чертовка, играющая в равнодушие, была и впрямь в него влюблена. Мне стало чуть-чуть досадно от этой мысли. Неглупая, симпатичная девчонка, острая на язык и этот напыщенный самодовольный тип, претендующий на гениальность. Но лишь претендующий, утешил я себя.

- Эти блестящие уроки вы берете со школьной скамьи? – не выдержал я, откровенно съязвив.

Тоня бросила уничтожающий взгляд в мою сторону.

- К вашему сведению, на школьной скамье я была отличницей. Сидела на первой парте, носила круглые очки и заплетала толстую косу. Но в то славное время я жила в другом месте и о существовании гениального Макса даже не подозревала. Что, впрочем, не помешало мне успешно сдать экзамен в мединститут. А вы, насколько я поняла, не такой уж и друг Максима. Впрочем, это не удивительно. При всей общительности у него, по-моему, так и не получилось с друзьями. И в этом случае он наверняка прав.

- Но зато вы, Тонечка, не во всем правы. И не все вы знаете про Максима. У нас с ним был общий друг. Может быть, вы слышали, он погиб. Я теперь пробую писать про него книгу. А на счет наших отношений с Максом, здесь вы, пожалуй, угадали. Общий друг вряд ли нас сможет сделать друзьями. Да это и не обязательно.

Тоня сморщила лобик. Изящно затянулась тоненькой сигареткой и выдохнула дым в сторону открытой фрамуги.

- Да, да. Я что-то слышала про эту нелепую смерть. Максим очень переживал. Он считает, что это именно его долг написать книгу про своего коллегу, - она запнулась и неуверенно добавила. – И друга.

- Вот видите, у нас одинаково развито чувство долга. Хоть погибший не был моим коллегой, а только другом, – уверенно заявил я и сам испугался своих уверенных слов.

Мне на секунду показалось, что Смирнов и впрямь был моим настоящим товарищем. И я периодически стал забывать о своем прямом участии в его смерти.

- Но, увы, в этом случае я вам ничем помочь не могу.

Тоня резко встала, хмель от пива прошел. Она откровенно посмотрела на часы, давая мне понять, что больше нам разговаривать не о чем.

– Я понятия не имею про этого человека. И ничего не могу вам про него рассказать.

- А ваш дядя? Если он знаком с Максом, вполне возможно он знал и Смирнова?

- А с чего вы взяли, что мой дядя знает Максима?

Я растерялся. Я бил вслепую. Мало ли какой врач мог сделать Запольскому операцию на сердце? Конечно, можно ответить, что они знакомы, только потому, что Тоня - соседка Макса, но я решил идти наугад до конца.

- А как же иначе? – я удивленно пожал плечами. – Ведь ваш дядя делал Максиму операцию на сердце?

Я неотрывно смотрел на девушку. Она хладнокровно выдержала мой навязчивый взгляд.

- Вообще-то Макс предпочитал не распространяться на эту тему, но если вы знаете, - она пожалала плечами. – Макс считает себя абсолютно здоровым человеком и умеет забывать прошлое, особенно, если оно столь неприятно. И потом... Не только Макс обязан дяде, тот в свою очередь тоже к нему обращался.

А вот это было для меня полной неожиданностью. Я без разрешения девушки налил себе еще бокал пива.

- Хирург к психотерапевту? Это что-то новенькое.

- Можно подумать, что у хирургов не бывает стрессов. Впрочем, я ничего не знаю об этой истории. По-моему, она слишком примитивна и пахнет любовной мелодрамой. Я от дяди не ожидала таких банальностей. Я считала его всегда незаурядной личностью. А тут... Он вдруг на грани нервного срыва. Кстати, Максиму удалось ему помочь.

- Получается, что известного хирурга, э-э-э, - замычал я, словно припоминая фамилию.

- Маслов, его фамилия, если вы не знаете, но боитесь спросить. А мне скрывать нечего. Наоборот, я горжусь, что мой дядя – известный хирург Маслов.

- Известного хирурга Маслова посмела бросить девушка? – я изобразил на своем лице удивление.

Тоня в ответ на мою неудачную гримасу лишь усмехнулась.

- Во-первых, тогда он не был известным. А во-вторых, сколько я его знаю, он всегда был женат. У меня вообще такое ощущение, что он родился уже женатым, настолько привязан к своей семье. Вот и все объяснение. Любовь не всегда ко двору.

- Чаще всего не ко двору, а со двора, - я вдруг вспомнил Диану и скривился.

- Похоже, и у вас случались любовные разочарования?

- А вы можете назвать того, у кого они не случались?

Тоня звонко рассмеялась, встряхнув рыженькой челкой.

- Как ни фантастично звучит, но могу. Макс, к примеру.

Я не выдержал и зло бросил в ее разругавшееся личико.

- А вот вы, к примеру, его безжалостно бросите, и ему даже ни капельки не станет грустно?

Румянец мгновенно пропал, Тоня побледнела, сжала кулачки и даже бросила взгляд на пепельницу. Я даже подумал, что она вот-вот ею в меня метнет. И невольно отбросил голову назад. Но девушка набрала воздух и тут же его выдохнула.

- А знаете, ему не станет грустно, если я его брошу. Но, как ни странно, и мне тоже, если он бросит меня. Удобная любовь, не правда ли? Любовь, которой не нужно бояться.

- Да, пожалуй, удобная, – я поднялся и направился к выходу. – И хотя мне тоже было чертовски удобно на вашем диване, пора и честь знать. Особенно когда ничего другого не остается.

Проходя мимо светлого комода, еще сохранившего запах сосны, я случайно задел локтем фоторамку. Фотография, как бутерброд, упала изображением вниз, я машинально поднял ее и поставил на место. С фото победоносным, слегка пренебрежительным взглядом на меня смотрел Макс, положив руку на плечо пожилому человеку с круглым, слегка румяным и крайне положительным лицом.

- Это мой дядя, - Тоня ткнула пальцем в кругленького человека.

- Симпатичный он у вас. Довольно редко лицо выдает характер.

- Напротив, довольно часто. Слыхали, наверное, лицо – зеркало души.

- Вообще-то это про глаза сказано, но смысл уловили верно. Особенно, глядя на Макса. Твой дядя знаком с ним гораздо больше, чем я думал.

- А зачем об этом вообще думать. Ну, знакомы и знакомы. Если хотите знать, дядя вообще ярый сторонник нашего брака.

- Понятно, - ответил я, хотя далеко на все понимал. – И поэтому вы их двоих и заключили в общую рамку. Два самых дорогих человека в одном кадре. Правильно. И экономно к тому же. Зачем две рамки покупать?

- Угу, и лишнее место в квартире занимать. Она у меня и так маленькая. На них хватит и одного комода.

Я внимательно посмотрел на девушку. Она стояла, небрежно облокотившись о косяк двери одной рукой, а другую держала в кармане спортивных брюк. Носик был задиристо вздернут, в глазах прыгали насмешливые огоньки. Я с облегчением подумал, что ошибался. Не любит она вовсе этого напыщенного самодовольного типа. Слишком она умна, чтобы его любить. Я вновь бросил злорадный взгляд на изображение Макса. Разве можно любить эту слащавую улыбку, это безупречное гладковыбритое лицо, этот колючий высокомерный взгляд, этого сверх благополучного человека, который уверен на все сто, что его самолеты не падают, поскольку всегда знает, когда и кому вовремя заплатить.

Я нахмурился, более внимательно вглядываясь в фото. Упиваясь уничижающими словами для Макса, я поначалу не обратил внимания на задний фон фотографии. Там, оказывается, находился еще один человек. Он опустил низко голову, словно что-то старательно искал на полу, и лица я его не мог разглядеть. Только блестящая залысина на макушке.

- А это кто, Тонечка? – тревожно спросил я.

- Понятия не имею, - девушка удивленно пожала плечами. - Я сама впервые заметила. Но какое это имеет значение? Уж мне-то поверьте. Он не самый мой дорогой человек, - она иронично улыбнулась и тут же весело воскликнула, ткнув пальчиком в незнакомца. – Ой, а у него плащ такой же, как у вас. Такой старомодный, с погончиками... Вот и даже пуговица в том же месте оторвана, извините.

- Не за что тебе извиняться, - я тепло улыбнулся, – все нормально.
Ну, пока, Тонечка.

Я потрепал ее по пышным рыжеватым волосам, как маленькую, как задиристого, слегка вздорного ребенка. Не больше и не меньше. Я сегодня понял, что повзрослел окончательно. Пожалуй, я сумел безболезненно перескочить порог, разделяющий инфантильную юность от зрелости. Миновал переходный этап. Но грусть по прошлому еще меня не отпускала, совсем чуть-чуть не отпускала. И я, отдав дань своему удачному прошлому, не выдержал и уже у самых дверей спросил как можно небрежнее.

- Тонечка, а я вам никого не напоминаю?

Мы стояли в проеме двери. Яркие лучи весеннего солнца падали из окон коридора прямо на мое лицо, безжалостно его освещая. Я вызывающе смотрел на девушку, прекрасно зная, что рискую. И не боялся риска. Мне этот риск был необходим. Мне еще хотелось нравиться. Мне еще хотелось узнать, походил ли я на того шикарного парня, за которым фортуна следовала по пятам, и наступала на пятки, и подгоняла в спину. И я еще плохо осознавал, зачем мне это было нужно. Ведь меньше всего на свете я сегодня хотел любви.

Тоня недоуменно пожала плечами.

- Станный вопрос. А на кого вы можете быть похожи? Впрочем... У вас, извините за откровенность, такое незапоминающееся лицо. Но если хотите – классическое. Все классические лица довольно стандартны. Вы можете быть похожи на кого угодно, и в тоже время вас никто не сможет узнать. Еще раз прошу прощения, но про таких говорят при встрече: «Ба! Кого же ты мне напоминаешь, старик!» вместо того чтобы сказать «Ба! Это ты!»

- Ты хороший психолог, Тонечка. И милая девушка.

- Так вы пришли к психологу или девушке?

- Думай, Тонечка, думай.

- А тут и думать нечего. Как психолог я сразу же просекла, что как девушка я вас не интересую.

Мы вновь одновременно рассмеялись. Похоже, это уже входило у нас двоих в привычку.

Спускаясь по лестнице, я не мог избавиться от чувства досады, что я девушке даже издали не напомнил известного хоккеиста Белых. Как легко забываются люди, если их уже нет. Как легко их можно заменить. Впрочем, Тоню возможно, вообще не интересовал хоккей? Разве я знаю в лицо артистов балета? Или музыкантов? Эта мысль меня слегка утешила. И уже на улице, шагая по мостовой, вдыхая теплоту весеннего воздуха и запахи набухающих почек, чувство досады покинуло меня окончательно.

Этим же вечером мы с Надеждой Андреевной прогуливались по маленькому скверу, расположенному неподалеку от нашего дома.

«Вот я уже говорю нашего», - усмехнулся я, словив себя на этой мысли. Моего в этом мире уже ничего не осталось. Эти молоденькие деревца, посаженные вдоль дороги, просыпались от зимней спячки. И мне тоже, как им, так хотелось когда-нибудь проснуться. Но я по-прежнему пребывал в какой-то летаргической прострации. Это, впрочем, не помешало мне изложить Смирновой подробности нашего разговора с Тоней.

- Да, и наконец, главное – заключил я, оставив важную новость на конец, чтобы финал выглядел эффектным. – На фотографии был ваш муж! Я, конечно, не уверен на все сто, но очень, очень похоже на это. Девчонка даже этот плащ узнала. (Я потрепал ворот плаща). Она умненькая девочка, остренькая на язык, но в силу своего юного возраста еще очень наивная. Поэтому у нее много можно выпытать.

Я был уверен, что Надежда Андреевна удивится этой новости, ухватиться за нее и выжмет из нее все возможное. Но она вдруг некстати спросила.

- А она хорошенькая?

- Кто? – не понял я.

- Ну, эта ваша девушка...

- Точнее, девушка Макса. А Макс не любит дешевые вещи и дешевых людей.

Смирнова скривилась, еще больше ссутулилась и носком старого сапога машинально подбросила стаканчик от мороженого. Я сообразил, что ляпнул что-то не то.

- Но у Макса плохой вкус. Не всякая дорогая вещь выглядит красиво и эстетично.

- Вы так говорите, словно разбираетесь в красивых вещах.

Еще бы! Я не просто разбираюсь! Этому меня долго и настойчиво учила мама. А она безупречно разбиралась во многих вещах. Я был законодателем моды в команде. На мне не только заграничные костюмы, но и даже солнцезащитные очки сидели с особым шиком и элегантностью! Как ни на ком другом! Я хотел быть не просто лучшим, а самым лучшим. При этом очень тонко и ненавязчиво подражая звездам Голливуда.

Теперь я, шаркая старыми ботинками, понуро брел по дороге рядом с бесцветной женщиной. И если еще вчера нас могли посчитать чуть ли не за сына и дочь, то сегодня мы выглядели волне достойной парой.

Самое страшное – меня это уже почти не пугало. И не угнетало. А порой я с каким-то вызывающим садомазохизмом радовался своему смирению, своей усредненности и серости. Словно кому-то доказывал: вот он, мой должок, позвольте расчитаться, сколько я на этот раз должен? Я с удовольствием отстегну еще один недешевый кусок моей прошлой жизни. Как когда-то без борьбы заплатил любимой работой, не очень любимой любовью, не очень дорогим мне, но дорогим домом. Теперь так же без борьбы с тайным наслаждением платил красотой и молодостью. Оставаться красивым и молодым я категорически отказывался. И словно кто-то потакал моим желаниям быстро и успешно.

Тем же вечером, выпив после чинной прогулки благородного чая за круглым столом, мы включили телевизор. Я сощурился, вглядываясь в мутный экран.

- Что-то я плохо стал видеть, расплывчато как-то, - сказал я почти равнодушно, зная, какой за этим последует ответ.

И он незамедлительно последовал. Через пять минут Смирнова протягивала мне круглые очки в пластмассовой безвкусной оправе.

- Примеряйте Юрины. Они вам должны подойти.

Я покрутил очки в руках. Их невозможно было носить элегантно. Да у меня уже и не возникло такого желания. К тому же это было нереально, даже с моими способностями. И я покорно нацепил очки на нос. Они действительно подошли идеально.

Так я попробовал жить в идеальном мире. Мой идеал в одночасье стал другим. Без большого спорта и большого мира роскошных вещей и чванливых людей, желающих завоевать весь мир или хотя бы большую его часть. Напротив, мой мир стал тихим, уютным, уместающимся в площадь 46 квадратных метров с кухней в 8 «квадратов», где пытит алюминиевый чайник и по утрам в окно стучат голуби. И мне нравился мой идеал. Мне нравилось быть сгорбленным, разбитым и забитым очкариком, растворившимся в толпе.

Раньше я бы наверняка назвал подобное пребывание в мире существованием – жалким и убогим. Но теперь с гордостью и неким вызовом (неизвестно кому) называл это полнокровной и достойной жизнью, где не нужно лгать, изворачиваться,

подставлять других, интриговать против тех, кто тебя подставил или еще собирался подставить.

Я вдруг осознал парадоксальную вещь. Только растворившись в толпе можно почувствовать себя личностью. Только растворившись в толпе можно от этой толпы не зависеть. Зависим тот, кто над толпой возвышается. Ведь ему всегда нужно угождать другим, чтобы не свалиться вниз. Именно они зависят от чужого мнения, прислушиваются к нему, повторяют его, перефразируют и навсегда забывают о своем. Как когда-то и я. Теперь же именно в гуле, крике и однородности толпы, я, как никогда в жизни, имел свой голос. Потому что уже не заикливался на собственной исключительности. Не задумывался о том, что я личность, что хочу быть свободным. Не задумывался, чтобы выделяться из толпы. Я уже ничего не боялся. Чувство зависимости от известного вопроса - «быть или не быть?» - меня не пугало. Мне нравилось быть в толпе, мне нравились банальные и очень простые вещи и фразы. Поэтому я и был личностью, был свободным и поэтому, не выделяясь из толпы, этим и выделялся.

Мне уже не хотелось быть лидером, я был свободен и от этого желания. Мне уже не хотелось быть молодым. И старости я уже не боялся. Победа над этим страхом далась легко, почти легко, что не каждому удавалось. Скорее удавалось единицам, которые поняли то, что понял я. И, конечно, Смирнов. Жаль, что он не был моим первым учителем. Но последним, похоже, стал. Посмертно. Ведь именно благодаря его жизни, или вопреки его смерти, я стал быстро познавать мир. Не тот, который мне навязывала мама, скорее – от любви, чтобы уберечь. Высокомерный, кичливый, наглый, в котором навечно поселилось чувство страха: не успеть, не допустить, чтобы обогнали другие. Я уже не успеть не боялся. Я всегда успевал. Впрочем, и торопиться было некуда. Пусть меня тысячу раз обгоняют и на тысячу километров перегоняют другие. Это у них нет времени. У меня времени стало навалом. Даже дни и ночи стали длиннее.

Мой мир в 46 кв. м. вмещал в себе и голубя на подоконнике, и старый проигрыватель, и томики Достоевского, и ранний звонок в дверь с доставкой бессмысленной рекламной газеты, и ароматный чай за круглым столом с Надеждой Андреевной, и многое-многое другое.

Как-то я даже решил, что пора успокоиться по поводу поиска злосчастной папки. Но обещание позвонить Маслову в клинику не выполнить я не мог. Надежда Андреевна, как всегда, ненавязчиво но упорно убеждала, что встретиться с профессором крайне необходимо. Она недоумевала, почему ее муж скрывал о том, что знаком с таким знаменитым человеком. И не понимала, каким образом он был с ним связан. Безусловно, все могло оказаться случайностью, но случайности исключить мы не могли, особенно если они способны были приоткрыть завесу тайны, за которой так гонялся Макс. Готовый без промедления выложить за нее кругленькую сумму. Хотя он меньше всего походил на своего парня.

Я все же дозвонился в кардиологическую клинику. Но меня ждало разочарование. Маслов давно уже пребывает в Германии, благополучно читает лекции в тамошних университетах и будет лишь к лету.

Если честно, в глубине души я почувствовал облегчение. И расследование по поводу некоего открытия Смирнова, не по моей воле, зашло в тупик. Это даже подтвердил Макс, который вернувшись из Штатов, тут же позвонил мне.

- Виталий Николаевич? Позвольте вы для меня станете наконец-то просто Виталием. Слишком долго произносить отчество.

- Безусловно, Максим. У вас так мало времени. К тому же в Штатах вас, наверное, обучили обращению без отчеств.

- Если точнее, в Штатах учил я, а не меня. И они остались вполне довольны моими блестящими познаниями. Чего не скажешь о трудах Смирнова. Которые я посмел предложить.

- Без нашего ведома, - съязвил я.

- Вы хотите сказать: без вашего ведома? - в ответ еще более грубо съязвил Макс. – А для Нади это не новость. Я всегда с согласия Юры предлагал его труды на Западе, некоторые даже были опубликованы, кстати, за приличное вознаграждение.

- Так почему же этим не повезло?

- А потому, что я полностью согласен с зарубежными коллегами, что эти труды – не научны, а скорее литературны. И через чур наивны. Юра никогда не отличался прагматизмом, но эти опусы, увы, превзошли все ожидания.

- Значит, ничего интересного вы в этих записях не нашли?

- Честно говоря, нет. Я ожидал открытия... Если не открытия, то... Впрочем, это не важно. И не имеет никакого значения. И никоим образом не исключает нашу деловую сделку. Я человек слова. Значит, сколько я вам должен.

Ох, как мне хотелось назвать кругленькую сумму, чтобы расстроить хоть на минуту этого энергичного дельца. Я был уверен, что он жаден, что у него на счету каждая копейка.

- Вы ничего нам не должны. Ни я, ни Надежда Андреевна не отличаемся деловой хваткой. Мы ни разу не были в Штатах, - тут я слукавил. И не без грусти вспомнил одну из своих замечательных поездок в Лос-Анжелес и катание на «русских горках» с одной очаровательной русской эмигранткой. У нас захватывало дух, а на самых крутых виражах я умудрялся целовать ее в губы. Она визжала и затыкала уши. Ветер унес ее шелковую косынку, мигом растворившуюся в душном лос-анжелеском небе. Как это было давно. Слава Богу, что это было давно. Когда-нибудь я вообще безжалостно забуду, что это со мной было.

- Почему вы молчите? - Макс закашлялся. – Подсчитываете, сколько будет стоить ваша услуга?

- Я не услужлив, и в официантах не ходил. Могу лишь подсчитать, сколько могут стоить ваши мозги, и допускаю что на Западе дорого, но для меня они не тянут ни на грош.

- Потому что вы и гроша не имеете.

Макс, как ни странно, не обиделся. Он прекрасно знал себе цену. И с моей не считался. Ему вообще было глубоко плевать на меня. На нищих не обижаются.

Тут я чуть было не спросил о профессоре Маслове. Но вовремя остановился. Шестым чувством поняв, что встретиться с профессором желательно без участия этого, довольно недалекого авантюриста. Хотя он и побывал далеко.

После разговора с Запольским я окончательно решил, что с Масловым непременно встречусь. А пока у меня было уйма свободного времени. Которое я решил посвятить себе.

Я читал запоем. Чтение меня не на шутку волновало и наводило на философские размышления. А вечером я подкрадывался к тайнику Смирнова, где он прятал спиртные запасы, и запивал свои волнения и философствования

дешевым вином или водкой, смотря что умудрился прикупить накануне. Как правило, после работы Смирнова находила жалкие остатки спиртного и безжалостно выливала их в раковину, укоризненно качая головой.

- Вы прямо, как ребенок, так ведь недалеко и спиться.

Я был уверен, что в подобной же манере, неторопливой и печальной, она корила своего мужа, разве что говоря ему «ты».

Я неистово познавал мир. Совсем другой, чем тот, который мог уместиться в желтый феррари, где я небрежно одной рукой сжимал руль, другой - мобильник. И не тот, в салоне бизнес-класса великолепного «Боинга», несущего меня со скоростью света из одной страны в другую. И не тот, пахнущий изысканным ароматом сигар, омарами и терпким вином в дорогом ресторане, куда я частенько заглядывал с Дианой. И не тот, ленивый и бессмысленный, в моем особняке, заключенном в толстенный забор... Мой новый мир, из открытой книги, был гораздо богаче, реальнее и, как ни странно, доступнее. Потому что в нем я фактически жил. Я перебежал из одной строки на другую, из одной страницы на другую – и был счастлив. Мою прежнюю жизнь я уже видел из далёка, словно сквозь затемненные стекла авто, толстые иллюминаторы и бойницы высоченного забора.

Мои новые открытия помогали мне понять труды ученого Смирнова. И человека Смирнова. И я ловил себя на мысли, что он был совсем другим, совсем не похожим на свою философию и свой образ жизни. Словно он и его мировоззрение находились на разных берегах. И однажды он решил провести эксперимент на себе. Примерив эту философию на свою жизнь. Он был настоящий ученый и имел права на подобные эксперименты. И как настоящий ученый рискнул на себе первом провести опыт. Сам же он был совсем другим. Он был бесшабашнее что ли, безалабернее. И совсем не хотел заключать свою жизнь в рамки. И не желал, чтобы его путь был математически просчитан. И, наверное, мечтал, чтобы его жизнь состоялась совсем по другим законам. И рискнул своей жизнью. Чтобы осчастливить человечество, не понимая, что человечество само не желает быть счастливо. Смирнов же хотел предоставить людям выбор – как жить. Просчитывать свою судьбу, зажать ее в твердый кулак или отпустить на волю, чтобы она летела в любую сторону, полагаясь на хорошую погоду, удачу и направление ветра.

Конечно, я не спешил высказывать свои мысли вслух. Вряд ли бы их приняла Надежда Андреевна. И вряд ли бы им обрадовалась. Наверняка она предпочитала верить, что ее муж жил так потому что это был уклад именно его жизни, а не какой-то эксперимент ученого. Тем более, она не была бы счастлива узнать, что его опыт на себе провалился. Что он проиграл как ученый и, возможно, как человек. Ведь если бы он отпустил свою судьбу на произвол судьбы, принимая все провалы, ошибки, беды, несчастья, у него оставался бы шанс прожить еще лет сто... Нет, ей это знать не обязательно. Тем более что и я этого не мог знать наверняка.

В эти дни я думал столько, сколько не думал за всю свою жизнь. И однажды, машинально проведя расческой по волосам, почувствовал легкое покалывание. Я ощупал свою голову. В моей ладони остался клочок волос. Я заметил залысину.

- Вот и вы лысеете, - грустно улыбнулась Надежда Андреевна. – Прямо как мой Юра.

Этот факт меня ни капельки не расстроил. Хотя совсем недавно я так гордился своей густой шевелюрой. Что ж, я дожил до того, что придется гордиться лысиной. В конце концов, если таково горе от ума, то это вовсе и не горе.

А однажды у нас испортился лифт, и мне пришлось подниматься по лестнице. По старой привычке я побежал, перепрыгивая через несколько ступенек. Но нечаянно оступился. Моя нога хрустнула, как ветка. Так пару недель пришлось проваляться в гипсе. Нога неудачно зажала. И мне вынесли однозначный приговор: хромота.

- Ничего не поделаешь, теперь придется купить трость, - виновато сказал я. – Зато буду похож на лорда Байрона.

- Ничего покупать не придется, - не менее виноватой улыбкой ответила Надежда Андреевна. И протянула мне трость, которую прятала за спиной. – Это Юрина. Я же говорила, он слегка прихрамывал.

Теперь уже слегка прихрамывал и я.

Так я стал не просто лысым, хромым и сутулым очкариком. Каждый день из зеркальной глубины на меня смотрел очень, очень старый и небритый человек. Я себя с трудом узнавал. Это мог быть кто угодно, только не я. Меня бы даже родная мать не узнала. И вряд ли бы таким приняла. Зато меня принял другой человек. С распростертыми объятиями.

- Боже, как же вы похорошили за это время, - Надежда Андреевна всплеснул руками. И даже промокнула глаза носовым платком. – Как же вы впрямь похорошили.

Я слегка поразился ее восторгу. Но лишь слегка.

- М-да, - неопределенно протянул я, пригладив рукой залысину, поправив очки в роговой оправе и опираясь на трость. - Я и впрямь похорошел.

Надежда Андреевна несколько минут благоговейно смотрела на меня, затем воскликнула.

- А знаете, вам необходимо купить новый костюм!

Я ответил равнодушным взглядом. Я, без конца менявший шмотки, выбирая их по цвету и стилю, как баба, вдруг окончательно понял, что меньше всего хочу красиво одеваться.

- Не нужно.

- Вы прямо, как Юра!

Я стряхнул пылинку со своего старенького пиджака в елочку (от Юры), поправил на носу очки (от Юры), пригладил жиденькие волосы (от Юры) и оперся на трость (от Юры). Я весь был скроен от Юры. И, наконец, Надежда Андреевна успокоилась. Успокоился, наконец, и я. Все долги были оплачены. Или почти все. Еще осталось найти открытие от Юры. Или придется совершить его мне самому.

Однажды, когда лифт снова не работал, а лампочки горели через этаж, мы медленно с Надеждой Андреевной поднимались по лестнице, как пожилая дружная пара. Вдруг из соседней квартиры выскочила старушка-соседка. У нее было сморщенное личико и ярко накрашенные губы. В своих руках она держала авоську с пустыми молочными бутылками (откуда она их только выкопала?). Столкнувшись со мной лицом к лицу, она громко вскрикнула и проворно перекрестилась.

- Юрка!

Я даже не вздрогнул. Мне показалось, так звали именно меня.

- О, господи! – она разглядывала меня, словно в микроскоп. – О, господи, вроде Юрка, а вроде и нет. И тут же обратилась к Надежде Андреевне. – Надь, это брат его, что ли?

Надежда Андреевна хотела было возразить, но тут встрял я.

- Ага, близнец. Разве что на два часа старше.

- Ну да, - успокоилась старушка, - а я-то подумала... Вроде он, а вроде и нет. Но если на два часа, тогда все понятно. И чего тут не понимать? Два часа это много. Вроде он, а вроде и нет. Теперь сразу видать, что ты старший брат.

Мы поспешили скрыться за дверьми своей квартиры. Если бы в подобной ситуации рядом находился кто-то другой, я бы расхохотался. Но при Смирновой я не посмел это сделать. Она нахмурилась еще больше.

- Юре бы это не понравилось, - сухо отрезала она.

- Мне бы тоже. Если бы я не был так похож.
- А вы похожи? – искренне удивилась она.
- Ну, в общем не знаю... Но некоторым так кажется.
- Кажется, - скривилась Надежда Андреевна. – Полуслепым старухам так

кажется. Разве можно... Можно вас сравнивать...

Она закрыла лицо руками и громко всхлипнула. Я вновь бросился виновато ее успокаивать. Не преминув подумать, что нас можно запросто, без зазрения совести сравнивать. Но наши мнения со Смирновой не совпадали. Когда-то я был настолько о себе высокого мнения, насколько теперь она мелкого мнения обо мне.

Вдруг меня осенила не самая свежая мысль. Только любовь может унижить человека или возвести его до небес. Не желая понимать, человек низок или высок на самом деле. Самая необъективная вещь на свете - любовь. Меня не любили, не любил и я. И мы не сожалели об этом.

Я полюбил гулять вечерами. Один. И не потому, что вечером меня было проще не узнать. Я уже смирился, что признать во мне гениального форварда невозможно. Просто вечером легче было смириться с тем, что и я сам себя, настоящего, признавать наотрез отказываюсь.

Сгорбившись, втянув голову в плечи, опираясь на трость, в который раз я брел под морозящим дождем. Наблюдая сквозь запотевшие очки, как навстречу бодро шагали веселые молодые ребята. В спортивных трикотажных шапочках и разноцветных шарфах они вызывающе размахивали флагами нашего клуба и громко выкрикивали знакомые кричалки, название моей команды и имя нового кумира. Который уверенно и смело занял мое место.

Громче всех кричала рыжая, веснучатая фанатка. В ее тоненькой ручке на ветру развевался белый платочек, который она когда-то обещала подарить мне. Вместе с поцелуем.

Ее юное сердечко уже принадлежало новому чемпиону, наверное, более удачливому, не способному на ошибки в жизни и промахи в спорте. Его шайба всегда попадала в ворота. В это слепо верила юная болельщица, как когда-то слепо верила в меня.

Возможно, сегодня она будет поджидать нового форварда у выхода. И горячо поцелует его в губы и промокнет его вспотевший лоб белым платочком. Не знаю, будет ли он сегодня победителем на ледовой арене. Но его победа или провал уже заочно целиком принадлежат этой рыжеволосой девчонке. Как и принадлежит сегодняшняя, еще не наступившая ночь.

Мое сердце бешено колотилось. Струи дождя, словно слезы, стекали с поношенной кепки. Невыносимо ныла нога. Меньше всего я был похож на человека, способного на вызов. Но я был способен.

Я резко развернулся на середине дороги, правда, умудрившись при этом ступить в лужу. И грязные брызги осыпали меня с ног до головы. Но на мой вызов это не повлияло. И я, ковыляя и спотыкаясь, двинулся за толпой фанатов.

Ледовый дворец, который я когда-то называл своим домом, кишел болельщиками. И сердце не вздрогнуло при виде его, такого холодного и чужого. Этот дом я уже окончательно потерял.

Безусые юнцы на ходу отхлебывали пиво и одновременно размахивали флажками. Когда-то они были готовы носить меня на руках. И я этому был безмерно рад. Теперь мне было все равно, кого они схватят на руки.

Но вызов, маленький беспомощный вызов и им, и рыжеволосой фанатке, и ледовому дворцу и себе самому я решил оставить за собой.

Я отошел от толпы и захромал к соседнему входу на трибуны, правда, закрытому турникетом.

Как назло, там стоял мой знакомый охранник. Который не раз бахвалился дружбой со мной (что было преувеличением) и во всеуслышание называл меня своим дорогим приятелем.

Сейчас он презрительно оглядел меня с ног до головы.

Раньше я не замечал у него таких презрительных взглядов. Да и не знал, что он умеет презирать.

- Билеты проверяют там! – он кивнул в сторону, где толпились фанаты.

- У меня нет билета! Я его давно потерял! – вызывающе ответил я. Сдвинул на затылок кепку и посмотрел ему прямо в лицо. Я еще надеялся на чудо. Но чудо не произошло.

- Ах, нету! Тогда вали отсюда! И поживей! Подобру-поздорову! – сквозь зубы процедил он, уже не сдерживая себя.

Я раньше никогда не замечал за ним грубого тона. Он всегда вежливо и слащаво вел беседы со мной.

- Может быть, вы сделаете исключение и пропустите меня без билета? Как ветерана хоккея?

- Ветерана! – он издал звук, похожий на смешок. - А может, мне еще у тебя попросить автограф, ветеран!

Я вспомнил, как не раз он умолял меня дать автограф и для себя, и для соседа, и для своей подружки, и для своего механика. Мало ли для кого. Всех не упомнить. И я почти никогда не отказывал небрежно черкнуть на журнальной своей физиономии пару ласковых фраз.

- Почему вы со мной так разговариваете? – я еще пытался воззвать его если не к воспоминаниям, то к элементарной вежливости.

Это взбесило его еще больше. И он замахнулся на меня резиновой дубинкой.

- Слушай, ты! Алкаш недобитый! У меня и без тебя сегодня работенки невпроворот! Не самой приятной на свете! Разборки с этими придурковатыми недоумками! – он кивнул в сторону болельщиков. – Так что вали, да поживее! Там, за углом забегаловка. Вот там и поболеешь! Только гляди, не перебери с допингом!

Он грубо схватил меня за плечо и толкнул вперед.

Трость выскочила из моих рук, и я свалился прямо в лужу. Он даже не помог мне подняться. Впрочем, в его помощи я не нуждался.

Я никогда не замечал за ним, чтобы он распускал руки. Он мне даже когда-то нравился. И мы умели находить с ним общий язык, горячо обсуждая результаты игры. А однажды я даже привез из Осло настольный хоккей для его племянника. Помню, как мы, не замечая времени, до поздней ночи играли в настольный хоккей. И как-то он выиграл. Помню, он радовался как ребенок, что выиграл у чемпиона. Как смеялся до слез, что победил у гениального форварда. И ему некоторое время казалось, что он выиграл не на пластмассовом поле с пластмассовыми игроками. А на настоящем льду, рука об руку с настоящими хоккеистами. Я искренне был счастлив за него. И каким милым он мне тогда казался.

Впрочем, мы ценим людей лишь по тому, как они к нам относятся. Мы не видим и не желаем знать их в других обстоятельствах и другой обстановке.

Сегодня во второй раз, как тогда, в тот вечер, когда мы играли в настольный хоккей, я проиграл. Я медленно поднялся с лужи. Стряхнул с себя грязь. Спорить с охранником не имело смысла. Я принял свое поражение и свой неудавшийся вызов. И был в глубине души горд своим смирением.

Я медленно побрел под морозящим дождем, опираясь на трость. И все же не выдержал и оглянулся.

Он стоял, подперев руки в бока, гордо подняв голову вверх. И презрительно смотрел мне вслед. За ним возвышался ледовый дворец. Его ледяная защита.

Маленький победитель на маленьком искусственном поле нашей маленькой искусственной жизни.

- Вы по-прежнему выигрываете в настольный хоккей? – бросил я ему в самодовольное лицо.

Он подался вперед, выпучил глаза, его спесь, как рукой, сняло. Ведь эту тайну знали только мы вдвоем. И он не понимал, почему ее знает еще этот сгорбленный хромой очкарик. Он так ничего и не понял. Или отказывался понимать.

А где-то неподалеку рыжеволосая фанатка отчаянно размахивала белым платочком и громче всех кричала имя нового форварда, предвкушая с ним ночь любви. Любви, так похожей на игру в настольный хоккей. Где ненадолго можно стать победителем. И ненадолго в это поверить.

Потом наступило лето. Жаркое, бесшабашное, кричащее красками и стреляющее солнечными лучами, по утрам в окно. И самое мимолетное из всех пор года. Хотя по времени длилось не меньше. Лето, которое когда-то я так любил, хотя и занимался самым зимним видом спорта. И не менее, а, возможно, более любил зиму. Лето, которое я сейчас почти презирал. Я считал его бессмысленным в жизни каждого. Ведь каждый от него слишком много ждет. Но заканчивается оно для всех одинаково. Отпуском. Я уже не хотел, чтобы меня отпускали. Я хотел короткого светового дня. Чтобы пораньше наступал вечер. Я ловил себя на мысли, что свет я почти не любил. В темноте я чувствовал себя увереннее. словно лишь темнота могла меня спрятать от всего мира и от себя самого. Летом же я был словно раздетый, на виду у всех. Мне казалось, что вся моя жизнь, словно на ладони. И я стыдился своей жизни. И не мог понять, какой из них. Прошлой или настоящей. Впрочем, наверное, ни там, ни здесь я так и не сумел стать собой.

Как и было заявлено, профессор Маслов к лету вернулся из Германии. Похоже, этот человек был пунктуален и умел держать слово. Я был записан к нему на прием в первый же день его работы. Это был один из самых дорогооплачиваемых врачей. Мне пришлось выложить немалую сумму, что, конечно, я утаил от Надежды Андреевны.

Я пришел в клинику, ближе к вечеру. И хотя темнело довольно поздно, этот вечер выдался дождливым и сумеречным. Тучи обволокли небо, и мир стал казаться гораздо меньше и компактнее, словно с низкими потолками, узкими стенами и скользким, не мытым полом.

Медсестра не очень симпатичная, и, похоже, не очень удачливая в личной жизни, провела меня к кабинету Маслова и распахнула широко передо мной двери.

- Пожалуйста, пациент Круглов, – она торжественно объявила мой номер, словно на сцене. Я уловил в ее голосе легкое кокетство.

Вот я уже и пациент, усмехнулся я про себя. Хотя по жизни никогда не болел. Правда, пациент не той клиники.

Я переступил порог кабинета. Было тускло и мрачно, горела настольная лампа, но пахло почему-то не микстурами и спиртом, а дорогой туалетной водой Gucchi. Уж в чём-чём, а в туалетной воде я разбирался безошибочно и, словно дегустатор, мог точно определить фирму. Конечно, только известную и элитную.

Профессор стоял ко мне спиной и рылся в документах на стеллажах.

- На что жалуетесь, - не оборачиваясь, бросил он дежурную фразу.

Я плотно прикрыл за собой дверь. Она предательски хлопнула. Маслов резко обернулся.

Если бы я не увидел воотчию, то не поверил бы, что лицо человека может в один миг стать белым, как снег. Румянец на круглых щеках мгновенно сменился смертельной бледностью, мне даже показалось, что губы слегка посинели, его

пухлые руки откровенно задрожали, и папка выпала из рук, громко хлопнувшись о пол.

- Это вы? Вы! Я знал, я чувствовал, что слухи о вашей нелепой смерти слишком преувеличены! Это все ваши штучки! Вы хотите заманить меня в ловушку! Но вам это не удастся! Я не намерен повторять, что для вас это может обернуться тяжелыми последствиями! Я не пугаю, но слухи о вашей смерти могут оказаться не слухами в один прекрасный день!

Свой эмоциональный монолог он выпалил на одном дыхании и на одной истеричной ноте.

- В один прекрасный день, все мы умрем, - спокойно ответил я и вышел как артист, на середину комнаты.

Если бы я не увидел воотчую, то не поверил бы, что лицо человека в один миг может вспыхнуть алым пламенем. Пылали щеки, уши, руки, глаза, даже губы. Казалось, его в один миг поглотит огонь и превратит тело в пепел. И образное выражение сгореть от стыда, казалось вот-вот превратиться в реальность на моих глазах.

Наконец, он, осознав, что ошибся, стал приходить в чувство. Даже деловито уселся в кресло, покрутился в нем, как космонавт, и уверенно постучал ручкой по столу.

- На что жалуетесь? – сухо спросил он, явно желая выставить меня поскорее за дверь.

Он даже не извинился, что принял меня за другого. Скорее всего, решил, что я пациент, у которого нет других проблем кроме сердца. И я не обращаю на этот инцидент внимания, тем более что завишу целиком от воли врача. Но в том-то и дело, что пациентом я не был.

- Я ни на что не жалуясь, Егор Николаевич. Ну, разве только на отсутствие информации.

- Я вас не понимаю.

- Разъясню. Я – журналист, пишу книгу о покойном, слухи о смерти которого, кстати, несколько не преувеличены. О покойном ученом Юрии Смирнове, который был моим другом.

- А я тут причем? – Маслов весь напрягся, но нужно отдать ему должное, уже не бледнел и не краснел.

- Мне бы хотелось знать, что вас связывало?

- Вы пришли только, чтобы задать этот вопрос?

- Нет, еще чтобы получить на него ответ.

- В таком случае, ничем помочь вам не могу. Вопрос, на который нет ответа, бессмысленен. Я понятия не имею о таком ученом.

- Но от дружбы с Запольским вы не отрекаетесь?

- При чем тут Максим Станиславович? Он жених моей племянницы.

- Кстати у вашей племянницы я видел фотографию, где был запечатлен и Смирнов.

Маслов встал, приблизился к окну, распахнул фрамугу и вдохнул воздух, словно ему нужно было набраться сил с ответом.

- Вы поймите, я врач! Каждый день перед моими глазами проходят десятки, иногда сотни людей, разве всех можно упомянуть.

- Он не был вашим пациентом. Возможно, вы были его пациентом?

Я не думал, что эта фраза взорвется в воздухе бомбой. Похоже, я метнул верно, наугад попав прямо в цель.

Маслов резко повернулся ко мне. Его губы и руки вновь задрожали. Может, он и был прекрасным кардиологом, но нервишки имел никудышные.

- Что? Что вы сказали? Я – его пациентом? Как вы смеете! В психиатрах я никогда не нуждался!

В этом я уже искренне сомневался.

- Значит, вам все же известно, что Смирнов был психиатром!

- Вы блефуете! – закричал Маслов. – Вон из моего кабинета! И чтобы никогда... Слышите, никогда не посмели переступить мой порог! Даже если у вас вот-вот остановится сердце! Ищите другого врача!

Похоже, этот человек не умел держать себя в руках. Или его положение было настолько серьезно. Мне ничего не оставалось, как поспешно покинуть кабинет, даже не попрощавшись.

На улице я неожиданно столкнулся нос к носу с медсестрой, которая провела меня к Маслову. Она вновь кокетливо на меня посмотрела. И мгновенно в моей голове пронеслась дерзкая мысль, что ей срочно хочется выскочить замуж. Иначе с чего она бы со мной так фамильярно себя вела. Видок у меня был еще тот! Я тут же сообразил, что кроме нее, выудить информацию, у меня нет претендентов.

- Встречать хорошеньких незнакомок второй раз – хорошая примета.

- Неужели? – она мило улыбнулась. – Только я не незнакомка, а медсестра. И меня можно встретить и в третий раз, и в четвертый, и в пятый.

- Давайте начнем с третьего.

- А что, вас еще раз пригласили на прием к доктору? Или вы ложитесь на операцию?

- Я откровенно вам признаюсь, что у меня абсолютно здоровое сердце. И поэтому третий раз наша встреча может состояться только вне стен этого больничного монастыря. Но боюсь, что вы, такая эффектная женщина, откажетесь составить мне компанию поужинать в «Праге».

Ресторан «Прага» ее добил окончательно. Правда, при этом она невзначай и с большим недоверием взглянула на мои потоптанные ботинки. Но тут же поспешно отвела взгляд, вдаваться в подробности она не хотела. Поскольку спешила замуж.

Мы договорились о встрече сегодня же. И она не преминула меня попросить, слегка смутившись.

- Только я попрошу...

- Да? Просите о чем угодно!

- Мне бы не хотелось, чтобы о нашей встрече узнал профессор Маслов.

Понимаете, по этике медперсонал не должен... Ну, вы понимаете. А я так дорожу этим местом.

- Я прекрасно вас понимаю! – радостно воскликнул я, поскольку это было и в моих интересах. – Никакие профессора и академики ничего не прознают! Они всезнайки в других науках. Вы согласны?

Она улыбнулась и послала мне воздушный поцелуй.

Этим же вечером я надел свой дорогой английский костюм. Моя физиономия уже позволяла это, ее вряд ли кто мог узнать. Я даже покрутился возле зеркала. И остался вполне доволен своим видом, хотя костюм стал несколько маловат. Сказывалось отсутствие тренировок в моей жизни. Я стал резко полнеть. Залысина и очки придавали мне вид бизнесмена, клерка, ботаника, кого угодно, но не хоккеиста. Однако медсестра меня не знала другим. Поэтому для свидания мой вид был бесспорен.

- Вы, похоже, идете на свидание? – Надежда Андреевна не скрывала своего раздражения.

- На деловое свидание, - поправил я ее. - И это касается нашего общего дела. Вечером я все расскажу. Похоже, будут новости.

Она вздохнула и поправила ворот моего пиджака. Она мне не поверила.

- Юра не любил такие изящные вещи. Он считал их признаком дурного тона для мужчины. Он говорил, что мужик должен одеваться так, словно не разбирается в моде, даже если он в ней прекрасно разбирается. Равно как и женщина должна скрывать, что умеет прибивать гвозди, даже если она и умеет.

- Знаете, ваш Юра был тысячу раз прав, - искренне согласился я с ней. – В конце концов, что-то должно нас различать. Хотя, увы, этих различий все меньше и меньше.

Я не опоздал на свидание, но медсестра меня уже ждала у дверей ресторана. Мне это понравилось. Она не играла в гордыню, и не пряталась за углом, чтобы я не заметил, что она опередила меня. И я только здесь понял, что мы даже не представились друг другу. Она, похоже, поняла это тоже. И первая исправила ошибку.

- Меня зовут Зоя.

Я назвал ей свое имя. И, взяв под руку, провел в ресторан. Мы заняли удобный столик с краю, я сделал заказ на свой вкус, как попросила Зоя. При вечернем свете она показалась гораздо симпатичнее. Или просто косметика и нарядное, хоть и не очень дорогое платье, придали ее лицу миловидность. Она, похоже, не менее удивилась моему костюму.

- А вы, оказывается, плут.

- Это почему же?

- На прием к врачу так скромненько нарядились. Чтобы приbedниться? Надеялись, что с вас меньше возьмут за лечение?

- Вы проникательная девушка.

- Но не надейтесь, тариф у нас одинаковый. Скидки бывают лишь в самых редких случаях.

- По самому большому благу?

- А вот это профессиональная тайна. К тому же, какой сегодня блат? Все можно купить, абсолютно все.

- И даже сердце? – я постучал по своей груди.

- И даже сердце, только это ничего не меняет. Лучше человек от этого не становится. Впрочем, и хуже. Он остается тем же. Хотя на эту тему множество споров. Да и люди с чужим сердцем тяжело это переживают. Им нужна психологическая помощь. Им почему-то кажется, что с чужим сердцем что-то изменится в их жизни, но ничего не меняется.

Я налил полный бокал вина. Зоя пригубила и поставила на место, с аппетитом поглощая курицу в кляре и с киви. Я чувствовал себя негодяем. Мало того, что не собирался ухаживать за девушкой, мне непременно нужно было, чтобы она хорошо выпила и язык у нее развязался. Хотя сдержанностью она и так не отличалась.

- Нет, Зоенька, так не годится! Первый бокал только до дна. За наше случайное знакомство! Хотя, что в жизни бывает случайным?

- Увы, но почти все. Поначалу всегда думаешь – это судьба. А это всего лишь нелепая случайность. Но я все равно выпью за это.

Мы выпили по бокалу вина. Лицо Зои зарделось, и она еще больше похорошела.

- Так вы говорите, людям с чужим сердцем нужна психологическая помощь, - я вернулся к нашему разговору. – И она в вашей клинике оказывается?

- Более того, впервые в мире! Именно в нашу клинику были приглашены лучшие психотерапевты для оказания подобной медпомощи. И кстати, это новшество ввел ни кто иной, как Маслов, у которого вы сегодня были на приеме. Он в некотором роде гений! Так что вы можете гордиться, что познакомились с таким человеком!

- А почему только в некотором роде. Я слышал, что он просто гений.

- Ну, как вам объяснить. Мне иногда кажется, ему что-то не хватает до звания гения. Что-то мешает. Может быть, сам характер.

- У него тяжелый характер? Многие гении этим страдали.

- Нет, что вы, он очень милый человек! Но я не знаю... Иногда кажется, его что-то мучит. А иногда кажется, он сам отказывается от того, чтобы достигнуть самых высоких вершин. Хотя куда уже выше? Я ведь давно его знаю. Он всегда был прекрасным врачом и честнейшим человеком, но ему не везло. Он не умел бороться, его всегда отодвигали на задний план. Впрочем, он этим не тяготился. Он любил работать, и не важно, в каком звании. А потом вдруг ему повезло. Хотя тут тоже нельзя говорить о простом везении. Ему должно было повезти, он – блестящий врач и делает блестящие операции на сердце. Он один из первых в нашей стране успешно использовал стволовые клетки, и пересадка сердца удалась! Кстати, что поразительно, сделал он ее бесплатно, возможно, поэтому и удалась? Но еще более поразительно, именно после этой операции он и пришел к выводу, что центр психологической помощи необходим. И возглавил его, знаете кто? В жизни не догадаетесь! – Зоя сделала торжественную паузу. - Счастливым пациент, которому Маслов спас жизнь!

Я настолько опешил, что машинально налил себе полный бокал вина, тут же выпил, и налил еще.

- Извините, Зоенька, ваша информация настолько меня потрясла, - я налил девушке. И мы вновь чокнулись. Я, безусловно, сразу же сообразил, кто этот счастливый пациент, но на всякий случай спросил.

- И кто этот счастливчик, возглавляющий центр психотерапии?

- Максим Станиславович Запольский, – коротко ответила она. Я ожидал, что последует характеристика, но ошибся.

- Он, наверное, на себе испытал, что значит иметь чужое сердце?

- Он достаточно сильный человек. И не думаю, что переживал после операции. По-моему, он принял это как должное. Жив, и, слава Богу. Понимаете, людям свойственно преувеличение. Им кажется, что чужое сердце стучит по-другому, думает по-другому, мечтает по-другому. Им становится страшно, и они зачастую впадают в депрессию. Им кажется, что они должны прожить чужую жизнь. Но чужую жизнь они проживать не умеют, да и не хочется. Но Запольский сам врач, он прекрасно разбирается в анатомии, особенно, что касается строения головного мозга. Может быть, поэтому его эти вопросы не волновали. Но центр он согласился возглавить.

- Я плохо знаю психотерапевтов, хотя... Погодите, в трудный период жизни один мне помог. Как же его фамилия... нет, не помню. Простая такая. Чернов, Белов, ах да, Смирнов! Такой чуткий человек. Он случайно не работает в вашей клинике?

- Нет, первый раз слышу. В нашей клинике подбирают только известных врачей. Это самый дорогой центр в нашей стране.

Мы выпили еще вина, я заказал мороженое, пражский торт и 250 грамм коньяка.

- Ой, мы же напьемся!

Мне это было необходимо. Я должен приступить к главному вопросу. Личной жизни доктора Маслова.

- К мороженому подходит только коньяк, Зоенька. Он придает ему изысканный и неповторимый вкус. Терпкий коньяк, обжигающий тело и сладкий лед, разве это не чудесно? Кстати, мороженое, нейтрализует действие алкоголя, так что не волнуйтесь, под моим контролем вы не опьянеете, разве чуть-чуть.

- Поверю, Виталик, вам на слово, - Зоя шутливо пригрозило мне пальцем.

После коньяка с мороженым, Зоя еще больше покраснела и опьянела. Мои прогнозы не сбылись. Но ей это, похоже, уже нравилось.

- Ну что, Зоенька, выпьем за докторов, которые спасают жизнь людям. И за медсестер, которые это делают не в меньшей степени.

- Давайте, за доктора Маслова! За меня выпьем отдельно!

- Вы чудесная девушка, - я даже чмокнул ее в пылающую щечку. Чем растрогал девушку окончательно. Теперь она была готова на все. Я на все был не согласен, только на получение нужной информации.

- А мне Маслов показался довольно тяжелым человеком, хотя вы на все лады расписывали его доброту, - я, как можно беззаботнее, разложил торт по тарелкам, сделав ненавязчивую паузу.

- Он действительно добрый. Просто он уже другой, чем был. Слово его мучит что-то.

- Ну, люди при успешной карьере быстро меняются. Не он первый.

- Это не про Маслова. Он никогда не был карьеристом. Хотя, конечно, теперь он привык ко многим хорошим вещам. Это раньше он все время отдалживал деньги. Он так переживал за семью! Он очень любит свою семью. И, похоже, не так рад своим положением, сколько возможностью делать все, чтобы его семья жила «на отлично».

- Ну, Зоенька, вы меня обезоружили. И гениальность, и доброта, и совесть, и безграничная верность семье, просто какой-то человек без ошибок! Это уже настораживает. Согласитесь, врач-идеал, врач-совершенство слегка пугает. Это уже какая-то машина, не правда ли? А машине так не хочется поручать свое сердце. Или все проще? Вы боитесь потерять свое место из-за одного неосторожного слова?

- А если и боюсь? – Зоя надулась и слегка отодвинула от себя тарелку с тортом. – А если и так, что тут особенного? Я нигде не найду такую престижную работу и с такой зарплатой. И потом... Маслов и впрямь почти такой. Здесь нет ни слова неправды. Просто вы как-то все прямолинейно понимаете. Мы же в целом говорим о человеке. И плохой человек иногда себе позволяет игру в благородство. А добрый, совестливый, честный семьянин может себе позволить иногда срывы, двусмысленные поступки и, возможно, увлечения. Но хуже от этого он не становится.

- Увлечения – чем? Марками, домино, картами?

Зоя расхохоталась, и вновь придвинула себе тарелку с тортом, сорвала с верхушки вишенку в креме и аппетитно ее проглотила.

- Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю.

- Судя по внешнему виду Маслова, в жизни не поверю, что он способен на подобные увлечения. У него на лбу отпечатан штамп верности.

- Все может быть, все может быть, - неопределенно протянула Зоя.

- Значит, может быть и любовное увлечение?

- А может быть совсем наоборот. Я, честно говоря, понятия не имею, только все с Женькиных слов.

- Какого-такого Женьки?

- Не какого, а какой. Медсестры, подружки моей, Женьки Кудрявцевой, - Зоя неожиданно промокнула глаза носовым платком и отвела взгляд, – она погибла. Пару лет назад.

Мы помолчали. Я видел, что Зоя искренне переживает смерть подружки и решил первым не нарушать молчания. Как положено в таких случаях, разлил по рюмкам коньяк. Мы так же, молча, выпили.

- Она хорошая была Женька. Такая красавица. И такая нелепая смерть. Но понимаете, ей было свойственно все преувеличивать. Я и тогда не всему верила. Конечно, возле нее всегда вертели парни. И пациенты, и врачи, и наши шоферы.

Но все равно она преувеличивала! Вот, например, кто-то бросит лишь на нее взгляд, а она тут же заявляет: влюбился! Кто-то ей скажет пару лестных слов, а она утверждает: он хочет на мне жениться! Кто-то приобнимет ее в коридоре, а она уверена, что ради нее он завтра готов бросить жену и детей!

- Это вы про Маслова?

- В том-то и дело, что я ничего, ничегошеньки такого не замечала! Маслов всегда был с ней сдержан, может это ее и бесило? И она всегда мне говорила, что он умирает от любви и страсти, и еще требовала от меня клятву, что я буду держать язык за зубами!

- И вы держали?

- Еще бы! И не потому, что такая верная клятвам, уж мне поверьте. Просто не хотела ни себя, ни ее выставлять на посмешище. К тому же не дай Бог такие слухи дошли бы до Маслова. Он бы нам никогда не простил! А теперь... Понимаете, теперь это уже не имеет значения. К тому же после ее смерти, я почти на сто процентов уверена, что она все сочинила. Она так была падка на все эти мелодрамы! Все из-за нее травились, вешались, но при этом все оставались живы. Правда, был парень, который ради нее был готов, ну, если не убиться, то убить точно. Не раз ее возле нашего центра подкарауливал. Такой красавец!..

Зоя мечтательно закатила накрашенные глазки.

- Но такой же, как и она, одержимый. Глазищи горят, и такое ощущение, что он всегда нож за пазухой держит. Вообще они подходили друг другу, по характеру. Но разве что-нибудь с одинаковых характеров выходит путное. Поубивали бы друг друга точно! Такие бешеные! Даром что Витька-автогонщик! Чуть с ума после ее смерти не сошел... Конечно, мы все переживали ее смерть. Это так страшно! Такая молоденькая, хорошенькая, жизнелюбивая! Маслов, как и все, ходил мрачнее тучи, даже мне показалось...

- Показалось, что он все же был влюблен?

- Может, если только тайно. Просто я один раз случайно заметила на его столе заявление об уходе, как раз, когда и произошла трагедия. А потом это заявление уже разорванным валялось в мусорной корзине. Но понимаете, смерть любимой девушки так не переживают, в смысле так быстро не переживают. А первые дни мы все были в шоке и ходили мрачнее тучи. Кстати, Маслов оправился быстрее всех. Именно потому, что она была для него всего лишь медсестрой, не больше и не меньше. Очень скоро он опять стал веселый, пожалуй, веселее обычного, какой-то уверенный в себе, дела его пошли в гору. Эта успешная операция, высокое назначение, награды. Это был уже другой человек, не растяпа и неудачник. Это был, ну корифей, что ли. Он этого заслужил. Правда потом, уже где-то через полтора года, в нем, мне кажется, вновь что-то надломилось. Нет, он по-прежнему все делал блестяще! Но просто с каким-то уже раздражением или усталостью, что ли. Иногда мне казалось, словно с оглядкой. А я вот смерть Женьки до сих пор тяжело переживаю. Потому что она мне была очень близка.

- А почему она погибла?

- По дурусти. Она всегда хотела быть лучше всех! И добивалась это любыми путями. Она даже с парашюта прыгала! Вот так! Вообще она отчаянная была. Поэтому и купила себе машину, а может Витьке Матюхину хотела доказать, что гоняет покруче его. А ей это было противопоказано! Витьку даже потом милиция затаскала, но у него – железное алиби. Да и вообще в случае с Женькой смешно винить кого-то в смерти! Такие как она сами ищут смерть! Ведь она не просто ездила, а носилась – как угорелая! Она же и по больничным коридорам не просто ходила, а бегала! И разговаривала быстро, словно скороговоркой!.. Знаете, если бы в случае с парашютом все от нее зависело, она бы и там быстрее всех спрыгнула. Она же одержимой была! Все быстро, быстро, быстро! Вот так же быстро и умерла...

Зоя вновь вытатила носовой платок из сумочки, расшитой бисером, и вытерла слезы.

– Только права получила, а уже ночью куда-то неслась за городом, машина в дребезги, прямо с обрыва! Вот такая мгновенная смерть. Впрочем, в ее духе.

- Мгновенная смерть, возможно, это самое лучшее.

- Только не в таком возрасте. Да и вообще спорное заявление! Если бы вы знали, сколько я видела умирающих людей! Сколько тяжелобольных, разбитых, такие мучения и ужасы переживают! Через ад проходят! И никто из них не хочет мгновенной смерти. Они хотят жить... даже в аду.

К нашему столику приблизился официант. И я рассчитался.

- Странный получился вечер, - грустно улыбнулась Зоя, – такой вкусный и такой печальный. Обо всем говорили, о Маслове, о Женьке, о смерти. Как все бессмысленно. Зачем? Со мной всегда так бывает, болтаю, болтаю, и все не о том, и время мгновенно пролетает. И оказывается напрасно. Все слова трачу на других, может, поэтому другим уже для меня не хватает слов? И все получается напрасно.

Еще как не напрасно! Я и сам не ожидал, что за один вечер стоимостью в 150 баксов смогу столько узнать!

- Нет, Зоенька, не напрасно. Знакомство людей и состоит из таких вот на первый взгляд ненужных вещей. Рассказов о случайных людях, ситуациях. Как ни странно пространные разговоры помогают узнать человека лучше.

- И что вы обо мне узнали?

- Что вы очень хорошая девушка. И наверняка блестящий профессионал в своем деле. Я всегда буду гордиться знакомством с вами.

- Как-то звучит подозрительно.

Мы вышли на улицу. По-прежнему моросил дождь, слабый свет фонарей отражался в луже. Зоя раскрыла зонт и взяла меня под руку. Мы двинулись к ее остановке. На душе у меня скребли кошки. Я не знал, что дальше делать. Подав девушке столько надежд, я не мог просто так их разбить безжалостно.

- А вот о себе вы ничего не сказали, кроме того, что вы журналист, я так про вас ничего и не узнала.

- Это будет в следующий раз. Когда я вернусь из командировки.

Зоя неожиданно остановилась. И звонко расхохоталась.

- И конечно, эта командировка, будет очень длительной, не так ли? Я так и знала! У меня всегда так! Все заканчивается командировками, из которых не возвращаются.

- Зря вы так, Зоенька, - я нежно сжал ее локоть, - я ведь не соврал про свою профессию. И потом, я всегда надеюсь на возвращение.

- Не нужно ничего говорить! Я, как вас увидела, все про вас поняла! И про себя тоже! Знаете, я даже буду с вами откровенна. Когда что-то возникает между мной и мужчиной... ну только еще вначале, я про себя думаю, есть ли шанс на продолжение. И знаете, у меня всегда один ответ: да! Хотя все оказывается - нет. А вот я про вас сразу решила: нет! Поэтому не очень вы меня сейчас и обидели. Я прекрасно знала, что нет. Просто я тысячу лет не была в ресторане. Сегодня редко мужчины приглашают в ресторан. И разве я могла отказаться? И не ошиблась, все так было вкусно! И так бессмысленно.

- Но почему, все же, про меня вы решили: нет? Неужели я такой урод?

- Напротив! Вы – вылитый мой кумир! Такой известный хоккеист Виталий Белых! Вас и зовут так же! Я в него столько лет была влюблена, даже письма ему писала, правда не отсылала, они у меня до сих пор в столе хранятся. И только я вас увидела в коридоре, сердце мое замерло.

Сейчас замерло и мое сердце. Этого я меньше всего ожидал, и даже от волнения отпустил локоть Зои. Чушь какая-то! Маслов меня принял за Смирнова,

Зоя приняла за Белых. Не может же быть у меня раздвоение личности.

Или уже пора обращаться к блестящему психотерапевту Запольскому за подмогой?

- Ерунда, Зоенька. Я помню такого хоккеиста. Он не был лысым, толстым, хромым очкариком! – настойчиво заявил я.

- Как вы плохо разбираетесь в людях! Допустим, не был! Но у него есть все шансы им стать! Слегка пополнеть, испортить зрение, и будете вылитый вы. Но мы этого, увы, не узнаем. Говорят, он ушел в монастырь.

- И Бог с ним!

- Бог теперь точно с ним, не волнуйтесь. И я уже так не волнуюсь. Лучше, если бы он женился. Я так всегда переживала, когда у него появлялась девушка. Куда уж мне! Теперь уже не переживаю. Он для меня всегда останется недосыгаемой и может, скажу вам по секрету, единственной любовью.

- В таком случае, я не понимаю, если я на него чуть похож, почему вы сказали: нет?

- Потому что, Виталий, кумиров любят издали, иначе все бессмысленно.

Вблизи они далеко не кумиры.

- Издали семью не создашь. Вы должны расстаться с кумирами, Зоенька, и тогда вам обязательно встретится на пути отличный парень. Вы этого заслужили. И он абсолютно ни на кого не будет похож.

- Может быть. Одно я знаю, на хоккеиста Белых он точно похож не будет. К тому же я уже давно не увлекаюсь хоккеем.

Автобус подошел к остановке, Зоенька легко впрыгнула в него и послала мне воздушный поцелуй.

Если бы я мог, я бы, пожалуй, в нее влюбился. Она была настоящей девушкой. И с ней так было легко. Но влюбиться я уже не мог.

Я одиноко брел под морозящим дождем, опираясь на трость, не замечая луж и грязи. На душе было тоскливо. От Зоеньки повеяло настоящей жизнью, хотя она права, слишком много мы сегодня говорили о смерти.

Эх, Зоенька, Зоенька, если бы пару лет назад... Я даже остановился. Пару лет назад я бы даже не обратил на нее внимания. Но разве я мог требовать от себя невозможного? Я был совсем другим. И тому, кем я был когда-то, такие, как Зоенька, были не нужны. И совершенно напрасно.

Дома я появился за полночь. И, словно неверный муж, чувствовал на душе неприятный осадок, и даже подбирал правильные слова для Надежды Андреевны, словно был в чем-то не прав.

Я шел по дороге, окруженной фонарями, к подъезду. И вдруг заметил справа от себя тень, следующую непрерывно за мной. Оглядываться было неудобно. Мало ли кто мог идти вслед за мной от метро. И все же у самой двери подъезда не выдержал и резко обернулся. Какой-то человек в плаще, с наброшенным на голову капюшоном, испуганно отпрянул и бросился в кусты. Я, было, ринулся за ним, выскочил на дорогу, испуганно оглядываясь по сторонам. Но безуспешно. Незнакомца и след простыл. Мне стало не по себе. Зачем понадобилось за мной следить? И откуда, от какой точки следили? Или это случайность? Впрочем, я мало верил в случайности.

Надежда Андреевна, как верная жена, не спала. Она открыла мне дверь. И я увидел, как она встревожена, и даже этого не скрывала.

- Вы знаете, как опасно сейчас на улицах. Такое беспокойное время! И путь от метро у нас не очень приятный. Сквер, где в это время ни одной души! Я бы вам не советовала...

- Не волнуйтесь, Надежда Андреевна. От метро шло много людей в нашу сторону.

Она укоризненно покачала головой.

- Вы прямо, как Юра. Не волнуйтесь и все! А как мне не волноваться! А если не дай Бог что! Вы хоть предупреждайте!

- Извините, это моя оплошность. Следующий раз я обязательно буду звонить.

- Надеюсь, следующих разов будет не много,- сухо отрезала она настолько безапелляционным тоном, что я поежился. Так, наверное, когда-то ежился и Смирнов.

На кухне, на подоконнике я заметил пустую чашку от чая. Значит, Смирнова поджидала меня у окна, вглядываясь в пустую ночь. И тут меня осенило. Я обернулся.

- Надежда Андреевна, вы случайно не видели человека в окне, ну, он еще побежал и скрылся в кустах.

- Не понимаю, - Смирнова пожала плечами. – У меня нет привычки, как у старушки, сидеть у окна.

- Жаль, жаль, - протянул я. – Просто у меня такое ощущение, что за мной следили.

- Следили? – Смирнова вздрогнула. – Да, да, я припоминаю, я только на секунду подошла к окну, на секунду, и тут же заметила человека в длинном, по моему, черном, или темно коричневом плаще. Уж очень подозрительно он притаился в кустах, когда вы выбежали на дорогу.

- Ну а потом, потом, может вы заметили, куда он побежал? Или разглядели, как он выглядел? Фонари-то светили.

- Нет, я же открывала вам дверь. Поэтому я и была встревожена. Тут столько шатается подозрительных личностей. И не каждый из них просит лишь закурить. Но почему вы решили, что он за вами следил? Может это просто какой-то хулиган или воришка?

- Все может быть, все может быть, - я закурил сигарету.

Вообще я стал все больше и больше курить. И Надежда Андреевна уже позволяла мне это делать в кухне, как когда-то Смирнову.

- В таком случае, если что-то беспокоит, вы мне сейчас же расскажете! – потребовала она.

- Меня многое беспокоит, Надежда Андреевна. Очень многое. Но дальше беспокойства дело пока не идет. Не хватает самого важного – фактов.

За все это время я наконец-то откровенно посмотрел на Надежду Андреевну. И мне показалось, что в ее облике произошла перемена. Помолодела она, что ли, похорошела? Ах, да, подстриглась!

- Вам идет эта стрижка, - улыбнулся я, хотя внутренне напрягся. С чего бы это ей молодеть?

- Наконец-то вы обратили внимание! – Надежда Андреевна взъерошила короткие волосы. – Знаете, с Юрой и времени не было за собой следить. Все время ему посвящала.

Мне показалось, что впервые за наше знакомство имя своего мужа она упомянула с раздражением. Но я отогнал эти мысли. Наверняка показалось.

Мы сидели в кухне, под настольной лампой, и я пересказывал весь сегодняшний вечер. Стараясь не пропустить самого важного и не обозначая те эпизоды, непосредственно касающиеся Зои. Также, на всякий случай, я опускал ассоциации, эмоции и чувства. Это Надежде Андреевне знать было не обязательно.

- Да, странная история, - Надежда Андреевна пожала плечами. – И с чего бы это профессору Маслову, такому уважаемому человеку бояться Юры? Если хотите знать, у меня такое ощущение, что Юры вообще никто не боялся. Он настолько был безобиден.

- Но возможно... Возможно, это как-то связано с гибелью той девушки – Жени?

- Глупости! Откуда Юра мог знать какую-то Женю! Я с трудом верю, что он и Маслова знал! Может, профессор вас принял совсем за другого человека? Я не хочу вас обидеть, но вы льстите себе, когда утверждаете, что похожи на моего мужа.

Я пропустил ее колкость мимо ушей.

- Вполне возможно, что вашему мужу Маслов или Запольский предлагали работать у них в клинике?

- Ну, это я бы точно знала! А я даже понятия не имела, что Макс там работает! Впервые слышу! У него частная практика – это точно. И знаете, Виталий Николаевич, у меня такое ощущение, что это ваше расследование зашло в тупик. И вообще нет смысла его продолжать. И что мы ищем? Возможно, Юра вообще сжег эту папку? А возможно в ней ничего и не было важного! Понимаете, эта вся история, словно болото, тянет меня назад. А я вот впервые захотела что-то изменить в жизни. И вот начала со стрижки! И, знаете, получилось!

Она даже встала с места и покрутилась перед моим носом.

- Скажете, нет?

- Не скажу, - пробубнил я, слегка растерявшись.

- Не думаю, чтобы Юра был бы счастлив, узнав, что я заживо себя похоронила, и с утра до вечера копаюсь в его бумагах, дабы выяснить то, чего нет! В конце концов это его теория: чтобы жить дальше, чтобы двигаться дальше, нужно уметь многое вычеркивать из памяти. Только память тянет нас назад!

Похожие слова мне говорила и мама. И к чему привела такая амнезия?

- Вы поймите меня правильно, - Надежда Андреевна вдруг поникла и села на место, она даже слегка покраснела, словно устыдилась своих заявлений. - Я не говорю, что нужно забывать человека. Это кощунственно! Но многие обстоятельства, точнее - выборочные обстоятельства, их, все же, вычеркивать следует. Я вот, например, даже опасаясь, что мы можем найти в этой папке? Хотел ли бы Юра, чтобы мы что-то нашли? Вначале брало любопытство. А теперь... Теперь только страх и уже нежелание, что-либо менять. Юра мертв. А я жива. И этот факт я не признать не могу.

И, словно в подтверждение своих слов, Надежда Андреевна покрутилась у зеркала, любуясь новой стрижкой. Она как никогда была жива.

В эту ночь я уснул только под утро – не давали покоя слова Смирновой. Мне всегда казалось, что она помешана на своем муже. Что она гораздо глубже и тоньше для банального желания не ворошить прошлое. Что она жила и всегда будет жить памятью. Памятью... Которая действительно жить мешает.

Если бы одним разом вычеркнуть из памяти тот смертельный матч, когда шайба попала в голову Смирнову. Разве бы я здесь находился? Я бы, наверняка, по-прежнему волочился по богемным тусовкам под руку с лже-Дианой, по вечерам вместе с ней злобенько обмывал кости нашим знакомым, перелетал из одной страны в другую, и в перерывах между игрой суетливо мотался по магазинам в поисках новомодных шмоток. Только, если бы я потерял память.

Но, как ни странно, я не хотел уже ее терять. Меня устраивало теперешнее положение. И в отличие от Надежды Андреевны, я собирался продолжать расследование. Я чисто физически ощущал свой долг перед Смирновым. И собирался его вернуть.

Однако, что могло случиться со Смирновой? У меня закралась коварная мысль: не дай бог, она в меня влюблена? Не хватало! Но не мог не признать, что только любовь способна на подобные метаморфозы. И позднее в этом убедился.

Этой ночью я читал Смирнова. В частности, о том, что только память, словно болото, может затягивать. Тянуть назад. Что из этого болота нет шансов выбраться...

Утром как по будильнику я проснулся от привычного звонка в дверь. Взял рекламную газету, тут же, не глядя, бросил ее в мусорное ведро. И эта бессмысленность ранних пробуждений, и этот невидимый старик с собакой по-прежнему раздражали. Но я привык к своему раздражению. Это было частью моего утра, моей жизни. Как и привык к голубям за окном, утреннему кофе, сигарете и омлету с колбасой, который искусно готовила Надежда Андреевна.

Правда, сегодня он слегка подгорел, потому что Смирнова непривычно долго и мило с кем-то щебетала по телефону. Закончила она разговор, когда одна моя нога была уже за порогом.

- Куда вы? – спросила Надежда Андреевна, и в ее голосе я уловил страх.

- Попробую поискать этого парня, автогонщика. Конечно, сомневаюсь, чтобы он что-либо прояснил, но как знать...

- А я думала, мы с вами съездим на дачу, там уже все закончили, даже беседку сделали.

- Съездим, Надежда Андреевна, обязательно съездим, - я ободряюще улыбнулся. – Еще тысячу раз съездим. Просто нужно решить дела.

- Это мои дела, - отрезала Смирнова.

- Нет, Надежда Андреевна, это и мои дела.

Я прикрыл за собой дверь. У меня закралось предчувствие, что совсем скоро это станет лишь моим личным делом. Как-то в один миг меня вдруг перестала мучить совесть перед Смирновой за то, что я отнял у нее мужа. Перед человеком, отказывающимся от памяти, чувство вины пропадает. Но это не означает, что вина исчезает совсем. Она существует независимо от моего желания или воли. Она материализована в пространстве и может умереть только со мной. Даже, если я ее тысячами изощренных способов сумею загладить. И даже если ее, по логике уголовного закона, нет совсем.

Разыскать Матюхина оказалось проще, чем можно было ожидать. Правда, для этого мне пришлось заглянуть в общество автогонщиков, представившись вновь журналистом, но уже из спортивной газеты. Лысоватый очкарик в хорошем костюме не вызвал подозрения, и хорошенькая белокурая секретарша в приемной даже не заглянула в список. А мило мне улыбнулась, скорее не мне, а куда-то вдаль, видимо, при этом представляя лицо Витьки. И мечтательно протянула.

- Матюхин известный парень! Шебутной очень! А так мог бы большую карьеру в спорте сделать. Но не захотел. Очень уж любит на рожон лезть. Странно, что вы про него решили написать. Хотя... Возможно вы и правы. Положительный герой сегодня неинтересен.

- А он герой отрицательный?

Секретарша наморщила узенький лобик, словно мой вопрос поставил ее в тупик. Но тут же нашлась с ответом.

- Скорее, он просто герой. Если хотите, герой скандалов, – она печально вздохнула, видимо, вспомнив свои встречи с Матюхиным. – Не люблю скандалистов (видимо, из встреч с Матюхиным ничего не получилось).

- Вот и не верю! - я шутливо погрозил ей пальцем. - Какая девушка не любит скандалы, и какой парень не любит быстрой езды?

- Ну, тогда вам действительно по душе Матюхина. Он обожает и быструю езду, и скандалисток, - и она протянула адрес автосервиса, где в перерывах между бешеными гонками коротал свое время Матюхин.

Этот парень оказался точь в точь, каким я его представлял в своем воображении. Невысокого роста, крепкого сложения, с бандитской скуластой рожей. Как и положено, для полного завершения образа, под глазом виднелся свежий синяк. Но это ничуть не лишало его обаяния.

Он сидел на корточках, ко мне спиной, и копался в моторе «Жигулей».

- За тачкой явился? - не оборачиваясь, спросил он низким хрипловатым голосом.

- Да нет, по твою душу, - я мгновенно сообразил, что с ним не стоит играть в игры про журналистов. А лучше поскорее перейти к делу.

- А к чему тебе моя душонка понадобилась? – он медленно поднялся с корточек и повернулся ко мне лицом.- Уж не для покупки ли? Много тут охотников купить мою душу, да не получится, во!

Он бесцеремонно показал фигу.

- У меня на лбу написано – «Не продается!».

- И под глазом у тебя тоже это написано.

Он машинально притронулся грязной ладонью к синяку. Тот почернел еще больше.

- Говори – чего надо, очкарик! А то засвистишь пулей! А если опять бабки начнешь мне пихать за сбавку скоростей, то знаешь, с какой скоростью с этими бабками я тебя вышибу!

Я вдруг вспомнил, сколько мне денег предлагали за сомнительные сделки на хоккейной площадке, и я спокойно, без всякого зазрения совести на это шел. Да, еще полгода назад мы бы с Матюхиным вряд ли нашли общий язык. Но теперь, похоже, у меня был шанс. Я уже играл на его стороне.

- В этом я не сомневаюсь. Поэтому сразу скажу. Вернее спрошу. О девушке твоей... Жене.

В один миг Матюхин как-то поник, сгорбился, стал меньше ростом, вся его бравада улетучилась. И он тщательно стал вытирать мокрой тряпкой руку, словно поскорее хотел ее отмыть.

- Женя, - тихо повторил он. – При чем тут Женя? Я не понимаю. Жени больше нет. И не будет. Никогда не будет.

Он говорил медленно, нараспев, так, словно каждое слово давалось ему с невыносимой болью.

- Я знаю, - в унисон ему тихо ответил я.

Реакция Матюхина была непредсказуема. Он вдруг побагровел, сжал кулачищи и бросился на меня. Но я еще умел отражать удары. И только когда он мне въехал по колену, я вскрикнул от страшной боли, и опустился наземь.

- А говорили, что играешь честно.

- Ты чего, чего! – он подскочил и помог подняться. Когда я, хромя, сделал пару шагов, он все понял.

- Ты это, очкарик, прости меня! Я же и понятия не имел, что ты подстрелянный. Я и впрямь честно играю. И чтобы в больное или запрещенное место. Да ни в жизнь!

- Вот и хорошо, - я, опершись о трость, сделал еще пару шагов, чтобы убедиться, что с ногой все в относительном порядке. А заодно окончательно воззвать к совести Матюхина. – Вот и замечательно. Значит, у нас получится честный разговор.

- А о Женьке я могу говорить только честно. Так всегда было. Или честно говорил или молча бил. Но тоже честно.

- Вот и прекрасно, честный парень. Где мы можем спокойно все обсудить?

Вскоре я ждал Матюхина в кафе, на углу перекрестка, неподалеку от автосервиса. Я занял место у окна и мрачно наблюдал, как перед моим носом мелькают машины на огромной скорости. Они изворачивались друг от друга, ловко перегоняли друг друга, пыхтели, кряхтели, мычали и злились. Мне показалось, что кто-то играет в компьютерную игру, умело переставляя их с одного места на другое. Иначе бы они наверняка врезались друг в друга, иначе бы наверняка на дороге воцарился бы хаос.

Из открытого окошка повеяло запахом бензина и гари. Я недовольно поморщился. Мне вдруг до боли захотелось почувствовать запах сосен, потоптаться по траве, вдохнуть прохладу летнего утра. Мне вдруг до боли захотелось тишины. Я ругал себя, что сегодня утром не уехал на дачу с Надеждой Андреевной. Мне уже тяжело было переносить эту гарь, визг тормозов и бешеную чужую скорость. И куда они все торопятся? И зачем? Я не мог уже этого представить. Мне оставалось лишь их пожалеть.

Витька явился, когда уже принесли заказ. Картофельное пюре, венские сосиски и пиво. Он успел переодеться, но выглядел так же - в рваных джинсах, вытертой майке и яркой бейсболке он еще больше походил на хулигана.

- Классное место выбрал! – он кивнул за окно и даже глубоко вдохнул прогорклые ароматы улицы. – Обожаю машинные запахи! Аромат бензина... Вот это кайф! Нет, ну ты скажи, пацан, что может быть вкуснее! Я как в лесу побываю, так сразу и дурею! Аллергия на чистый воздух! Все какое-то сладенькое, свеженькое. Ужас какой-то! Как люди живут в деревнях? Там же задохнуться можно! А от тишины вообще сдохнуть! А тут... Красота! Ты погляди, как классно они носятся! Вот житуха! Я бы кажется, вот так, в машине и жизнь свою всю прожил, если бы такое было возможно. Кажется, вот так бы всю жизнь мчался, мчался, мчался. Но, увы, такое невозможно. Иногда приходится ходить, и даже, ужас какой, – стоять на месте! И вообще, упаси Боже – просто лежать. Мне скорость нужна, ты понимаешь, я без скорости, как рыба без жабров! У этих, уличных, правда, ее маловато! Но под сосиски и пиво и так сойдет.

Скорость ему и впрямь была необходима. Это я сразу заметил. Даже когда он просто сидел и говорил, создавалось ощущение, что он все время находится в движении. Он без конца ерзал на стуле, размахивал руками, подпрыгивал на месте. Создавалось ощущение, что он вот-вот сорвется и помчится неизвестно куда.

Я неторопливо разлил пиво по кружкам. И прямо спросил:

- Мне, Вить, нужно узнать о Жене. Ты ведь, кажется, ее любил?

- За «кажется» я бы тебе, знаешь, как въехал? Ну да ладно, очкарик, ты мне симпатичен. К тому же хромой, бедолага. И лысина на макушке. Так и быть, живи. Только ты ответь прямо, зачем тебе Женька? Нет ее уже, усек, нет!

Он сжал кулаки и покачнулся на стуле.

- В общем, не про жизнь ее я хочу узнать, а про смерть.

- Ты чего, тоже к ней клеился?!

- Не клеился. И не мог клеиться. Потому что просто ее не знал. Узнал о ней только вчера. И тоже скажу прямо, ее смерть может быть связана со смертью одного моего друга. Случайно связана.

- Не врубаюсь я чего-то.

- А ты хочешь врубиться?

- Если честно, нет, - Витька посмотрел на огромные часы на руке и нетерпеливо затряс коленями. – Да и времени не так уж у меня много. Верю я почему-то тебе, очкарик. Да и не в Женькином ты был вкусе. Ботаников она терпеть не могла, ты уж не обижайся.

«Ботаников она терпеть не могла». Эта фраза меня не особенно обнадежила. Маслов мало чем отличался от ботаника, если не сказать большее, к тому же был

гораздо старше Женьки. Но с другой стороны, по всей логике именно Витька должен был быть ее идеал. Но она его забракела. Не ради ли закостенелого ботаника? Пусть и светила науки. И разве в жизни все поддается логике, разве все идет не наперекор ей? Но Витек этой философии знать не мог, и не хотел.

- Скажи честно, Витя, тебе ничего не показалось странным в Жениной смерти? Ну, может, ты что вспомнишь?

- Станным? – Витька почесал за ухом. – Если честно – нет. Как жила, так и померла. На бешеной скорости. Так и я, наверное, помру. Что тут странного. Одни на подушках и простынях умирают, другие на войне, третьи от водки. Четвертые от скорости. На четвертой скорости. Мы – от скорости. Всё от желания зависит. Человек живет, как хочет, и помирает, как хочет. Вот такая моя философия. Просто мы вместе должны были погибнуть.

Витька выпил залпом пива, и в его глазах появились слезы. Он их не стеснялся.

– Ты веришь, очкарик, вместе! А она захотела раньше! И в одиночку. Зачем?

- Ты так говоришь, словно она решила покончить с собой.

- Не понял ты меня, очкарик, не понял. Она бы в жизнь с собой не покончила. Не тот человек! Она жизнь до одури обожала, чем и поплатилась. Просто, как тебе втолковать... Просто, если бы она была со мной, может, мы бы так промчались по жизни еще годков десять, а то и весь четвертак, а потом разом – и в яму. Так нет... Не захотела, дура! – Витька в отчаянии стукнул кулаком по столу, бокалы задребезжали. – Дура, дура!

И Витка заплакал.

- Ты успокойся, Вить. Просто я не понимаю. Если вы с ней так понимали друг друга. Почему она не захотела с тобой быть?

- А чего тут понимать? Не в одиночестве же она решила по жизни мотаться. – Витька вытащил не первой свежести платок и промокнул им лицо.

- Значит, у нее кто-то появился?

- Если бы просто появился! Не уверен, насколько она влюбилась, но вцепилась, как кошка, в него когтями. Иначе бы все выболтала! Она же болтливая до ужаса была. А тут – гробовое молчание.

- С чего бы это?

- Вот и я думаю – с чего? Значит, он приказал! А почему приказал? Значит, был не свободен! А может, на должности какой высокой, кто его знает.

- А может и то, и другое, – неопределенно протянул я. – Но ведь это могут быть твои домыслы? Ты же его ни разу не видел?

- Не видел. Зато видел, как она к нему в машину заскакивает. Вся расфуфыренная, размалеванная, как теперь помню, в своей беленькой шубке. А шубку эту она надевала в исключительных случаях.

- А машину ты не запомнил? – не подумавши, ляпнул я.

- Здравсьте! Ты меня уже вообще за идиота держишь! Это я людей не запоминаю, для меня все на одно лицо. А моторы просто фотографирую, вот здесь, - он постучал по лбу. – серебристый форд. Я уже и Женькино лицо стал подзабывать, а эту тачку как живую перед собой вижу, усек?

- А не мог это быть какой-нибудь ее коллега по работе?

- Черт его знает! Вряд ли! Чего греха таить, следил ведь я за ней не раз, за углом у работы подкарауливал, до бешенства ревновал. Но она всегда одна выходила. А вот уже потом, из дому в этого форда частенько садилась. А потом сама тачку купила. Назло мне. Но - как оказалось – себе...

- Все-таки странно это, Витя. Ты говоришь, назло тебе. Если бы она к тебе равнодушна была, разве вообще бы что-либо назло тебе делала?

- Чего-чего? – Витька откинулся на спинку стула, покачнулся, чуть не упал, но успел вовремя вцепиться в него. И неожиданно громко расхохотался. – Равнодушна! Ну, ты, очкарик, даешь! Ой, не могу! Равнодушна! Да она влюблена в меня была по уши! Она только таких, как я, и могла любить! Но я был всех круче! Поэтому любила только меня! Зазубри это на своем очкастом носу, ботаник.

- Тогда я не понимаю, - я пожал плечами и разлил по бокалам пиво.

- Конечно, не понимаешь! Куда тебе! Судя по тебе, ты вообще ни черта в любви не кукарекаешь! Любила Женька точно меня. Но интерес имела другой. Я и сам до конца не усек. Почему, почему другой интерес? А потом меня осенило! Наверняка, была о-о-чень уважительная причина! Человек был другой, чем я, понимаешь, совсем другой? Может это ее и подмаслило? Вокруг нее ведь всю жизнь бесшабашники крутились, навроде меня. А тут... Тут видимо, какая-то сверх любопытная карта выпала. Может даже козырная.

- Но эту карту ты так и не угадал.

- Да, признаю, проиграл. Может, таились они слишком. А может, я в глубине душонки был уверен, что она все равно мне все выболтает. Она и выболтала бы. Да не успела.

- Ты, говоришь, следил. А тогда... В тот страшный вечер... Тоже следил?

- Еще бы! Не просто следил! Я к ней домой ворвался! И не пучи глаза. Да, ворвался. Решил, так сказать, точку нашим сложным отношениям поставить. Но вскоре поставила точку она. И не просто отношениям, а своей жизни, да и моей.

Витька вновь, в который раз смахнул слезу с подбитого глаза. Но при этом поерзал на стуле.

– Так вот. Как теперь помню, охапку жасмина надрал возле кинотеатра. Запах одуряющий! Мне чуть дурно не стало! А она со злости меня едва меня этим жасминовым венником не погнала, но потом открыла форточку, ее окна на шоссе выходят, и вроде нам полегчало. Жасмин на балкон вынесла, чтобы не вонял в квартире, а сама стала прихорашиваться возле зеркала. А красивая какая была, до одури! Вроде вид подростка, мальчишки. Стрижечка, фигурка худенькая, глазищи на пол лица – красавица! Краситься она не любила, считала пошлятиной, дурным тоном, в общем деревенщиной. А тут... Полкило туши, яркущая помада, фу, пудры в три слоя. Ну, я на нее и заорал. Говорю, колхозница ты! С ума уже совсем чокнулась! Ну и она мне соответственно: пошел вон, болван, тупица, три класса образования, безграмотность росейская и все в том же духе. До драки, правда, дело не дошло, как раньше, поскольку она боялась за свое короткое узкое платье и краску на лице. А вот до поцелуя дошло.

- Даже так? – Впрочем, я уже не особенно удивлялся. Глядя на этого чумазого, неврастеничного парня с фингалом, мог запросто представить и его подружку.

- А чего ты удивляешься? Хотя конечно, ботаник, тебе невдомек. В общем, как положено, страстно поцеловались, ух как! И она тут же сообщила, что это поцелуй прощальный. А глазищи в слезах, сама трясется, руки от стыдобы деть некуда! Но нет, стоит на своем, мол, все, прощай навсегда, люблю другого. Я ни единому слову не поверил! Когда любят другого, так не целуются! Ну, в общем, я ей дал время на размышления до утра. Если нет – пристрелю обоих. И приказал, мол, пусть катиться к черту, к этому хмырю, и ему навсегда дает от ворот поворот. Иначе худо и впрямь будет. Иначе... В общем, не было иначе. Было, как есть. И ничего уже не поправить. Это машину легко поправить, даже самую безнадежную, это я запросто. А вот то, что было... Не-а, на это я оказался не способным.

- Значит, она не одна была в машине?

- Как не одна? Было же следствие, как пить дать одна. Просто, понимаешь, не только я принес я ей этот жасминовый венник. Вернее, только я. А того хмыря не было, но вроде, как бы и был, как бы и появился. Но не сам, а по телефону. Ты

слушай. Выпили мы с ней, как полагается, при бурных разборках. А у нас принцип, железный принцип – не водить машину пьяному! Ни в жизнь, ни я, ни она бы за руль пьяными не сели. Чего за руль! Ни в жизнь бы с парашютом пьяными не прыгнули!

- Ну, ну, - я даже подался вперед. - А ты говоришь, Витя, значит, она не могла вести выпившая машину!

- Ну да! Не могла! Но повела, - он тяжело вздохнул, опять поерзал на стуле, даже зачем-то заглянул под стол. И нервно забарабанил пальцами. – Понимаешь, очкарик, я бы тоже рад кого обвинить или пристрелить. Но только я собирался смотреть, тут звонок по мобилке. Наверняка, этот хмырь звонил. И она так после звонка расстроилась, ну чуть не плакала, хотя плакать не любила, не из тех была. И тушь потекла, и помада размазалась, и пудра осыпалась. Я говорю, давай останусь, утешу, мол. Она ни в какую! Мол, оставь! Пошел к черту! Мне нужно одной побыть, все осмыслить! Я, если честно, и ушел со спокойной совестью. Подумал, наверняка, этот хмырь в кусты шуганул. И она за ночь одумается, а там мы с ней и потолкуем. А потом заживем душа в душу, вернее, душа в душу помчимся по бескрайним дорогам... Но ошибочка вышла. Упрямая она была и гордая слишком. Видать, назло ему села пьяной за руль и все! Там-тарары! А червяк этот засушенный где-то живет, жрет, спит, скотина! Но не мог я его пристрелить! Если честно, даже не пытался вычислить, кто это! Тогда наверняка бы беды наделал. Но, если разобраться, может он и виноват в смерти, но по логике, ведь не виноват, а? Ты – умный, очкарик, скажи? Ссоры у каждого бывают, но не каждый пьяным за руль. Это она от злобы. От злобы, может быть, и я бы пьяный. Да чего говорить... И себя виню. Потому и не пристрелил этого хмыря. Я виноват не меньше, а, может, и больше. Ведь видел - в отчаянии, видел - нетрезвая, знал, что у нее тачка. Но ушел. От той же злобы, злорадства ушел. Пусть, мол, помается. А она взяла и отмаялась. И судить меня нельзя. Виноват, а нельзя. От этого еще хуже.

Я вспомнил Альку. Ее рыжие волосы. Ее конопатое румяное личико. Я ее не убивал. И мама мне об этом сказала. И чувство вины испарилось, исчезло под логически выстроенными маминими фразами. И я покатился на бешеной скорости дальше, по бескрайним дорогам. Пока не провалился вниз. Но если бы я не вычеркнул это из своей памяти, не уничтожил, может быть, все было бы по-другому?

- Эх, если бы только можно было уничтожить эту проклятую память, – вздохнул тяжело, совсем не по-хулигански, Витька. – Может, жить было бы легче, ты как думаешь, очкарик?

- Думаю, может ты благодаря этой памяти и живешь. И выживаешь, может. Чувство вины – единственное что и держит нас на этой земле, - тихо пробурчал я, но, по-моему, Витька не услышал.

Мне еще хотелось спросить. Вернее, уточнить. Вполне возможно, что Женька все же встретилась со своим другом, вполне возможно, что именно он был за рулем, но я передумал. Витька был не тот парень, которому нужно высказывать дерзкие предположения. Такие, как Витька, любые предположения готовы с горяча принять за факт. А уже потом вытащить пистолет. Мне это было не нужно. Поэтому я встал, похлопал Витьку по плечу и очень дружелюбно сказал.

- Ну, пока, Витя, возможно, еще увидимся. И спасибо. Ты мне многое прояснил.

- Много? – он сощурился и потер ладонь об ладонь. – А может, ты не все понял? Может, я тоже хочу найти виноватого? Может, мне тоже было бы от этого легче? И может, вовсе и не Женька была за рулем?

Он, похоже, умнее и хитрее, чем я думал. И он был мне очень симпатичен. И чтобы не подвигнуть его на подвиги, я уверенно заявил:

- Женя, Женя. Я в этом уверен. Следствие доказало.

Видимо, я ему был симпатичен не меньше.

- Ты хороший парень, очкарик. Хоть много темнишь, я это сразу скумекал. Но мне твоя темнота по вкусу. Есть шанс душонку свою успокоить и кого-нибудь таки пристрелить. Кстати, через недельку соревнования, может, приползешь? Приятно будет думать, что ты на трибуне. А я непременно выиграю.

- Я не уверен, что приползу. Но уверен, что выиграешь, Витя, – я протянул руку. Он в ответ крепко ее пожал. Тут же глубоко вдохнул запах машинной гари.

– Здорово все-таки, когда скорость. И умереть не страшно. В скорости умирать не страшно, запомни, очкарик, смерти боятся те, кто в замедленном движении, им есть время думать. Нам – нету. И Женьке не было страшно. Я в этом уверен. Но тебе не понять. Сразу видно, что спорта ты в жизни не нюхал. И я тебя оттого жалею. Так и помрешь на подушках и простынях. А я... Если бы подушки и простыни, я бы сразу же повесился, или отравился. Нет! Лучше застрелился! Пуля тоже имеет скорость, - он шутливо приложил к виску воображаемый пистолет. И покачнулся на месте...

Он не повесился, не отравился, и не застрелился. Уже позднее, случайно я узнал (из рекламной газеты, которую подбрасывал под дверь полуслепой старик по утрам), что он, тяжело раненный, лежит в реанимации. Сорвался на финише, когда пришел первым. И как обещал – победил. И его победа застыла с ним навсегда в стерильных простынях и подушках. Приговор врачей был непоколебим.

Неподвижность. Неподвижность для человека, который обожал скорость и жил в скорости. Или быстрее ее. Но как оказалось, можно жить и так. Отсчитывая секунды и перелистывая дни. Можно жить и без скорости. Не гоняя по бесконечным дорогам, а лежа на простынях и подушках. И даже с подобной жизнью согласиться.

Витька согласился. Я в этом его не упрекал. Ведь жизнь в скорости или в покое, в бешеной скорости или в бешеном покое остается во времени одна и та же. И течет для всех одинаково. И отсчет у всех один. У жизни – одна скорость. Не зависящая от наших желаний и капризов. От нашего благородства или подлостей. И никто не способен ее изменить.

Однажды я навестил Витьку. Он нехотя со мной разговаривал, что понятно. Доказывал, что малодушен, и должен тысячу раз умереть.

- Малодушие – это когда умереть по собственной воле, - перечил я ему. – Это самое простое. А найти силы и мужество жить... Это не сравнится ни с каким спортом, Витя. И ни с какой победой. Возможно, у тебя спорт только начинается. И победа еще далеко впереди. Но она обязательно будет. Если ты захочешь жить.

- Я захочу. А знаешь, ты мне сразу понравился, очкарик. Может быть, потому что я совсем другой. И никогда не мог жить вот так, как ты. В тепленькой квартирке, в очках, с лысиной на макушке и чтением умных книжек. А теперь и у меня такой шанс появляется, ты как думаешь? Я думаю, что ты откроешь какую-то тайну. Такие очкарики всегда что-нибудь да открывают. У них много времени для этого. Может, про Женьку чего поймешь. Она этого достойна. И она теперь счастливее меня. Но я все равно победил. Ведь ей ничего не нужно преодолевать, доказывать. А я победил, потому что мне это нужно и я докажу...

Но этот разговор с Витькой случился позднее. А этим вечером дома я застал Надежду Андреевну, сидящей на полу, по-турецки, вокруг нее небрежно валялись кипы раскрытых глянцевого журналов. Она даже не заметила, как я вошел. И только когда нарочито громко кашлянул, повернула ко мне голову и радостно воскликнула:

- А, это вы, Виталий! Вы сегодня рано! Это даже кстати!

Я поднял наугад журнал, небрежно пролистал его. Это был журнал мод. С блестящих страниц улыбались большемерные длинноногие красавицы. Меня слегка

замутило, повеяло прошлым, чем-то сладким, приторным, так напоминающим духи Дианы. Но причем тут эта серенькая невзрачная женщина, сидящая на полу?

Надежда Андреевна потянула меня за рукав, и я бухнулся рядом.

- Здорово, правда? А знаете, кто мне больше всего понравился? Вот! – Она бесцеремонно ткнула пальцем в смеющееся лицо Дианы, сжимающей в ладошках яркий желтый мандарин. – Нет, но вы только посмотрите, сколько вкуса! Сколько изящества! Кака-а-ая девушка! (мечтательно протянула Надежда Андреевна.) Мне никогда так не удастся, никогда. Как я ей завидую! Чтобы так одеваться, так потрясающе выглядеть, нужен настоящий талант!

Вульгарно покрашенные губы Дианы были, как всегда, соблазнительно приоткрыты, вульгарно покрашенные глаза томно прикрыты. Яркие розовые сапоги на шпильках, разукрашенные невыносимыми золотыми звездами, по ее мнению, стильно сочетались с короткой золотой юбкой и вызывающе красной прозрачной блузкой. Господи, и что я так долго делал рядом с этой женщиной! Мне даже стало немножко неловко перед самим собой, что я вообще с ней связался. Чтобы так безвкусно одеваться, так пошло выглядеть, действительно, нужен талант, ровно уместающийся в маленькую глупую головку Дианы.

А Надежда Андреевна продолжала охать и ахать по поводу несравненной красоты Дианы.

- С такой девушкой любой парень чувствовал бы себя счастливым. Сразу видно, такая умная, тонкая девушка. Правда, Виталий Николаевич?

Куда уж правдивее, подумал я, вспомнив, как Диана ловко торговала своей внешностью, как заправская базарная баба. И надо ей отдать должное, могла ловко обвести вокруг пальца самых матерых продюсеров.

Чтобы не отвечать на неестественно возбужденную трескотню Надежды Андреевны, я включил телевизор на всю громкость. И здесь меня ожидал еще один сюрприз. В виде Саньки Шмырева. Поначалу я его даже не узнал. Волосы с помощью геля гладко прилизаны. Элегантный костюм – точно как у меня. Даже такая же рубашка в тонкую полоску. И очень похожие на мои, темные очки. Правда, так изящно небрежно, как я, он носить их еще не научился. Санька вообще мало кумекал в моде, плевал на все шмотки и ни разу за границей не забежал ни в один магазин. Только однажды купил в подарок шелковый платок своей матери. Так потом над ним вся команда смеялась, громко читая вслух название московской фабрики. Он единственный умудрился отыскать русский платок за границей.

Сейчас передо мной предстал другой Санька. В слизанном образе от меня. И я его поначалу не узнал, вернее, не мог согласиться, что узнал. Только когда он заговорил своим низким грудным голосом, мне пришлось смириться, что я вижу своего бывшего товарища, бессеребряника, романтика, свято уверовавшего когда-то, что благородство существует в природе равно как сама природа. Благородство, которое теперь и для него оказалось всего лишь игрой, как хоккей.

Саньку представили как спортивного менеджера, продвигающего (то есть продающий) наших хоккеистов за границами Отечества, в основном в НХЛ. Он от неловкости кашлянул. Но достойно и умно, как подобает настоящему дельцу, ответил на все вопросы. Не забыв упомянуть, что спорт – это государственная, почти национальная идея и этим должны руководствоваться все без исключения спортсмены и спортивные функционеры. Санька ни на секунду не забывал, что он честен и непогрешим.

Но следующего вопроса он не ожидал. Когда его спросили о бывшем хоккеисте-виртуозе Виталии Белых, он, казалось, вечность смотрел с экрана на меня, словно умоляюще спрашивал, что делать? Я ему ободряюще подмигнул. Он

виновато вздохнул, не отводя от меня беспомощного взгляда, а потом взял себя в руки и уверенно ответил.

- Да, он когда-то был моим другом. Но, к сожалению, он всегда отличался непринципиальностью. И в спорте думал, скорее, не о своих товарищах, не о чести своего клуба и сборной, своего государства, а лишь о себе. Непринципиальность в любом деле приводит к поражению. И то, что с ним произошло – конечно, случайность, но случайность закономерная. Рано или поздно, он все равно бы упал.

Браво, Санька, браво! Впрочем, в чем мне его упрекать? В целом, он сказал правду, как всегда. Но от этой правды уже веяло нездоровым душком. Я помнил этот навязчивый запах. От которого трудно устоять на ногах. Запах денег и славы. Эта правда была перевернута с ног на голову. Эта правда была насмешкой над правдой. И надо мной. И над Санькиной честностью. Что ж, он продолжает играть в благородство. Но уже по инерции. От этого остались лишь голые фразы и копия честных глаз. Эта игра уже напоминала откровенное шулерство. В котором когда-нибудь уличат и самого Саньку.

Только через пару дней я случайно узнал, что Санькин тесть является не кем иным, как одним из спортивных начальников. И я вспомнил наш последний разговор со Шмыревым. Он тогда еще пытался спастись и просил спасения у меня. Ни то, ни другое ему не удалось. Шмырев сам сделал свой выбор. А мне оставалось лишь развести руками. Я ни в чем не мог его упрекнуть. Быть честным до конца жизни не каждому удастся. Возможно, это даже подвиг. Особенно, когда жизнь поворачивается спиной, и ты от нее получаешь лишь пинки и пощечины. Санька, как и многие-многие другие, оказался не героем. Не способным на подвиг. А, может быть, как и многие-многие другие, он не мог ответить, кому нужен этот подвиг и зачем? На это не мог ответить и я. Но жить, как Санька, уже не хотел.

Шмырев еще что-то пытался высказать по поводу моей сомнительной негосударственной личности. Но вдруг Надежда Андреевна резко выключила телевизор.

- Я ничего не хочу знать о человеке, который убил моего мужа, - сухо отрезала она.

- Извините, Надежда Андреевна, я как-то не подумал...

- А этот, - она кивнула на экран, где только что мелькала физиономия Шмырева, - так говорит, словно это убийство. Допустим этот Белый – негодяй. Допустим. Но ведь подобное могло случиться и с благородным человеком, и с героем. Причем тут государственная идея? Бред какой-то! Вы согласны со мной?

Я пожал плечами в ответ. Я ответа не знал. Но мне почему-то казалось, что эта трагедия могла произойти только со мной. Словно она была мне нужна, необходима. Словно кто-то там, наверху, знал, что время Смирнова уже кончается, но хотел, чтобы его часы остановил именно я. От этих мыслей я поежился. И тут же решил перевести разговор на другое. Мой взгляд упал на раскрытые глянцевые журналы. Они мне показались в этот момент гораздо реальнее и Саньки, и смерти Смирнова, и национальной идеи.

- А зачем вам все это, Надежда Андреевна, - я кивнул на фотографии разукрашенных девиц. – Я думал, вы совсем этим не интересуетесь. Это на вас так не похоже.

Смирнова, еще несколько минут назад со своей грустной философией говорившая о муже, вновь в один миг преобразилась и стала другой.

- Ах, да! Виталий... Знаете, давайте отбросим к черту все эти церемонности и отчества! Вы согласны? Знаете ли... Вот подумала – я ведь совсем не старая! Раз моя жизнь изменилась, мне захотелось измениться самой! Разве я этого не достойна?

Она кивнула на журнал мод.

- Вы достойны лучшего, Надежда Ан... Надежда.

- Бросьте вы это! Что для женщины может быть лучше? Я думала, вы поможете мне...

- Я совершенно не разбираюсь в моде, - искренне сказал я, бывший законодатель моды в команде.

- Ну, вы прямо, как мой Юра! – она всплеснула руками. – Это уже какой-то фантом! Ему тоже ничего, ничего не было нужно! И я должна была соответствовать этому спокойному, бесцветному, уравновешенному образу жизни! Такое ощущение, что мы, как поженились, на второй же день стали пенсионерами! И каждый день – одно и то же, скука, тик-так, однотонный, пресный, молчаливый день.

- Но вы упустили одно. В этом дне было много любви.

- Прекратите вы это! Что вы знаете! Это я, я любила его! Боготворила! Старалась ему соответствовать! А он...

- А он?

- Он уже до меня был очень сильно, по-настоящему влюблен. И женился на мне, когда свое отлюбил. Когда все, все чувства истратил! И выбрал именно меня. Знаете, та, другая женщина... Это же была фурия! Я один раз ее видела. Вот как эти с журналов, только более опасная, более яркая, что ли, нервная. Вот с ней бы была у него жизнь! Взрыв, а не жизнь! Бешеная скорость! С которой они мчались бы навстречу друг другу. И на повороте наверняка бы разбили друг о друга головы! И Юра сам от всего отказался...

- Он испугался, наверное. Таких женщин стоит опасаться.

- Знаете, Виталий, не думаю, что испугался. Просто... Такое ощущение, что он решил прекратить этот мелодраматический спектакль со страстями и разрывами сердца от любви. Но прекратил для того, чтобы стать режиссером совсем другого спектакля. Может, не такого талантливый, но добротный, качественный. За который приз не получишь, но который надежно обеспечивает хорошую кассу. Вы же читали его записи. Он хотел доказать, что такое долгая жизнь. И поэтому отказался от той женщины, от той жизни. И в этом спектакле на роль жены ученого выбрал меня. Хотя я ничего не играла. Я всегда так жила и жить собиралась, жить скучно, зевая, но спокойно. Как видите, его спектакль с треском провалился. Может, с той фурией он мог бы прожить до ста лет! В вечных разборках и истериках. Вы так не думаете? А со мной его век оказался таким коротким. И после этого провала, вы хотите, чтобы я не попробовала наконец-то что-либо изменить?

- Но в таком случае теперь уже вам придется играть. А вдруг окажется, что жизнь проживают долго только те, кто в жизни ничего не играет. Кто бывает всегда самим собой. И кто ничего изменить, поломать не хочет. Если это так, то и ваш спектакль обречен на провал.

- Все может быть. Ну, а если я хочу, жажду все поломать, если я жажду провала! Но зато, какая это будет игра! И какой провал! Я его запомню надолго!

- Боюсь, что у вас ничего не получится. Вы гораздо умнее.

- Но согласитесь, глупым прикинуться гораздо проще, чем наоборот?

- Я так не думаю. Умных быстро вычисляют, а глупцов порой не поймать вообще.

- Это все голые фразы!

Надежда Андреевна быстро ходила взад-вперед по комнате, нервно мяла руки, глаза ее возбужденно блестели, лицо покрылось нездоровым румянцем. Она так изменилась за последнее время. И я повторил про себя ее мысль: это все голые фразы. Безусловно, она была права на счет мужа. Я раньше ее понял, что он был совсем другим и просто провел над собой эксперимент. Но чтобы она решила делать опыты на себе, в этом я очень сомневался. При чем тут какой-то спектакль, игра в роковую женщину, модные журналы? Только во имя любви. Ничего больше,

никаких опытов, спектаклей, экспериментов! Это на лице пятнами было у нее отпечатано. Это светилось в ее глазах, это прослеживалось в ее нервной походке. Во всем виновата любовь!

Мне оставалось молиться, чтобы не я был партнером в ее спектакле. Но молитвы тут не помогут. Я огляделся. Кроме меня никого не было. Я лихорадочно стал соображать, что дальше делать. Куда бежать, переезжать, прятаться? Это не входило в мои планы. Это рушило мои планы. Это было до ужаса обидно, тем более, что я стоял на пороге раскрытия тайны ее мужа. Которого я уже уважал. И которого убил. И мог поклясться всеми богами, меньше всего на свете я хотел, чтобы его жена в меня влюбилась. Но разве я мог рассчитывать на другое, если полностью вошел в образ этого нелепого, хромого ученого?

Сославшись на головную боль, я попытался улизнуть, но Надежда Андреевна решительно схватила меня за рукав.

- Виталий, вы так и не сказали – вы что-нибудь выяснили?

Я только было собирался подробно рассказать о встрече с Витькой Матюхиным. Но что-то меня удержало. И я просто спросил:

- Вы случайно не знаете... В общем, может быть, у ваших знакомых или родственников есть серебристый форд.

- А причем тут это? – Надежда Андреевна искренне удивилась. - Знакомый с хорошей машиной у нас только один – Макс.

- Ну, понятно. Это я так, в общем, это к делу не относится.

- Знаете, Виталий, у меня такое ощущение, что вы занимаетесь всем чем угодно, только не ищете папку. Я не знаю... Возможно, вам просто нечем заняться. Возможно, во всем виновата безработица. Но ведь я просила лишь об одном. Найти синюю папку. А теперь даже и об этом не прошу. Потому что это бессмысленно, наверное, муж ее уничтожил. А, возможно, и скорее всего, в ней ничего не было ценного. Поэтому... Поэтому давайте больше не искать того, чего в природе не существует. В природе и так много интересного. Вы согласны?

Я задержал взгляд на ее лице. И окончательно понял, что сегодня потерял своего союзника. И только потому, что союзник имел неосторожность в меня влюбиться. Теперь ей было наплевать и на папку, и на тайны мужа, и на его прошлое. Ей было важно не разбить по неосторожности такое хрупкое настоящее. И любой шаг в сторону она считала рискованным. И любой шаг назад казался ей опасным. И неизвестно чего можно было ожидать от любого шага вперед. Она предпочитала стоять на месте. Единственное (как она думала), что способно сохранить надежду на будущее.

Я, как можно правдоподобнее, скривился в гримасе и схватился за голову.

- Не знаю, что такое! Адская головная боль!

Надежда Андреевна растворила аспирин в стакане с водой. И протянула мне, укоряюще заметив:

- А все потому, что забиваете голову ерундой. Вместо того, что бы съездить на природу, такая чудная сейчас погода! Ведь вы и так для меня и для мужа столько сделали! Наша совесть перед Юриной памятью чиста. Труды его выйдут, Макс непременно этому поспособствует.

- Значит, его совесть тоже чиста.

- А знаете, есть только один человек, кого может действительно мучить совесть.

Я вздрогнул. И поднял тяжелый взгляд на Смирнову. Голова вдруг и впрямь резко заболела и готова была развалиться на части.

- Кто же это, Надежда Ан... Надежда?

- Этот несчастный хоккеист. И его больше всего жаль. Жить с таким грузом, хотя, по сути, и не виновен.

- А если бы вам пришлось с ним встретиться? - мой голос предательски дрогнул. И я процедил сквозь зубы. – Что, что бы вы ему сказали?

- Я? – казалось, Смирнову ошарашил этот вопрос. И мы несколько секунд, молча смотрели друг другу в глаза. – Ну, я... Я бы просто сделала вид, что его не узнала. Это лучшее, что я могла бы сделать и для него, и для Юры, и для себя.

Не говоря больше ни слова, я тяжело поднялся с места и ушел в комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Включил по традиции старенький проигрыватель, поставил вальс Грибоедова и попытался решить что делать дальше. И с тайной Смирнова, и с любовью Смирновой. И с самим собой. Но ни один из этих вопросов так и не разрешил. Сильная головная боль лишила меня возможности думать. И я провалился в глубокий сон.

Как ни странно, утром я проснулся в отличном настроении. Даже подумал: может быть, Смирнова права? Что я в конце концов пытаюсь найти? От мысли, что ученый Смирнов – просто-напросто негодяй, которого и убить не жалко, я, безусловно, отказался. Этот человек вызывал искреннюю симпатию. Тогда что? Его труды, в которых я мало что смыслил и в которых гораздо профессиональнее и успешнее сможет разобраться Макс. Еще что? Какое-то мифическое открытие, которое все ждали от Смирнова, но которое вполне возможно он и не совершал... Ни одной ниточки, ни одной зацепки, превращающие домыслы в факт и реальность, не было. Не все ученые совершают гениальные открытия, но при этом они не перестают быть учеными. Похоже, таким был и Смирнов. Чувство вины перед ним меня никогда не покинет.

Но перед его женой я себя виноватым уже не чувствовал. Не так уж долго она носила траур по нему. И потом, я все что мог, для нее сделал. Я даже на ее счет перечислил очень большую сумму, и она теперь гораздо богаче меня. Совсем скоро она об этом узнает. Если я захочу, то уже сегодня. И тогда окончательно смогу быть свободным. И мне непременно следует решить, как дальше строить свою жизнь. Я и понятия об этом не имел. Но, безусловно, эта жизнь не будет похожа на мою прежнюю. И на нынешнюю у Саньки Шмырева она тоже не будет похожа.

Из учений Смирнова ясно вынес одно. Долгую и спокойную жизнь можно организовать. И я ее обязательно организую и сумею достойно прожить.

Этим солнечным утром чувство свободы настолько опьянило меня, что я даже громко замурлыкал джазовую мелодию из Дюка Элингтона.

Надежда Андреевна постучалась в мою комнату и тут же без приглашения заглянула. Она была уже одета. Старомодное ситцевое платье под пояс, босоножки на широком каблуке. И только игривая стрижка молодила ее.

- Приятно видеть вас в таком хорошем настроении, – приветливо улыбнулась она. – Я ни разу не слышала, что вы поете. И вот уж не предполагала, что любите джаз.

- Я люблю классику, Надежда Ан... А джаз я пою.

- И какие планы на утро? Если не секрет?

- Не секрет. Потому что сам понятия о них не имею.

- Не иметь планов это тоже признак счастья. Если бы я не все про вас знала, то непременно бы решила, что вы влюблены!

Я напрягся. Смирнова была тоже в превосходном настроении. Глаза ее сияли, даже губы были подкрашены. Я уже знал почему. Мне же это было меньше всего нужно.

- Дело не в любви, Надежда Ан... Просто у меня такое настроение, потому что я жду встречу с природой, - неожиданно для себя заявил я. – Вот решил проведать, как там ваша дача поживает, и все ли там благополучно?

- Я вам давно говорила, бросьте эти глупости и отдохните, подышите воздухом, приведите себя в порядок! А то вы прямо, как мой Юра! Ведь вы еще совсем молоды и если бы захотели, очень даже могли бы привлекать внимание женщин, - кокетливо подмигнула она.

Я собирался замахать руками, закричать, что не хочу никакого внимания. И вообще, моя мечта – прожить жизнь в одиночестве. Но не успел. Она тут же скрылась за дверью. Я отчетливо услышал, как стучат ее толстые каблуки по лестнице. Я облегченно вздохнул и вытер пот со лба. Ну что ж. Идея поехать на дачу и все решить окончательно на свежем воздухе, не так уж плоха. Летний солнечный день к этому явно располагал. Я громче и громче напевал джазовую мелодию Элингтона. Хотя меньше всего уже походил на джазмена, на модного мальчика, влюбленного в джаз и, тем более, на суперхоккеиста, кичащегося познаниями в джазе. Больше всего я сегодня хотел походить на свободного человека.

Через часа три я приехал на дачу. Последний раз я был здесь весной. Когда приходилось пробираться по слякотной дороге, и даже чистый воздух и шум сосен не спасал от невыносимой тоски. С тех самых пор все стало неузнаваемо. Дачный поселок вырос, окреп, посвежел и похорошел. И погода, задорно стреляющая солнечными лучами, и природа, кричащая многоголосьем птиц, шелестом зеленых веток, мягкой сочной травой, усыпанной белыми ароматными цветами, достойно и весело вписывались в интерьер всего нашего не слишком достойного и не слишком веселого мира.

Я даже поначалу не узнал дачу Смирновых. Во всяком случае, не зря я выделил на это кругленькую сумму. Строители не подкачали. Дом был не низок, не высок, но очень уютен и красив. Красный кирпич, белая веранда, на втором этаже балкон, перила которого украшали вырезанные узоры. Все утопало в густой траве и цветах. Могучих деревьев еще, конечно, не было, они просто за такой короткий срок не смогли бы вырасти, но маленькие саженцы яблонь и рябин были разбросаны повсюду вокруг дома.

- Эй! Есть тут кто! – громко закричал я, зная, что рабочие достраивают сарай за домом. – Эй, чего молчите! Мужики!

Наконец из-за фасада дома появилась здоровенная фигура рабочего с золотым зубом. С ним я несколько месяцев назад успел познакомиться, и даже чуть было не подрался. Он, лениво раскачиваясь, шел мне на встречу по дорожке, усыпанной красным гравием. В одной руке держал бутылку молока, в другой толстую краюху хлеба, которую периодически откусывал.

Он так и не сумел ко мне вплотную приблизиться. За пару десятков шагов застыл на месте, как, вкопанный. И вскрикнул:

- Хозяин! Воскрес! – он проворно перекрестился, бутылка с молоком выпала из его рук, и молоко тонкими струями полилось по розовому гравию.

- Мертвые не воскресают, - сквозь зубы процедил я и близко подошел к нему. - И мертвые не разговаривают.

- Это уж точно, - он облегченно вытер пот со лба, приторно улыбнулся, вызывающе блеснув золотым зубом. – Ошибочка вышла. Хотя, может, и не ошибочка вовсе.

- Вы о чем? – я нахмурился.

- Ты, пацан, и впрямь изменился за эти несколько месяцев. И как видимо, не просто стал походить на хозяина, но хозяином, поди и заделался.

- А вот это не ваше дело! – резко ответил я.

- Уж конечно не мое. Хозяин может, всю жизнь мечтал о своем домишке. А ты, можно сказать, его мечту воплотил в жизнь. Можно сказать, по его мечте жить и будешь.

- Я здесь жить не собираюсь. Теперь это воплощенные мечты хозяйки. И не более.

Золотой зуб тоненько захихикал.

- А я бы так не сказал, скорее наоборот. Все мечты хозяйки и бывшего хозяина – для вас!

Вообще, этот наглый бугай разговаривал так, словно он сам хозяин. Мне даже захотелось предложить ему свое место, только бы не ввязываться в любовную историю.

Мне захотелось тотчас уйти. Похоже, покой на сегодняшний день не может мне даровать даже природа. К тому же, какая это природа, если в центре ее не деревья, цветы и птицы. А здоровенный нахальный мужик с золотым зубом. Нет уж, пусть такая природа достанется кому-нибудь другому. Я резко развернулся, не желая продолжать этот бессмысленный диалог.

- Эй, мужик, погоди! Так не пойдет! Вначале погляди, все ли тебя устраивает, чтобы потом претензий от хозяйки не было! Она и так, бедненькая, так волновалась, когда беседку для тебя мы сооружали. Чтобы и побелее была, и виноградом увешана, даже по спецзаказу мебелишку притащили, чтобы тебе удобнее, так сказать, творилось. Чтобы муза, как она говорит, тебя почаще посещала. Я-то сперва не просек, что за муза такая? При живой-то хозяйке. Но я не дурак. Потом покумекал, прикинул, вспомнил школьную программу. Эта муза всех чокнутых писателей посещала. Они говорили – образ. А я заявляю – чушь! Образ не может привидеться! Муза всегда живая. И тело, и ножки, и глаза. Вот они перед женами и оправдывались, кто на что горазд. У них, так сказать, официальное объяснение посещениям муз есть. И это нормально почему-то. Если бы я своей Тамарке заявил: мол, чтобы выстроить этот дом, нужно сперва с музой пообщаться! Ох бы, мне она и врезала! А этим нет, все сходит с рук. Придумали же, негодники, для себя! Умники! Оказывается образованным можно с музой общаться? А не очень умным нет? Несправедливо получается, мужик. Ох, как несправедливо. А я за равноправие.

- Ради бога, – мое терпение подходило к концу. – Ну и общайтесь сколько угодно! И Тамарке вашей объясните, что муза, действительно, нужна всем!

- Ага, дуру нашел! Так она и поверила! Я вот кумекаю, что в этих муз их бабы верили, может, потому что не очень умные были? Не любят образованные мужики умных баб! Умные тоску нагоняют! Им и без того тяжело, а если еще умная подружка, того гляди, и повеситься можно.

- Они, к вашему сведению, и вешались.

- Вот я о том и говорю. А моя Тамарка не дура. Хоть дураку и досталась. Зато на муз я ничего не спихиваю. А пашу, как вол. Иди, погляди, чего я соорудил! Тут любой музе по вкусу придется!

Я недоуменно пожал плечами и, нехотя, двинулся в дом. Вообще он настолько умел подавлять своей нахальностью, что сопротивляться не было сил.

Мы поднялись на второй этаж по деревянной, прочной, покрытой красным лаком, лестнице. Еще пахло краской и свежей древесины. Золотой зуб важно распахнул дверь, приглашая войти. При этом успел мне сально подмигнуть.

Я переступил порог комнаты. Это оказалась спальня. У меня перехватило дыхание. Розовые стены, розовые занавески, розовые покрывала и подушки на широкой кровати розовый персидский ковер. И белый-белый комод в обрамлении золота, такое же трюмо и стулья. И в довершении законченного счастья белорозовая хрустальная люстра с золотыми подвесками. Мне показалось, я сейчас начну задыхаться. Я даже набрал в рот воздух и тут же громко выдохнул.

- Ага, от счастья уже и задыхаешься, - хохотнул золотой зуб.

- Да уж. Большого счастья и представить нельзя.

Эта комната была копией нашей с Дианой спальни, ну разве в два раза поменьше. Похоже, Смирнова полюбила те же журналы, что и Диана. Вот уж чего я не мог ожидать от Надежды Андреевны. Что угодно, но только не подобной марзаматической безвкусицы. Неужели на такое способна любовь? Я не знаю, любил ли я когда-нибудь по-настоящему, но примерно мог представить, что могла означать любовь. То, над чем я раньше мог презрительно смеяться. Звезды, космос, цветы на полях. Остановка неровного дыхания. Стихи, конечно. Конечно, тихая музыка. Возможно, бунтующее море. Где-то наверняка белый парус. Возможно, пустыня. И зыбучие пески, в которых тонешь. Возможно, мандарины за углом, которые продает продавщица в шапке-ушанке. Или железная скрипучая кровать со старым матрасом. А на заснеженном подоконнике - снегирек. То, что я когда-то называл банальностью и примитивом. Но разве любовь может быть банальной? Даже если она повторяется тысячу раз. Даже если она говорит тысячу раз повторенными фразами. И даже если она в тысячный раз глухо рыдает в подушку. Пусть! Только не эти розовые стены, только не эти пошлые занавески и люстра! Лучше уж пусть любви вообще не будет на свете! И я над этим готов поставить свою подпись!

- Ну, ты, я гляжу, совсем опупел! – зуб ударил меня с размаху по плечу, и от неожиданности я покачнулся. – Но вот я чего скажу! И мы с Тamarкой не лыком шиты! У нас точь такая ж спальня, только все раза в три поменьше и подешевле! А я до тебя одному олигарху дворец строил, так и у него точь такая ж спальня! Только раз в двадцать подороже и побольше! Но все одно! Знаешь, мужик, достигли мы-таки равноправия! Ей-богу достигли! Чего-то боролись, чего-то душу на куски рвали, а все так просто! У всех равноправие! И у всех такие спальни! И у строителя и у олигарха! И мозги у всех в одинаковом направлении движутся! Вот так!

- Да, пожалуй ты прав, - устало сказал я. – Наконец-то достигли. Я даже смею думать, что твоя Тamarка одевается, как жена олигарха, точно так же, разве что из стока.

- А как ты усек? Молоток! Еще бы она хуже одевалась!

- Но я еще смею предположить, что она гораздо красивее.

Золотой зуб радостно похлопал себя по толстому животу. И в его кроличьих пропитых глазенках мелькнуло подобие теплоты. Похоже, я начинал ему нравиться.

- Еще бы! Если иметь такой живот – точь как у олигарха.

И такую же наглость, уверенность в безнаказанности, безграмотность и тупость, равнодушно подумал я про себя. И, конечно, такой вкус, и такое сердце.

- Знаешь, мужик, ты мне уже нравишься, идем я тебе еще беседку продемонстрирую! – зуб, уверенный в своей значимости и неотразимости Тamarки, двинулся из дома. Я покорно и вяло шагал за ним.

Беседке я уже не удивился. Вычурная, белая, с серебрянными вкраплениями в виде звезд, мягким, ярко васильковым диваном и кривоногим столиком в стиле Людовика XIV, явно купленным на базаре у проходимца в пять раз дороже. Столик был пуст. За ним пока никто не работал.

Безусловно, музы могли посещать и эту беседку, и эту спальню, и этот дом, но только когда хозяйки не было дома. Смирнову в облике музы я представить не мог. Возможно, Достоевский не расхохотался бы, увидев все это, поскольку видел многое. Но вздохнул бы печально точно.

Подражая Достоевскому, вздохнул и я.

- Да уж, тут не только передохнуть, но и свободно вздохнуть можно, - мечтательно, насколько свойственно его красной морде и налитым глазкам, сказал зуб. И тоже вздохнул.

- Но эта беседка предназначена для работы, - и зачем я с ним пререкаюсь.

- Еще бы! Особенно если работа – сплошной отдых! Сиди себе, чиркай на здоровье всякую чушь, которую никто и даром читать не будет! Красота! Разве это работа?

- Да уж, сомневаюсь.

Я неожиданно протянул золотому зубу руку. Не потому, что хотел поблагодарить. Просто мне хотелось поскорее отсюда убраться. Природа мне сил и радости сегодня не придала. Не получилось. Оказывается, даже природа от нас целиком зависит, и возможности ее не велики. Я правильно оценил обстановку. Нужно прощаться первым, и как можно уважительнее. Иначе от этого бугая не избавиться. Золотой зуб с радостью пожал мне руку в ответ. Он, безусловно, еще хотел удержать меня для интеллектуальной беседы, но внутренним звериным чутьем понял, что этикет этого не позволяет. А уж что такое этикет, полагаю, он понимал лучше меня. Недаром начитался гламурных журналов, насмотрелся идиотских киношек и настроил дворцов с розовыми спальнями для нуворишей. Нужно отдать ему должное, схватывал он все на лету.

И только в лесу я вздохнул по-настоящему свободно. Все же – чистый воздух, несмотря на окружающие особняки, шум подъемных кранов и цементную пыль. Возможности природы не велики, но прекрасны.

Уже темнело, когда я подходил через лесную тропу к дороге. Стал накрапывать мелкий дождь. Даже показалась треть месяца, напомнившая яркий, фосфорный знак запятой. Я подумал, что моя жизнь состоит из одних запятых. Я что-то делаю - запятая, что-то узнаю - запятая, о чем-то мечтаю - запятая. И что же дальше? Точки я пока не хотел. Знак вопроса меня вводил в тупик. Запятая была лучшим знаком, придуманным нашей орфографией и пунктуацией. За ней обязательно скоро последует новое слово... И оно незамедлительно последовало.

Я шел по узкой дороге, вокруг шумели и гнулись под ветром мощные деревья. Все последующие события случились в одну секунду. Я даже не успел опомниться и потом долго благодарил судьбу, что когда-то серьезно занимался спортом. Моя реакция, несмотря на очки, лысину и хромоту, оставалась такой же отменной. И чувство ощущения опасности меня не покидало.

Внезапно позади меня истерично взвизгнула машина. Я обернулся – и она ослепила фарами. Доли секунды мне хватило, чтобы резко прыгнуть в сторону. Автомобиль на большой скорости промчался мимо, и я только успел заметить марку и его цвет – серебристый форд.

Я тяжело поднялся, растирая больную ногу. Отряхнулся, хотя это было бесполезно. Земля была сырой и грязной. К тому же я неудачно приземлился лицом вниз. Осторожно потрогал вспухшую губу и ссадины на лице. Похоже, видок у меня был еще тот.

В первую минуту я подумал про пьяного водителя за рулем или разгулявшихся подростков. Но цвет автомобиля не давал мне покоя. Серебристый. Форд такого цвета был и у таинственного ухажера медсестры Жени. Неужели совпадение? Мало ли в городе серебристых фордов?

В совпадения я не верил, к тому же мысли после пережитого удара начали приходить в норму, и уже в электричке я попытался сопоставить факты и кое-что припомнить. Безусловно, некоторое время, машина тихо кралась позади меня. И я не придал ее шуму значения, поскольку отнес его на работающий кран. Пьяный водитель не ехал бы медленно, словно крадучись. Он наверняка бы с шумом выскочил на дорогу, и его мотор я услышал бы гораздо раньше – и спокойно отошел в сторону.

Нет, это было запланированное покушение. Машина тихонько подкралась и, дождавшись удобного момента, резко бросилась на меня. Если бы не моя реакция вряд ли сейчас я просчитывал в электричке все возможные и невозможные варианты моей благосклонной судьбы. Это определенно было покушением на мою жизнь. Только кому моя сомнительная жизнь понадобилась? Или я все же сумел разворошить чье-то осиное гнездо? И кто же там пасечник?

Подозреваемых определенно мало. Поэтому ничего не оставалось, как начинать следует с наименее приятного и наиболее похожего на роль убийцы - Макса. С ним я больше всего общался в последнее время и, пожалуй, общался довольно откровенно. Конечно, еще существует Маслов. Но о нем пока не хотелось думать. Ситуация, когда светило науки, словно разбойник с большой дороги, пытается меня сбить в лесу, была довольно сомнительной. Потому нужно поспешить к Максиму. Он, безусловно, в некотором роде тоже ученый, но почему-то в роли разбойника его вообразить я мог. Конечно, разбойника в белых перчатках. Впрочем, у него другой автомобиль, но вполне возможно он воспользовался чужой машиной. Да и неплохо бы застать его врасплох.

Мне стоило немалых усилий, чтобы добраться до дома Макса. Боль в ноге усилилась из-за падения, и я хромал еще сильнее. На мою разукрашенную рожу искоса поглядывали в автобусе, и мне ничего не оставалось, как прикинуться пьяным. Все сразу же успокоились. Вид пьяного разукрашенного мужика никого не пугал.

Я с трудом доковылял до квартиры психотерапевта и стал беспрерывно трезвонить в дверь. Никто не открывал и мои подозрения лишь усилились. И я решил подождать его этажом выше. Долго, к счастью, ждать не пришлось. Низкий, хорошо поставленный голос Макса послышался еще в лифте. Похоже, на сей раз, он добирался домой не один. Неужели с милой девушкой Тоней они промышляют разбоем на дорогах?

Дверь лифта открылась, и первым вышел Макс. Как всегда, уверенной походкой он двинулся к своей квартире, вальяжно подбрасывая связку ключей. Но когда я увидел его спутницу, подобострастно семенившую за ним, у меня в прямом смысле перехватило дыхание. Я почувствовал дрожь в ногах. Мысли путались, скакали из стороны в сторону, вверх-вниз. Мне показалось, что я сейчас начну шумно задыхаться и выдам себя.

Хотя в подъезде было не очень светло, эту фурию я бы узнал, даже если бы ослеп окончательно. Запах приторных духов навязчиво бил по носу. Это была никто иная, как моя принцесса Диана. В розовых высоких сапожках-батфортах, украшенных золотыми звездами, на шпильках, в короткой золотой юбке, прозрачной ярко красной блузке, она словно только что вышла с обложки гламурного журнала мод, который мы только вчера рассматривали с Надеждой Андреевной. Похоже, это был ее фирменный наряд, спецодежда, которую она наверняка стащила из Дома мод. Она мелкими шажками семенила за Максимом, успевая при этом его пылко обнимать и горячо целовать то в толстую шею, то в красное ухо. А он уворачивался от нее, словно от назойливой мухи. Похоже, такая навязчивость не пришлась ему по вкусу. Но Диана, как всегда, уверенная в себе, этого не замечала. Они скрылись за дверью. Я видел, как Макс пытался бесшумно прикрыть дверь, но Диана вызывающе хлопнула ею. И тут же из соседней квартиры показалась рыжая лохматая головка Тони. Она уже собиралась побежать за Максимом и даже сделала рывок в его сторону, но я громко зашипел, приложив палец к губам, и вышел из своего укрытия.

- А, привет! – она растерянно заморгала ресницами. – Ты тоже к Максиму?

- К сожалению, уже нет.

- А я, к счастью – да! – она вызывающе вздернула курносый носик.

- И ты нет, Тонечка, - я почти силой впихнул ее в квартиру и включил в прихожей свет.

Похоже, вид у меня совсем не походил на джентльменский. И Тоня даже не успела разозлиться на то, что я ее так грубо толкнул в дверь. А громко расхохоталась.

- Ты что, Виталик, теперь на дорогах промышляешь? И многих ты уже уколошил?

- Да нет, пока я только жертва. Но еще чуть-чуть и точно кого-нибудь прибую.

- Надеюсь не меня? – Тоня по-прежнему веселилась, глядя на мой потрепанный, побитый вид. – Запомни, я сильная. Макс меня многим приемчикам научил.

Тоня мигом скрылась в ванной и вскоре вышла с аптечкой. Профессионально продезинфицировала раны йодом на моем лице. А потом щеткой аккуратно почистила грязь на моей одежде. Чище она от этого не стала, но, все же, я стал выглядеть более-менее пристойно. Просто как подравшийся в пьяной драке.

Потом мы пили холодное пиво и закусывали сушеными кальмарами.

- Ты что, ко мне пришел зализывать раны? – весело спросила девушка. - Мне так нравилось, что она легко и давно, без излишних церемоний перешла на «ты».

- Ты это делаешь профессионально. Как настоящий врач. Дядя может тобой гордиться! – громогласно заявил я.

- Еще бы! Хотя такие раны способен залечить любой первоклашка. Уроки ОБЖ все проходят. А вот раны на сердце, - Тоня пафосно прижала руку к груди. – Это под силу лишь психиатру.

- Вот я и шел к Максиму.

- И почему не дошел? Я же только учусь, а он профессионал с большой буквы! Отдышись, и пойдем вместе.

- Нет, Тонечка, мы к нему не пойдем. Сегодня во всяком случае.

Мне не хотелось расстраивать девушку. Но выбора не было. Хотя она и психиатр, свои раны на сердце залечить труднее всего.

- Почему не пойдем?

Тоня вскочила с места, упрямо топнула ножкой. В красном спортивном костюме, облегаящем ее стройную фигурку, она была необычайно хороша. И напоминала капризного подростка, на двойку пробежавшего стометровку.

– Почему это не пойдем, ну же, Виталий, говорите! Почему!

Я тяжело вздохнул. Я пытался оттянуть время. Вдруг она сама о чем-нибудь догадывается? Мой расчет оказался верным.

- Та-а-ак... - протянула неожиданно грустно она, вновь усевшись на диван и, скрестив ноги по-турецки. – Так я и знала.

- Что ты знала, Тонечка?

- Ты что-то видел? Ну же, отвечай! Отвечай сейчас же! Ты ее видел! Она сейчас у Макса! Да?!

- Увы, - я развел руками.

Тоня вновь вскочила с дивана и большими шагами стала быстро измерять комнату.

- И ты считаешь, я не должна пойти туда? Да? Ты считаешь, я должна выглядеть полной идиоткой, да? У меня за спиной, вернее за стеной, неизвестно что происходит! Меня водят за нос, как круглую дуру. А я должна молчать, да?

- Пока да, Тонечка, пока да.

И она неожиданно расплакалась. Я усадил ее на диван и прикрыл мягким желтым пледом. Я не умел утешать влюбленных девушек. У меня не было опыта. Алька сама когда-то отказалась от моего утешения. А Диана в утешении не нуждалась. Ее в любой момент мог утешить кто угодно. К тому же я не был

психиатром. Поэтому мне ничего не оставалось, как налить полный бокал пива и протянуть девушке.

Она с какой-то жадностью, словно пытаюсь заглушить боль, залпом его выпила.

- Мне так тяжело теперь не идти туда. Ведь мне бы легче стало, если бы я устроила скандал.

- Да, Тонечка, легче, но лишь на время. И потом, давай разберемся здраво, ты же умная девушка. Ты сама говорила, что у вас с Максом вполне удобная любовь.

- Мало ли что я говорила.

- Хорошо, пусть. И все же, мне кажется, если ты любишь, этим скандалом его лишь оттолкнешь. Поэтому, идти туда не стоит. А если тебе всего лишь кажется, что любишь, тем более затаись на время. И просто разберись в своих чувствах.

В глазах девушки вновь вспыхнули задорные огоньки.

- Господи, какой бы из тебя дрянной психиатр получился! Такие банальные вещи болтаешь.

- Может, и банальные. Но иногда мне кажется, что банальности нас успокаивают больше всего. Вот видишь, уже и ты улыбаешься. И даже ямочки на щеках показались.

- Ты уйдешь, и я все равно буду реветь, - Тоня упрямо, по-детски надула губы.

- Потому что так положено, Тонечка? Реветь из-за любви?

- Из-за неразделенной любви, - уточнила она.

- А кто тебе это сказал?

- А то я сама не замечаю! У него другая!

- А ты видела эту, другую?

- Это ты видел. А я просто знаю. Если хочешь знать, чувствую. Запах другой любви чувствую на расстоянии, как собака. И вообще, Макс совсем стал другим.

- Он всегда был другим, Тонечка, просто ты не замечала. И придумала себе замечательного Макса. Он далеко не замечательный, и это мягко сказано.

- Любят, Виталий не обязательно замечательных, - по-взрослому вздохнула девушка и по-взрослому опрокинула еще один бокал пива. – Любят очень разных. Хотя не знаю, есть ли у тебя опыт в любви.

- В моем возрасте у меня любой опыт. Но причем тут любовь и Макс? Это тоже самое, как самопожертвование и Макс. Как спорт и Макс. Он лишь себя любит в спорте, и в любви любит лишь себя. И, если жертвует, то лишь собой для себя. Это так мало. Поэтому, моя хорошая, можешь успокоиться. С кем бы он ни был, на любовь он не способен. Так что соперниц у тебя просто не может быть. И, скажу правду, ты тоже ни для кого не можешь быть соперницей. Вам соперницей может быть лишь Макс. И ревновать вы можете только его к нему же самому.

В глазах девушки зажглись любопытные искорки. И мне показалось, она впервые на меня посмотрела другими глазами.

- Это уже ближе к психологии. Мне, пожалуй, следует записать - для курсовой. Ты не прочь, если я украду парочку твоих мыслей? Или это уроки не очень замечательного Макса сказываются? Не за этим ли ты к нему так часто повадилась в гости? И, что любопытно, всегда без приглашения. Словно это ты, а не я, жаждешь его застукать в неприглядном виде.

- Может и хочу. Но уроков он мне не преподает. А вот ему следует преподавать, хотя бы один. Слишком шикарно живет. И девушки две, а у меня ни одной. И работы две, а я безработный. И машины две, а я все пешком.

- Ну, на счет девушек и работ, это ты прав. Кстати, у него еще две дачи, это я так, на всякий случай, для сведения. Но вот чего врать не буду, машина пока одна. Или он вновь от меня скрыл?

Я пожал плечами, приблизился к окну, открыл форточку и закурил. И не оборачиваясь, так, между прочим, словно меня не касается, мимоходом заметил:

- А разве серебристый форд не его?

Для убедительности своего безразличия я высунулся в форточку и выдохнул дым прямо на улицу, под морозящий дождь. Сквозь шумы и истерики улицы до меня донеслось лишь последнее слово Тони.

- ... мой.

Я с треском захлопнул фрамугу и резко обернулся. Пожалуй, вид у меня был грозный, и Тоня в испуге поставила на место бокал.

- Что - мой?

- Мой бокал! – вызывающе встряхнула она челкой и демонстративно вновь поднесла полный бокал к губам.

- Я не претендую на твой бокал, Тонечка, - я говорил торопливо, словно боялся, что она передумает и ничего мне не скажет. – Что ты говорила до этого, когда я высунулся в окно.

Она наморщила лобик и тут же по нему себя стукнула.

- Ах, да! Серебряный форд! Он же мой! И Макс тут вообще ни при чем! Только... Погоди... Но ты откуда знаешь, что у меня есть машина? Нет, не то! Почему ты решил, что это форд Макса? – ее голос тревожно зазвенел в тишине. – Ты что... Ты видел, как он и эта... Да еще на моей машине? Глупость какая-то! У него прекрасный автомобиль, не то, что моя развалюха. Нет, этого не может быть!

- Но возможно, его просто испортился?

- Ничего не испортился! Макс сегодня сам меня подвозил на своем бентли в больницу, на практику.

- Но ключи от твоей машины были у Макса?

- Еще бы! И от машины, и от гаража, и от квартиры. Я сама их отдала. Потому что все теряю. А Макс ничего никогда не теряет. И мне так было спокойнее. Чтобы дубликаты хранились у него. У него все надежно, как в швейцарском банке.

- Надеюсь, деньги ты у него не хранишь?

- Если бы они были, точно бы хранила. И не пожалела бы об этом, можешь быть уверен! А тебя что, интересуют мои деньги?

- В данном случае, Тонечка меня интересует твоя машина. Ты давно на ней ездила?

- Тысячу лет не пользовалась. Я боюсь машин. Вид улиц вводит меня в ступор. Я вообще не понимаю, как они не врезаются друг в друга. Если бы я имела такую дурную привычку - ездить, точно бы врезалась. А зачем мне это нужно? Самолетов я боюсь меньше. Там нет шанса выжить. Конец – и все. А здесь? Не хватало еще жить покалеченной. Нет уж, это не для меня.

- Замечательная логика! Ну что, твоя логика не подсказывает, что стоит проехать в гараж? Вдруг кто-нибудь все же воспользовался твоей машиной?

Тоня пожалала плечами.

- Этот кто-нибудь, конечно, Макс? Но зачем ему это нужно? Я не понимаю.

- Может, на месте разберемся?

Мы выскользнули из квартиры. Я старался остаться незамеченным, не хватало, чтобы Макс нас двоих застучал. Но Тоня не выдержала, подбежала к двери Макса и приложила ушко к замочной скважине. Словно за стальной пуленепробиваемой дверью можно было услышать музыку, звон бокалов и томные вздохи. Как я и полагал, она ничего не услышала, и лишь показала стальной двери язык. Похоже, девушка и впрямь мало расстраивалась по поводу расставания с Максом. Иногда мне казалось, что эта ситуация ее даже забавляла.

Я быстро впихнул Тоню в лифт, потом так же быстро в автобус, и чуть позже не менее быстро в вагон метро. Таким образом, мы добрались до гаража. Он

находился далеко от района, где жила девушка. И я никак не мог взять в толк, зачем ей вообще нужна машина. Мало того, до гаража надо добираться часа два. К тому же Тоня вообще предпочитает обходиться без автомобилей. Может это своеобразное вложение денег?

Когда же я увидел серебристый форд, знак вопроса стал в два раза жирнее. Это, действительно, была еще та развалюха. С таким же успехом можно было вкладывать деньги в коллекцию сгоревших спичек.

Зато ответ на другой свой вопрос я нашел мгновенно. Машина вся была заляпана грязью, причем свежей, и даже капли дождя на лобовом стекле еще не успели высохнуть. Хорошо, что еще моей крови на ней так и не оказалось.

- Ну и что ты скажешь, на это, Тонечка, - я провел пальцем по капоту и показал грязную руку девушке.

Она в ответ громко фыркнула.

- Ничего не понимаю. Дурак он, что ли? А, может, у него днем машина испортилась? Или вдруг он ее разбил, конечно, тьфу-тьфу-тьфу, - она проворно плюнула через плечо. - А впрочем, ему поделом! Но... Но знаешь, Виталик, все равно это на Макса не похоже. Ну не тот он человек! Можно называть его тысячу раз подлецом, но именно из-за подлости, если хочешь, хитрости, он не станет везти себя так неосторожно, глупо, что ли. Понимаешь, он далеко не импульсивен. А это поступок темпераментного человека. Или отчаявшегося. Но причем тут Макс? Он холоден, как рыба. Даже, если в редкие мгновенья он и совершает вызывающие поступки, то обязательно при этом наденет белые перчатки, чтобы не испачкаться. Ты меня понимаешь?

- Ты хорошо заметила - или отчаявшегося.

Я наморщил лоб, полностью погрузившись в свои мысли. Ну, конечно, отчаявшегося. В каком-то месте я, словно черная кошка, перебежал Максиму дорогу, и он теперь не может мне этого простить. Или просто боится. Он хотел убрать меня с этой дороги. В конце концов, кто я такой? Журналист с Дальнего Востока, без определенной работы и определенного места жительства. Вряд ли кто в Москве особенно заинтересуется моей сомнительной персоной. Им и своих бродяг хватает.

Тоня права. Макс отчаялся, и только поэтому наделал сегодня массу глупостей. И только поэтому забыл сегодня белые перчатки.

- Конечно, конечно, Тонечка, - машинально пробормотал я. - Ты умница. Конечно отчаявшегося.

- Ну, не знаю, странный ты какой-то. Разве отчаявшийся человек заведет себе новую любовницу на глазах у прежней?

- И в этом ты права. Зачем она ему? - она-то каким боком к нему приклеилась. И не она ли была рядом с ним в машине. И не они ли тоже желала мне смерти? Но зачем?

- Зачем? Об этом, Тонечка, стоит подумать. Единственное прошу, умоляю, могу стать на колени, девочка!

И я уже приготовился бухнуться перед ней на колени, забыв про свою искалеченную ногу. Вообще, похоже, у меня поднималась температура. Глаза слезились. Тело бросало в жар.

- Перестань! - Тоня легонько ударила меня по щеке. Но этого тихого, почти нежного удара мне хватило, чтобы я очнулся. - Ой, у тебя, похоже, начинается жар.

- Ничего, ничего, это пройдет, - я облизал пересохшие губы. - И все же, Тоня я заклинаю - никому, никому не рассказывать о сегодняшнем! Ты слышишь?

Абсолютно никому, и особенно Максиму! - уже громко, почти приказывая произнес я. - Ну же - повтори и поклянись!

- Клянусь! - торжественно произнесла Тоня. - Никому, никогда и ни за что! Особенно Максиму! Даже если будут пытаться!

Глаза Тони откровенно смеялись. И на щеках играли ямочки.

- Я тебя очень прошу, девочка.

- Можешь не просить, я все поняла. Но все же у тебя температура.

Тоня вновь приложила ладонь к моему лбу. Ее ладонь на моем пылающем лбу лежала удивительно холодно, словно мороженое. И мне полегчало. Впервые полегчало от женского прикосновения, от которого отдавало холодом.

Тоня настояла, чтобы отвезти меня на своей развалюхе домой. У меня не было сил сопротивляться. Мы мчались по ночному городу, и я про себя отметил, что Тоня себя недооценивает. Она – прекрасный водитель. Уже на середине дороги Тоня взяла тоже с меня слово, что я вскоре все ей расскажу. Иначе она доложит все Максусу.

-А вот это уже шантаж, девочка.

- Зато честный шантаж порядочного человека! А это не часто случается!

- А ведь тебе нельзя доверять, порядочный человек!

- Это еще почему?

- А вдруг не позднее сегодняшней ночи у вас с Максом вновь вспыхнет огромная страстная любовь! Вы вновь станете необычайно близки! – я откровенно подшучивал над девушкой. - И этой же звездной, летней ночью под обжигающими поцелуями ты откроешь ему нашу тайну.

- Если бы ты не имел такой несчастный, убогий вид, Виталик, я бы тебе хорошенько врезала. А так жалко... И ссадины на лице. Здорово тебя отдубасили? И температура. Наверное одежка прохудилась от старости? Нет, пожалуй, не буду. Лежачих не бьют. Да, и еще, для сведения. Мы с Максом долгое время были близки, это факт! Но ни разу не делились друг с другом тайнами. Или, как ты любишь выражаться, ни разу не открыли друг другу свое сердце, вот так!

- И для кого ты его бережешь? – я легонько прикоснулся к груди девушки, где по моим понятиям должно находится ее сердечко.

- Уж точно не для таких старичков, как вы, - резко отвела она мою руку. – У одного вообще уже чужое сердце. А у второго (она бесцеремонно ткнула в меня пальцем) уже наверняка и печень чужая, и селезенка. Вот-вот рассыпится. Приберегу для того, кто помоложе. И поновее. Выходи!

Да, похоже, температура в машине накалилась до предела. Ах да, это всего лишь температурил я. Пора и впрямь было выбираться. Мы уже были у моего дома.

- Ладно, шантажистка, я скоро все тебе доложу, - буркнул я на прощанье. – Спасибо не говорю, потому что хоть стар, но невоспитан. И мне не понравился твой монолог. Из тебя не выйдет артистки.

- А из тебя не выйдет сыщик, – Тоня показала мне язык на прощанье и укатила.

Мне вдруг показалось, что мы простились как влюбленные. Я уже давно ни с кем так не прощался. Я смотрел вслед удаляющемуся серебристому форду, который меня сегодня чуть не убил. И в котором я сегодня почувствовал новое рождение. Но чего? Или мне только казалось?

Уже было довольно поздно, когда я вернулся домой. Я осторожно открыл дверь ключом и, не включая свет, на цыпочках пробрался в свою комнату. Я не хотел тревожить Надежду Андреевну. А, возможно, просто не хотел с ней встречаться. Я боялся ее внезапной любви и еще не придумал нужные слова, которые помогли бы эту любовь безболезненно отвергнуть.

Впрочем, я был уверен на все сто, что незамеченным мне не быть. Надежда Андреевна не спала допоздна и, как правило, всегда дожидалась моего возвращения. И я был внутренне готов, что она сразу же постучится в мою дверь. Я

уже успел переодеться и даже некоторое время с закрытыми глазами посидеть на диване. Но стука в дверь так и не последовало. Это меня не на шутку встревожило. И я решился зайти в ее комнату.

Комната была пуста. Смирновой не было дома. Таких поздних отсутствий ранее не было никогда. Неужели что-то случилось?

Голова раскалывалась на части. Пожалуй, я и впрямь заболел. Температура не спадала. Пульс участился от неподдельной тревоги. Вдруг она после меня решила заехать на дачу? И вдруг серебристый форд заметил ее? В моем воображении эта машина выглядела, по меньшей мере, убийцей.

Я растворил аспирин и залпом выпил. Черт побери! Если она не появилась этой ночью, куда мне обращаться? И кем мне представиться, чтобы вообще обращаться?

Мне стало страшно, но температура как ни парадоксально меня спасла. Обессиленный, я упал на свой диван и погрузился в тревожный, неглубокий сон. Хлопок двери прозвучал словно выстрел. И я вскочил на ноги. На будильнике было три часа ночи. Ничего себе!

- Это я! Не пугайтесь! – из прихожей раздался веселый звонкий голос Смирновой.

Мне хотелось притвориться спящим, но я решил, что все же неплохо бы выяснить куда она так надолго запропастилась.

Я распахнул дверь. И от удивления вздрогнул. И вытаращил глаза. Мне показалось, что в прихожей - Диана. Или ее призрак. Но я глубоко ошибся: призраки в подобном случае послужили бы мне утешением. Передо мной во всей своей неотразимости стояла Смирнова. В розовых сапогах с золотыми звездами и в короткой золотистой юбке, ярко накрашенная, она никак все же не походила на Диану. Только нарядом. Только образом, который она беспощадно содрала у моей бывшей подружки. И меня осенило.

- Надежда Андреевна, - пролепетал я дрожащим голосом, - это невероятно, повернитесь-ка!

Она гордо повернулась ко мне спиной. Ну, безусловно! Это она! Это ее я сегодня принял за Диану на лестничной клетке у квартиры Макса. И это она провела у него полночи. Просто невероятно! Я много видел в жизни метаморфоз, но эта превзошла все.

- Вам нравится? – Смирнова расхохоталась, от нее довольно сильно разлило вином.

Мне не просто не нравилось. Меня шокировал этот вид. И все же я успел подумать, что, возможно, ее внешности подходит именно такой наряд. Чтобы выглядеть ярче. И, возможно, Макс мог понравиться такой стиль. Но зачем, зачем в таком случае он спутался с девчонкой в спортивном костюме. Она явно была ему не по вкусу.

- Нет, Виталий, вы не ответили, вам нравится?

Мне пришлось силой выдавить из себя: угу. И невольно улыбнулся. Самоуверенный болван! Я решил, что она могла в меня влюбиться, как в подобие своего мужа. Похоже на сегодняшний день она готова влюбиться хоть в черта, только не в подобие ученого Смирнова. Она и впрямь решила коренным образом перевернуть свою судьбу. И полностью отречься от прежней. Всю свою жизнь она создавал дом-музей ученого Смирнова. Как ревнивая хранительница, стирала пыль с его книг, подбирала простенькую мебель, хранила допотопный проигрыватель. В общем лепила образ мужа таким, каким себе представляла. И, наконец, после его смерти решила закрыть музей. Или передать его в чужие руки, вернее, в руки врага.

Мне стало до боли обидно за Смирнова. Он ошибся не только в своем научном исследовании, в своей жизни и в своей смерти. Пожалуй, провал этого он в некоторой степени допускал. Но он не мог допустить и мысли, что первой его предаст его же жена. Смирнов от кого угодно мог бы терпеть на своем месте, но только не свою полную противоположность - Макса.

Было три часа ночи, и мне так хотелось послать все к черту, и этот дом и эту женщину, отдаленно напоминающую Диану. Но именно сейчас я мог узнать об алиби Макса. Впрочем, Надежда Андреевна от переполнявшей ее любви тоже не хотела спать. Она даже не хотела переодеваться. Она настолько прикипела к своему наряду, настолько дорожила им, что боялась расстаться и на минуту. Вдруг утром сказка о золушке закончиться, и у нее не хватит смелости или желания все повторить.

Смирнова достала дорогие сигареты и глубоко затянулась. Она раньше никогда не курила.

- Вы совсем другая, Надежда Ан...

- Наконец-то я смогу быть совсем другой, - облегченно вздохнула она. – Знаете, а это не так уж и плохо, вдруг, в один день все поменять! И вам, кстати советую. Ну как вы одеты! И эти очки, не обязательно к ним привыкать! А ведь вы еще молоды, Виталий. И вдруг превратили себя чуть ли не в старика. Прямо как мой Смирнов!

Это она нас превратила, мрачно подумал я, но вовремя промолчал.

- Впрочем, я дам вам один дельный совет! Влюбиться! Это так просто, влюбиться и все!

- Вы влюблены? – осторожно спросил я.

- Да, очень, очень, очень влюблена! Если бы у нас не были такие тонкие стены, я бы запела во все горло! Но боюсь разбудить соседей. Они бы меня не правильно поняли. И вы, наверное, не правильно понимаете? Я угадала? Ну, конечно, вы такой правильный, как мой Юра. Такой рассудительный. Наверняка осуждаете, как я могла, так быстро. А вот могла! И мне все равно, что вы теперь думаете! – она вызывающе встряхнула головой и пристально на меня посмотрела.

- Я ничего не думаю, Надежда Ан... Ничего. И никого не осуждаю. Кто угодно, только не я. Более того, я рад за вас. Жить и впрямь нужно в любой ситуации. Просто... Просто, позвольте нескромный вопрос. Он вас достоин?

Мне так хотелось, чтобы она назвала его по имени, мне бы легче было вести разговор. Но она не назвала. Она вскочила с места и чуть ли не закружилась по комнате.

- Это я его не достойна! Поэтому... Я должна, вы поймите, должна ему соответствовать! Хоть вы и не одобряли этот наряд! Но я-то все знаю, все высчитала! Я знала, что могу ему понравиться только такой! Только!

- Вы бы мне такой не понравились, - зачем-то ляпнул я.

- Я бы вам никакой не понравилась, - неожиданно просто ответила она. – А ему... Вот я с утра и пошла к стилисту, прихватив журналы. И меня создали по образу и подобию этой девушки с обложки. И я не жалею! Сразу видно, она настоящая красавица! От которой все сходят с ума!

Да, Диана могла свести с ума. Это точно. Рядом с ней я уже был на грани помешательства. От ее тупости и продажности... Впрочем, меня интересовало лишь одно - алиби Макса. Но мне даже не пришлось прибегать к каким-либо уловкам. Все оказалось проще. Влюбленному человеку всегда непременно нужно рассказывать о своей любви.

- А потом... Виталий... Потом мы катались на машине по городу. Вы удивитесь, но сегодня я словно впервые увидела наш город. Он совсем другой, чем я о нем думала! Живя с Юрой, я думала, что он состоит исключительно из людей,

которым нужна психологическая помощь. Иногда казалось – из одних психов. А сегодня... Я вдруг увидела деревья, цветы, дворцы, звезды. И среди них никто, вы поверите, никто из них в психологической помощи не нуждается!

Похоже, на сегодняшний день, больше всех в ней нуждалась Смирнова. Но мужа, увы, рядом не было. И никто ей помочь не мог.

- А на дачу вы не заезжали? – спросил я в упор.

Она искренне удивилась нелепости моего вопроса.

- На дачу? При чем тут дача? Там такие дороги. А у моего друга... Он бы не позволил так издеваться над своим автомобилем. Он на нем помешан. Да и зачем? Она же еще не достроена. Это ни к чему. Мы прекрасно провели время в ресторане.

- А потом? – машинально ляпнул я.

- А потом вас не касается, - она улыбнулась ярко накрашенным ртом.

Я заметил на ее неровных зубах следы от помады. И почему-то именно этот маленький, незначительный, возможно случайный штрих позволил меня убедиться в одном. Макс не могла понравиться Смирнова. Это исключено. Чтобы она из себя не сооружала, какие бы короткие юбки и длинные шпильки не придумывала. Это однозначно исключено. Макс мог влюбиться, насколько вообще был на это способен, только в Диану. Или в такую как Диана. Но при чем тут Надежда Андреевна? И зачем это ему понадобилось? В любом случае ответа не было. А Смирнова бы обиделась подобному вопросу.

Впрочем, возможно, мне это знать и не нужно. У Макса было железное алиби. И покушаться на мою жизнь он не мог. Значит? Случайность? Подвыпившие подростки? Да и мало ли на свете серебристых машин? Если такая был у ухажера медсестры Женьки, у Тони, то почему бы просто какой-нибудь ненормальный сегодня вечером не решил столкнуть меня с дороги только потому, что ему не понравились мои штаны и рубаха?.. Нет, в это я верил с трудом. Пожалуй, придется еще раз встретиться с Тоней. Неожиданно от этой мысли мне стало тепло, хотя температура давно спала.

Так, пора спать. Ночью время летит быстро, тем более я торопил время. Мне вдруг очень захотелось увидеть Тоню. Подобное, пожалуй, я испытывал очень-очень давно. Нет, не с Дианой... В комнате запахло мандаринами. И я подумал, что это вновь наваждение. Но я ошибся.

- Угощайтесь.

Надежда Андреевна протянула мне уже очищенный мандарин. Похоже забрала из ресторана. И неожиданно для себя впервые за долгое время я не отказался. Неужели Алька простила меня? Или готова простить?

Следующим же утром, наспех позавтракав и просмотрев рекламную газету, подброшенную стариком и собакой, я тут же созвонился с Тоней. И мы договорились встретиться после ее практики. Я уточнил адрес. Она назвала мне адрес центра Маслова. Я тупо уставился на трубку. Ну, конечно, где еще она могла практиковаться! И почему я так удивлен.

Поначалу я решил отказаться. Лишний раз встречаться с Масловым не хотелось. К тому же я мог нос к носу столкнуться и с Зоей. А я помнил, что она хочет замуж. И зачем лишний раз давать ей надежду. Но все же решил рискнуть. Интуиция подсказывала, что никого я не встречу, зато завести разговор с Тоней в нужное русло будет там проще.

Для свидания с Тоней я даже вытащил на свет божий свой английский костюм, оставшийся у меня из прошлой и как мне казалось уже не моей жизни. Уже почистил его и собирался одеть, как неожиданно передумал. Словно в этом костюме мог бы вернуться в прошлое, от которого навсегда отказался. И на которое у меня было очень мало прав. И даже если они были, то по-прежнему угнетали, подавляли и

напоминали о том, кто я на самом деле. Словно вместе с этим костюмом я мог бы поддаться новому чувству... И меня вдруг охватил страх. Что мой прежний образ, как и этот костюм, способен только на разрушение. Меня вдруг охватил ужас, что если я вновь превращусь в известного хоккеиста Талика Белых. Этакого любимчика судьбы и сомнительных женщин. Что я вновь непременно кого-нибудь уничтожу, разрушу чью-либо невинную душу или загублю чью-либо судьбу.

Борясь с искушением, я с отвращением швырнул костюм в угол. И наспех пригладив волосы, нацепив очки, пожеванные штаны и выцветшую тенниску я вышел на улицу, опираясь на палочку. Такого милая рыжеволосая Тоня, так напоминающая Альку, полюбить не могла. А значит и у меня не могло возникнуть сильного чувства. Хотя запах мандарин меня уже не отпугивал. Со вчерашнего дня я вновь стал к ним относиться как к фруктам. И не более. А для фиксации этого факта я даже купил килограмм за углом. И направился на свидание... На деловое свидание с Тоней.

Я подждал ее, как мы и договорились недалеко от проходной. И заметил ее сразу. Она легко сбегала по лестнице, на ходу складывая белый халат в сумку. В узких джинсах, клетчатой рубашке, со взлохмаченной рыжей стижкой она напоминала подростка-сорванца. И у меня невольно защемило сердце. И когда она подбежала ко мне, я от неловкости сунул ей пакет с мандаринами в руки.

- Это вам, - буркнул невнятно я.

- Ой, а что это, - ее любопытный остренький носик влез в пакет. – Мандарины! Как здорово! Теперь на свидание вместо цветов принято носить мандарины? Ой, нет, вы, наверное, Виталик, ошиблись. Подумали, что я больная, а я к вашему сведению сама лечу больных. Вернее, учусь лечить. Ну, не обижайтесь, я, если честно, обожаю мандарины! Они мне детство напоминают. Вы знаете, в детстве я хотела быть продавщицей мандаринов. Верите? Я представляла, как стою на морозе, в шапке ушанке, в ватнике, похлопываю ладошками в толстых варежках и кричу на всю улицу: «Самые лучшие в мире мандарины!»

Я невольно надавил на пульсирующие виски. Но Тоня неправильно расценила мой трагичный жест.

- Ах, вы мне не верите? Но это чистая правда! Меня в детский сад на санках часто провозили мимо одной хорошенькой рыженькой продавщицы мандаринов, и я так ей завидовала! И ночами мечтала, что непременно стану на нее похожей. И буду, как и она, торговать мандаринами на морозе. Меня вся семья отговаривала от этой глупой затеи. Все вдруг на полном серьезе принялись доказывать, что продавщицы – все поголовно пьяницы и обманщицы. Но я им так и не поверила. Мне нравилась та девушка, от нее всегда пахло мандаринами.

Тоня вытащила оранжевый фрукт из пакета и шумно вдохнула его запах. У меня закружилась голова. И я покачнулся.

- А где ты тогда жила, Тоня? – охрипшим от волнения голосом спросил я.

Она назвала мне совершенно противоположную ветку метро. Алька не могла там торговать мандаринами. Значит, другая девушка. Значит, на каждой улице есть такая милая конопатая девушка из нашего детства и юности. И все же я мало в это верил. Алька для меня навсегда останется единственной. И даже Тоня не смогла бы ее заменить. Потому что мечта Тони о мандаринах останется лишь мечтой. Она, как и я не способна была торговать на зимней улице фруктами.

Мне стало больно и тоскливо. И я уже другими глазами посмотрел на Тоню. И сразу же вспомнил, зачем мы встретились. У меня был сугубо деловой вопрос и не более. На который нужно тотчас получить ответ и поскорее распрощаться.

- Да, Тоня, что я хотел у тебя спросить. Только ответь честно. Твой дядя... У него могли быть ключи от твоей машины и гаража?

- Нет, конечно! Зачем? У него самого прекрасный гараж и машина.

Я почему-то с облегчением вздохнул. Слава Богу! Мне так не хотелось разрушать образ выдающегося ученого (Макса за ученого я по-прежнему не считал). А Маслов. Это совсем другое. К тому же он близкий родственник милой Тони.

- Странный ты задал вопрос! – Тоня пожала плечами. – Зачем ему мои ключи от гаража и машины? Если он сам мне подарил и то, и другое.

Я так радовался устоявшему образу великого ученого, что до меня не сразу дошел смысл этой фразы. А когда я понял, то резко остановился. Пожалуй, мой вид был не совсем адекватным, и хотя Тоня привыкла иметь дело с неуравновешенными пациентами, меня, пожалуй, даже испугалась.

- Что ты сказала?!

Девушка машинально отпрянула.

- Что с вами, Виталик? Что такого я сказала? И что тут такого? Почему родной дядя не может подарить любимой племяннице машину и гараж? Тем более не новые.

- А Макса, Макса в придачу он тоже вам подарил? В нагрузку?

Тоня со злостью топнула ножкой.

- А вот это уже хамство! И я не желаю больше отвечать на ваши дурацкие вопросы!

Я перевел дух, словно пробежал несколько километров. Я действительно вел себя как хам.

- Извини, Тонечка.

Щечки девушки пылали, губы были обиженно надуты, в зеленых глазах сверкали злобные огоньки. Казалось, она подбирала самые гневные слова. Извинять она меня не собиралась. Слово в подтверждение этого из-за угла вылетел шикарный черный мерседес, и, стремглав пролетев мимо нас, окатил меня вчерашней грязью. И девушка неожиданно расхохоталась.

- Вот видите, за меня отомстили! – она радостно захлопала в ладоши.

Я стал отряхивать грязь. Похоже, это становилось уже традицией.

- Вот гад! – огрызнулся я. – Слово подгадал, чтобы именно меня окатить помоями.

- Этот гад, к вашему сведению, мой дядя.

Я удивленно взметнул брови.

- Да, да, похоже, вы ему с первого взгляда не понравились. Он даже не остановился, хотя всегда любезно подвозит меня домой.

- Он весьма любезен, ваш дядя. Кстати, вы не припомните, когда именно он подарил вам машину? Не в период, когда зачастил к психиатру, избавляясь от несчастной любви?

- Да ну вас! Не собираюсь ничего припоминать! Слово на допросе! И вообще – мне пора.

Девушка собралась уходить, но я удержал ее за локоть.

- погоди, Тонечка. Тысячу раз извиняюсь! Глупо как-то получилось, – я оглядел себя с ног до головы. По всей логике меня должно было стошнить от своего вида, но почему то наперекор логике, я был им доволен. Это был в некотором роде вызов – и Макс, и Маслову, и Тонечке, и даже Надежде Андреевн., И, безусловно самому себе. – Тоня, я даже не знаю, куда вас пригласить.

- Да уж, в таком-то виде! – глазки девушки вновь задорно и вызывающе сверкали. – Меньше всего вы похожи на кавалера, поэтому с вами теперь в любое место безопасно идти, даже в отель! Скомпрометировать вы меня точно не сможете.

- В отель, пожалуй, я вас не поведу, а вот покататься на парохоме, пожалуй, можно и в таком виде. Посмотрите, какой замечательный день! Слово создан для речных прогулок.

Девушка огляделась, словно хотела надолго запомнить этот замечательный день. Но, как и я, увидела лишь мрачные каменные стены больницы, пациентов в голубых пижамах и в окружении взволнованных родственников, врачей, суетливо перебегающих из одного корпуса в другой.

- Не туда, Тонечка, смотрите.

Я осторожно поднял ее подбородок вверх, к небу. На чистом, светлом небе весело болталось солнышко. А в желтых лучах радостно галдели птицы.

- А вы правы, Виталик, пароход сейчас был бы очень и очень кстати. Там нет больных. А если и есть, то говорить там об этом не принято. А о чем там принято говорить? – совсем по-детски спросила она.

Мне хотелось ответить, что кстати была бы беседа о дяде, о его странной любви, о его тайне. Но я мудро промолчал. И лишь легонечко потрепал Тоню по зардевшейся щечки.

- А вот мы и посмотрим. Я никогда не катался на пароход.

Я почти не солгал. Здесь я не катался никогда. Разве что в Венеции на гондоле.

Пароход, действительно, пришелся кстати. Маленький, беленький в обрамлении рыжих солнечных кругов он удивительно гармонировал с рыжеволосой Тонечкой. Или она гармонировала с ним.

Мы стояли на палубе, легкий ветерок трепал волосы девушки, путался в них, забавлялся с ними. Я не выдержал и вслед за ветерком, прикоснулся к рыжему локону. Она вздрогнула и обернулась. Я одернул руку. Мне стало неловко. К тому же это прикосновение было абсолютно ни к чему. И я в очередной раз поблагодарил судьбу за свой нынешний облик Смирнова. Нелепого, слегка неряшливого ботаника. Тоня меня не могла полюбить, я не мог полюбить Тоню, потому что меньше всего я сегодняшней напоминал Ромео. Эх, если бы пару лет назад...

- Просто в ваших волосах застрял ветер, - оправдывался я как мог.

- Пусть, - великодушно позволила она мне оправдаться. – Вам, кстати, тоже не мешает проветрить голову.

- Тем более это сделать очень легко, - я легонько погладил свою лысину на макушке. – А сейчас будет еще легче.

Я вспомнил, что Тонечка не прочь выпить пива в жаркий день и через несколько минут протягивал ей бутылку темного «Гиннеса».

Мимо нас медленно проплывали церкви, полуразрушенные дома, голубятни. Черный дым пытящих заводов оттенял синеву неба, которое из-за этого в некоторых местах покрывалось серыми пятнами. Однако быстро туда проникали солнечные лучи, и небо уже серебрилось... Мне давно не было так хорошо. И не потому что влюбился. На любовь я уже был не способен. Всю свою жизнь, все свои чувства я аккуратно спрятал в камеру хранения. И потерял от нее ключи. И давно не пытался их отыскать. Какое-то другое, незнакомое чувство радости, умиротворения, возможно вселенной гармонии охватило меня целиком, поглотило до головокружения, до пульсирующих висков, до слабости в ногах. Пожалуй, подобное я испытывал, когда целовал Альку. Или когда забивал шайбу в ворота. Или когда возвращался к маме домой после очередной победы.

Удивительно. Я внимательно, довольно откровенно разглядывал девушку. Ее лохматую рыжую стрижку, ее веснушки на румяных щечках, ее хрупкую мальчишечью фигуру. Странно. Рядом с ней я чувствовал пьянящее чувство победы, как на ледовой площадке. Пьянящее чувство любви, словно с Алькой. Хотя эту девушку, глотающую пиво прямо из горлышка, я не любил и не хотел любить. Не победил и не хотел побеждать. Но она была для меня олицетворением гармонии и умиротворения. Памятником победы и любви. К которому непременно хотелось

возложить цветы... И я беспомощно огляделся. Цветов на пароходе не продавали, только пиво и соленые орешки. Городские цветы разноцветными пятнышками виднелись на пригорках, складываясь в слова «победа» и «любовь». Но до них мне было не дотянуться. Поэтому ничего не оставалось, как еще принести девушке пиво.

- Вы сегодня все время молчите.

- Я не молчу. Я думаю.

- В таком случае, думайте вслух. Или это стыдно?

- Разве стыдно думать о любви?

- Не знаю, - Тонечка пожала остренькими плечиками. – Все думают, что стыдно, хотя все думают.

- Ты тоже, Тонечка?

- Я? Не знаю. Пожалуй, мне не о чем думать. Потому что я еще не любила.

Я вопросительно взметнул бровями. И Тонечка ответила залившимся звонким смехам.

- Только, пожалуйста, не вспоминайте вновь Макса. Макс и любовь – просто несовместимые понятия. Это даже какой-то нонсенс. Какое-то отклонение от нормы. Скорее из области психоаналитики. Но вы в этом не разбираетесь. Впрочем, как, наверное, не разбираетесь и в любви. Но, честное слово, я вас не хотела обидеть.

- Увы, - я развел руками. – Вы правы, почти как всегда. Ни в психоаналитике, ни в любви я не разбираюсь.

Как ни странно, я действительно почти не лгал. Пожалуй, лучше всего в этой жизни я научился разбираться в смерти, как это ни прискорбно.

– Но, знаете, Тонечка, приятно думать, что на свете есть люди, которые знали любовь.

- Наверное, есть, - Тоня пожала острыми плечиками и сделала большой глоток пива. – Но я их не знаю.

- Даже так, – разочарованно протянул я. Мне нужно во что бы то ни стало выудить информацию о профессоре Маслове, о его неудачной любви. Хотя я и не знал для чего. – А я думал, что все-таки вы знакомы хоть с одним человеком, который любил.

- И кого вы имеете в виду? – Тонечка нахмурила светлые брови. – И, пожалуйста, не темните и не делайте из меня дурочку. Думаете я не понимаю, что вы все вынюхиваете! Погодите... Ну, безусловно! Макс уже вам не интересен! И теперь вы взялись за моего бедного дядю!

- Насколько я знаю, не такой уж он и бедный, - буркнул я. – Разве только в любви.

- И тут не угадали! Он свою семью обожает! Я вообще редко встречала таких преданных своей семье людей. Пожалуй, только моего дядю.

- И тем не менее пару лет назад он посещал психиатра. Несмотря на всю преданность семье. И, по вашим словам, именно из-за неудачной любви.

- Не ваше дело, - огрызнулась девушка.

- Если бы это было не мое дело... Только бы оно было не мое... Знаете, сколько бы я за это отдал. Пожалуй, я этого сам не знаю. Но, Тонечка, нужно признать данный факт. Вы умненькая девушка, и наверняка догадались, что спрашиваю я не из праздного любопытства и не из желания посплетничать.

- А почему? – Тоня обернулась ко мне и придвинулась ко мне так близко, что я легко мог пересчитать ее веснушки. Раз, два, три... - Почему?

- Потому что так нужно.

- Кому?

- Пусть будет мне.

- Но ведь и вы не дурак, - Тоня по-прежнему пытливо ловила мой взгляд. – И наверняка понимаете, что я тоже просто так, с бухты барахты, не стану все выкладывать о своем ближайшем, кстати говоря, родственнике. Которого, кстати говоря, очень люблю. Тем более малознакомому человеку.

- А я думал, что мы с вами уже давно познакомились, - вздохнул я и посмотрел на небо.

Беленький голубок блеснул в лучах солнца и скрылся в копоти дыма заводских труб. Я проводил его печальным взглядом. Тоня и впрямь далеко не дурочка... Неожиданно для себя самого я стал рассказывать историю несчастной любви Витьки Матюхина, этого бесшабашного, отчаянного парня, которого я назвал своим другом. И его девушки – медсестры Женьки. Когда мой рассказ дошел до описания таинственного человека, Женькиного поклонника, я перешел даже на полусшепот. И этот мистер Икс у меня получился чуть ли не злодеем, безжалостно разбившим счастье влюбленных. Оставался единственный вопрос, от которого зависела может и моя судьба: не он ли виноват в смерти медсестры Жени?

Я перевел дух. И вновь посмотрел на небо. Беленький голубок вынырнул из черной копоти и вновь весело замахал крылышками в синиве. Пожалуй, я слегка перебрал. Тоня наверняка сейчас разозлится, что я смею подозревать ее любимого дядю. Наверняка топнет по привычке ножкой и закроет свой прелестный ротик на замочек. Я приготовился к худшему.

Неожиданно Тоня почти нежно, а, возможно, и просто нежно, от неожиданности я не понял, взяла мою руку в свою. И легонько пожала ее. И внимательно, с какой-то понимающей грустью, посмотрела в мои глаза:

- Вы тоже... Тоже любили эту девушку? Медсестру Женю?

Времени на раздумье у меня не было. Я понятия не имел: какой ответ хотела услышать Тоня. Но интуиция мне подсказала ответ правильный. Особенно для молоденькой девушки, мечтающей о любви, хотя и играющей в легкий цинизм. А уж если эта любовь окрашена смертью...

- Да, Тонечка, любил, – я опустил от неловкости взгляд. Тоня расценила это по-своему.

- А говорил, что не знал любви.

- А разве знал? – выкручивался я как мог. – Ведь я любил молча, со стороны, не нарушая и не вмешиваясь в ход событий. И меня совсем не любили.

- А зря. Возможно, если бы вы вмешались, вдруг бы вам повезло? И она бы выбрала не этого бандита Матюхина, и не этого старого ловеласа, а именно вас. И осталась бы жива. Если бы человек поменьше боялся, поменьше врал и не сворачивал с пути, на который уже давно встал, возможно, его бы жизнь получилась. Вот вы свернули. Я думаю зря.

- Вы рассуждаете, словно еще один погибший мой друг. Кстати, именно к нему приходил на прием ваш дядя. И вам не мешало бы почитать его труды по психиатрии. Я думаю, вам так же свойственна романтизация в науке, как и ему.

- Макс учил меня совсем другому, – Тоня невольно сжала кулаки.

- А вы попробуйте забыть все, чему учил вас Макс. И попробуйте сначала. Ведь вы тоже еле-еле удержались на своей дороге. Но удержались. Так не сворачивайте с нее.

- Я не знаю, какая моя дорога, более того, мне совсем не хочется это знать. Я не желаю просчитывать ее километраж, обходить вершины и пропасти, скрупулезно определяя каждый раз свою скорость. Я хочу просто идти, и не важно – куда она меня заведет. И не важно – что впереди, а что позади, а что вокруг меня.

- Ты не хочешь познавать мир?

- Да, не хочу. Потому уже то, что я о нем знаю, меня не утешает. А большего и знать не хочу. Так легче.

- Тонечка, - я погладил ее по рыжей лохматой стрижке. – Какая ты еще маленькая. Я понимаю, если бы этот пессимистичный монолог прозвучал из уст старца, или солдата, или... Или приговоренного к смерти. Но ты...

- Что, ну что я? – Тонечка вывернулась из-под моей ладони. – Да, я не старуха, не больная и не на войне. Ну и что? Вы думаете, что жизнь разочаровывает только тех, кто много в ней пережил? Ошибаетесь. Иногда она просто разочаровывает, сама по себе.

- Неужели так плоха жизнь?

- Я думала когда-то, что она плоха, но она оказалась гораздо хуже. Даже если я в ней ничего не пережила. Может, поэтому я и хочу стать психиатром. И со стороны видеть чужие страдания, чужие боли, разочарования. И вникать в них исключительно как врач. Большего и не нужно. Со стороны наблюдать за чужой судьбой и в ней не принимать никакого участия. Только как врач, и не более.

- Возможно, все-таки врачу стоит более...

- Это исключено. Иначе самому можно стать психом. Вы же не предъявляете претензии к актеру, что он после нескольких часов на сцене в роли мавра смывает черный грим и идет к жене ужинать, вместо того, чтобы ее зарезать. Психиатр в некотором роде – актер. Он временно на себя берет чужие страдания. Раскладывает их по полочкам, скрупулезно исследует их через микроскоп, разжевывает их, пробует на вкус, узнает их причину и выписывает рецепт. Это же так просто.

- А потом идет домой ужинать.

- Да, и мне кажется, эти чужие проблемы помогают ему закалиться, и свои собственные переживать не так уж трагично. Во всяком случае, вполне адекватно. Я еще мало жила и мало страдала, но на чужих трагедиях вырабатываю в некотором роде иммунитет. Как бы это не эгоистично звучало, но я тренирую себя, готовлю к жизни. И чтобы не произошло, в своем архиве я подыщу чужие, более трагичные примеры. И они меня успокоят.

Интересно, как бы отнеслась Тоня к примеру случайного убийства на ледовой площадке? Но об этом я пока решил умолчать.

Мы присели за столик. Наш пароход нес нас против течения. Спокойная вода сопротивлялась, разбрызгивая капли на наших лицах.

Молоденький голубь уселся прямо на край стола, и я протянул руку с крошками. Он бесстрашно проглотил все из моих рук, взмахнул благодарно крылом и взметнул ввысь, в копченое небо.

- Мне кажется вот так мой дядя готов был есть из рук той девушки, которую когда-то любил.

Я затаил дыхание, похоже, разговор заходил в нужное русло и готов был течь по течению в отличие от нашего парохода.

- Я только не понимаю, зачем вам это нужно, - Тоня пожала плечами и сделала большой глоток пива. – Столько прошло времени. Даже если вы и любили... Впрочем, это вы так опустили из-за этой погибшей девушки? Да?

Тонечка кивнула на мои пожеванные, замызганные штаны.

- Ведь даже в опустившемся человеке можно угадать его прошлое. А у вас оно было, похоже, очень даже ничего, очень. Вы даже были очень симпатичным, я подозреваю даже стилигой. И гораздо вы моложе, чем хотите казаться. И гораздо привлекательней...И гораздо удачливей. Ну что, скажете, не угадала?

- И да, и нет.

- Значит, угадала, - Тонечка вздохнула. - И из-за той девушки вы пустили свою жизнь наперекосяк.

Нет, Тонечка, не из-за девушки. Все гораздо серьезнее. Но все равно – наперекосяк.

- Вы бы лучше брали пример с моего дяди. Когда он порвал, не знаю – по какой причине, но порвал со своей любовницей, он конечно... ну совсем был плох. Даже я от него такого не ожидала, такой прагматик, такой умница, а сдал за пару дней. Я даже думала, что он что-нибудь с собой сделает. Но все же он оказался мудрее. Обратился к Макс. И честное слово произошло чудо! Ей Богу, чудо! Хотя бы казалось, что чудесного, психиатры для того и существуют, чтобы вызволять людей из беды. Но люди не понимают, что врачи гораздо меньше уверены в чудодейственности медицины, чем пациенты. Врачи вообще мало во что верят, и особенно психиатры. Самая непредсказуемая наука и самые непредсказуемые результаты. Поэтому я меньше всего верила, что какой-нибудь врач его спасет. А тем более Макс. Он и психиатр-то посредственный, скорее графоман, каких навалом. И тут... За такие короткие сроки! И такой результат! Ну что это, если не чудо?

- А вы не допускаете, что это не заслуга Макса?

- Я сама часто об этом думала. Что Макс его привел к какому-нибудь своему гениальному коллеге. Но зачем из этого делать такую тайну? Чтобы держать дядю на крючке? Но дядя же не идиот, и знает кто его истинный спаситель. В общем, непонятки какие-то. Но разве это имеет значение? Дядя быстро вылечился от своей несчастной любви и дела его пошли вверх. Внезапная слава после успешной операции по пересадке сердца, отсюда некоторое высокомерие, даже жесткость. Но все это издержки успеха. Суть остается прежней. Он гений, и все это признали. А гением прощается многое. Особенно тем, кто спас не одну жизнь.

- За спиной каждого врача свое кладбище.

Тонечка внимательно на меня посмотрела и рассмеялась.

- Интересное замечание.

- Это не я заметил, а Вересаев, - я не скрывал своего удовлетворения, что наконец-то блеснул эрудицией.

- Вересаев прав и не прав. Это тоже издержки профессии. Хотя в целом я согласна. Иногда сам врач не знает убийца он или нет, выписывая то или иное лекарство. Иногда это вообще называется положиться на случай или Бога, кто во что верит. И кто знает, нет ли за спиной писателя кладбища. Иногда слово тоже убивает. Но это конечно не про Вересаева. Он виртуоз и сочинитель жизни. И это не про моего дядю тоже. Он виртуоз в своем деле не меньший, а сочинитель жизни возможно больший. Столько благодаря ему живут! Поэтому... Я так до конца и не поняла, чем смогу вам помочь. Даже если допустить, что эта девушка... медсестра и была любимой профессора Маслова, что из того? Вы сами сказали, что доказано, как она погибла.

- А если нет?

Мы некоторое время в абсолютном молчании смотрели друг другу в глаза. Слышался шум мотора и шелест фольги за соседними столиками. Я не боялся этого молчания. Тонечка могла меня ударить, могла развернуться и уйти и я бы ее не винил. Но она поступила мудрее. Вообще она была мудра не на свои годы.

- В таком случае, прежде всего, нужно выяснить: та ли эта девушка вообще и какое к ней дядя имеет отношение, - Тонечка отчеканила свои слова так, что в них даже зазвонили льдинки.

- Я хочу, чтобы вы не обижались, а чтобы поняли.

- Я поняла, - она вновь бросила в меня льдинку. – Если эта та девушка, он просто так быстро не смог бы ее забыть. И тем более вряд ли бы ему удалось в такие сроки сделать головокружительную карьеру. Потому что это был не просто разрыв. Это была смерть.

Я вслед за Тоней привстал с места. Пароход уже давно причалил. И только вызывающий звук швабры, которой ловко орудовал лопухий пацан уже по нашим ногам, заставил нас очнуться.

Тонечка наотрез отказалась, чтобы я ее провожал. Я и не настаивал. На берегу я долго вглядывался в небо, пытаюсь отыскать там нашего голубка. Но он растворился или в облаках, или в дыме заводских труб. А возможно все было проще: давно уже сидел на столике другого парохода и благодарно клевал из других рук.

После встречи с Тоней осталось странное чувство. словно после первого свидания, словно после первого поцелуя с Алькой или проведенной с ней ночи. Я не мог описать это чувство. Но единственное знал – это что угодно, но не любовь. Я не мог любить Тоню, потому что уже давно не хотел любить. Смерть невинного человека по моей вине уничтожила во мне желание любви. Я считал, что не имею права ходить по земле, встречаться с женщинами, заниматься любимой работой. Ведь все это я отнял у другого. Мне даже стыдно было наслаждаться природой. Ведь даже это я отнял у Смирнова. Не просто саму жизнь, но и наслаждения жизни и созерцание жизни. В моей камере хранения все эти желания и чувства были надежно заперты на ключ.

И сегодня (а, может, гораздо раньше, еще со дня нашей встречи?) Тоня попыталась подобрать ключи к моей до сих пор надежной камере хранения. И у нее если не получилось, то уже начинает получаться. И меня это пугало, злило и радовало. Но главное, я не знал, что с этим делать. Мало того, что я не имел право на счастье после преступления, не хватало вновь разрушить жизнь близкого человека. И как в детстве мои руки холодели от страха. Когда я осознавал, что приношу боль всему, к чему прикасаюсь. Уничтожаю, что люблю. Что вновь и вновь становлюсь невольным преступником.

Я не хотел больше убивать, и не хотел причинять страдания. Дядя Тони наверняка был замешан в истории с медсестрой Женей. И мне необходимо это было выяснить. И невольно возникшие чувства, даже не чувства, а так, штрихи, отблески, тени чувств к девушке, могут вновь помешать. И вновь я могу стать причиной краха чьей-то жизни.

У меня уже не было сил разрушать. Я сам был разрушен.

Тем не менее, помимо своей воли, мой шаг был уверен, весел и тверд, я даже перестал горбиться, и даже снял очки. Отчего мир стал более расплывчатым и менее ярким. Но мне нравился он таким. Неясным, чуть-чуть загадочным и тревожным, как мои чувства. Конкретики я уже не любил. Конкретика меня уже пугала. Ясность мира всегда ведет к ясным поступкам и ясным ответам за них. Совершать поступки я уже не хотел, как не хотел за них отвечать.

Я бодро шагал по многолюдному проспекту, не замечая, что насвистываю мелодию из «Прекрасной мельничихи». И резко притормозил у книжного магазина. Неплохо бы прикупить Вересаева. Я знал из него лишь одну строчку, подслушанную еще сто лет назад, когда была жива мама, которой сегодня и похвастался перед Тонечкой: «У каждого врача за спиной есть свое кладбище». Как, наверное, и у ученого, у учителя, а, проще говоря, у каждого человека есть за спиной свои мертвецы.

Это я уже знал из собственного опыта. Люди уверенно шагали навстречу. Они знать этого не хотели. Они по-прежнему были уверены, что на их кладбищах похоронены только родные и близкие, в смерти которых они не виноваты.

Может, поэтому на сегодняшний вечер мне Вересаев нужен был весь. Чтобы получить ответ и на другие вопросы. Но я слишком был самоуверен. Похоже,

отвечать он мне не хотел. Я ему, похоже, сегодня был не нужен. Потому что мне так и не удалось его купить.

Возле книжного магазина толпились люди. И это меня удивило. Я понятия не имел, что еще бывают очереди за книжками. Или свершилось чудо? И на землю спустился гений? И нашей земле пришелся кстати? И даже людям?.. Но я поторопился составить доброе мнение о читающей публике.

Они действительно толпились у книжного магазина, что-то горячо обсуждая и агрессивно размахивая руками. Внезапно по чьему-то истеричному зову все одновременно задрали головы вверх. С неба спускался гений. Я по-прежнему плохо видел его лицо, лихорадочно нащупывал очки в кармане, сумке, но безуспешно. Я шурился, но гениальное лицо так и не мог узреть. Внезапно лицо гения стало двоиться, троиться, четвериться... Лиц стало много и они все ниже и ниже, плавно и обреченно опускались на нашу грешную землю, словно делая одолжение.

Наконец без очков смог разглядеть воздушные шары с изображением лица гения. Но лица по-прежнему не мог видеть отчетливо.

- Кто это? – крикнул я.

- Вы что! С Луны свалились!- какой-то длинноволосый верзила готов был вlepить мне оплеуху за мою безграмотность.

- Похоже, с луны свалился не я, а он, - я кивнул на плавно танцующие в воздухе физиономии гения.

- Да это... Это... - возмущаясь затараторила стриженная остроносовая дама в очках. – И как это можно не знать! Это талантище, умница! Такую гениальную книжку написал!

Похоже, фамилию талантища она все же забыла или вообще не знала.

Возле меня запрыгали какие-то лохматые медведи, зайчики и микки маусы.

- Купите гениальную книжку! Купите шедевр века! – они навязчиво хватили меня за руки.

- Сам автор имеет честь дать сегодня вам автограф! – хрюкнула свинья и уже бесцеремонно потащила меня к входу книжного магазина.

Фамилию гения я так и не узнал. Но подозревал, что это все же не Вересаев. И не потому, что Вересаев был уже далече. Сегодня было возможно все. Просто я был уверен, что таких денег на рекламную компанию у него бы попросту не хватило. Да и со вкусом у него все было в порядке. Но я, опять же, оказался просто младенцем по сравнению с возможностями рекламы.

Свинья ловко втиснула меня через двери магазина и буквально поставила в очередь. Я обреченно вздохнул, по-прежнему утешая себя мыслью, что сегодня смогу купить Вересаева. Но стоять час в этом сумасшедшем доме все же не собирался. И решил попробовать без очереди. В конце концов я же хотел купить не сверхгения, а скромного Вересаева. Но и сумасшедший дом оказался здравницей по сравнению с исполнением моих желаний.

- Извините, - промямлил я, стараясь выглядеть интеллигентно, и от волнения даже нашел свои очки.

Очки видно полностью расположили к моей скромной персоне, и многие из очереди ко мне почтительно обернулись.

- Извините, мне совсем по-другому делу. Я вам не составлю никакой конкуренции. Хотя я очень уважаю ваш выбор. Но мне... С вашего позволения купить только одну книжку. Автора такого. Не знаю, знаете ли вы его. Вересаев фамилия.

На меня смотрели как на сумасшедшего. И я не понимал, в чем дело, неужели Вересаев уже в списке запрещенных писателей? Наконец кто-то не выдержал этого гробового молчания и загоготал на весь магазин.

- Во чумло! А мы, по-твоему, чего – за колбасой тут стоим! Или за Пушкиным? Можно сказать, паримся, все муки испытываем, а он вот просто так! Очкарик недобитый! На халяву! Без очереди!

- Но мне только Вересаева...

- А мне кого, Лермонтова?

Я вообще ничего не понимал и беспомощно озирался по сторонам в поисках вразумительного ответа.

- Да не крутись ты, очкарик! Не хочешь стоять смирно, вылетишь в один миг! – перед моим носом появился здоровенный кулак.

И я, так ничего и не понимая, собирался уже последовать его совету и вылететь отсюда побыстрее. Но положение спасла кудрявая девочка подросток с ранцем на спине.

- Тут все, дядечка, стоят за Вересаевым. Это же так просто. Его только что издали, а нам в школе обязательно к следующему уроку нужно его прочесть.

Я шумно перевел дух и вытер вспотевший лоб.

- Ничего не понимаю, - пробурчал я себе по нос. – А кто тогда дает автограф.

- Он же и дает, Вересаев, - девочка пожала плечами, недоумевая моей тупости. – И что тут непонятного.

Мне лично было непонятно все. И я на всякий случай спросил девочку.

- А другого Вересаева нет?

- Другого? – она почесала нос. – Может, где-то и есть. На свете много однофамильцев. Но теперь самый знаменитый вот тот.

И она пальцем указала куда-то вдаль. Похоже туда, где должен быть Вересаев.

- Но вообще-то Вересаев родился в XIX веке, и он просто не в состоянии сегодня давать автограф, - я еще пытался вразумить этот сумасшедший дом.

- Не, пацан, ты уже начинаешь надоедать! – перед моим носом вновь возник знакомый кулак. – Сваливай отсюда, безграмотность расшейская. Ликбез сначала закончи и даты выучи. Тоже мне, насмешил! XIX век! У нас так долго не живут! И уже тем более не раздают в таком возрасте автографы!

Пожалуй, для меня более реальным стало то, если бы сам великий писатель соизволил спуститься с небес и, наконец, о себе напомнить. И я бы этому не удивился. Но реклама была сильнее небес, сильнее чуда, сильнее религии. Реклама была все.

Это не был спустившийся с небес писатель Вересаев. Это был другой. И я на всякий случай протер очки, чтобы еще раз на него посмотреть. С надеждой ошибиться. Я, к сожалению не ошибся.

Он сидел за столом, вальяжно забросил ногу за ногу. В белом хлопковом костюме, высокий, красивый, лощеный. По излюбленной привычке в перерыве между небрежным росчерком на своей книжке, он взлохмачивал свои густые, намазанные гелем волосы. Иногда он делал одолжение и что-то небрежно отвечал сверхлюбопытному читателю, правда глядя почему-то мимо него. Я сомневался, что ему было стыдно смотреть в глаза. Скорее он не считал того достойным внимания. Это был никто иной, как Макс.

Вслед за ним я машинально взъерошил свои поредевшие жидкие волосы. И уже решил не уходить. Если я не упал при виде его в обморок, то и выстоять эту очередь до конца теперь точно смогу.

Подумать над трудами новоиспеченного писателя времени у меня было навалом. И я лихорадочно соображал, зачем он взял псевдоним. Безусловно, это реклама. Но писатель Вересаев не настолько сегодня велик, чтобы прибегать к его помощи. Вполне возможно, это условие издательства. Это вполне естественно – сегодня двойники, однофамильцы, клоны размножаются с утроенной скоростью.

Всякие мелкотравчатые пушкины, толстые, чеховы... Вот и до Вересаева добрались. А все – чтобы запутать читателя, перевернуть его сознание, заблудить в истине. Чтобы окончательно убить прежнего Вересаева, непременно нужно, чтобы появился новый. И тогда уже сам черт ногу сломит. Хотя черту до подобной изощренной манипуляции, пожалуй, ох как далеко.

И все же непонятно. Зачем Макс взял псевдоним. Он слишком тщеславен, слишком чистолобив, лишком славоохотлив, чтобы ставить под своими трудами чужую фамилию. Он всю жизнь посвятил себе любимому и своему имени. Остается, пожалуй, одно. Он просто-таки сумел украсть труды Смирнова и на всякий случай перестраховался, поставив псевдоним. Если шумихи не будет, он в любой момент сможет эти труды опубликовать вновь, уже под своей фамилией. Что ж, вполне логично, если логикой можно назвать плагиат.

Наконец я приблизился к прилавку. Станный все-таки люди, я невольно про себя усмехнулся. Конечно, реклама – это все, но не настолько, чтобы с таким нездоровым ажиотажем хватать книжки по психологии. Хотя, кто сегодня здоров? И кто нормален? Я во всяком случае под своей нормальностью не подпишусь. Так что подобные книжки, посвященные психическим аномалиям вполне нормальны в аномальном обществе. И вполне оправдывают аномальный успех.

Как и предполагалось, Макс даже не взглянул в мою сторону, когда подписывал мне книжку. Зря я так старательно нахлобучивал кепку на глаза. Максу было глубоко плевать на того, кому он давал автограф. Но мне это было на руку. Прежде чем с ним серьезно поговорить, мне непременно и срочно нужно было ознакомиться с этими трудами. И я, не давая Максиму времени обратить-таки внимание на мою скромную персону, быстренько схватил книжку, бросил ее в сумку и от греха подальше выскочил из магазина.

На улице я перевел дух после трудной и ожесточенной борьбы за знания. И когда мне на голову опустилась круглая физиономия писателя Макса, я ее со злостью обхватил ладонями, сильно нажал. И она громко лопнула. Мне так хотелось отомстить за Вересаева. Хотя это было невозможно.

С книжкой я смог ознакомиться только дома, потому что в метро оказался зажат между какими-то мужиками. Мои руки слегка дрожали, когда я вытаскивал книгу Запольского. Но врезать по его книжной лощеной физиономии мне не пришлось. Все оказалось довольно хуже и гораздо неожиданней.

На обложке во всей своей красе было изображено мое лицо. Я некоторое время тупо смотрел на себя, еще молодого, самоуверенного, прижимающего золотую клюшку к груди. И ничего еще не соображал. Мои глаза стали влажными, буквы прыгали, когда я пытался прочесть название. Наконец мне это удалось: «Как убивают кумиры». Книга была посвящена мне. Когда я это понял, у меня не осталось сил к ней прикоснуться или даже подумать, откуда Макс мог узнать – как убивают кумиры. И за такое короткое время. Ответ, похоже, мне мог дать только Вересаев. Но не тот ответ, какой я сегодня так жаждал получить. И не от того Вересаева.

Лишь к полуночи, выпив уже порядком, я более-менее пришел в себя. Мои руки стали тверды, а сознание осмелело. Хотя буквы по-прежнему смеялись надо мной и плясали, но я все же сумел их соединить в предложения, в абзацы, главы. За ночь я прочел все.

Это книга действительно была обо мне. О баловне судьбы, великом хоккеисте Виталике Белых, которого мама ласково называла Талик. О его раннем детстве, о случайном убийстве голубя, о безвременно умершем от сердца военруке, о веселой и смешливой девушке Альке, которая так нелепо погибла. О матери, к которой я так и не приехал на похороны и променял ее предсмертные часы на часы славы. И о многом, многом другом. Обо всех моих взлетах, о крыльях, которые стремительно несли меня все выше. И о единственном падении, после которого я так и не

оправился, после которого я так и не поднялся и которое для меня оказалось итогом всей моей жизни. Случайное убийство Смирнова на ледовой площадке. Он все знал, Макс. Кроме одного. Кроме того, где я теперь. Я со злостью хлопнул книгой и отшвырнул ее в сторону. На последнюю главу меня уже не хватило. Наверняка ее он пафосно и метафорично слизал с желтой прессы. Будучи уверенным, что я решил от своего позора навеки закрыться под тяжелыми и могучими стенами монастыря.

Но это было не просто книга обо мне. А скорее скрупулезный, я бы сказал, точный и правдивый, даже научный, в тоже время художественный анализ моих поступков. За которые я не расплачивался и за которые мне не было стыдно. Но которые привели меня к неизбежности убийства, даже если оно и выглядело случайным. Самое страшное в том, что я искренно признал: эта книга очень талантлива. И ее успех не просто неизбежен, он, безусловно, оправдан и никакая реклама тут ни при чем. Я, похоже, сегодня расплатился сполна. И никакие монастырские стены меня не укроют ни от позора, ни от своего прошлого, ни от своей совести. Смирнов отомстил мне с того света. Умно, блестяще, виртуозно. И если бы я умел умирать, то бы непременно бы сейчас умер.

Я в оцепенении, так и не раздевшись, сидел на кровати, уставившись в одну точку на оконном стекле, по которому расползались дождевые капли. Дрожащими руками я налил себе полстакана водки и залпом выпил. Впору было разбить головой стекло и вылететь из него, и упасть в мокрую траву, и физически завершить свое падение. Но умирать я так и не научился.

Стук голубя в мокрое окно заставил меня вздрогнуть и очнуться. Я подсыпал ему крошек, он благодарно на меня посмотрел. И мне так захотелось поменяться с ним местами. Он умеет летать, как когда-то летал и я. Часто они раненые падают на землю. Но только не по своей вине. В отличие от меня. Я сам виноват. Макс прав. Меня никогда не мучила совесть. Я умел забывать свои ошибки, боль, причиненную людям. Я никогда ни за что не хотел платить. И в итоге совершил преступление. И по собственной воле решил за него расплатиться, и сам себе назначил плату, коренным образом изменив жизнь. Оказалось, что плату уже давно за меня назначили. И пришла она только вчера. Но почему Макс? И откуда он мог все знать? Такие вещи, которые знал только я и моя мама. И никто, никто на свете!..

И тут я похолодел от неожиданной догадки. Он был знаком с моей матерью. Ну, конечно. Только этим можно объяснить такое доскональное знание и исследование моей жизни. Только этим! Но мама! Как она могла довериться этому напыщенному, самоуверенному, лощеному бездарю! Впрочем, это было вполне в ее духе. И Макс вполне был в ее вкусе. Вполне возможно, он и привозил ей дорогие шмотки, а мне джинсы, за которые я однажды продал память о своем любимом голубе.

В дверь позвонили. Я прекрасно знал, что это полуслепой старик с собакой, по доброй воле разносящий газеты. Но все равно от неожиданности вздрогнул. И как всегда раздраженно бурча про себя пошел открывать.

Это был не старик. Это была Надежда Андреевна. Я некоторое время тупо смотрел на нее. Она дрожала на пороге. Ее тушь была размазана по лицу, помада расплылась, капли с вульгарной одежды а-ля Диана стекали на пол. Господи! До меня, наконец, дошло, что ее всю ночь не было дома, а я даже этого не заметил. Впрочем, этой ночью я ничего не замечал. Этой ночью я не по своей воле посетил прошлое.

- Надежда Андреевна...

- Да, да, да, - она повторяла это заученно, мне стало не по себе и я наконец сообразил и втащил ее в дом.

- Вы же совсем промокли. Где вы были? Скажите же что-нибудь, ну скажите!

Ее плечи дернулись, она, обмякнув, упала на диван и, наконец, разрыдалась.

Я понятия не имел, что мне делать и с надеждой посмотрел на дверь. Мне вдруг так захотелось, чтобы пришел полуслепой старик, я бы непременно бросился ему открывать, увидел бы его лицо, посмотрел в его неживые глаза, пожал руку и потрепал по взлохмаченной шерсти его дворовую собаку. Ну почему он не звонит, его визит сейчас выглядел бы спасением. Я понимал, что со Смирновой что-то произошло страшное. Страшное произошло и со мной. Я не был психологом, но я отлично знал, что когда у двоих беда, необходим третий, не имеющий к нам никакого отношения, совсем незнакомый, пришедший из реальности и не знающий в этот миг трагедии. Возможно, тот, который разносит рекламные газеты по утрам и заводит разговор о погоде и бездомных животных.

Но старика не было. И я вдруг сообразил, что его не было и вчера. И некстати подумал, что уже скучаю по этим ранним звонкам и бессмысленным газетам, которые сразу же отправляются в урну.

Старика не было. И мы с Надеждой Андреевной оставались в своей реальности, несчастливой, пугающей и непонятной.

Вообще бы я предпочел, чтобы сегодня утешали меня. Но это было невозможно. Утешить меня могла только мама. И ни кто, ни одна живая душа даже понятия не имела, что я и есть этот самоуверенный парень с золотой клюшкой в руке с лощеным лицом с лощеной обложки. Мама! Мое сердце заныло от боли. Мама, только она могла дать вразумительное объяснение всему происходящему. Только она бы трагедию могла превратить в фарс и пустяк. Потрепала бы меня по щеке, как в детстве и беспечно сказала:

- Талик, Талечка, вот видишь, что с тобой делает память. Она разрушает тебя, твою жизнь. А ведь я учила тебя забывать. Память нас тянет назад, как в болото, засасывает наши надежды и стремления. Если бы ты все забыл, ничего бы этого не произошло, разве не так?

Так, мама, так. Но иногда память помогает вновь возродиться. Хотя и очень дорогой ценой. Во всяком случае, я ни о чем не жалею. И если бы я не забывал свои ошибки, свои подлые поступки с самого детства, возможно, этой страшной трагедии со мной бы не произошло. Отсутствие памяти спасало меня от боли. Но память могла спасти от трагедии. И кто меня научил все забывать. Ты, мама?..

Надежда Андреевна по-прежнему плакала. Я налил ей немного вина. Она залпом выпила. И шумно вздохнула.

- Если бы вы знали, как мне плохо. Словно я во второй раз похоронила мужа. Нет, словно я его убила.

Ну, уж нет, право на убийство Смирнова принадлежит мне.

- Не преувеличивайте, Надя. Никого вы не похоронили и никого не убили.

- Что вы знаете! Что вы вообще можете знать, - ее накрашенные губы скривились.

- Вы имеете в виду это? – я показал ей книжку с моей лощеной физиономией.

Интересно, сможет она теперь узнать во мне убийцу ее мужа. Я, конечно, очень отличаюсь от этого красавчика с обложки. Но не настолько же. И мне вдруг захотелось все ей рассказать, объяснить, оправдаться. И я лишь удивился, почему не сделал это сразу. Возможно, просто потому, что она не приняла бы помощь от убийцы своего мужа. Примет ли теперь? Теперь. Теперь так много изменилась. Да и она, судя по ее несчастному виду, по ее растрепанным волосам, дрожащим рукам. Влюблена совсем в другого. И причина ее слез, похоже, тоже в другом.

- Надя, Надежда, Надежда Андреевна, - мой голос охрип от бессонницы и водки. И я, как на трибуне, откашлялся. – Я бы хотел, именно сегодня, хотя нужно было это сделать сразу. Но я хотел бы, чтобы вы знали всю правду.

- Правду? – она недоуменно на меня посмотрела. И еще больше задрожала. И я заметил, что капли дождя по-прежнему стекают с ее одежды на пол, превращаясь в мутную лужицу. – Правду? Неужели есть большая правда, чем та. Которую я знаю?

Она осторожно, двумя пальчиками взяла из моих рук книжку, словно заразную вещь.

- Вы ее прочитали? – почему-то шепотом спросила Смирнова.

- Увы. И, насколько я понял, вы тоже. И что вы думаете об этом парне? – я пристально посмотрел в ее глаза. – Отвратительный тип, заслуживающий виселицы.

- Скорее сочувствия. Виселицы сегодня заслуживают те, кто стоит на Олимпе. Хотя это они думают, что это Олимп. А вполне возможно это всего лишь эшафот. И просто их очередь еще не пришла. А этот парень и так наказан, гораздо больше, чем он этого заслуживает.

- Вы считаете монастырь наказанием?

- При чем тут монастырь?

- Ну, остаток жизни, насколько я знаю, он проведет в монастыре.

- Значит, вы не дочитали до конца?

- Конец? Нет, не дочитал. Его все-таки повесили? Честно говоря, на конец у меня уже нет сил, просто нет сил.

Я откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Надежда Андреевна налила мне полстакана водки и поднесла к губам.

- Вы должны сделать последнее усилие. Вы должны прочесть. Выпейте, это возможно поможет. Всего лишь одна глава.

- От этой главы не снесет голову?

- Если у меня не снесло... А вы, пожалуй, сильнее. Хотя, как знать.

Надежда Андреевна сама раскрыла книжку на нужной странице и настойчиво вложила в мои руки. И даже сцепила на ней мои пальцы, чтобы я не передумал. Почему-то отключила телефон. А сама закрылась в ванной, и вскоре я услышал, как льется вода.

Как только она перестала литься, я завершил чтение. Так быстро, всего лишь десяток минут, пока набиралась полная ванна. И некстати подумал, что в этот промежуток так много может случиться. Кто-то может умереть, кто-то родиться, кто-то влюбиться, кто-то разойтись. Да мало ли что. Всего лишь в десяток минут, когда набирается ванна.

У меня за этот промежуток не снесло голову. Я даже за нее схватился, чтобы убедиться на месте ли она. На месте. Я прикрыл глаза. И вдруг подумал, как устал за последнее время от неожиданностей. И как мне хочется отдохнуть. И даже впервые без страха вспомнил о море, солнце, загорелых девушках, тропических пальмах. И даже успел подумать о Тонечке. Ей бы так пошел южный загар. Словно я нашел ключ от камеры хранения для моих чувств и желаний, но еще не решался ее открыть.

Последняя глава завершала мое окончательное падение. Я слишком хорошо думал о Максе, раз предположил, что он в эпилоге отправит меня в монастырь. Все оказалось подлее, отвратительнее, но в целом правдивее. Просто правда была перевернута с ног на голову. Да и написана была бездарно, словно последнюю главу писал совсем другой человек.

А правда заключалась в том, что я – как истинный убийца – пришел на похороны своей жертвы. И там, воспользовавшись несчастьем убитой горем вдовы, познакомился с ней, влез в ее доверие, поселился у нее дома, даже почти влюбил в себя (о господи!), рылся в бумагах жертвы и, наверняка, нашел какой-то важнейший труд его жизни, чтобы возможно (конечно, это лишь гипотеза) перепродать за границей... Вообще подлее человека я лично в своей жизни не встречал. Конечно,

Макс бы с удовольствием бы приписал мне даже преднамеренное убийство Смирнова с целью похищения гениального открытия и жены. Это бы уж точно тянуло на мировой бестселлер, сенсацию, но, увы, так точно рассчитать полет шайбы, чтобы она попала в голову конкретному человеку, растворившемуся в толпе, было не реально. В это бы не поверил и младенец. А вот в остальное... Почему бы и нет?

И все же, по логике, у меня должна быть ужасающая реакция на подобное чтение. Но, как ни странно, несмотря на всю ложь, мерзость, подлость происходящего, я вдруг впервые за последнее время почувствовал себя свободным. Словно вновь возвращался к себе. Словно после затяжного спектакля, наконец, мог снять с себя театральные костюмы, очки, смыть грим. И главное получить за него деньги и расплатиться с долгами. Правда спектакль был позорный, и вместо цветов в меня полетят плевки и гнилые помидоры. Но это я смогу пережить... Я становился собой. Я не хотел больше быть актером. Но так ли мудро это все может пережить Надежда Андреевна? Вряд ли. Она не зря отключила телефон. Самое отвратительное в этой истории – правда. Правда в том, что мы жили в одном доме. Вдова и убийца ее мужа. Представляю, этих стервятников, которые вот-вот бросятся на нас. Да уж, тут и монастырь не поможет.

Я включил телефон и быстро набрал нужный номер. Трубку долго не брали, но я был терпелив. Наконец услышал небрежный, успевший устать от славы и поклонников, голос Макса.

- Слушаю.

- Ты слушай, слушай, сволочь, - я говорил спокойно, хотя пальцы мои впились в колено. – Я допускаю, что можешь меня ненавидеть. Не знаю почему. Конечно, не потому, что я убил твоего друга, которого ты ненавидел не меньше. Не потому что живу под одной крышей с его женой, тебе на нее наплевать. Не потому что у тебя было что-то с моей матерью, это травой поросло. Просто ты ненавидишь меня потому, что ненавидишь весь мир. Нормальный честный порядочный мир. Ты хотел, чтобы он был совсем другим. Глупым и продажным. Безропотным и убогим. Не похожим, ни на мою мать, ни на Смирнова и его жену, ни даже на меня. Ты хотел, чтобы по миру ползали одни гады, с твоим лицом и умишкой. Что ж, ты можешь не волноваться. Твои мечты скоро сбудутся. Настоящих людей уже мало. И этих вы истребите, вы же умеете истреблять. Вашим обычным оружием – смердящим словом. Которое, в отличие от оружия, и дешевле обходится. Вы все просчитали. И все же... Ладно, я пойму твою ненависть к Смирнову, ко мне, ко всему человечеству. Но Надежду Андреевну. Ее.. Ее ты же мог пощадить. Ты знаешь, самые редкие подонки обижают женщин, которые в них влюблены. Зачем ты это сделал? Допустим, я - негодяй, обманул ее, втерся в доверие. Но зачем... Зачем тебе марать ее имя?

- Ты все сказал, праведник?

Голос этого подонка был насмешлив и горд. После успеха, похоже, он вообще потерял ориентацию. Таким слава противопоказана. Для таких слава – орудие очередного убийства. И прикрытие. Но, к сожалению, таким слава сегодня и достается. По предписанию. В порядке очереди. В зависимости от количества гормонов ненависти и подлости в их бездушных душонках.

- Знаешь, у меня нет времени, хоккеист, толпа репортеришек на пороге. А им еще ох как много нужно сказать. Поэтому быстро разберусь с тобой, - он на секунду замолчал.

- Не ты бы мне указывал, как жить. Не я убил Смирнова, ты это, надеюсь, помнишь? На счет твоей матери сообразить не могу, что ты там мямлил. А по поводу Смирновой... Еще одна невинная душонка выискалась. Ты у нее спрашивал, зачем она притворялась, что не узнала тебя? А? В дом впустила, стол накрыла,

постель расстелила. По доброте душевной? Или просто потому, чтобы ты расплатился по полной? Нет, расплатился не муками совести. Все гораздо проще. Зелененькими, которые можно потрогать, пощупать, понюхать. И за которые можно еще неплохо пожить. Видишь, и дачка у нее есть. И счет в банке. Все как положено. А ты где теперь? Где твои деньги, где твое имущество и где твоя слава? У тебя даже будущего нет. Ничего. И кто в этом виноват? Моя книжка? Мелко мыслишь. Моя книжка всего лишь итог. И ты за нее спасибо должен сказать, мученик. Ты мне в ноги должен кланяться, что я тебя от этих мук и избавил. Согласись, легче на душе стало? Молчишь. Правильно делаешь. Благодаря мне ты расплатился морально и даже свободным себя почувствовал. Уже можешь делать все что хочешь, и любить кого хочешь, и жить как хочешь. Правда, благодаря именно твоей подзащитной Смирновой начало твоей новой жизни начнется с нуля, с бедности. Но, извини, я здесь ни при чем. Ни я у тебя вытянул деньги. Так что сам и расхлебывай свое благородство. А меня уволь. Кстати, могу дать тебе мудрый и бесплатный совет. Не играй в совесть. Для тебя это уже роскошь. А лучше воспользуйся сложившейся ситуацией. Сделай из этого скандала покаяние. Раздавай интервью налево направо. Деньги сами потекут в руки. Да и вспомнят тебя, поверь. Может, даже какую должность предложат. У нас любят мучеников со скандальной репутацией. Так что ты еще мне спасибо скажешь. Ну, пока, хоккеист.

В трубке послышались короткие гудки. И я со злостью выдернул шнур телефона. Так и не успев ему ответить. Скорее, не хотел отвечать. Я был полностью раздавлен. Надежда Андреевна изначально знала, кто я, и постоянно вела эту игру.

Я не мог всего этого здраво осмыслить. И налил себе еще. Все к черту! Может, Макс где-то прав? В подлом мире нужно играть по подлым законам. Благородство все равно не ценится. И ничего не стоит. Впрочем, разве я ждал, что оценят мое раскаяние. Или просил за него плату? Нет, просто хотел с чистой совестью вернуться к себе. Не к тому эгоисту Тальке. А к себе, которым я уже мог, имел право стать. И, похоже, путь к себе уже найден.

На моих устах застыли гневные, нет, скорее презрительные слова, которые я непременно выскажу Смирновой. Деньги! Я бы и подумать не мог, что они так много для нее значат. И после смерти мужа она провела ловкий расчет, как бухгалтер, профессионально высчитав – сколько стоит смерть ее мужа, а сколько стоила его жизнь, и сколько я должен и за жизнь, и за смерть. Одного она не смогла понять – в силу своего приземленного характера. Что я и сам, без всякой игры, от чистого сердца хотел с ней рассчитаться. Нет, ей не просто понадобились мои деньги, ей понадобилась и моя жизнь, мое будущее, которого у меня уже никогда не будет.

Но когда Смирнова появилась в дверях комнаты, слова так и застыли на моих холодных, пропахших спиртом, губах. Я молча смотрел на нее, прежнюю. Ту, которую когда-то впервые увидел. Очень невзрачную женщину в выцветшем ситцевом халатике. В тогдашнем черном платке, зализанными волосами, без грамма косметики на лице. От образа вампириши Дианы ничего не осталось. Он так просто был смыт в ванной за короткое время. В которое у меня вновь перевернулась жизнь. И жалость предательски прокралась к моему сердцу. И я молча смотрел и смотрел на нее. Я ждал, что скажет она. Она сказала неожиданно, некстати.

- А почему не прозвенел звонок? Хотела кофе сделать. А звонка нет. Неужели он опять не придет?

- Кто? – не понял я.

- Ну, старичок с собакой. Вчера как-то целое утро неуютно себя чувствовала. Даже кофе не сделала. Конечно, он очень надоедал. И какой-то бессмысленный был. Бессмысленное дело делал. Никому его газеты не были нужны. Все впустую. А вот не пришел – и тоже пусто. Вы не находите?

- Я нахожу, что мы слишком поспешно даем определение ценности того или иного явления, и быстро ставим клеймо на человека. Иногда в самых бессмысленных делах скрывается наивысший смысл и оказывается высшей ценностью. Но обычно мы это понимаем, когда уже поздно и некого благодарить. Человек вообще существо неблагодарное.

- Вы очень расстроились? – она кивнула на книжку, валяющуюся на полу.

- Из-за чего? Из-за того, что я – подлец, жизнь которого состоит из одних ошибок. И эти ошибки я легко, как картонные кубики, всегда отшвыриваю от себя подальше и тут же про них забываю, чтобы надеть новых? Или я расстроился из-за того, что тайно пробрался в ваш дом, чтобы украсть научные труды вашего мужа, в которых ни черта не смыслил? Или все же...

Я запнулся, махнул рукой и перевел взгляд за окно.

- Или все же, - утвердительно сказала Надежда Андреевна.

- Вы знали, кто я, и впустили в дом. Понимаю, вы жили не богато, в отличие от меня. Но зато не могу понять: как все можно было так хладнокровно рассчитать, сразу же после похорон человека, которого вы любили? Или я ошибаюсь?

- Нет, не ошибаетесь. Очень любила. И только вчера поняла, что буду любить всегда. Но вы ошиблись в моих расчетах.

- Неужели вы прогадали в сумме? – мои губы скривились в презрительной усмешке.

- Я вас не понимаю, - лицо Надежды Андреевны побелело. И она стала выглядеть еще старше. Гораздо старше своих лет. – О какой сумме идет речь?

- О той, которую совсем недавно, - я посмотрел машинально на часы, - мне назвал Макс.

- Макс? – Смирнова не вскрикнула, а как-то простонала и плавно, обессилено опустилась на диван. – Ему мало того, что он сделал? Мало? Господи, что это за человек. И почему я... И как я могла... Мне некого винить, я сама себя наказала.

- Тем, что его полюбили?

- Полюбила? – серые глаза надежды Андреевны заволокла красная пелена. Лучше бы она заплакала. Но глаза оставались красными и сухими, что еще больше подчеркивало ее боль и заставляло в эту боль верить. – Полюбила... Да нет, теперь я уже понимаю, что это было что угодно, но только не любовь. Навязчивая идея... Нет. Желание обладать таким непохожим на меня и мою жизнь человеком, таким, про которых говорят – он не для тебя. Нет, пожалуй, нет. Может, желание измениться, изменить свою жизнь и вырваться из этой монотонной повседневности, рутины? Ближе к правде... А может, все гораздо проще. Мечь. Элементарная, бытовая, самая низменная мечь. Но мечь никогда осчастливить не может.

- Мечь? – я удивленно пожал плечами. – Кому? Макс? Мне? Себе самой? Своей жизни?

- Не угадали. Мечь своему мужу.

- А уж ему-то за что? За то, что он не был удачлив, как Макс? Красив, как Макс? Богат, как Макс?

- То же не угадали. Ведь, по сути, он мог быть и удачливым, и красивым, и богатым. Но по собственной воле от всего отказался. Прodelывал над своей жизнью эксперимент. И я догадывалась об этом. Он даже на мне женился только поэтому. И все же я смела надеяться, что он меня полюбит.

- Я уверен, что он вас любил, - неуверенно сказал я.

- Снова и снова и снова не угадали. Он всю жизнь любил другую. А я была всего лишь частью его эксперимента, его подопытным кроликом. И вот этого я ему не смогла простить. Хотя и сам был он очень несчастен. Сам был подопытным кроликом. Но разве так можно? Спрогнозировать и рассчитать свою жизнь, доказать, что ее можно сделать своими руками, все в ней предугадать. Стоит только идти по

прямой дороге, которую расчертил, жениться на нужной женщине, распланировать каждый шаг, отказаться от чувств, ошибок, желаний, от своего характера, данного Богом, отказаться. Которые, по его мнению, заносят в ту сторону, за которой может быть трагедия или смерть... Ведь он был совсем другим. По натуре это не просто романтик, бунтарь, про каких говорят – отчаянный. Это бесшабашный человек, готовый отчаянно броситься в любовь, в дружбу, в подвиг, и погибнуть там бесстрашно. Или не погибнуть, а загубить свою жизнь. Но кто знает, правда или нет? Ведь Юра своей смертью перечеркнул этот эксперимент. А, возможно, этот эксперимент и удался, но с обратным знаком. Ведь в итоге я поняла, что человеческий характер, данный с рождения, – это и есть судьба. И нельзя его перечеркивать. Это означает перечеркивать свою судьбу. Юра перечеркнул. И поэтому так рано погиб. Он не мог не погибнуть. Если бы он жил, как хотел, любил того, кого хотел, дружил с тем, с кем хотел, возможно, жизнь бы его была не очень правильной, не очень красивой, не очень долгой. Но это была бы его жизнь. Его и никого другого. А теперь... Получается жил он или нет, я так и не знаю. Ведь я жила не с настоящим Смирновым, а с актером по фамилии Смирнов, который так из своей роли и не вышел. Если бы я раньше это поняла, или захотела понять... Я бы просто ушла от него, ведь я его очень любила. Но я закрывала на все глаза, и мне казалось, что жизнь можно себе подчинить, и чувства тоже. И обманывала себя, что он все-таки меня любит. Что ему хорошо со мной, и спокойно. Но все оказалось не так. Он меня никогда не любил. И когда я это поняла окончательно...

- Когда вы это поняли окончательно?

- Когда нашла эту проклятую синюю папку.

- Так вы все-таки ее нашли? А я думал, грешным делом, это Макс ее украл.

Это было бы логичнее и вполне соответствовало моему представлению о нем. А так он по-прежнему чистый и безукоризненный.

- Да уж. Он всегда будет безукоризнен. Он знает, как совершать подлости без улик, без пятен крови. Он всегда работает в перчатках. И сам себе адвокат. Он ни за что не расплывается. И знаете почему? Потому что все умеет забывать. Его подлости – для него норма, образ жизни. Ну, словно мы едим мясо и не мучаемся из-за убитых животных. А даже если на секунду задумались, съели и тут же забыли. И завтра опять уплетаем за обе щеки поросенка или курицу. Вот такое опять гастрономическое сравнение.

- Вы прекрасно готовите, - неудачно пошутил я. – Самые удачные сравнения – взятые из собственного опыта.

- Лучше бы мой опыт был другим. Например, опыт слушать свое сердце, прислушиваться к своей интуиции. Ведь я прекрасно знала, кто такой Макс. И все-таки совершила эту сделку. Может, мое горе после смерти мужа может оправдать мою непоправимую ошибку.

- Вы отдали эту папку Максиму?

- Мне некому больше было ее отдать. Хотя я поначалу хотела передать вам, но когда узнала, кто вы...

- Так вы не сразу меня узнали?

- Ну, конечно! Как вы могли подумать! Я бы вообще вас никогда не узнала, поверьте! Для меня спортсмены – все на одно лицо. К тому же я даже не хотела видеть человека, убившего мужа. Я искренне верила, что наша встреча на кладбище была случайной. И искренне хотела, чтобы вы мне помогли разобраться в записях мужа и найти пропавшую синюю папку. Но все случилось иначе. Глупое стечение обстоятельств. Я нашла папку именно в тот момент, когда вы впервые познакомились с Максом. То, что я прочитала, меня... не скажу, что шокировало. Внутренне я даже была готова, что Юра от меня прячет что-то очень ему дорогое. Ведь у него не было от меня тайн. Значит, эта тайна была очень личной.

- И что за личная тайна была в этой папке, если, конечно, не секрет?

- Вы так и не поняли? – Надежда Андреевна с искренним недоумением на меня посмотрела. – Вы так ничего и не поняли...

- Если честно, нет. Я понятия не имею, о каком секрете идет речь.

- Этот секрет уже растиражирован в сотни тысяч экземпляров, продается на каждом углу и валяется в этой комнате на полу, - она пнула ногой книжку с моей лощеной физиономией.

Похоже, сюрпризы еще не закончены. И когда же, наконец, они исчерпают себя. К черту, как мне все надоело.

- Вы хотите сказать, что исследование характера хоккеиста Белых, его эгоизма, который и привел к преступлению, принадлежит не Макс, а вашему мужу?

- О, Боже! – Надежда Андреевна резко поднялась с дивана, налила себе водки, глубоко затянулась с сигаретой и сделала несколько решительных шагов по комнате.

И этот ситцевый выцветший халатик, и эти жиденькие волосы, собранные в пучок, и эти стоптанные тапочки так не соответствовали сигарете, стопке водки и твердым шагам. Впрочем, что сегодня в мире чему соответствует? Сама жизнь не соответствует тому, какой ее придумали, и какой она должна быть. И моя личная судьба не соответствует тому, что я о ней знаю.

- О, Боже! Ну конечно, конечно, этот труд принадлежит перу моего мужа. Это он проводил исследование, извините, буду точнее, опыт над вами. А Макс... Макс, понятно, не без моей помощи, присвоил эти труды себе. И подписался фамилией Вересаев, на всякий случай, для перестраховки. Хотя она излишне. Макс, бояться нечего. И гонорар получил, и славу, и мою четкую подпись на право опубликования трудов мужа. Вот так. Но я понятия не имела, честное слово, я не имела понятия, что он зайдет так далеко! Подонок!

Надежда Андреевна дрожащими руками затушила сигарету, окурок соскользнул и упал прямо на пол.

– Я была уверена, что он поставит авторство мужа. У меня даже мысли не могло возникнуть, что так нагло можно украсть, еще прикрывшись мною! Более того, Макс сам дописал эту отвратительную последнюю главу. Ну, о нас с вами. Об убийце и жене жертвы. Вот так. Господи! А пишет-то он бездарно! Подумать только, в одной этой главе, посвященной нам, проявился весь Макс, словно на рентгене. Его мелкая душонка, его низменные инстинкты, его ненависть к человечеству, его несостоятельность как ученого и непомерные амбиции. Он посвятил главу нам, а оказалось – себе.

Я налил себе из графина воды и вылил стакан на голову. Мне непременно нужно было освежиться. Все мое тело горело, сердце готово было выскочить из груди, а мысли прыгали в огненном пылу.

- Что-то я понимать начинаю, - прохрипел я, вытирая мокрое лицо ладонью. – Что-то. Вы нашли папку, хотели передать ее мне, чтобы решить – что с ней делать. Но вас опередил Макс, потому что узнал меня сразу, решив на этом сыграть. И сразу же после моего ухода позвонил вам и все рассказал. И вот тогда...

- И вот тогда я пережила настоящий шок. Я даже плохо помню тот день, очень плохо. Словно в тумане. Я вдруг узнаю, что живу в одном доме с убийцей моего мужа. Вы себе можете представить, что я тогда пережила?!

- Признаюсь, не могу.

- Вот именно. У меня все плыло перед глазами, я двигалась словно в прострации, неадекватно воспринимала звуки и слова. И не могла даже подумать, сообразить, зачем вам все это нужно. Вряд ли я тогда могла поверить в ваше благородство! Какое к черту может быть благородство, если вы сразу же в день похорон человека, которого убили, познакомились с его вдовой! Но самое страшно

было даже не это. А то, что мне необходимо было взять себя в руки, стиснуть зубы и изображать дружелюбие и незнание. Вот тогда, в таком состоянии, Макс легко подчинил меня, очень легко. Я никогда не любила Макса. Это честно. Но в том состоянии, по сравнению с вами он мне показался ангелом и единственным другом. Он внушил мне, да медленно, спокойно, ненавязчиво внушил. Он все-таки психиатр, хоть и бездарный. Но в том моем состоянии особого таланта внушения не требовалось. Он убедил меня, что вам нужно отомстить. Во-первых, что я имею право на все ваши деньги. Я понимала в глубине души, что вы бы и так мне дали много денег, ведь вы уже предложили построить дачу. Но Макс сказал, что брать деньги у убийцы никому бы не позволила гордость. Впрочем, это было так. Я бы от вас ничего не взяла. Только играя в то, что я вас не знаю, я могла позволить себе это.

- А во-вторых, была синяя папка.

- Ну, конечно, конечно! Я уже без раздумий передала ее Максиму. Весь мир должен был узнать, кто такой настоящий Виталий Белых, этот гениальный хоккеист, этот баловень судьбы, любимчик женщин. На самом деле - патологический эгоист, влюбленный только в себя и без малейшего укора совести шагающий по чужим головам.

- Ну, да, особенно, когда все кругом шагают исключительно по помывочному мылом асфальту, в вокруг цветут розы.

- Прекратите! Я все теперь понимаю! Я вам говорю не о сегодняшнем дне. И вы должны меня понять!

- Я вам вообще много должен. И вряд ли смогу расплатиться.

Я говорил совершенно искренне, но злость переполняла меня. И я не понимал, на что злюсь – на свое прошлое, на свою судьбу, на Макса, на Смирнову... Или нет! Кто-то еще есть в этой истории. Кто-то еще. Словно призрак прячется за дверью, подслушивает наш разговор, но объяснить ничего не может, поскольку призраки объяснять не умеют. Приходится искать ответы самим. Но для этого мои огненные мысли нужно притушить, построить в один ряд и попытаться в них найти логику.

- Так, так, так, - протянул я. - И все же на чем мы остановились. На синей папке. В которой постранично была разложена вся моя жизнь. И за этой жизнью следили.

Вот оно что! Я хлопнул себя по лбу. Вот этот призрак, на которого я должен злиться, но не имел право!

- Да, и еще я хотела отомстить ему, – сквозь слезы пробормотала Надежда Андреевна. – За то, что он ее настолько любил, что следил за ее жизнью, беспокоился за каждый шаг ее сына, и она так легко и беззаботно отдала свою судьбу в его руки.

Я криво усмехнулся. И выпил еще. Как назло я уже не пьянел. И легче мне не становилось. Но хотя бы скоро будет трещать голова, и эта боль хоть на время заглушит другую.

- Все, может быть, проще, Надежда Андреевна? Гораздо проще? Не настолько он ее и любил, - я вдруг почувствовал, что говорю о своей матери, как о чужом человеке. – И не следил за ее жизнью, а научно исследовал ее. И не беспокоился за каждый шаг ее сына, а просто проводил опыты на его судьбе. И не она, эта женщина, отдала легко и беззаботно свою судьбу в его руки, а он, ваш муж, эгоистично, с целью научного эксперимента выдрал из ее рук судьбу, и поломал ее. Во имя науки! Кто думает о мелкой жизни мышей и кроликов в лабораториях? Ведь есть гораздо высшие жизни, разве не так?

Надежда Андреевна долго и пристально вглядывалась в мое лицо, словно пыталась понять, прочитав по нему мои настоящие чувства. Но мое лицо оставалось бесчувственным, словно лицо с обложки книжки, валявшейся на полу.

- Не так, Виталий. Далеко не так. Я пытаюсь понять, что вы чувствуете. И, наверное, понимаю. Возможно, вам сейчас стало легче. Ведь вы изначально хотели оправдать себя, что убили не такого уж хорошего человека. И теперь, похоже, почти себя оправдываете. Убили ведь бесчувственного экспериментатора, поломавшего вашу судьбу. Но... Юра был хороший человек. И настоящий ученый. И в этом – вся правда... Но вы ни в чем не виноваты. Абсолютно ни в чем. Вы убили случайно. И полностью, более того, добровольно за все расплатились. Вы тоже хороший человек. И в этом тоже – вся правда. А моя вина, что пыталась наказать и вас, и Юру. И в итоге наказала себя.

- Нас было за что наказывать. И это тоже – правда.

- А за что? Юру, что он полюбил вашу мать? Но это было задолго до нашей встречи. И скорее она имела права на Юру, чем я. Но тогда-то ему и пришла в голову эта чудовищная философия. Что самому нужно строить, высчитывать свою судьбу. Похоже, их любовь была очень сумбурна, хаотична, нелогична, может быть ненормальна. Две темпераментных, необузданных личности. И они почему-то решили, что не могут быть вместе. А почему они так решили? Если за них все решила судьба. И возможно, сама жизнь указывала на то, что они должны быть вместе. И неважно к чему бы это привело. Знаете, я даже думаю, что это бы привело к нормальной семье. С годами бурные чувства улеглись бы, а понимание и любовь остались. Но Юра почему-то решил все поломать. Не только свою любовь, но и себя. Он изменился коренным образом, стал лысеть, толстеть, взял в жены невзрачную женщину. И понял, что именно так нужно строить жизнь, и она окажется долгой и счастливой. Как он ошибся! Более того, он так честно до конца и не поступил даже с самим собой. Если ломаешь жизнь, то не тяни за собой осколки. Нет, он придумал этот эксперимент. А скорее, это был просто предлог часто встречаться с этой женщиной и рассказывать, как нужно воспитывать сына. У мальчика случилась неприятность, он совершил дурной поступок, мальчик плачет, хочет раскаяться. Но тут возникает Юра и объясняет его матери, как нужно внушать мальчику обратное, как нужно учить забывать. Понимаете все забывать! И плохие поступки, и людей, которых обидел. Все, все забывать! Юра считал, что обостренная память мешает двигаться человеку вперед, совершенствоваться и совершать смелые поступки. Мучающийся человек не способен на поступки. Но как он ошибался! Человек, не способный на раскаяние превращается в подлеца, уничтожение памяти ведет в итоге к уничтожению совести.

- Да, я все это прочитал в книжке. И о подлеце тоже.

- Но ведь книжку закончил не Юра. А именно подлец, который сам по доброй воле все забывает. Ему не нужны внушения, ему не нужны научные открытия, ему не нужны лекарства, стирающие ненужную память. Он и так вычеркивает все ненужное из своей жизни. И смело шагает по чужим трупам.

- Как и я.

- Как и вы? – Надежда Андреевна горько усмехнулась. – Вам до него далеко. Юру как ученого можно оправдать и понять. Это была его идея фикс – найти аппарат, способный выборочно стирать память. Опасный аппарат. Но ведь все научные открытия опасны. Смотря в чьих руках оказываются. Но Юра виновен в вашей судьбе. Он сделал вас, придумал вас, не без помощи помешанной на вас матери, которая видела в вас только гения. И Юра, угождая ее материнской слепой любви, помог вам продвинуться всеми путями на Олимп. Не самыми честными путями, даже если вы и тысячу раз талантливый. Сегодня это не в счет. Нужен

определенный характер. И Юра сделал его, не спрашивая у вашей судьбы и у вас. Он вас придумал, вы его и убили. Неплохой расчет. И неплохой сюжет.

- Только в логику мировых сюжетов не вписывается. Там, кажется так: я тебя породил, я тебя и убью.

- А получилось: я тебя породил, ты меня и убил. Тоже достойный сюжет.

Смотря что порождает. Возможно, у судьбы было два варианта. И она пожалела вас. Возможно, если бы вы случайно не убили моего мужа, то жизнь привела бы вас самого к скорой гибели. Ведь вы уже не могли остановиться. И неизвестно – сколько впереди еще было бы трупов. Знаете, моего мужа убили не вы, а его собственные теории. И ценой своей жизни он возродил вас. Вы теперь совсем другой человек. Тот, который должен быть изначально. И нет никаких тут счетов. Все счета оплачены. И нам нечего больше делить. И поэтому я вам все верну до копейки. Тем более, я больше всех на сегодняшний день виновата. У моего мужа украли труды, не важно правильные или нет, но это была его работа! Вас опорочили, уничтожили. И я себя не могу простить.

- Обо мне не беспокойтесь. Я уже столько пережил. И эта книжонка не имеет большого значения. К тому же Макс где-то прав. Вся эта некрасивая и неправдивая правда мне все же освободила. И я, похоже, смогу еще жить... И про деньги не заикайтесь, не лишайте меня права на свободную жизнь. Вы все красиво, литературно объясняли. Оправдывали. Но факт остается фактом. Как бы то ни было, я лишил человека жизни, а вас лишил счастья прожить с этим человеком еще много долгих лет.

- Я тоже... Не то чтобы освободилась. Но открыла глаза, смело посмотрела навстречу происходящему. Я назло Юре попыталась влюбиться в Макса, и он дал мне повод, сами знаете почему. И на собственной шкуре решила применить теорию мужа, изменить характер, условия жизни, саму себя. И одно время, очень короткое время, мне действительно казалось, что я люблю Макса, что я помешана на нем и на все готова, чтобы переломить свою жизнь. Более того, отречься от прошлого и вцепиться в горло будущему. Как всегда и делал Макс. Но сегодня я словно проснулась. Приняла ванну... Эта крикливая косметика, этот вульгарный грим, эти безвкусные тряпки... Я все с себя смыла. За такой короткий срок, когда наполнялась ванна, все стало на свои места. Словно свобода вновь вернулась ко мне. Вместе с любовью к мужу. Похоже, этой истории наступил конец.

- Возможно, - я нахмурился. – Однако... Нет, не знаю.

- Что вы хотите сказать?

- Мне кажется, еще одна тайна все-таки не раскрыта.

- Тайна? Вы меня пугаете. Не слишком лишь много тайн за один день. Даже на одну жизнь слишком много.

- Даже если это так, лучше с ними порешить сразу. Может, тогда мы по-настоящему вздохнем спокойно.

Я прошелся по комнате, прикуривая одну сигарету от другой. Пытаюсь нащупать в цепи загадок недостающее, возможно, главное связывающее звено. Перед моими глазами мелькали лица Смирнова, Надежды Андреевны, Макса, Тонечки, медсестры Жени, гонщика Матюхина и конечно, ну конечно, профессора Маслова. Какую роль он играет в этой запутанной истории. И выделена ли вообще для него роль. Или он просто в незначительной массовке? Я этого пока понять не мог.

- Надежда Андреевна, Надя, давайте попробуем с главного. Что хотел доказать Смирнов? Похоже, что его теория длинной благополучной жизни была всего лишь увлечением, а не научным экспериментом. Скорее невразумительным опытом над собственной жизнью. Но он был ученый! Поймите! Ученый с большой буквы!

Надежда Андреевна тепло улыбнулась и как-то легко, по-домашнему поправила ленту на завязанных волосах.

- Я так рада, что вы это понимаете.

- Но я хочу понять большее! Поймите! Ученый с большой буквы должен положить свою жизнь на открытие, которое возможно перевернет представление человечества о каких-то ценностях. А не просто будет размениваться на утопические теории. Вы согласны?

- Но, может, синяя папка и дает ответ не этот вопрос? – неуверенно заметила Смирнова.

- Вот вы и сами в это не верите. Что такое синяя папка? Что? Художественное произведение? Нет, допустим гораздо большее. Опыт внушения, гипноза, доказательство, что с помощью словесных манипуляций, грамотно выстроенных убеждений, научных изысков можно, даже со стороны повлиять на характер человека и даже изменить его судьбу! Но ученый Смирнов на этом бы не остановился! Это было слишком расплывчато, неубедительно для науки, я бы сказал, слишком детские теории для такой серьезной вещи как наука! Смирнов был не таким.

- Не таким, - как эхо повторила Смирнова. – Он был романтик в науке, но не был романтичным ученым и тем более утопистом. Каждой своей теории он пытался найти научное обоснование. Теории сами по себе это не наука, эта беллетристика. Так он всегда говорил.

- Значит, из этого следует...

- Что дело не в синей папке? Возможно, он стоял на грани какого-то открытия? – робко предположила Смирнова.

- И именно это не давало покоя Максусу! – я торжественно поднял палец вверх. – Поскольку он точно ни на какой грани открытия не стоял и не мог стоять! Но воспользоваться... В этом он бы всегда преуспел. Присвоение чужих мыслей, трудов чужой гениальности – в этом ему нет равных. Макс разочаровался в синей папке, хотя даже этим сумел воспользоваться и найти выгоду. Но, думаю, он не меньше нас с вами уверен в таланте Смирнова и в том, что тот способен на большее.

- Да, вы правы. Знаете, когда он влюбил меня в себя, и сам очень неумело, даже лениво играл в подобие чувств ко мне, я в глубине души всегда была уверена, что ему что-то от меня нужно. Но не могла понять, что. Синюю папку вместе с подписью я отдала добровольно. Что же еще? Похоже, только вчера он понял, что я действительно не могу помочь, поэтому так резко, некрасиво, жестоко порвал со мной. И даже подарил книжку. Верх цинизма!

- Но в этой книжке все же есть главная мысль – к чему приводит потеря памяти. Память – это наш враг или спаситель? Наша жизнь или погибель? Наше будущее или всего лишь сон, который едва проснувшись нужно тут же забыть. Ведь вашего мужа, похоже, волновала именно эта проблема, разве не так?

- Знаете, я теперь вспоминаю...

Смирнова нахмурила свой высокий лоб, уже слегка покрытый морщинками.

- В последнее время он любил повторять, что память – это наша совесть. По моему, он сам в конце жизни опроверг то, что ранее хотел доказать.

- Или доказал.

- Возможно. В науке так часто бывает, иногда, годами, веками подготавливается великое открытие, а потом оказывается, что оно совершенно не нужно никому. Вернее нужно, но только для того, чтобы доказать, что его не нужно было совершать. Силы, умы, гений человечества тратится на то, чтобы не возвести, а перечеркнуть, опровергнуть. И, возможно, такое опровержение и есть

доказательство и подвига, и гения, и высшей идеи. Наверное, такое случилось и с Юрой. Хотя поначалу, он искренне верил в то, что делает.

- Припомните, во что он искренне верил?

- Мне кажется, речь идет о выборочности памяти. Впрочем, в книжке об этом и сказано. Вы помните. Что память можно и нужно делить. Часть, что выгодно человеку и человечеству помнить, ту часть, которая двигает человека и человечество вперед. А другую часть, которая делает человека слабым, беспомощным, недееспособным, нужно вычеркивать. Помню, он не раз повторял: если бы я сумел это забыть, насколько бы моя жизнь была правильнее, светлее! И насколько бы я освободился!.. Наверняка он говорил о вашей матери. Иногда он вникал в более глобальные примеры. На уровне, например, государств. Что было бы если человечество забывало обиды, причиненные друг другу во время войн и террора. Возможно, нам проще было бы двигаться к цивилизации.

- Довольно спорный вопрос, - усмехнулся я. – Скорее оно пошло бы по кругу. Только более безнаказанно. Дело не в памяти, а в самом человеке. И только память способна усовершенствовать и человека, и государство. И это я испытал на собственной шкуре. И вот теперь кое-что начинаю понимать. Кажется, нить я уже нащупал. Остается до конца распутать клубок. Частичное уничтожение памяти... М-да, интересный эксперимент, опасный эксперимент.

- Вы хотите сказать – над собой?

- Да нет! – я махнул рукой. – Я это так. Прелюдия к эксперименту. Ведь я все, все помнил, просто не хотел вспоминать, научился не вспоминать. Это совсем другое. Это, как говорил Смирнов? Беллетристика, а не наука. Хотя подобная беллетристика бывает не менее опасной.

- И все же, - Смирнова медленно опустилась на диван. – И все же мне кажется Юра все, все понял в конце жизни, осознал свои ошибки. И поэтому, возможно, не совершил никакого страшного открытия?

Она подняла на меня испуганное лицо.

- Он был ученый. И даже если понял все, он обязан был доказать, что подобное открытие пагубное. А для этого нужно само открытие. И, может, оно-таки существует в природе. Простите, если я вас не утешил. Впрочем, я сам еще толком ничего не знаю. Но постараюсь узнать... А теперь нужно решить, где нам спрятаться? Похоже, репортеры нас в покое не оставят. И если бы был включен телефон, он бы уже разорвался на части. Боюсь, что совсем скоро могут выломать дверь.

- И что же делать?

- Макс знает, где находится дача?

- Да нет, мы как-то об этом не говорили.

- Срочно собирайтесь и уезжайте, и пока все не уляжется, поживите пока там.

Заодно успокойтесь. Природа, птицы, цветы.

- А как же вы?

- Обо мне не беспокойтесь, я что-нибудь придумаю.

Я решительным твердым шагом направился к выходу.

- Вы забыли трость!- Надежда Андреевна догнала меня уже в дверях.

- Ах, да, спасибо, - я машинально взял трость. Некоторое время молча рассматривал. Подпрыгнул на месте, даже разбежался, и, размахнувшись, ударил по воображаемой шайбе.

- Похоже, она вам уже не понадобится, - Смирнова сказала это с улыбкой, в которой была заложена и грусть и облегчение.

- Это трость вашего мужа. Пусть так все и останется.

- Пусть.

По лестнице я спускался вприпрыжку и нос к носу столкнулся с соседкой, как всегда авоська ее была полна пустыми бутылками от молока.

- Извините, - расшаркался я.

- Да чего уж, раз бегаετε, значит все в порядке. Только, - она сморщила рябой морщинистый нос, – вы случайно не знаете куда запропастился слепой разносчик газет с собакой? К вам случаем не заходил.

- Да нет, - сердце почему-то кольнуло. Может быть от непривычки бегать? – Вот уже пару дней нету.

- Может, устал вот так, даром, разносить. Кто-то был недоволен, кто-то ворчал, что с утра надоедает звонком. Да и эти газетенки, кому они были нужны? Так хлам всякий, лишний мусор, даже не читая – в урну. А он все думал, что доброе дело делает. Чудак! Его и в глаза никто толком не видел! Наверное, считал, что добрые дела делаются незаметно. И сам мир не видел, и мир его. Невидимое добро. Жаль, что это добро никто и не оценил. Вот он, наверное, и отказался.

- Не думаю, - задумчиво протянул я. – От добра так просто не отказываются.

- Пусто без него как-то, - вздохнула старушка. – Уже третий день, налью себе какао и жду, когда в дверь позвонят. Словно без звонка и пить не могу. В горло не лезет. Да и мусорное ведро теперь по утрам пустое. Чего-то не то вот здесь... (Она постучала по высохшей груди.) Пусто как-то. Или я одна дура такая... Ты случаем не знаешь, где он живет, может помочь человеку надо?

- Не знаю, но попробую узнать, обязательно узнаю, - я положил ладонь на свою грудь. И огляделся вокруг себя. – Вы правы, пусто.

Потом я не сразу вспомнил о своем обещании найти полуслепого старика с собакой. Мои мысли тогда вертелись вокруг одного. Я думал о профессоре Маслове. И казалось, был близок к разгадке.

Выскочив из подъезда, я зажмурился - солнечный свет ударил в глаза, и навернулись слезы. Казалось в солнечных лучах горели дома, деревья, машины, люди. Казалось, весь город пылал в огне.

- Дяденька, - недалеко от автобусной остановки одернула меня за рукав маленькая девочка в красной бейсболке. Она еще не научилась читать. Она еще была счастливей нас, взрослых. – А здесь останавливается 247-й автобус?

Железное табло было усеяно множеством цифр с различными номерами.

- Сейчас, девочка, - я поспешно рылся в карманах в поисках очков. Но так их и не мог найти. – Вряд ли я тебе...

И запнулся. Я смотрел на железное табло и отчетливо видел все, все номера. Они были выстроены передо мной в строчки, в столбики, словно стихи. И эти стихи в этот миг были самыми дорогими моему сердцу.

Вслух, даже с выражением, словно на поэтическом вечере, я громко читал номера. Я их видел. Девочка уже давно запрыгнула в нужный автобус под номером 247, а я никак не мог остановить вдохновенное чтение. Я вновь отчетливо видел мир. Я вновь этот мир читал без очков, буква ложилась к букве, дом к дому, дерево к дереву, человек к человеку. Я открывал мир, словно новую книгу, безумно интересную, когда не можешь прерваться, перевести дух, остановиться. Когда хочется читать и читать, когда бездушные буквы, этот сгусток полиграфической краски рождает запахи, звуки, красоту движения, величину недвижимого, фигуры людей и каждого из них душу. Этот мир я уже не хотел потерять. Я им любовался. И когда закончил последнюю страницу, перевел дух и мог уже подумать. И вытащил пачку сигарет. Вместе с пачкой упали очки Смирнова в роговой безвкусной оправе. Нужны ли они ему были? Или он когда-то, как и я, добровольно решил видеть этот мир расплывчатым, мрачным, тусклым, мир, о котором не стоит жалеть. Я уже не был уверен, что он действительно был близорук. Он хотел быть близоруким. Он

себя спасал. Как ему казалось. Полуслепому мир кажется безопасней. Не все опасности можно заметить. Как он ошибался. И как ошибался я.

Я хотел было со злостью отшвырнуть очки в сторону, но передумал. Это по-прежнему были очки ученого Смирнова. Это единственное оставалось фактом. А остальное – домыслы, фантазии, гипотезы прозревшего человека. Которому на миг показалось, что с видимым миром ему откроется и мир ведомый. Но это совсем не обязательно. Я хотел было вернуться и вернуть очки Смирновой. Но тоже передумал. Возвращаться – плохая примета. Я не хотел больше возвращаться. Мне хотелось идти вперед и вперед, даже неизвестно куда.

Куда идти, я не знал, не имел понятия. На сегодняшний день не было места, где бы я мог скрыться от назойливых телекамер, от лиц из прошлого, нагонявших удушье. А в настоящем у меня никого не было. Разве что Смирнова. Но я потерял и ее. И мне оставалось раствориться в толпе и бродить, бродить среди нее, словно в лабиринте, где меня не знали в лицо. И где я никого не знал. Мне оставалось раствориться в самом городе, в его удушающей гари, в визге машин и крике неоновых супермаркетов. Раствориться хотя бы до вечера. Когда много людей, много шума и много самого города. А когда наступил вечер, я испугался. Мне вдруг показалось, что я остался один. И на меня одного нацелены фары машин, огни реклам и удивленные взгляды людей.

Я провел ладонью по редким волосам и нащупал лысину. Глупо было бы надеяться, что и волосы станут такими же густыми как и прежде. В конце концов, волосы теряет каждый из нас. Просто у меня получилось быстрее. Но я нашел выход. Лысеющим ботаником я быть больше не хотел. Да и не имел права. Мне никогда не стать ни ботаником, ни ученым. Когда-то я был хоккеистом. Может, еще не пришло время вернуться к профессии, но вспомнить об этом пора. И я уверенно открыл стеклянную дверь парикмахерской.

- Странно, странно, что вы так рано лысеете, - мило улыбнулась мне белокурая девушка и почти нежно провела расческой по редким волосам. – Вы, наверное, ученый.

Я искренне, почти кокетливо улыбнулся ей в ответ.

- Нет, я просто хотел быть ученым. Но у меня ничего не получилось.

- Ну, и хорошо, - почему-то облегченно вздохнула она. – Значит у вас еще не все потеряно.

- Что – все? – задиристо ответил я ей.

Она покраснела и хихикнула в кулачок.

- Ученые такие умные и все лысые. А если вы передумали быть ученым, значит, совсем скоро все ваши волосы восстановятся. Особенно если вы последуете моему совету и купите вот этот препарат для восстановления волос, – она протянула бутылочку. - И у вас вновь будет густая шевелюра. Вам повезло. Вы можете даже стать артистом.

- Может быть, может быть. А вам нравятся артисты?

Белокурая парикмахерша почему-то вздохнула и посмотрела в окно.

- Их так много, кругом одни артисты. Кого ни стригу – артист. Аж зевоту вызывает. Мой сосед бывший монтажник и то артистом стал. А я хотела за него замуж.

- Так в чем проблема? У него звездная болезнь?

- Нет, скорее у меня. Если честно, я всегда мечтала, чтобы мой жених всегда был на высоте. В идеале – астроном или ученый. Ну, хотя бы монтажник. А он так низко пал.

- Только что вы мне расписывали все преимущества густой шевелюры, а тут... Белокурая девушка рассмеялась звонким заливистым смехом.

- А как же иначе. Я же профессионал. Не лысину же мне рекламировать. Мой удел – шампуни и бальзамы для укрепления волос. Которые ничего не укрепляют и никому не помогают. Но это моя работа. И днем я это вдалбливаю всем клиентам, некоторого рода гипноз. А вечерами... (она мечтательно закатила глаза) я мечтаю о звездах и парне, таком серьезном, умном и непременно с залысиной... Жаль, что из вас не получился ученый.

- Совсем недавно вы говорили обратное.

- Совсем недавно я была на работе, - она посмотрела на часы. – Но вот и все, рабочий день закончился. Вы мой последний клиент. А последнему клиенту можно сказать гораздо большее. Утро еще можно начинать с вранья. А вот заканчивать лучше правдой. И как-то красивее правдой. Правда?

- Правда, - я потрепал ее по зардевшейся щечке и погладил свою бритую голову. – Знаете, даже если у меня так и не вырастут волосы, я никогда не буду об этом грустить. И всегда буду вас помнить. Особенно звездными вечерами. Желаю вам встретить астронома.

- Для начала я куплю телескоп.

Мы одновременно расхохотались. Другие парикмахерши на нас даже не обратили внимания. Похоже, эта девушка каждый свой рабочий день заканчивала именно так. Звонким смехом и маленькой правдой для последнего клиента, о которой так никто кроме них и не узнал.

Я вышел с парикмахерской посвежевший и приободренный. Взглянул на себя в зеркало витрины. Да, выглядел гораздо моложе своих лет. Тьфу, что я говорю! Я выгляжу на свои года! Боже, за это недолгое время я даже забыл сколько мне лет. А ведь еще не так уж и много. В эти годы многие еще начинают карьеру, многие встречают первую любовь, правда, некоторые последнюю. Но я не про этих некоторых, мне нужно было думать о себе. Да, черт побери, портил вид моя одежда - по-прежнему от Смирнова. Наверное, единственное, что у меня еще осталось от Смирнова. Вылинявшая тенниска, узкие брюки с оттянутыми коленками и скривленные старомодные сандалии. Нет, они тоже не от Смирнова. Ведь он был совсем другой. И я это помнил. Наверняка, когда он был с моей матерью, он напоминал меня. Этаким денди с небрежной вечно блуждающей ухмылкой на лице, твердым взглядом и уверенностью, что впереди еще много времени для надежд и их исполнения. Времени и впрямь оказалось много. Но для чего?

Меня уже не на шутку раздражала эта одежда, которая была от Смирнова. И тем более даже не от него. Ни от кого. От подопытного существа, который оказался в лаборатории ученого и не выдержал эксперимента. И в итоге погиб. Ни я, ни Смирнов никакого отношения к этой одежде не имели. Чего не скажешь о том над кем экспериментировал Смирнов и кого я, в конце концов, убил. И до меня вдруг дошла неправильная, нелогичная, антинаучная мысль. Я убил не Смирнова! Я убил того человека, под которого приспособился Смирнов. И которого в итоге не было. Который не познал любовь и ненависть до конца, предательство, провала, удачу, поиска новой любви, соглашательства и несоглашательства с миром, желания и нежелания этот мир изменить. Я убил кого угодно, но не Смирнова. И возможно только поэтому Смирнов простит меня за убийство (если давно уже не простил). И возможно только поэтому я имею право простить себя сам... Стоп. Остановись. С плаката на меня нацелился револьвер. Он в кого-то должен был выстрелить. И не имело значения – в загнанного зверя, в человека, который жил под чужой судьбой. Или в меня. В любом случае - убить. И факт убийства никто еще опровергнуть не мог. Случайный он или нет. Предумышленный или спонтанный. Факт убийства остается фактом. И каждый должен за него отвечать. Если не в рамках закона. То в рамках своей памяти обязательно. Но память не мешает мне вновь быть свободным и не мешает быть свободным закон.

А сегодняшняя свобода для меня заключалась в очень малом – в этом бессмысленном шатании по вечернему городу в поисках звезд, о которых что-то восторженно болтала парикмахерша, и, конечно, в изменении облика. Я должен был во что бы то ни стало поменять сегодняшнюю внешнюю оболочку, словно какое-то животное должно поменять окрас. Я непременно должен был надеть другой костюм. Но возвращаться в прежнюю квартиру не мог. Она наверняка была в окружении репортеров. Впрочем, в окружении репортеров сегодня находилась вся моя жизнь и жизнь Смирновой, и, наверное, жизнь, нет смерть ученого Смирнова. Смерть, возможно, как ничто более всего подвержена окружению. Потому что из него никто не ищет выход. Просто некому его искать. Мы же со Смирновой еще могли найти. У нас еще был шанс.

И я сделал самое простое. Я купил себе приличные джинсы, майку и темные очки. Не самое дорогое, не знаю почему, но с некоторого времени мне стало стыдно одеваться в фирменных магазинах. Не потому что я был такой хороший, просто мне казалось, что эти магазины слишком плохи.

Вот и все, зверь сменил свою шкуру. И что дальше? И куда этому зверю деться? Конечно, самое надежное укрытие – вновь в бесцельном шатании по городу. Дом никогда не дает надежного укрытия. Укрытие может дать только пространство, и чем его больше, тем лучше. Но я был еще не привычным к такой безграничной свободе, она пьянила меня и пугала. И в итоге сковывала. А это уже мало напоминало свободу.

Пока я раздумывал, где провести эту ночь, мои ноги давно уже это решили. Нет, не ноги, а мой разум или, скорее, чувства. Камера хранения наконец-то была отворена. Я наконец-то решил найти ключ от нее. И использовать по назначению. Благо, номер я ее помнил и хорошо уже видел.

Сам того не желая, я пришел к дому, где жила Тоня. Поначалу даже оправдывал себя, нелепо и неловко доказывая, что шел к Макс. Конечно, не с целью найти у него прибежища, а просто поговорить по-мужски. Просто дать в морду. Но эту были только отговорки. О Максе я и не думал. Как ни странно не думал даже о его мелкой книжонке, написанной на основе размышлений великого человека, ученого Смирнова о талантливом человеке, хоккеисте Белых. Я, конечно же шел к Тоне. И эта трость, отброшенная в угол, и это легкое прыганье по лестнице, и эта модная стрижка «под ноль», и эти очки, засунутые в карман, и эта стильная одежда. Это была дань моей любви, в которой я себе не признался и вряд ли смогу признаться этой девушке. Сегодня я все делал ради нее. Но не хотел верить в это. Не хотел допустить мысли, что мое возвращение в мир, нет, не к себе, к себе я не могу и не хочу вернуться, просто в мир в котором я смогу и, может быть, еще смогу обрести право на жизнь, принадлежит девушке Тоне. И поэтому тут же нашел веский предлог оправдаться. Я шел укрыться у нее. Поскольку прекрасно знал, укрываются там, где меньше всего шансов, что смогут найти. Вряд ли у них даже мысль возникнет, что я смогу искать прибежище у соседки гениального писателя Макса, творящего под псевдонимом никому не известного Вересаева, к тому же бывшего любовника девушки. Нет, они до этого додуматься не могли. До этого додуматься мог только я. Не потому что был умен, и не потому что у меня была изощренная фантазия. Просто я хотел увидеть Тоню.

Дверь на мой звонок быстро открылась. Но я не бросился навстречу Тоне и не сказал ей что-нибудь циничное, чтобы не показывать свою любовь. У меня не было для этого возможности. Передо мной стоял профессор Маслов.

- Что вы тут делаете? – хмуро спросил он.

- Как жаль, что вы меня узнали, - заметил я с досадой. – Думал, что я изменился.

- В какую сторону?

- Надеюсь, в лучшую.

- Как знать. Лучшая сторона – как обычно изнанка. Не боишься запачкаться. В любой момент можно вывернуться.

- Спасибо. И все же.

- Все же вы в любом случае изменились. Вы не тот хоккеист Белых, о котором трубила эта взбалмошная страна, и не тот чокнутый ученый, о котором эта взбалмошная страна молчала. Вы середина. Поэтому я вас и узнал.

- Спасибо. Спасибо за мнение о моей стране и обо мне. А еще спасибо за середину. Она и есть сердцевина. Как правило, в пище мы именно ее и предпочитаем, самое сочное, вкусное и полезное, - я вдруг некстати вспомнил гастрономические уроки Смирновой.

- Вы хотите, чтобы у вас взял автограф? Весьма ценный автограф достойного человека. Прожившего достойную жизнь и легко с чужой жизнью расправившийся.

Вообще-то он неожиданно осмелел. Прошел в Тонину комнату, сел в кресло, затянулся сигарой и даже поболтал для придания непринужденной обстановки ногой. И даже чем-то напомнил Макса.

Без приглашения и я прошел в комнату, и сел напротив. Сигары я не курил, поэтому вытащил сигарету. Но на всякий случай огляделся. Вдруг где-нибудь прячется Тоня? Она была бы кстати? Или некстати?

- Ее нет, - резко и сухо ответил он на мое мотание головы. – И я бы предпочитал, чтобы и вас не было тоже.

Как не было? В этой квартире? Или в этой жизни?

Мне показалось, он на секунду замешкался. Но тут же взял себя в руки. Он был хирург. Хирурги ошибок не допускают. Во всяком случае, это догма. Он эту догму знал. Равно как и знал, что любая догма небезгрешна. Всего лишь понятие, но не практика.

- Эту квартиру я подарил Тонечке. И она прекрасно знает, что я могу в ней жить. Или существовать.

- Или существовать?

- Вас что-то волнует? Моя племянница? Ее жених Макс? Она, кажется, у него. Можете убедиться.

Здесь он хотел ударить побольнее, как врач, он знал куда ударять, в сердце, он был кардиолог.

- Нет, увы, нет. Хотя эти люди мне безразличны. Меня лишь волнует медсестра Женя. Кстати, вы знаете, что ее жених (я применил его метод удара в сердце) разбился недавно.

На его лице ни дрогнул ни одна мускул.

- Женя? Медсестра? Ее жених? Да, что-то припоминаю. Хотя про жениха меньше. А я-то при чем? Жаль, что они ко мне не обратились, может быть, я бы им мог помочь.

- Вряд ли. Женя с машиной свалилась с крутого склона, ее лицо было изуродовано до неузнаваемости, хотя, думаю, вы как человек долго с ней проработавший все же бы узнали ее. А ее парень разбился... Да так, пустяк, на гонках. Гонщик - это его профессия. Профессия часто убивает. Впрочем, он не умер, но это одно и то же. Он лежит неподвижный. Парень, который ни секунду не мог удержаться, каждое его движение, мимика, слово, только они были смыслом его жизни. Он этот смысл потерял. Правда, теперь прослушивает записи с автогонок, с шумами машин на автострадах! Он так счастлив. Знаете, одни тишину слушают, другие пение птиц, третье - визги машин. Наверное, еще есть те, которые слушают заводской гудок, а другие - взрывы снарядов, а кто-то – просто голоса своих любимых людей. Разные есть люди. Возможно, только в неподвижности и познается

человек. Его суть. И его мечты о жизни, какой она должна быть, а если нет, то какой она для него могла бы быть настоящей. Может, только в неподвижности и познается настоящая мечта.

- Вы романтик? Как странно! Я про вас читал совсем другое.

- Я про себя тоже другое читал. Но это не значит, что это не я. Я тогда был другим. Теперь перед вами тоже я.

- Кто передо мной? Человек, который убил, или человек, который оправдан? За убийство?

- И то, и другое. Ведь мы все убиваем. Но не все бываем оправданы, и далеко не все оправдываются. Наше убийство начинается с детства. Мы ходим по траве с жучками и паучками, иногда от детской непосредственности раздавим божью коровку или светлячка. Ну и что? Кто об этом плачет? Природа сама себя подставляет – для убийства, она не умеет защищаться... Уже позднее с нездоровым азартом мы стреляем в беззащитных лосей и зайцев. Неужели мы в этот момент так голодны? Если да, то это оправдывает все. И желание жить, и жить поколениям, и нашим детям, а если нет? Если просто так. От азарта? Что тогда это оправдывает? И почему каждый из нас спит спокойно? И никакое лекарство по уничтожению памяти им не нужно. Разве не так? Мы давно узаконили убийство растений, животных, тут же подвернули к нему убийство определенных рас, религий, политически неугодных обществу. Как осталось мало? Вам не кажется, как осталось мало? Просто узаконить убийство? Впрочем, негласное убийство давно уже узаконено. И нам остается лишь одно. Самое малое. И такое некрасивое и беспомощное. Мы должны думать не о том, чтобы не совершать убийства. А чтобы совершать их по минимуму. По минимуму. Потому что все убивают. Но, к сожалению, даже о такой малости думают лишь те, кто имеет сердце. Совершать убийства по минимуму.

- Вы о себе?

Он внимательно на меня посмотрел. Умные глаза, залысина, типичный ученый. Наверное, именно о таком мечтала парикмахерша. И о таком мечтала медсестра Женя. Настоящий ученый, может быть гений. И все же мне казалось, своей звезды он так и не увидел. А возможно, просто не любил смотреть на звезды.

- Я о человечестве,

- Вы сегодня выносите приговор человечеству, а не себе и не мне. А человечество несовершенно.

- Как и я, как и вы. Мы все совершаем убийство. Осознанное или нет. Но не каждый это сможет это признать.

- Я даю жизнь человечеству, более того, отбросив эти ненужные высокопарные фразы, я даю жизнь отдельному человеку. Понимаете, отдельному! У которого есть дом, родные, мечты, планы, возможности, и он имеет право на жизнь, черт побери! Он, отдельный человек, а не какое-то абстрактное человечество! И он каждый благодарен мне. Ведь я ни больше, ни меньше спас ему жизнь. Разве этого мало? Мало, чтобы списать мои прошлые ошибки, прошлые просчеты, прошлое невежество. Разве этого мало?

- Нет, это много. Очень много. Если вы человек с чистой совестью.

- А если не с чистой,

- Смотря что. Любой человек способен на слабости.

- А если этот человек виновен в смерти другого? Но за счет этого совершает немыслимое! Возвращает к жизни многих других! Десятки! Сотни! И кто вам скажет спасибо, если вы меня сможете в чем-то уличить? Кто?

Маслов стал нервно бегать вокруг круглого стола, нервно потирать руки и нервно дергать щекой. По-моему он хотел доказать что он гений. Самое интересное,

что я это и не оспаривал. Потом он вдруг успокоился, обмяк и как-то опустился, не сел, а опустился на мягкое кресло.

– Я вообще-то считал, что я гений.

- Я тоже так считаю. Но я не считаю, что гений не имеет право на ошибки. И главное – не имеет право на память. Возможно, память и совесть это главные категории гения.

- Не думаю. Но все же...

- Все же... Женя погибла. И остальное вы можете сказать сами. А если не скажете, никто об этом и не узнает. Вы останетесь гением. И человеком, спасающим десятки жизней. Но вряд ли останетесь собой. Или тем, кем хотели бы стать, хотя бы в детстве...

Маслов прошелся по комнате, открыл настежь окно, словно хотел полной грудью вдохнуть свежий воздух. Но воздух был такой, что обожал его соперник, далеко не гений Матюхин - прогорклый, автомобильный, уничтожающий. Маслов не собирался уничтожаться. Он жил в той реальности, которая дала ему все, и карьеру, и деньги, и благополучие.

Он нервно посмотрел на часы. У меня с самого начала создалось впечатление, что он кого-то ждет. Очень ждет. И теперь с моим приходом он этого визита боится.

Маслов плеснул себе на дно бокала виски, предложил мне, но я отказался. Он пожал плечами и залпом выпил.

- Я еще не готов к разговору с вами. Мы говорим полутонами. Ни вы меня ни в чем пока не решаетесь обвинить, ни я не решаюсь на правду.

- Может, стоит попробовать? Вдруг другого случая не предоставиться? И жизнь непредсказуема. И мы с вами не менее непредсказуемы, – я не выдержал и, последовав его примеру, выпил. – В конец концов, вы знаете, что я пережил. И искренне за это раскаялся. Но судить кого-либо я уже не хочу, если хотите – просто боюсь. Искренне боюсь вмешиваться в чужую судьбу. Слишком много по моей вине произошло трагедий. К тому же мне нравится Тоня и, возможно, я даже по этой причине вновь пойду на сделку и с вами и с вашей совестью. А вы завтра не решитесь на правду, возможно, потому, что вновь увидите солнечное утро, больничные коридоры и благодарные глаза ваших пациентов. Может быть, у нас остается шанс лишь сегодня?

- Может быть, может быть, - неопределенно протянул он низким грудным голосом. – Но все так неоднозначно. Бывает, что смерть всего лишь одного человека приводит к жизни всего человечества. А бывает – наоборот. Жизнь одного человека может привести к смерти всего человечества. История знает немало примеров, или еще узнает. Знаете, я думаю, что Смирнов... Смирнов стоял на грани открытия против человечества. А вы... Вы изменили ход его судьбы. Вернее прервали ее. И выходит что? Что его смерть вышла в угоду людям? Во всяком случае, хорошим, нормальным людям. Подумайте, не вы его убили. Я думаю, вы здесь ни при чем. Как ни мелко и примитивно звучит, но его убила шайба. И вы здесь ни при чем. И если бы вы не корчили из себя мученика, то вполне возможно сколько бы вы еще дали побед нашей стране. И насколько ее возвысили.

- Вы пытаетесь оправдать меня или все же себя? Или просто убийство? Случайное или нет, но просто сам факт убийства. Вы идете по кругу, и меня за собой тянете. Чтобы я продолжал побеждать, мне не нужно было мучиться, по-вашему, проще уничтожить неуютную часть памяти. Но в таком случае Смирнов был на грани открытия не против человечества, а наоборот. И в итоге я как никто виновен в его смерти!

- Смирнов был ученый. Ученые часто погибают от собственных опытов. Они добровольно приносят себя в жертву на алтарь науке.

- Прежде всего, Смирнов был порядочным человеком. И потому он этот опыт решил прекратить и свое открытие уничтожить. Думаю, он так и сделал. Память нужна любая. Позорная, грязная, непощенная - любая! Только она способна усовершенствовать человека!

Неожиданно раздался пронзительный звонок в дверь. Мы смотрели друг на друга и молчали. Я ждал, что придет Тонька и спасет меня, и опровергнет все мои тезисы и все мои аргументы. Он ждал чего-то другого. Возможно, правды. Возможно, оправдания.

Она зашла просто. Без вызова, без навязчивой вежливости, без натянутого молчания. Она зашла просто. Так. Словно ненадолго. И улыбнулась нам. Мило, просто, без всяких задних мыслей. Сбросила короткий серенький плащик в прихожей, аккуратно поставила маленький зонтик в углу прихожей и даже положила маленькую сумочку так, чтобы мы все ее заметили и не забыли.

- Здравствуй, - сухо сказал профессор Маслов.

Я не был с ней знаком и поэтому ответил вежливо.

- Здравствуйте.

Милая, славная, маленькая, как статуэтка она зашла в комнату и растворилась с ней, упав в кресло, она стала в нем практически незаметна. Маленькая, хрупкая женщина, как статуэтка. В ней все было миниатюрно. Кудрявая головка, точеные черты личика, тонкие пальчики, маленькие ножки. Она была словно не просто женщиной, а пробным экземпляром, эскизом, таким хрупким, которым можно только любоваться, но к которому боязно прикоснуться. Я невольно залюбовался этим макетом женщины. И перехватил на себе жесткий взгляд Маслова. И вздрогнул. Его взгляд не просто испугал меня. Его взгляд был настолько откровенен в этот миг, что не прочесть в нем любовь мог только слепой. С сегодняшнего дня я слепым не был. Я очки с толстыми линзами уже не носил.

Я хотел начать разговор. Маслов хотел начать разговор. Но начала она. Это было естественнее и милее.

- Спасибо, вам за сына. И я не знаю, что еще сказать, - она запнулась, и слезы градом покатались по ее впалым щекам. По-моему, в ее блике самыми крупными выглядели слезы. И это меня до слез тронуло. – Я не знаю, не знаю, если бы было другое слово, чем спасибо. Но... в общем, спасибо. Вы спаси моего сына и этим все сказано.

- Правда? – Маслов неожиданно, уверенно повернулся ко мне и вновь прикурил сигару. – Ведь этим все сказано - я спас ее сына! Вам этого мало!

Я не мог отрицать. Это было много, очень много, спасение иногда дороже смерти. Но смерть разве не дороже спасения, если ее могло и не быть? Я это не знал. Но я верил, если человек талантлив, у него не может не быть совести. И я ее хотел встряхнуть, одушевить, дать ей право на жизнь.

Я приблизился к женщине. Слезы на ее лице высохли. Она полулежала как мумия, спокойная, умиротворенная и главное победившая, победившая смерть. Смерть сына. Она была подчинена не мне, не профессору Маслову, она была подчинена нечто большему, тому чему нельзя найти объяснение и то, чего нельзя высказать даже словом.

- Спасибо, спасибо, спасибо, – повторяла она единственное слово благодарности, которое знала, и которое было придумано очень давно, и не нами.

- И что вы теперь можете возразить? – еще более уверенно спросил у меня Маслов. Он был на своей территории.

- По сути ничего, - я посмотрел на женщину. Она испуганно переводила взгляд с моего растерянного лица на уверенное лицо Маслова.

- Вот и весь спор разрешен. Так, по сути, легко разрешен.

- Я вам помешала? – она встала. Маленькая и хрупкая, она смотрела на нас снизу вверх. На таких больших и сильных. Как ей казалось сильных мира сего. В ее голосе слышался испуг. Словно она вторглась и посмела нарушить исторический ход наших мыслей.

- Нет, что ты, Галя, - ласково, почти нежно сказал этот лысый медведь Маслов. Так сказал, словно прикоснулся к ее раздумывавшемуся лицу. – Ты нам очень, очень помогла.

- И, если можно, помогите еще, - с надеждой обратился я к ней. Я цеплялся за последнюю соломинку. – Галя, скажите, это очень важно и человеку со стороны виднее, вы согласны? Скажите, это всего лишь пример, всего лишь один из аспектов нашего спора. Если бы вы знали, что операцию вашему мальчику делает гениальный хирург, но очень плохой человек, ну, не знаю, подлец, негодяй, пьяница, что еще...

Маслов напрягся, его лицо побагровело. Галя сделала протестующий жест в мою сторону. Мне даже показалось, она хочет меня ударить. Но я решил идти до конца.

- Галя, вы меня не поняли, абстрагируйтесь, это всего лишь пример, это никого не касается. Взгляните на это со стороны. Ну, если бы какой-то врач, гений, спасающий множество жизней, вы бы узнали, что когда-то он совершил что-то страшное. Ну, случайно убил или сбежал с места происшествия, или...

Она резко приблизилась ко мне. Ее лицо пылало, наконец-то я получу пощечину. Я ее, пожалуй, заслужил. Так мне и надо. Неожиданно она провела ладонью по-моему лицу. Я вздрогнул. И услышал позади себя удивленное мычание Маслова.

- Боже, наконец-то я поняла. Вы ведь о себе говорите. Я ведь только теперь вас узнала. Вы тот несчастный хоккеист Белых, да? Ну, конечно! Вы случайно убили. Как же вы мучились!.. А последней главе я не верю. Мне кажется, ее дописали, специально, чтобы вам отомстить. Вы о себе? Можно ли вам продолжать играть? Можно ли вам доверить честь страны и вновь выпустить на площадку? Или доверить тренировать детей? Безусловно! У каждого человека за спиной не только хорошее, возможно, плохого гораздо больше. Да, конечно, я вам отвечу. То, что делает человек, конечный результат его работы это и есть он сам, мне так кажется. Откуда мы знаем поступки и характер человека, который изобретает самолеты, совершает гениальные открытия в астрономии, биологии. То, что двигает общество вперед. Откуда мы знаем их истинные поступки. И что у них в прошлом. Может, кто изменяет жене, еще хуже ее бьет, может кто обидел мать, кто предал друга, кто пьяница, а кто скандалист. Да мало ли пороков на свете? Мы больше знаем о композиторах, художниках, поэтах. И так ли уж много хорошего в их поступках и характерах? Вы молчите. Но результат! Не они остаются! Никто на этой земле из нас не останется. Останется то, что мы сделали. Останется гениальная музыка, картины, стихи, научные открытия и изобретения. А мы... Мы в итоге никто. И, безусловно, даже если бы я узнала о проступке, о страшном проступке врача, гения, который может спасти моего сына, я бы без раздумий закрыла глаза на его прошлое. Ничего не может быть важнее жизни.

- Потому что это касается лично вас. А те люди, родные, у кого погиб самый близкий им человек, как им жить дальше и что делать? Закрывать глаза и позволить гению и дальше совершать гениальные открытия?

- А вот это уже не наше дело, - Галя опустила глаза и вздохнула. – Это уже дело самого гения. Он сам должен все решить. И если он действительно гений, он поступит по совести. Вы, похоже, уже все для себя решили и с собой разобрались. Но я говорю за себя. Сегодня я готова простить все подлости и низости, и просчеты,

и трагичные ошибки всех на свете врачей за одну, единственную жизнь моего ребенка.

Она тихо, плавно, как балерина приблизилась к профессору Маслову. Осторожно взяла его толстую руку и едва прикоснулась к ней губами.

- Спасибо.

Взяла маленькую сумочку, набросила короткий плащик, надела миниатюрные туфельки и бесшумно закрыла за собой дверь.

Профессор Маслов неподвижным взглядом смотрел на закрытую дверь. Словно эту дверь эта хрупкая, как статуэтка женщина закрыла не за собой, а за ним.

- Она вам очень нравится? – спросил я, хотя вряд ли имел право на этот вопрос.

- Это уже не имеет никакого значения.

- Но спор она-таки разрешила. И я больше не хочу копать ни в вашей жизни, ни в вашем прошлом. Я понял одно, выйди я сейчас на улицу и спроси у всех больных и их родственников: хотели ли бы они видеть вас за решеткой или за операционным столом? они ответят в один голос одно. И ответ мы с вами знаем. Хорошо. Если они меня еще не отлупят за этот глупый, никчемный, провокационный вопрос. Вы великий врач, и никто это не оспаривает, более того вы спасли десятки жизней!

- Кроме одной. Такой маленькой хрупкой, может не такой уж и нужной. Но кто знает, какая жизнь нужна или нет? И простил себя за это.

Мы словно поменялись местами. Мне почему-то так хотелось его оправдать, словно в который раз я оправдывал себя. А ему так хотелось, чтобы его обвиняли, словно он об этом давно мечтал, но не признавался даже себе.

- Они хотели бы меня видеть за решеткой или за операционным столом?

- За операционным столом, - честно ответил я. – Но вы при этом видели себя за решеткой. И, по-видимому, не один раз. Вы делали операцию за решеткой, утро встречали за решеткой, провожали день, любили, не любили, радовались, огорчались, все – за решеткой. Вы не были свободны. Хотя не признавались в этом даже себе. Вы словно жили другой жизнью, которую у кого-то украли. А ваша, истинная жизнь, проходила мимо вас, за решеткой. Чтобы вы ни делали, а словно отбывали срок.

- Все мы на этой земле отбываем временный срок, - усмехнулся профессор Маслов. – Просто мне этот срок дался гораздо легче, уютнее и безопаснее, чем остальным. И я всегда себя мог оправдать. Своими действиями, а не словами. И не бессмысленными муками совести по ночам.

- Знаете, после разговора с этой женщиной... В общем я все понял. Вы давно себя оправдали. Даже если бы не было других операций, а только эта, только эта одна спасенная жизнь – ее сына... В общем, вы выиграли этот спор... Это даже не спор, вы выиграли эту идею. И я был тысячу раз не прав. Мы всегда ищем виновных в чужой смерти. Как-то легче, что ли оставаться жить с мыслью, что есть виновные. Даже в естественной смерти. Даже в смерти близких. Мы дотошно рассматриваем свои слова, поступки, мысли, всю ту боль, которую причинили. И обязательно находим. И виним себя. И упрямо доказываем себе, что если бы не мы... еще кто-то мог бы жить. Но я не думаю, что это так. Искать виновных в смерти – отрицать саму жизнь. Мы пришли на землю для испытаний. Испытания проводятся на каждом из нас. Нас испытывает судьба, и мы в той же степени испытываем ее.

- Странно, - Маслов разлил еще виски, и мы выпили. – Вы пришли, чтобы судить меня, и я так хотел оправдаться. Теперь вы оправдываете меня, а я ... Я хочу, чтобы меня судили. Ведь я не выдержал тех испытаний, о которых вы

говорили. И считал, еще недавно считал, что жить с мыслью о том, что сделал что-то ужасное, вполне возможно. И, кстати, жил. Неплохо жил.

- Вы не жили с этой мыслью. Эта мысль была уничтожена путем научного эксперимента. Вы забыли, что случилось тогда, в ту ночь, когда разбилась машина. Над вами просто проводился опыт. А если бы не проводился? Я уверен, что вы поступили бы иначе.

- Черт побери! – Маслов стукнул кулаком по столу, и стаканы задребезжали. Его всегда румяное лицо стало неестественно бледным. Он устало прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. – Я сам согласился на этот опыт, понимаете, сам! Не ради великой цели, не ради науки, не ради спасения пациентов! Все гораздо проще! Я добровольно подверг свою жизнь эксперименту, чтобы сохранить свою жизнь! Проще говоря, спасти шкуру! Я был в отчаянии! В ту ночь... Я очень любил Женю, но я сказал, что не люблю! Понимаете, это была бессмысленная любовь! Я никогда бы не посмел бросить семью, только потому, что всю жизнь считал себя порядочным человеком. И я не мог перечеркнуть свою порядочную, безупречную жизнь, ради любви. Я не из тех храбрецов, которые ради любви способны на все. Для меня гораздо дороже... даже не репутация, а свое, свое же мнение о себе, и свое к себе уважение. Видите, как просто. Порядочности у меня хватило на тайную любовь. И потом, так же считая, что делаю все верно, по законам, я решил эту любовь разорвать! К тому же я нашел для себя тысячи оправданий, и даже подготовил тылы! Ведь у нее был парень! И я подозреваю, что именно она его и любила по-настоящему! А я... Я был слишком на него не похож, чтобы она не смогла мной не увлечься. Вот так я себя и оправдал. Мы забудем друг друга. Я уже тосковал о семье. А она... она так молода и импульсивна, и этот задиристый мальчишка обязательно сделает ее счастливой! Черт побери, ведь так и должно было быть! По всем законам логики!

- Да, я тоже так думаю, - я кивнул в знак согласия. – И до сих пор не перестаю удивляться, почему наша жизнь так не логична, если законы логики давно открыты?

- Да черт его знает, скорее всего, потому что сам человек нелогичен. Это ведь и пытался доказать Смирнов в свих теориях. Все зависит от человека, от логики его поступков. Но человек по-че-му-то предпочитает идти против них. Против них пошла и Женя.

Маслов со всей ладонью надавил на пульсирующие виски. Я видел, что ему больно вспоминать. И что наконец-то он хотел все вспомнить. И, наверное, без меня. Мы довольно долго сидели молча, я успел еще выпить виски и выкурить две сигареты. Я прекрасно знал, что Маслов не будет вдаваться в подробности. Он специально скажет главные факты, которые смогут его уличить до конца. А подробности он оставит для себя, для своих бессонных ночей, для своей совести, для всей оставшейся жизни. Меня подробности не касались.

- Да, вот так все и произошло, - словно на заседании суда начал он. Сухо, бесстрастно, безоговорочно. – Женя была пьяна, но за руль не села, несмотря на сумасбродность ее натуры, у нее было железное правило профессионала – пьяным за руль не садиться. К тому же она, наверное, очень хотела жить. Я был за рулем. Хотя, конечно, мне было бы легче оправдать себя, что это по-пьяни мы залетели в пропасть. Вернее, только она. Но я был трезв как стекло. В машине она вела себя нервно, впрочем, что вполне оправдано для женщины, которую бросают. Много говорила, много плакала и тому подобное. Мы выехали за город и неслись по обочине обрыва. Она в порыве... ну, в общем, просто в порыве схватилась за мою руку. Я потерял управление, и еле успел выскочить из машины. И уже на обочине обрыва смотрел, как она летит вниз. Что было дальше - плохо помню. Но, видимо, о своей шкуре помнил прекрасно. Я побежал. Бежал долго. До самого города. И все было на моей стороне. Ни одного свидетеля. Моего трусливого предательского

побега. В городе я взял такси. Все разрешилось легко, просто. И в мою пользу. Чего не скажешь о девушке. Девушке, которую я... я очень... Впрочем, остальные слова излишни.

Он говорил, глядя куда-то вдаль, в одну точку на стене. Словно на суде излагал бесстрастные факты. Которые ударили сильнее любого красноречивого, пылкого признания. И мне показалось, что он впервые исповедовался. Не судье, не священнику, не господу Богу. А самому себе.

- Егор Николаевич, вы несознательно причастны к гибели девушки, – я сам не узнавал свой голос, он был хриплым, чужим. Я знал, что чувствует этот Маслов. Я ведь тоже был причастен к гибели человека. – Вы плохо соображали. В этот момент больше всего хочется, чтобы отключилась память. Кто-то напивается до умопомрачения, кто-то глотает пригоршнями успокоительное. Каждый хочет забыть. С надеждой проснуться и узнать, что это был лишь кошмар. Но, проснувшись, память возвращается. И как пережить эту память? И победить ее? Профессор Маслов вам помог забыть. Он был теоретик по изучению человеческих душ, практик и прагматик, и великий ученый. Он мог дать индульгенцию на право забыть. А значит индульгенцию на преступление. И он дал. Но судить мы его не можем. Он не был плохим человеком, он был великим человеком, он не был плохим ученым, он был великим ученым, и он не был плохим, он был великим. И мы этого не поняли и не поймем только потому, что нам это не нужно и вредно. И это он понял раньше нас, он отказался от своего открытия. И простил себя, и нас. И свою смерть. И наше будущее после него.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Мы молчали. Мне нравился этот человек. И я нравился ему.

- Я это и не оспариваю, - усмехнулся Маслов. – Более того, Смирнов очень рассчитывал на меня. Он думал, видел людей, умел угадывать их. И почему-то решил что я порядочный человек. И ошибся. Как и ошибся во многом другом. Его теории были выстроены. Если открытие существует, хотя бы в мозгах, ход его уже остановить невозможно. Я как ученый прекрасно это понимаю. Даже если открытие не в угоду человечеству. И Смирнов решил применить его на мне с минимальным ущербом для человечества. Просто испытать. А потом решить, нужно ли его обнародовать. Или нет. Но он почему-то отказывался понимать, что даже если он уничтожит изобретение, рано или поздно оно будет повторно изобретено, возможно, в гораздо изощренной форме. Открытия повторяются в мозгах, как, думаю, повторяются даже все великие произведения. Даже если бы художник нарисовал гениальную картину, никто ее не видел кроме него, и тут же ее сжег. Кто-нибудь, обязательно бы нарисовал точь в точь такую же. Если изобретение вышло в космос, уничтожай не уничтожай, это бессмысленно. Только формально можно его сжечь. Но оно уже обретает астральное тело, душу. И рано или поздно уже под чужим именем материализуется. Впрочем, я отвлекся. Я что-то говорил... Как всегда о себе...

- Только не все сказали, вы, как и Смирнов, тоже ученый и тоже великий. И тоже неплохой человек.

- Вы повторяете ошибку Смирнова. Хотя вам более позволительно ошибаться в людях, чем ему... Так вот, думаю, он и решил поэкспериментировать именно на честном, порядочном, талантливом человеке. Во-первых, это бы как-то оправдало его в том, что он умолчал о преступлении, более того способствовал умолчанию. Во-вторых, как я теперь думаю, он этот эксперимент не собирался затягивать. А потом... Потом он рассчитывал, когда я все вспомню, то моя совесть решит – что делать. И решит правильно. Он ошибся. Бездна за преступление может привести к его повторению. Знаешь, я бы мог убить еще раз. Человек, убивающий

хоть раз, способен еще на убийство, если забывает про прошлое. И особенно если есть что терять. А мне было что терять.

- Я знаю. Я ведь стал на вашем пути. И это вы были в машине, которая...

– Которая тебя чуть не переехала, если бы не твоя реакция. И случай. Более того, - глаза Маслова горели нездоровым огнем, они приблизил свое лицо к моему так, что слышалось его прерывистое дыхание. – Более того, я чувствовал, что могу убить еще и еще. Еще и еще. Всех, кто мешал бы мне жить так, как я уже жить привык. Хорошо жить! Понимаешь, какая парадоксальная вещь, ведь, как ни крути, только после того... ну, убийства Жени, а потом когда моя память начисто позабыла, я стал тем кем стал! И я стал гораздо больше, чем мог стать, если бы ничего этого не было. И имел я больше, чем мог бы иметь. Ведь до этого случая... Я был хорошим, очень хорошим врачом. Но не более того. И у меня вряд ли были бы перспективы! Не тот характер, не та хватка! И не та совесть! Вернее, слишком ее много уж было для того, чтобы в сегодняшнее время стать великим! И что получается!

- Что? – я нахмурился, но не отодвигал от него своего лица. Я неотрывно смотрел и смотрел в его горящие, пылающие глаза.

- Это страшно, но я пришел к этому выводу, независимо от Библии, независимо от Данте, независимо от человеческого опыта и независимо от Смирнова, человек, продавший душу, как-то невероятно быстро и безболезненно идет к вершинам. И все, все у него получается! Понимаешь, душа словно отягощает, словно лишний груз, мешающий карабкаться вверх. Тело без души становится легче, свободнее, независимее, оно может делать что хочет! Это как в дирижабле, чтобы выше подняться, надо больше балласта сбросить на землю. Особо это ощутимо в особые времена. Сегодня тоже особые времена. Когда перевес на весах у тела, а не у души. И души становится все меньше и меньше, она убывает и убывает. Человек уже свободно угождает своему телу и аппарат Смирнова не так уж и актуален. Потому что все подлости и так легко, добровольно забываются, разве только помогают подняться все выше и выше. Сегодня как никогда легко совершаются подобные сделки, как никогда за бесценок продается душа, выставляется на аукцион, вкладывается в акции, или никому не нужная валяется на помойке. Знаешь, сегодня сколько валяется бесхозных душ? Боюсь, что наша земля скоро вся превратиться в помойку, на которой будут валяться проданные души. Вот ты говоришь, я великий врач. Может быть, может быть. Я спасаю сердца людей. Я спасаю их жизнь. Это очень много. Галя говорила – это все. Но... Откуда мне знать – чьи сердца и чьи жизни я спасаю? Я ведь тоже ничего не знаю о своих пациентах. Как и они обо мне. А вдруг я спасаю убийц или потенциальных убийств? Вдруг не спаси я сегодня этого человека, завтра бы сотни остались живы? Откуда я могу знать? Спасая определенного человека, совершаю я подвиг или преступление? Если бы с сердцем я мог спасти души. Вот тогда... Только тогда я бы признал себя гением. И, наверное, оправдал!

Маслов перевел дух, словно он беспрерывно бежал и не мог остановиться. Бежал неизвестно куда, как тогда, в ту ночь, когда погибла его любимая девушка. Бежал от трагедии, от себя, от своей памяти.

- Вы – врач, - я положил руку на его плечо и слегка пожал. – Вы обязаны спасать. И больше ни о чем не думать. Вешать человека за преступление или вешать ему медали за подвиг – это уже обязанность других инстанций. А судить... Судить по-настоящему, всю его жизнь, всю его душу - это уже совсем высший удел.

- Да, пожалуй, - он опустил голову и закрыл лицо руками. И так же, не отрывая от лица рук, вновь заговорил, словно сквозь решетку из пальцев. Сквозь решетку, в которой он жил последнее время и не осознавал это.

- Смирнов на меня очень надеялся. К нему меня привел Макс. Мне кажется, вряд ли он сочувствовал мне. Хотя во всю изображал сочувствие.

- Вы познакомились с Запольским через Тоню?

- Нет, хуже того, это я их познакомил. Потом, когда нам двоим это было нужно. Именно нужно, выгодно. Расценивайте теперь мои слова через призму продажи души. И вы легче поймете. После той трагедии я не помню как добрался домой, у меня был по-моему жар, я метался, жена очень испугалась за меня. Но мне было легче, я забылся в жару. А утром... Вы правы, я проснулся и все вспомнил. И стало еще хуже. И уже не было жара. Я целый день с надеждой ждал, что за мной придет милиция, но мною никто не интересовался. Более того, кратко и бодро, вы заметили, как бодро они сообщают о смертях? Словно хотят их представить как нечто естественное, нормальное, за которое и переживать не стоит. Чтобы мы привыкли к их каждодневности, будничности, и не печалились по этому поводу. И души уже не хватает на каждую смерть, и души становится все меньше и меньше. Так вот бодренько сообщили в передаче о ЧП, что разбилась девушка, будучи пьяной за рулем. И все! Все! Как будто и не было девушки. Молодой, красивой, здоровой. Но я не о том, я опять о себе. К вечеру я уже понял, что если что-то не предприму, то сойду с ума. Я как врач знал, что смерть гораздо лучше умопомешательства. И у меня был выбор. Но я хотел жить. И к счастью моим соседом оказался Макс, я мало его знал, но в порыве тут же пришел к нему. И он встретил меня с распростертыми объятиями. Вот тогда и началась моя сделка. Выверенная, высчитанная, безошибочная. Потому что Макс никогда не ошибается. Ошибаются лишь те, кто душу имеет. А это не про Макса. В общем, я попал в точку. Я встретился с Максом. Он изобразил сочувствие. Это единственное, чему он научился в своей альма-матер. Игре. Я не то чтобы поверил. Но согласился с его игрой. И выложил все. В душе я надеялся, что он посоветует мне идти с признанием. Мне было бы легче. Но он умно, тонко, грамотно доказал, что пока это делать не надо. И я ни в чем, по сути, не виноват. Девушка вцепилась мне в руку, и я по ее вине потерял управление. И не мог же я по доброй воле броситься за ней в пропасть. Для Ромео я слишком уж умен, солиден и староват. В общем, веские аргументы. И тогда Макс посоветовал обратиться к ученому Смирнову. И заверил, что это и есть настоящий выход. Уже тогда Макс с моей помощи хотел завладеть научным открытием Смирнова.

Маслов перевел дух. И продолжил:

- Я сразу же понравился Смирнову. И он в меня поверил. Поверил, что я сгжусь для науки. Что я хорош для науки. И душу во имя науки никогда не продам. Я ее во имя науки не продал. А продал во имя другого. И гораздо дешевле.

Мы долго говорили со Смирновым. Это был незаурядный человек. Человек, что называется с широкой душой. Широким образом мыслей, и широким, если так можно сказать, жизненным размахом. Но создавалось впечатление, что он все это заключил в определенные рамки, и жизнь, настоящую жизнь сузил до таких пределов, в которые мог вместиться лишь его эксперимент. Мне даже казалось, он недолюбил, недострадал, недомечтал. Все у него было как-то недо... Впрочем, не мне его судить. Если он захотел. Мы сразу же стали с ним друзьями. И никто даже и мысли не мог допустить, что мы расстанемся врагами. И только теперь, после смерти, возможно только сегодня, вот в эти часы, мы вновь становимся друзьями. Впрочем, я не знаю, захотел ли он этого.

- Думаю, Егор Николаевич, нет уверен – он этого захотел. И ваше перемирие состоялось.

- Состоялось? – Маслов упрямо покачал головой. – Готово было состояться, возможно состоялось бы. Но состоялось... Об этом в настоящем времени еще рано говорить.

- Он с помощью своего изобретения действительно уничтожил вашу память?

- Ну, память, это громко сказано. Кто желает исключительного уничтожения памяти. И потом, думаю, подобное изобретение по уничтожению всей памяти уже состоялось. Вот именно, речь шла о более важном, и, наверное, для человечества более опасном эксперименте. Об уничтожении частичной памяти. Той, которая негодна человеку. Которая мешает ему жить, работать, спать по ночам, смело смотреть людям в глаза. По сути это было частичное уничтожение совести. Как бы ненужное, как на холсте стирается то ненужное, что было нарисовано изначально, лишние штрихи. В общем, если говорить более ясно, откровенно и более смело, это был прибор по уничтожению грехов человека. Но Смирнов об этом не думал. Он хотел освободить человека не от грехов, а от мучений совести, которые жить мешают. И очень сильно разочаровался в своем открытии.

Мы провели несколько сеансов. И эксперимент действительно удался! Я помнил все, кроме Жени. Про ее существование я забыл начисто. Я вновь любил свою жену, обожал детей, и моя карьера пошла в гору. Но Смирнов ошибся в своих расчетах. Он считал, что это лишняя память удаляется навсегда. Но это не так. И в один прекрасный день я вновь проснулся. Проснулся с ужасом, что натворил. Но у меня уже не было и мысли бежать в милицию или прилюдно каяться, не было мысли и идти к психиатру. Я был другим! Все равно, независимо от моей памяти время ушло. Я словно излечился. И у меня уже все было прекрасно. Мои научные открытия признал мир, мои операции гремели на весь мир, родственники пациентов, кому я спас жизнь буквально падали передо мной на колени. Я купил дорогой дом, дорогую мебель, дорогую машину. Я привык к дорогой жизни. Более того я завел интрижку на стороне с премиленькой стюардессой, и совесть меня уже не мучила! И, безусловно, никакая вернувшаяся память не могла мне помешать жить именно так! Я душу был готов продать за эту свою, устоявшуюся жизнь!

Он опять сделал паузу.

- Впрочем, к тому времени я ее уже давно продал.

- Вы украли изобретение для Макса? – я испуганно подался вперед. Этого еще не хватало!

- Нет, но не потому, что не мог. А потому, что не успел. Но торговая сделка все равно состоялась. Изначально состоялась.

- Вы сделали Запольскому бесплатную операцию на сердце?

- И не только это. Я специально открыл при своей клинике для него центр по психологическому восстановлению больных после операции на сердце. Который естественно возглавил Макс. Он купался в деньгах и славе. Это был первый подобный центр в нашей стране, и реклама его была соответствующая. Иногда мне кажется, что единственное, в чем Макс виртуоз, так это в рекламе. Впрочем, для сегодняшнего времени это не мало, если вообще это не все! Но Макс и этого было мало. Он однажды увидел мою племянницу...

Я невольно сжал кулаки. Тоня. Эта девочка невольно оказалась всего лишь платой, товаром купли-продажи, лотом на аукционе совести.

- И не смотрите на меня так! – Маслов вздрогнул от моего взгляда. И махнул рукой. – Впрочем, мне повезло, что я могу на себя не смотреть, ведь зеркала легко разбиваются. Да, я познакомил их. Впрочем, Тоню в его объятия я не толкал. Она умная, честлюбивая девочка, с какой-то ноткой трагичности в душе и легким цинизмом, которым эту трагичность она прикрывает. Честлюбивой девочке Макс понравился. А ранимая, тонкая ее душа так и не смогла его полюбить. Я отдал ей свою машину, квартиру. Они стали соседями. Удобно, чтобы они жили рядом, удобно, чтобы они были вместе. Некоторая гарантия безопасности и хранения тайны.

- Но Тоня ни о чем не знала?

- Безусловно, и теперь не знает. Пока не знает. Про Женю. Более того, и я определенное время не знал. Я ведь забыл! А вот когда вспомнил, Тоня как никогда нужна была! Она была гарантией, что Макс не проболтается. В некотором роде заложницей. Красивой, молоденькой заложницей... Вы меня ненавидите?

Последний вопрос он произнес легко, просто, как само собой разумеющееся. И я только по этой фразе понял, насколько он ненавидит себя. И мне искренне стало его жаль.

- Продолжайте, Егор Николаевич. Мои чувства здесь ни при чем.

- Когда я проснулся и вспомнил тот кошмар, случившийся уже полтора года назад! Это целый кусок жизни! Я уже не мучился. И Женю вспоминал без тоски. Главная моя мысль была о спасении. И я решил по-прежнему изображать из себя человека с частичной потерей памяти. Макс это понял первый. И потребовал от меня, чтобы я украл изобретение Смирнова. Он меня шантажировал. В том числе и Тоней. А потом узнал Смирнов. Конечно не без помощи Макса. Ему нужно было во что бы то ни стало овладеть этим научным открытием, иначе он грозился открыть правду. И я чуть было не помог ему в этом. Но случай, судьба, Бог не захотели, чтобы Макс был хозяином этой научной теории. Ему во всем везло. Кроме науки. Она никогда не играла на его стороне. Хотя, возможно, он этого хотел больше всего на свете.

Я отлично помню тот вечер. Смирнов пришел ко мне в клинику. И потребовал объяснений. Изображать из себя придурка больше не было смысла. Он кричал, доказывал, что я не прав. И более того – не прав он! Что раскаяние ведет к совершенству человека, безнаказанность – к разрушению личности. И все в том же духе. Он говорил, что давно подозревал. Что я стал совсем другим. Что он породил во мне чудовище и хочет теперь его уничтожить во мне. И требует, просит... Он почти плакал, чтобы я добровольно явился с повинной. Но было уже поздно. Я даже не приводил аргументов в свою пользу. Я просто стоял и смотрел на него, такого маленького, лысенького, в безвкусных роговых очках, опирающегося на трость. Особенно меня рассмешил его пиджак! Такие носили сто лет назад, более того, я не знаю, вообще носили ли такие пиджаки. Или это придумка Смирнова. Один из методов его сценического образа. Я стоял, смотрел на него и улыбался. Я его не боялся. Он был слишком порядочен, чтобы настучать на меня. И слишком виновен, чтобы на меня настучать. И он это понял. И хромяя направился к выходу и не выдержал и обернулся.

- Знаете, что самое страшное? Убив один раз случайно, но безнаказанно, всегда есть вероятность второго уже осознанного убийства, - сказал Смирнов.

- Не беспокойтесь, я вас не убью. – ответил я, почти смеясь.

- Лучше бы это был я. Во всяком случае, я это заслужил.

И тут я вспомнил об обещании, данном Макс. Мне нужен был этот аппарат! И улыбка сошла с моего лица, и я просто сказал.

- Юрий Петрович, покажите мне в последний раз то, что сделало меня счастливым.

- То, что уничтожило вашу душу, вы хотите сказать? – он уже откровенно улыбался. Достал аппарат из нелепой сумки, похожей на авоську и тут же, перед моим носом разбил его вдребезги.

- Видите, как легко разбиваются великие открытия. И как легко убивается душа. Как жаль.

Больше я его не увидел. Я узнал, что он погиб. Благодаря вам. И мне, и Макс. Это было на руку. И мы не плакали по поводу его смерти. Наверное, кто-то наверху, только не Бог, услышал наши молитвы, и этого человека не стало. Он унес тайну с собой. И это было выгодно мне. А Макс надеялся, что остались чертежи, что он не успел их уничтожить, и он наконец-то станет полноправным открывателем, ученым

века. Смирнов проводил эксперимент и над вами, и надо мной. Впрочем, разницы нет, мы одинаково научились забывать. Но наше различие в том, что вы вовремя опомнились и раскаялись опять же ценой смерти Смирнова, видимо он это тоже просил, и уже, наверное, у Бога. Я же раскаялся только теперь. И что будет дальше...

- Возможно, только теперь вы проснулись по-настоящему и возможно только теперь действие аппарата действительно прекратилось. Вы вновь стали собой. И вы не виновны.

- Оставьте, это лишь отговорки, - Маслов махнул рукой. - В этой истории только Макс не виноват. И эксперимент над ним не был нужен. Он и так все легко умеет забывать. Более того, мы все очень виновны – и в смерти, и во лжи, и в путаной перепутанной судьбе, своей и своих близких, и если глубже капнуть, против нас даже закон. И только Макс один незапятнан. И получается ни в чем не виноват. Абсолютно ни в чем. Куда ни кинь. Ему удивительно идут белые перчатки.

- Они всем идут. У кого грязные руки.

Маслов тяжело поднялся с места и тяжелым шагом прошелся по комнате. Мне показалось, что за эти часы он постарел лет на десять.

- Знаете, - он резко ко мне обернулся. – Смирнов был ученый. И он не мог уничтожить чертежи, даже в порыве. Он должен был еще долго думать, как их применить – более справедливо – к человечеству. И я боюсь...

- Вы думаете Макс может до них добраться?

- Все может быть... Хотя если до сих пор не смог...

Я поднялся с дивана вслед за Масловым и протянул ему руку.

- Мне пора, Егор Николаевич. Я искренне рад был с вами познакомиться.

Поверьте, искренне.

- Взаимно, - он в ответ крепко пожал мою руку.

- Я не знаю, что сказать, я не советчик и не имею право. Я шел сюда с тем, чтобы заставить вас признаться. С этим когда-то шел и Смирнов. Но теперь, я очень, очень прошу вас. Не делайте этого. Вы и так себя наказали. Раскаяние – самое страшное наказание, ему нет равных. Я уверен, тысячи нераскаявшихся сидят в тюрьмах. И их жизнь гораздо легче, гораздо того, кто в шикарной квартире, среди шикарной мебели, окруженный лаской и вниманием близких, по ночам бьется головой об стену. Не нужно ничего говорить никому. Поверьте, вам и так очень, очень будет нелегко. Я это уже прошел. И только вчера вновь ожил. И вновь нашел силы жить. И вы начнете. Вы – гениальный врач. И вы нужны медицине, науке, вы нужны всем нам, и вас ждут тысячи больных, которых вы можете спасти. Они вас ждут. И я очень, очень хочу, чтобы они дождались.

- Спасибо, - он наморщил свой высокий лоб, лоб гения. – Я подумаю над вашими словами. Но Тоня...

- А Тоне тем более не нужно ничего знать. Иногда легче живется без лишних знаний, как профессор, вы это знаете. Пожалейте своих близких.

- А вот в этом вы, пожалуй, точно правы. Да, я забыл вам еще сказать... Если бы не вы... В общем я влюбился в ту, миниатюрную женщину. Галю. Сына которой спас. И пригласил ее сегодня. Вы сорвали еще одну чудовищную сделку. Как мне надоело падать... Как надоело. И не видно земли... Так что еще один повод поблагодарить вас.

- Вы забыли, я не священник. Я хоккеист. Бывший. Который однажды, уверенный в своих бесконечных победах и безнаказанности, так метнул шайбу, что убил великого ученого... И даже не нашел мужества когда-то уйти в монастырь.

- Возможно, нашли мужество туда не уйти. За стенами монастыря гораздо легче укрыться от всех грехов. Здесь это сделать труднее.

- Вы попробуйте. И у вас получится. Как у меня, до свидания.

Я вышел на улицу и огляделся. Жаркий день уже давно уступил законное право теплomu вечеру, который постепенно отступал и переходил в прохладную ночь. Скоро осень, почему-то с облегчением подумал я. Самое время для активных тренировок. Вскоре уже откроется и хоккейный сезон.

Мое прошлое, которое давно от меня отступило или от которого отступился я, вновь потихоньку, ненавязчиво возвращалось. И я был этому рад. Я, как и Маслов, словно проснулся. Но мне было легче в отличие от него. Я проснулся с легким сердцем... Его же впереди ждал кошмар. Но я очень, очень надеялся, что он его сможет пережить.

Идти мне было некуда. Не было дома, не было друзей. Не было любимой женщины. Не было просто укрытия, где я бы спокойно мог побыть один и подумать. Уже не о прошлом. А о будущем.

Похоже, все загадки разрешены. И научное открытие Смирнова уничтожено. Он его уничтожил сам. Наверное, так и нужно. Наверняка бы его использовали не во благо. Что сегодня идет во благо? Сколько еще вреда могло привести частичное уничтожение памяти? Человек и так оказался не слишком высок по своей натуре. А еще если у него уничтожить право помнить и думать... Это уже будет не человек. Робот. Которым можно манипулировать, управлять. Он и дешевле обойдется, поскольку рождается естественным путем. Конечно, Смирнов прав. И, конечно, он вовремя оценил свою победу в науке и свое поражение в науке. Хотя Маслов говорил, что все воплощенные идеи, даже если они уничтожены, неизбежно вновь возродятся. Как птицы фениксы. Из пепла. Но возродятся. Поскольку можно уничтожить лишь физическое тело. Но не идею. Она всегда находит свою материализацию в пространстве. Если она запущена в космос. И она непременно вернется на землю.

Но надеюсь, это будет не скоро. Во всяком случае, этого Смирнов не хотел. И поэтому вряд ли он сохранил чертежи своего аппарата. Нечего опасаться, что Макс до них доберется. Добираться не до чего. А Макс никогда ничего не совершит гениального, за это можно не беспокоиться. И вряд ли дождется второго Смирнова на этой земле. Так и умрет разрекламированным бездарем, рекламным королем, рекламодателем пустячных и незначущих для мира и невидимых миру идей.

Мне пора было подумать о будущем. Пожалуй, о будущем лучше всего думать в гостинице. Ощущение временности рождает постоянство мыслей. Ощущение, что в любой момент можно уехать, уйти – в любую сторону, порождает чувство умиротворенности, гармонии и радость выбора. Ощущение, что с нуля можно всегда начать жизнь. Не глядя на прошлое, каким бы оно ни было. Но всегда помня о нем.

Я когда-то не любил гостиницы, сколько я их «перепробовал» за свое спортивное время. Я был домашним, я любил постоянство. Как все изменилось. И оказывается как все может измениться у каждого из нас. Постоянство не существует в природе. Это иллюзия. Все временно, даже само время. И все не вечно, даже сама вечность. Что говорить о человеке.

Я вытаскивал бумажник и вздохнул. Черт! Я не забрал свои деньги. Их оставалось не так много, но гостиницу я мог еще спокойно снять. Да, немало у нас зарабатывают продажные хоккеисты. Придется прокрасться в квартиру Смирновой. Вдруг вокруг дома притаились репортеришки со своими фотоаппаратами. А, впрочем, возможно, я преувеличиваю. Вчера была премьера книжонки Макса. А сегодня все могли про нее благополучно забыть. В нашем мире нет вечности, и память коротка. Наша память определяется всего лишь одним днем.

Как наивен был Смирнов, если хотел с нею бороться. Боюсь, что бороться уже давно не с чем.

Я шел по прямой к дому Смирновых, через дворы. В одном я заметил толпу людей, медленно разбредавших в разные стороны. Странно, уже было поздно для такого людского собрания. Судя по их лицам, не похоже, чтобы они уходили с праздника. Тут же я заметил свет от пламени. Дворник, высокий, какой-то очень большой, бородатый, сжигал ненужный хлам попеременно с пожелтевшими листьями. Я приблизился к огню и протянул руки. Скоро осень, и летние вечера нынче уже холодные. Свет от пламени тонкой струей медленно и плавно уходил ввысь, к звездам и звезды словно погружались в туман, дымовую завесу. Я задрал голову вверх. Я видел звезды, словно через тонированное стекло, как в детстве. Когда мы под мутное стекло клали цветы и закапывали под землю. И называли это секретом. А потом секрет раскапывали, я помню до сих пор это необъяснимое чувство радости, когда опускаешь руки во влажную землю и нащупываешь стекло и аккуратно очищаешь его. И секрет становится раскрытым. И ты радуешься, словно это не твой секрет. Словно это не ты сам его закопал и сделал секретом... И теперь, глядя на небо, мне хотелось протереть его рукавом – от дыма и увидеть секрет. Может быть, там будет звезда? Но вряд ли секрет неба будет раскрыт. Это неподвластно даже таким ученым, каким был Смирнов.

Дворник бросил охапку листьев в костер и вслед за мной посмотрел на небо.

- Удивительно, перед наступлением осени больше всего звезд. Больше всего листьев, больше всего воздуха. Лето словно торопится отдать все, что не успело или затаило. А может просто заигрывает с осенью.

- Мне кажется не стоит вообще жечь листья, - сказал почему-то я. Мне казалось, что вместе с листьями дворник сжигает и звезды, и воздух, и все летние дни.

- Так надо, - вздохнул дворник. – Может и деревья валить не надо, и заводы строить не надо. Ведь вообще все сжигают. И письма сжигают. И рукописи. И дома. И даже людей. Вон сегодня сгорел еще один человек. Был он, не было, какое уже имеет значение. Когда жил, никому не был нужен, даже подтрунивали за его спиной, посмеивались. И в основном не видели. Удивительно бывает, человек живет так, что его не видят. А может это и есть самая правильная жизнь, чтобы тебя не видели. Не ты нужен, нужны твои дела. Я вот думаю, можно сколько угодно маячить перед глазами, красоваться, а помрешь, никто на второй день и не вспомнит, как ты выглядел. А вот человек жил неприметно, а помер, все сразу и захотели его увидеть, запомнить навсегда, поплакать о нем, все как-то поняли, как его не хватает. Значит, не зря прожил. Значит, нужен был нам, всем нам...

Я еще больше приблизил руки к огню, мне стало еще холоднее. Я прекрасно знал, о ком идет речь.

- Вы-то здешний? – дворник внимательно на меня посмотрел. – Вроде лицо знакомое.

Лицо могло быть знакомо по моим былым заслугам. Но я об этом умолчал.

- Здешний, - сказал я. – И он тоже нам каждое утро приносил газеты. И я тоже его не видел. И тоже, как многие, ругался, что меня разбудили. И как многим мне теперь пусто без этих утренних звонков.

- Никто даже не знал, как зовут старика, - вздохнул дворник. И помолчал. - А сам он был полуслепой, плохо видел наш мир. А оказалось, это плохо видели мы. Раз даже его не смогли разглядеть. Потерять зрение это еще не значит не видеть. Иметь зрение еще не значит быть зрячим, - мудро заметил вдруг дворник.

- Вы прямо философ.

- А я и есть философ, – просто ответил он. – В прямом смысле. Закончил философский университета. А только закончил, философия как наука оказалась выброшенной на помойку. Или... Или вот как эти листья ее сожгли. Не только листья и книжки сжигаются, но и идеи. Это я знаю. Поэтому придумал для себя лучшую

профессию, где можно по-настоящему философствовать и вместо идей сжигать листья. Вот так.

- А собаку старика куда дели?

- Да сама делась, за ним бежала на кладбище. До конца боялась оставлять его. Он же без нее не смог бы ходить. Думала, бедалага, что и лежать без нее не сможет. Нет, лежать все смогут. Тут помощь ни от кого не нужна. Там, на кладбище где-то и потерялась, а может где то сидит на его могиле и воеет. Плакивает старика. Впрочем, плакивали и мы. Весь район хоронил. Жил без людей, одиноко, А помер среди людей, и друзей оказалось ох как много, живой бы позавидовал. Впрочем, с мертвыми дружить проще. Им и не позавидуешь, и они не поспорят. Вот так. Жил совсем бедно, а похоронили по-царски. Может, в этом тоже есть определенная, утешающая справедливость. Может тех, кто живет в роскоши, просто закопают. И на их могилах вырастут города. Совсем другие, в которых будут жить такие, как этот старик.

Дворник посмотрел на небо. Несмотря на свою униформу и тяжелые варежки, он был очень похож на философа. И как я сразу этого не заметил. Таких рисовали старые голландские мастера на своих гравюрах. Горбоносых, бородатых, правда, в профессорских мантиях.

Дворник взял старый, поломанный стул и безжалостно бросил его в огонь. Огонь весело затрещал, и еще ярче его лучи устремились в небо.

- Вот и весь его скарб. Дряхлый стул, пошарпанный столик, кривой шкафчик. Все что нажил, за свою жизнь. Попросил меня перед смертью ничего не оставлять после своего ухода. Незаметно пожил, незаметно хотел и помереть. Первое ему удалось, а вот второе. Память не сгорает в огне. Как бы он меня об этом ни просили, сделать я это не мог. Не в моей власти сжечь память. Да, наверное, и ни в чьей. Память может это единственная вечность, единственное что навсегда, единственное, что нельзя уничтожить. Хотя многие бы хотели этого. Но это невозможно. Нельзя взять, как вот эти бумаги, - дворник поднял с земли толстую папку, - и вот так просто бросить в костер.

- Бумаги? – я нахмурился. – Откуда у старика записи, если он был слепым.

- Ну, во-первых, и слепые могут писать. А во-вторых, откуда мне знать? Но уж очень он просил эту папку сжечь. Почти заклинал. А что мне? Я дал клятву.

- И почему не сжигаете? Все сжигаете, а с этим медлите.

Дворник шумно вздохнул и прикурил от костра папиросу.

- Вот тут ты, парень, верно заметил. Медлю. Не я медлю, а что-то во мне медлит, что я и не подозревал в себе раньше. Ведь столько прошел, и безработицу, и депрессию, и нищету, и пьянство. Все, все было. Но даже мысли не было пойти на сделку с совестью.

Я непонимающе смотрел на него.

- Не понимаешь. Что ж, объясню. Мне за эту папку сегодня предлагались бешенные деньги, более того - престижную работу, квартиру и др.. В общем – золотые горы. И что-то дрогнуло во мне. Что-то надломилось. Видимо устал я бороться с тем, чего сам не вижу, но которое меня уничтожает и делает жизнь бессмысленной. И я решил изменить жизнь. Разве такой шанс еще будет? Почтальон звонит дважды, но не удача. Она дает один звонок. И все, с приветом. В общем, дал я согласие. Согласился на сделку. А потом... Знаешь, чувствую что-то во мне не так. Вроде не болен, руки на месте, ноги, голова. А чего-то не хватает. Словно калека какой. Пустота где-то, и где понять не могу. Потом понял.

- Я тоже понял, - кивнул я и невольно сжал кулаки. Вот где прятал бумаги Смирнов. Самое надежное укрытие. На него это похоже. Прятать у самого надежного человека, не потому что он был слеп, напротив, потому что он слишком хорошо видел, понимал и жил. И Макс разнюхал об этом, вычислил. И пытался

перекупить не только бумаги, но и душу философа. – Этот человек, что приходил к вам был высок, красив, большой лоб, зачесанные назад волосы, белый шелковый шарф.

Дворник с удивлением на меня посмотрел.

- Может быть... Только мне он показался потом страшным, сгорбленным, рогатым, про шарф не помню, но белые перчатки были. И вот тогда я решил бесповоротно сжечь эти бумаги. Но долго медлил. Не просто сжечь надежды на сытое будущее. Проще, наверное, сжечь душу. Вот чуть она и не оказалась на свалке, чуть я ее и не сжег.

Дворник протянул мне папку.

- Здесь и моя квартира, и мои деньги, и тепленькое местечко. Но что еще здесь, я думаю, вы знаете. Или стоит посмотреть? Не за себя говорю. Я для себя выбор сделал. И поверьте, дворником сегодня быть гораздо лучше, чем философом. Во всяком случае – честнее. И старик это понимал. Я говорю за человечество. Раз столько за эти бумаги предлагают...

- Старик заклинал вас сжечь папку. И вы дали клятву. И не только вас просит об этом старик, но и тот человек, кто ему это доверил.

- Ну, тогда нет вопросов. Только сделайте вы это. Вам это проще. Вам золотые горы за папку не предлагали.

Я взял из рук дворника бумаги, чтобы немедленно бросить их в костер, но неожиданно меня кто-то сзади ударил по голове, и я от неожиданности и от боли слегка обмяк, стал плавно опускаться на землю. Папка выпала из моих рук и мне показалось, словно сквозь пелену, что ее перехватили руки в белых перчатках. И я отключился. Пожалуй, я вскоре пришел в себя. Потому что они еще дрались. В один момент дворник со всей силы ударил Макса в живот, схватил папку и тут же бросил ее в огонь.

Макс, корчась от боли, пытался дотянуться до живых, еще белых листов, которые беспощадно слизывал своим пламенным языком костер, он обжигал руки, белый шарф загорелся. И впервые я увидел, как он плачет. Возможно, он вообще плакал впервые.

- Что вы наделали! – закричал он перекошенным ртом. – Вы же! Вы совершили преступление! Вы... вы... вы еще меня вспомните! Вас проклянет мир!

Из его побелевших уст в наш адрес сыпались проклятия, грязные ругательства, даже мат. Вообще я не узнавал этого утонченного чистюлю Макса. Перед нами был злобный уродливый очень маленький человек, заляпанный грязью, с черным от золы лицом. Уже не в белых перчатках. Его руки были обожжены и казалось, в темноте, что они в крови.

- Вас проклянет мир! – на всякий случай он заручился поддержкой всего мира.

- Мир сам решит, кого проклясть, - я помог Максиму подняться с земли.

Он не сопротивлялся. Он слишком был слаб. И нуждался в помощи. Особенно его руки. Дворник попытался ему помочь, завести в квартиру, оказать первую помощь. Но тот наотрез отказался.

- Пошли вы все к черту! Без вас обойдусь!

Я в спешном порядке вызвал такси. И Макс так же ругаясь и осыпаясь проклятиями, укатил восвояси.

А мы с философом-дворником долго смотрели на затухающий костер. И молчали. Я думал о том, что гениальное открытие ученого легко превратилось в золу. В золу превратились его мысли, идеи, бессонные ночи, его время, которое он посвятил своей цели. В золу превратилась и его цель. Правильно ли мы поступили? Впрочем, это его было завещание. Завещания не оспариваются. Даже историей. Смирнов был ученый, и лучше нас знал, как правильно поступить. Думаю, на сей раз он поступил верно.

О чем думал дворник, я не знал. Возможно о богатой квартире, о работе на кафедре, об ужине в ресторане и загорелых девушках на Канарах. Как знать.

Пошел дождь и окончательно затушил костер. Вот и все. Хотя, пожалуй, Маслов был прав. Идеи не сжигаются. Но, возможно, Смирнов не хотел, чтобы эта идея проходила под его именем. Не хотел быть причастности к уничтожению человеческой памяти, совести, проще говоря, души.

Дворник вдруг протянул мне руку.

- Спасибо.

- За что? – не понял я.

- Что сделка все-таки не состоялась. У меня вновь все на месте. И пустоты нет. И я вновь здоров! Если бы эта папка осталась жива, черт знает, где бы теперь была моя душа. И как бы я расплатился за эту сделку. Только черт это знает. А знаете, я обожаю свою работу. Я свободен, это многое значит. Не только во времени. Но и в мыслях. Ведь что возьмешь с обыкновенного дворника? Как представлю, вставать каждое утро, плестись неизвестно куда и читать лекции, которые не я сочинил, и за которые по ночам было бы стыдно. Вы не находите?

- Пожалуй, - улыбнулся я. Почему мы думаем о людях гораздо хуже чем они есть?

- И это стоит отметить? – подмигнул мне дворник. – Ты не находишь? У меня прекрасная квартира! И ужин будет отменный!

У него была маленькая однокомнатная клетушка, в которой тысячу лет не делался ремонт. Занавески в горошек и чайник на плите. Я давно не встречал такого уюта. Он не обманул. И с ужином тоже. Бутылка водки прошла «на ура» под жареную картошку, кусок сала из деревни и соленые огурчики. И какого черта я так много времени проводил в ресторанах.

- А это Моне, – он показал на репродукцию. - Я смотрю на нее, и мне кажется, что я уже был во Франции. Много-много раз. Странное чувство. Ехать-то я туда не хочу! Мне даже лень! Как подумаю – самолеты, багаж, суетливые пассажиры. И если бы мне предложили путевку в обмен на эту репродукцию, я бы дал тому в морду.

Я улыбнулся. Совсем недавно он говорил, чуть не продал душу за неизвестную папку. Как он врал! Никогда и ничего бы он не продал! Это его фантазии. Он все же был философом. И имел право вообразить, что было бы так, а не иначе. Чтобы потом долго еще разглагольствовать и философствовать по этому поводу.

И вдруг я вспомнил Смирнова, его жену, Маслова, Витьку и с удивлением подумал, а ведь не так просто купить человека. Это хотят представить, что это так. И я сам чуть не поддался на эту уловку. Оказывается, очень трудно продать душу. И, может быть, Маслов преувеличивал, говоря о земле, которая скоро превратиться в свалку проданных душ? Как хотелось бы в это верить.

Эту ночь я проспал как убитый. И проснулся с легким сердцем, легкими мыслями, легкими планами на будущее. Что ж пришло время начинать все по-новому. И я искренне этому был рад.

За окном лил дождь, слышался шорох метлы, и голубок клевал на подоконнике хлебные крошки. И мне эти звуки показались гимнами Глинки и Бетховена. Гимнами жизни.

Я улыбнулся. Нет, все-таки вечность, хоть и маленькая, но существует. Для каждого из нас.

ЭПИЛОГ

САНЬКА ШМЫРЕВ

Я вернулся в спорт. В маленький спорт. Я был тем же форвардом, но без имени. Как и моя нынешняя команда – без имени. Я так же ездил на соревнования, правда, гораздо реже. И в окошке автобусов, автомобилей, самолетов вместо бестолковых, пропитанных гамбургерами и кока-колой улиц Нью-Йорка, Парижа, Осло я наблюдал за тихими улочками провинциальных городов, пахнущими мочеными яблоками и перебродившим квасом. Я вернулся к своей жизни, маленькой своей жизни. Вместо дворца, который мы соорудили с Дианой я жил в однокомнатной квартире с видом на проходную какого-то давно умершего завода.

Я отказался от прежней жизни, но вернулся к ней, урезав до миниатюры, отказавшись от безудержного размаха и уместив ее в рамки четырех стен, работы и добровольного затворничества. Словно огромную фотографию, на которой умещался весь мир в преувеличенных размерах, я уменьшил, сделав компактной, обрезав ненужные кадры и оставив все дорогое.

Мне нравилась такая жизнь, я ощутил ее горьковатый вкус правды и пьянящую радость одиночества, которое, возможно, и осталось для каждого из нас единственно правдой на земле. И единственным выходом.

Я мог выбрать другое. Я был прав: и скандалы, и трагедии, и триумфы сегодня – на один день. И память – на один день. Каждый день несет новую память, которая к следующему утру по собственной воле стирается. Возможно, бессмысленным было открытие Смирнова. И еще более бессмысленным его уничтожение.

Как-то на тренировке, к спортклубу подъехал лимузин, из которого вышел солидный человек с заметным брюшком. Костюм настолько был опрятным и выглаженным, что не хватало на нем лишь этикетки. Я с трудом узнал Саньку Шмырева.

Мы пожали друг другу руки. Санька, не глядя мне в глаза, залпом, на одном дыхании предложил мне несколько вариантов – как покинуть свой маленький спорт и маленькую жизнь. Это были шикарные варианты. Возможно, когда-то... Я бы за них душу продал. Но я уже знал что такое продажа души. И цену душе знал тоже. Я пощупал мягкую английскую шерсть Санькиного костюма. Тот по-прежнему избегал моего взгляда.

- Спасибо, Санька, - искренне сказал я. – Но, честное слово, я уже знаю, что такое быть счастливым.

- И, правда, знаешь? – Санька уставился в пол. – А я вот нет. И, наверное, уже никогда не узнаю.

- Посмотри на меня, Санька, - я слегка притянул его к себе за кусок шерстяной английской ткани. – Ты ни в чем передо мной не виноват.

- Перед тобой? Наверное, нет. Впрочем, наверное, ни перед кем вообще. Ни лгал. Ни воровал. Ни убивал. По-прежнему чист, как стекло. Только знаешь... Помнишь, в детстве, мы играли в секрет? И какое счастье было, что его находили? Хотя все про него знали. Так вот я... Сколько это стекло не буду тереть, и сколь чистым оно не будет, но ничего, ничего я за ним не увижу. Никакого секрета. Лишь пустоту. Так какой смысл, что моя душа чиста, как стекло? Если в ней уже ничего нет...

Санька махнул безнадежно рукой и направился к лимузину. И его неуверенная походка, и его втянутые в голову плечи так мало соответствовали новенькому костюму из чисто английской шерсти. Где не хватало лишь этикетки.

ТОНЯ

Вот в такие моменты, грустные и отчаянные, мне так хотелось позвонить Тоне. Но вслед за Санькой я махнул безнадежно рукой. В который раз прокручивая в голове последний телефонный разговор с девушкой. Как это было давно. А, впрочем, прошло всего пару жалких месяцев. Это было в тот день, когда я, в квартире дворника решил начать жизнь заново, почувствовав утром на пересохших губах вкус маленькой вечности.

- Виталик, - взволнованно прислушивался я к ее возбужденному голосу. – Что вообще происходит?

- А что происходит? Кроме того, что я очень хочу тебя видеть, - улыбнулся я нежно трубке.

И, помню, подумал, почему бы не начать новую жизнь с Тони? Хорошее, обнадеживающее начало.

- Я тоже хочу видеть тебя, но... Я ничего не понимаю! Представляешь, дяде так плохо. Я хотела вызвать врача, но он отказался. Он сказал, что на одну лестничную клетку врачей предостаточно. Скажи... Он как-то причастен к гибели той девушки... Жени?

- Нет, Тонечка, клянусь, нет. Твой дядя прекрасный человек. Я сейчас же приеду.

- Нет, Талик, не нужно, - Тоня вздохнула. – Мы уже справились. И потом...

- Что потом?

- Представляешь, Макс! Это невероятно! Такого просто не может быть! Он взял и напился до чертиков! Без конца плачет! Его узнать невозможно!

- Думаю, это ему пойдет на пользу. Есть люди, которым алкоголь может принести пользу, поверь, – я нахмурился. – И ты тут при чем?

- При чем? Не знаю, но ему плохо. Талик. Очень, очень плохо. И дяде очень плохо. Получается, одной мне хорошо? Я не могу их оставить... Мало ли что... Чтобы потом всю жизнь казнить себя. Ты меня понимаешь?

- Понимаю, - я глубоко вздохнул. – Более чем понимаю. Не дай Бог всю жизнь себя казнить. Особенно такой девушке...

- Какой девушке?

- Я бы мог много сказать красивых слов, какой. И все равно эти слова не будут тебя достойны. И потом... Вряд ли мне представится шанс даже на это.

- Может быть... Когда-нибудь...

- Может быть, Тонечка. Когда-нибудь.

Так закончился наш последний разговор с Тоней. Я еще долго, помню, прислушивался к коротким гудкам, словно к дыханию девушки. И думал, как жаль, что жизнь придется начать не с нее. Мне было бы гораздо легче. Ну что ж. Возможно, так и нужно. Начинать жизнь с себя. И только с себя.

Тоню я вспоминал часто, гораздо чаще, чем нужно было для моей полной гармонии, которую наконец-то обрел в своем маленьком мире.

Мне очень хотелось увидеть ее. Я часто ловил себя на мысли, что как мальчишка шарю глазами по многолюдным проспектам, паркам и магазинам. Словно судьба мне вот так, запросто, в этом сумасшедшем мегаполисе подарит мне случайную встречу с девушкой.

Вместо этого судьба мне подкинула все же случайный подарок. Которому я не очень обрадовался.

МАКС

Как-то, утром, спеша на тренировку я забежал в первую попавшуюся забегаловку за сигаретами. Было очень рано даже для любителей выпить. И все же один стоял за стойкой в окружении пустых бутылок пива. И я его узнал. Хотя не

должен был. И хотя узнать его было невозможно. Но я узнал его, скорее, по желтому пальто и белому шарфу, печально свисающему из-под воротника. И пальто с трудом можно было назвать уже желтым, и шарф забыл, когда он был белым. И это лицо давно не смотрело на себя в зеркало. Иначе бы все на свете зеркала были разбиты.

Я подошел к столику и стал напротив него.

Он поднял на меня мутные, отекающие глаза. И почесал небритый красный подбородок.

- А, это ты, - просипел он.

- Привет, Макс.

- Какого черта? Впрочем, - он махнул рукой. – Не все ли равно – с кем пить. Если хочешь напиться, лучше это сделать с врагами. Им можно и все высказать, и морду набить. С друзьями напиваться опасно.

- Я тебе не враг, Макс.

- Ты враг всему человечеству, – он сделал большой глоток пива, и на его глазах выступили слезы. – К этому человечеству принадлежу и я.

- Я думал, ты выше человечества.

- Я тоже так думал! – он стукнул кулаком по столу. И пустые бутылки задребезжали. – Черт побери! И так должно было быть. Но все ты! Ты! Какого черта вас вообще земля носит! Игроков в справедливость! Нет, ее, слышишь, игрок, нет! Играть не во что! Шайба в пустые ворота! Надо учиться ходить по земле! И смотреть под ноги, а не в небо! А вы и в небо хотите глазеть, и землю топтать! Не получится! Рано или поздно свернете себя шею, черт тебя возьми!

- Слишком часто черта упоминаешь, Макс.

- А кого мне упоминать прикажешь. Тебя, что ли, хоккеист! Или Бога, если он позволил уничтожить величайшее открытие века!

- Не ты его сделал, Макс!

- И не ты, хоккеист! Какое ты имел право?!

- Это было право ученого Смирнова. Он оставил завещание. И он боялся таких, как ты. Ведь ты сейчас плачешь не о человечестве, не о великом открытии и великом ученом. Все проще, ты плачешь только о себе. Одно хорошо, ты научился плакать. Еще не все потеряно.

Из опухших глаз Макса брызнули слезы.

- Да, да, да! Тысячу раз да! Ты, только ты загубил мою жизнь! Ты уничтожил меня! Вначале Смирнова, а потом меня! Ты знаешь, кем, кем я мог быть!

- Макс, опомнись! За Смирнова каюсь, но ты... При чем здесь ты! Ведь тебе было на руку, что Смирнов погиб. Ты же хотел украсть то, чему он посвятил целую жизнь. Кем ты хотел стать? Опомнись! Гениями не становятся, ими рождаются!

- Может быть, - Макс скривился. – А может и нет. А политиками становятся или рождаются? А врачами, музыкантами, миллионерами? И ты, положи руку на сердца, скажешь, что к власти в политике и в искусстве приходят честным путем, только потому, что таковыми рождаются?

- Наука – это другое, - неуверенно ответил я.

Макс мою неуверенность заметил.

- Это одно и то же. Это тоже часть мира, в котором правят не те, кто гением родился, а те, кто сумел гением стать. В любом деле. Смирнов... Он был слабак. Не умер, сам бы съел свои рукописи. Тоже любил играть в справедливость. И что от этой справедливости мир выиграл, ну что? – Макс приблизил ко мне свое небритое лицо и задышал перегаром, – что Смирнов так и умрет в неизвестности, а кто-то обязательно откроет то, что он уже открыл, вот так.

- Мир еще не готов к подобному открытию, - еще более неуверенно заметил я.

- А к чему был готов мир? К атомной бомбе? К картинам Гойи? К теории Дарвина? К пересадке сердца? Или ко всеобщей свободе?.. Ничего, проглотили! И атомную бомбу, и Гойю, и свободу! Знаешь, всем, по большому счету, плевать на этот мир. Главное – я в этом мире, а не то, что с этим миром будет. Особенно когда не будет меня.

Макс пьянел на глазах, его слова становились бессвязны, жесты неловки. Но он упорно продолжал пить.

- Макс, остановись, - дружелюбно, насколько это возможно сказал я, и даже прикоснулся к его плечу. – Ты ведь всегда такой был сильный.

- А ты, ты откуда знаешь? А ты знаешь, что такое утром вставать и... И просто идти на работу! А потом еще и эта частная практика!.. Плевать я хотел на этих чокнутых пациентов! Да они и не чокнутые! Разбалованные дамочки лишь от скуки приходят на прием, да еще за это платят бешеные бабки! Им, видите ли, тоскливо! Тем, кому по-настоящему тоскливо, пьют самогон, а не виски, ездят в метро, а не в лимузинах, живут не в особняках, а в хрущевках, и считают последние копейки! Но они ко мне не приходят! Им нечем платить! Им платит жизнь! По полному счету! Если по-честному, то сегодня ни одного здравомыслящего человека на земле не осталось. Нужно лечить всех, абсолютно всех! А для этого психиатры не нужны! Достаточно одного психа, который к черту взорвет этот чокнутый мир или спасет. Но я не думаю... Нет, не думаю...

Он помотал головой и вновь заплакал.

– Думаю... Все будет по-прежнему. И психическое отклонение станет нормой. А норма отклонением. И мы должны будем лечить нормальных людей. Но нас этому не учили...

- А я думаю, как ни странно, все у тебя наладится, Макс. Просто тебе нужно забыть эту идею фикс. Она тебя губит. Ты хотел стать великим за счет другого. Это неправильно.

- Может и нет! Но я жил этим, жил! А теперь, чем мне жить!

- Всегда найдется чем! Ты уже научился плакать. И тебе нужно просто забыть.

Макс неожиданно расхохотался. Он хохотал и по его небритым щекам текли слезы. Жуткое зрелище.

- Ха-ха-ха! Забыть! А как! Как! Мир еще не придумал такой аппарат по уничтожению выборочной памяти! Ты разве об этом не знал, хоккеист?!

- Знал. И все помню. И книжку твою помню, ведь ее ты тоже украл у Смирнова. Ты за все платишь. Макс. Значит, все еще у тебя может быть. Я тоже платил.

- Ты - идеалист, хоккеист! Чистой воды! Платят те, у кого есть хоть грамм совести. А у кого есть ее хоть грамм – не имеют будущего. Я это тебе заявляю. Потому что знаю. Поэтому... Знаешь. Пошло все к черту, и мое прошлое, и мое будущее, и этот чокнутый мир. И грамм совести я легко променяю на грамм спирта. Лучше я все пропью. И прошлое, и будущее, и весь мир.

Макс еле держался на ногах, он вот-вот мог упасть и я его на всякий случай подхватил под руки.

- Идем, Макс, я отвезу тебя домой.

- Домой? А где он, мой дом?

Я потащил его к выходу, и в дверях столкнулся с весьма сомнительными посетителями. От них сильно несло перегаром, а их лица мало чем отличались от лица Макса. Они бросились к Максиму в объятия.

- Друг! Друг! Идем! – они буквально вытащили его из моих рук.

- Извините, но он не может пойти с вами, – я сделал суровое лицо.

- Да пошел ты! – Макс махнул на меня рукой. – Отвяжись! Ты мой враг, а они...

- Макс, так на чем ты вчера остановился? Значит, если я не буду помнить что-то, а что-то буду, что захочу, то чего это будет? – спросил друг Макса, подобострастно заглядывая ему в лицо.

- И зачем такое изобретать? Я и так по утрам ничего, ничегошеньки не помню! Напился и забыл! Может не аппарат нужно изобретать, а пить побольше? – спросил второй,

- Все может быть! – прохрипел Макс. – Но я вам сегодня прочитаю новую лекцию... О чокнутом мире. (Макс обернулся ко мне.) А ты иди, хоккеист, иди. Я сам с собой разберусь. А, если нет... Никто мне не поможет. Может, только они, - и он кивнул на своих дружков, которые еле держались на ногах. На земле, как и Макс. – Кстати, хоккеист, у тебя нет случайно зеркала, что-то давно не видел своей рожи.

- Увы, - я развел руками, - но посмотреть стоит. Хотя... Хотя еще рано.

Этим же вечером я напился, как Макс. Только один. Я пил один, плакал один и жалел Макса один. Словно его похоронил. А утром, с больной головой подумал, а может быть все не так плохо? И не поминки я вчера устроил по Максусу? А день его второго рождения? Черт его знает!

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА

Надежду Андреевну я не видел давно. Не потому что забыл про нее. Мне хотелось, чтобы она забыла. Успокоилась и, как и я, как то нашла в себе силы начать снова жить.

Но после разговора с Максом я решил, что время пришло. И нужно непременно повидать Смирнову, чтобы и в истории с ней поставить точку.

Соседи сказали, что она живет на даче. Был конец октября. Бабье лето в этом году было позднее. И я решил, что вылазка на природу будет и мне полезна. К тому же не терпелось узнать, как выглядит дача в окончательном завершении. А то, что ее уже построили, я был уверен на все сто.

Но мой оптимизм оказался излишним.

Едва я открыл ворота и увидел своего старого знакомого рабочего по кличке Золотой зуб, то окончательно понял, что дачи быстро не строятся. Он тащил на своих широченных плечах какие-то доски, и его зуб весело поблескивал в лучах золотого солнца.

По аккуратной дорожке, уложенной красным гравием, я смело пошел ему навстречу. Мне не терпелось ему объяснить, по-мужски объяснить, если женщина одинока, это не значит, что строить можно вечно. И вечно тянуть деньги.

По бокам дорожки росли астры, и я одну сорвал. Для Надежды Андреевны. Мой поступок не остался незамеченным.

- Эй ты! – Зуб агрессивно стал на меня наступать. – Чего цветы воруеть!

- А тебе какое дело? – огрызнулся я. – Позови лучше хозяйку.

Зуб прищурился и наконец-то узнал меня. И присвистнул.

- А, это ты пацан! Давно не заглядывал!

- К сожалению. Иначе бы это безобразие так долго не продолжалось!

- Ты чё, какое безобразие! Тебе какое дело, ты, рожа! – он принял соответствующую стойку, выставив плечо вперед.

Я было собирался ему ответить, сжал кулаки, но услышал знакомый голос.

- Виталий! Как я вам рада! – Надежда Андреевна легко сбежала с крыльца и подбежала ко мне.

Я протянул ей астру.

- Вас не узнать.

Ее действительно было не узнать. Нет, она не превратилась вновь в Диану. Просто она очень помолодела, посвежела. В спортивном костюме и кроссовках, с лохматой стрижкой и румянцем на щеках она выглядела прекрасно.

- Вы так давно не появлялись, - улыбнулась она.

Вообще передо мной стояла совсем другая женщина. Милая, приветливая, обаятельная и какая-то очень по-женски трогательная. И я подумал, что теперь, именно теперь в нее можно влюбиться. Раньше я более чем в этом сомневался и даже мысленно сочувствовал Смирнову. Он прожил с серой мышкой, тенью. А сейчас... Она была очень яркой, не косметикой, не вульгарным нарядом. Она просто светилась изнутри. И я очень был за нее рад. А может, просто во всем виновата природа? Но я вновь ошибся. Природа может многое, но не все. На все способна любовь.

- А я, Виталий, вышла замуж, - она вновь как-то умиротворенно улыбнулась.

- Я очень за вас рад. Искренне рад. Вы имеете право на счастье.

- Я очень была счастлива с Юрой. Но... Он давил на меня. Он хотел видеть меня такой, какой я была. Я больше жила с ученым. А теперь... Теперь я просто счастлива. Я живу с человеком.

- Я уверен, он вас достоин. Вы так похорошели. Только достойный человек способен перевернуть и внешность, и сознание, и даже вернуть молодость.

- Я сейчас вас познакомлю. – Надежда Андреевна обернулась и громко позвала мужа, - Юра! Юра!

Я вздрогнул. Мне на секунду показалось, что в жизни возможно все. Раз в смерти возможно, то почему бы и нет? И сейчас, вон из того дерева покажется лысый человек в очках и с тросточкой и я протяну ему руку. И все остальное мне покажется всего лишь кошмарным сном. Или чудом, которое непременно в жизни возможно.

- Вы вспомнили Юру? – мягкий голос Надежды Андреевны тихонько подкрался к моим мыслям и разгадал их. – Мне тоже было приятно, что моего нового мужа зовут Юра. Вы знаете, я однолюбка. И имя... Многие сыграли в моем решении. Юра! – вновь крикнула она. – Он, наверное, в беседке.

Мы пошли по выложенной камешками дорожке напрямик к белоснежной беседке. Мимо молодых деревцев, на которые еще робко, с непривычки приседали воробьи и тут же испуганно взлетали. Мимо желтеющей травы, в которой затерялись васильки и ромашки.

Он, наверное, работает, подумал я про себя. Может быть, не только имя совпало. И профессия, хотя бы приблизительно, и внешность, хотя бы приблизительно, и характер, хотя бы приблизительно. Уж на это судьба точно способна. И много чуда здесь не понадобится.

Мы вошли в беседку, которая по-прежнему была безвкусно оборудована, помнится, в стиле Макса. Здесь на бархатном стуле восседал Золотой зуб. И улыбался. Если можно представить себе улыбающегося бегемота на троне, или крокодила, то он был передо мной. И я застыл на месте, глядя на сверкающий в солнечных лучах зуб.

- Это мой муж – Юра, – Надежда Андреевна так мягко так нежно улыбалась этому бегемоту, а мне по-прежнему так хотелось ему врезать.

Бегемот потянул мне свою лапу. Мне ничего не оставалось, как ее пожать. Я у него был в гостях.

- А как же Тамарка? – вдруг неожиданно вырвалось у меня.

Странно, бывает, что какие-то мелочи, которые ты, казалось, позабыл, навеки врезаются в память. И я даже вспомнил имя жены Бегемота, и все, что о ней говорил тот.

– Извините, не хотел, - я повернулся к Смирновой.

- Ничего страшного, - так же мягко улыбнулась она. Так же умиротворительно до сонливости.

- Да сбежала от меня эта бабенка, - Золотой зуб вздохнул так, как могут вздыхать бегемоты. – Леший с ней. Вот Надюшка, это да!

И Золотой зуб умудрился ущипнуть Смирнову за бедро. И та в ответ только счастливо потупила глазки. «Черт бы их побрал!» - ругнулся я про себя. Мне-то какое дело! И я, сославшись на деловую встречу, поспешил откланяться. И дал слово, что моей ноги больше не будет здесь. Не хочу даже думать, как спит на розовых перинах это мурло и нежится в белоснежной ванне с пеной. И восседает на троне в белоснежной беседке. Бедный Смирнов! Он бы такого не пережил точно.

Едва я вышел за ворота, и успел лишь вдохнуть сосновый свежий воздух, меня нагнала Надежда Андреевна.

- Виталий, погодите, - она протянула мне ярко красный пакет.

- Что это? – нахмурился я.

- Это Юра вам передал. Он сам такие малосольные огурчики делает, пальчики оближите, честное слово! А еще... Еще тут водка, это тоже Юра делает, на березовом соке и листьях малины. Замечательное сочетание. Пожалуйста, возьмите. И еще котлеты... Помните? Это уже от меня. Спасибо вам за все...

За что? За то, что я убил ее мужа. И она теперь может наслаждаться любовью с этим мордворотом? Ну и сюрпризы подкидывает жизнь. Мне было легче представить воскресшего Смирнова, нежели Золотого зуба в роли ее мужа.

Надежда Андреевна умоляюще смотрела на меня. Она была такой трогательной в этом спортивном костюме, и такой счастливой. И я не мог отказать.

- Спасибо.

- Вы меня осуждаете?

- Осуждаю? – я искренне удивился. И вдруг подумал, что давно уже разучился осуждать. – Нет, я просто не понимаю.

- Я и сама не понимаю. Но я счастлива. Разве этого мало, чтобы меня оправдать?

- Кому оправдать? Зачем? Не перед кем не нужно оправдываться, Надежда Андреевна. За счастье не оправдываются. Его всегда так не хватает. Нужно только благодарить за него.

Я прикоснулся губами к ее руке. Она взъерошила мои погустевшие волосы.

- Я никогда не забуду Юру. Вы ведь больше других понимаете, что забывать нельзя? Ничего нельзя забывать. И только память нам позволяет идти дальше. Я хочу идти, Виталий, я не хочу стоять на месте. И вы идите, обязательно, все время идите. И спотыкаясь, и падая, и ошибаясь, и хромая. Может в этом непрерывном движении и есть жизнь. Разве в тот год мы с вами жили?

- Не думаю, - я отрицательно покачал головой.

- Я жила только памятью, вы – только раскаянием. Мы теперь отдохнули. Возможно, и я ошибаюсь. Но вновь нужно идти.

- Я пойду, Надежда Андреевна. Пойду, - я помахал ей рукой на прощанье и скрылся в лесу.

Я уже ничего не понимал в жизни. Но главное, не хотел понимать. Я хотел оперировать фактами. Разве счастье обязательно то, которое мы себе когда-то вообразили? Вряд ли. Оно может явиться к нам в любом виде. И, возможно, в самом неприглядном. Но если мы счастливы. Что еще имеет значение? А еще мне почему-то показалось, что Смирнов, если и видит их рядом, то не обижается, ну ни капельки. И почему я так подумал?

ЛЕХА ВЕТРЯКОВ И ДИАНА

О них я слышал постоянно. Их лица, мелькающие попеременно, появлялись то в гляцевых журналах, то перебегали из сериала в сериал.

Леха тогда же бросил хоккей. Но по другим причинам. И я подумал, как много в жизни значит женщина. Леха в принципе был неплохим парнем. Но стал парнем Дианы. И если у него были задатки к глупостям и к глупостям красивой жизни, то Диана (надо отдать ей должное) их профессионально и талантливо раскрыла. При чем все сразу.

И Леха из хоккея гармонично перешел в шоу-бизнес. Впрочем, я уже сомневался, не является ли сегодня шоу-бизнесом и спорт, и искусство, и даже наука.

Прав был Макс, чокнутый мир. Чокнутый мир, превратившийся в шоу-бизнес. И мне приходилось жить в этом мире, и смириться с ним, как и многим миллионам на всей нашей планете. И тоже стать чокнутым, чтобы не дожидаться очереди у психиатра. А очередь к психиатру все уменьшается и уменьшается. Опять же тысячу раз был прав Макс. Отклонение от нормы становится нормой, и психиатры в сегодняшнем виде уже не нужны.

Лехе и Диане они не нужны были точно. Они жили в шоу-бизнесе, в мире рекламы. И ужасно были счастливы, и удивительно подходили друг другу. И вид излучал гармонию, умиротворение и полную любовь к этому миру, когда они без конца мелькали в роликах про мебель и шампуни от перхоти, когда без конца обсуждали шмотки от парижских кутюрье, когда сладострастно вздыхали, глядя друг на друга, рекламируя любовь. Боже, как давно и любовь стала рекламой? Впрочем, я в этом им верил.

Они настолько подходили друг другу, что не верить им было невозможно. Горе от ума им не грозило. А счастье этого безумного мира они сумели понять. И принять. Они нужны были сегодняшней жизни, и она распаивала перед ними объятия. И я вдруг понял, как легко быть сегодня счастливым. Просто нужно ни о чем не думать. И просто принимать все, что есть. И даже чего может никогда и не быть.

МАСЛОВ

О Маслове я ничего не хотел знать. Скорее всего, боялся. Этот человек принимал муки совести на моих глазах. Медленно, осторожно, как принимают лекарство, которое может и не спасти, а совсем наоборот. Этого я и боялся. Я боялся, что опять приму на свой счет и его смерть. И я ничего не хотел знать о профессоре. Возможно, еще и потому не звонил Тоне, хотя прекрасно понял из пьяного монолога Макса, что Тони в его жизни нет. Впрочем, наверное, и не было.

Но судьба мне подарила встречу с ним. Нет, не с ним. С ним мы уже все сказали друг другу. Я просто узнал о нем, но мне почему-то казалось, что мы просто продолжили наш диалог.

Наша команда проходила медкомиссию. Медсестра, делающая вид, что она строгая и замужняя, измеряла мне давление. И рука непременно всегда ложилась так, что я видел обручальное кольцо. И только когда она выполнила свой профессиональный долг и удостоверилась, что с моим давлением все в порядке, мы улыбнулись друг другу.

- Здравствуйте, Зоя.

- Здравсьте, - она вновь вроде бы просто так, от неловкости сложила ручки под подбородок так, что кольцо не заметил бы даже слепой.

- Вы ушли с клиники?

- И не только я, - она продолжала глупо улыбаться.

Она по-прежнему как ребенок радовалась своему замужеству. И я решил ей сделать приятное.

- Вы вышли замуж? – я сочинил удивление.

- Ах да, это, - она покраснела и спрятала руку. – Странно, что вы заметили. Колечко такое маленькое, простенькое, незаметное, а все замечают почему-то. Почему люди такие любопытные.

- И впрямь, почему? – я улыбнулся еще шире. Мне всегда нравилась эта девушка. – Вот почему вы ушли из клиники, где столько платили, и вообще, вы сами говорили – престиж.

- А мне здесь очень даже нравится. И вообще все для меня уже не имеет значение, – и она вновь случайно правой рукой, прямо перед моим носом, стала ощупывать стетоскоп, словно проверяла его на прочность. Может она проверяла на прочность мое любопытство? Оно было прочно.

- А сами говорили, что Маслов вас так ценил.

- Конечно, ценил, я же настоящий профессионал, - она вздернула носик, и мы расхохотались. – Но даже профессионалы, такие, как я уходят, когда уходят гении. Не за ними, но просто уходят. Потому что разваливается все.

- Уходят? – мое сердце упало, и я похолодел. Интересно, если бы она теперь померила мне давление.

- А вы ничего не знали? Ничего себе! – она была очень довольна. Она обожала сообщать новости первой. Хотя это уже была не первая новость дня. - Он ушел.

- Вообще? – мое сердце напоминало мячик, и мне так хотелось его словить.

- Конечно! И это было неожиданностью для всех! Такой умница, гений, просто гений, взял, все бросил и ушел из клиники!

Я облегченно вздохнул. Просто ушел. Ведь необязательно чтобы люди уходили навсегда. Иногда они просто уходят.

- А вы что подумали? Ну, у вас и фантазия, честное слово! Измерить давление? Нет? А волокардин? Тоже нет? Тогда слушайте, – Тонечкины щечки еще больше разругались, и она даже забыла повернуть колечком перед моим носом. Я ей был уже не интересен. Ей было интересно мое отношение к новостям. – Так вот! Не помню когда это случилось, по-моему, буквально через месяц после того как мы встретились.

Время, когда мы разговаривали с профессором, подумал я.

- К нему пришла эта женщина. Ну, такая маленькая, хрупкая, кажется, дотронуться до нее - и рассыплется. Маленькие ручки, маленькое личико, маленькое платьице. Мне лично такие... Но дело вкуса... Но знаете, по секрету скажу, мне кажется он был влюблен в нее по уши. Он когда-то сделал операцию ее сыну. А тот взял и угодил в тюрьму.

- Сыну? – я был удивлен. Я уверен был, что это была статуэтка по имени Галя. – А сын что, взрослый?

- Еще какой! Чтобы совершать преступления. Не все ли равно: взрослые, старые, маленькие, большие, уродливые, красавчики, женщины или мужчины. Их называют одним словом – преступники.

- Ну да, - я был озадачен. Меня этот разговор начинал смущать. - Эту женщину звали Галей?

- Вот! И вы ее знаете! Еще бы! Она многим голову вскружила! И Маслову тоже. А сын – преступник. Маслов спас ему жизнь, а он, негодный мальчишка, чуть ли не отправил на тот свет другого!

Ну, конечно, эта миниатюра мне напомнила мою мать. Столько элегантности, мягкости и интеллигентной чопорности. И главное – такое изящное умение выглядеть гораздо моложе своих лет. Мне тоже понравилась Галя. И Маслова я

понимал. Но и Зою понимал тоже. Вряд ли она достигнет такого совершенства. Но я искренне радовался, что она замужем.

- И что? Зоенька? Ради этого стоит бросать все, все, понимаете?

- Нет, не понимаю, - она искренне, как маленький розовощекий ребенок ответила. – Не понимаю. Но разве можно понять людей? А если гений... Их и не нужно даже пытаться понимать. Нужно просто их принимать. В общем, это нужно.

- Что нужно?

- Он бросил все, он сказал, что у него дрожат руки, когда он делает операции, что он уже не способен. Я конечно сомневаюсь. Он сказал, что у него дрожат ноги, но с этим можно справиться, хотя я тоже сомневаюсь. Еще он сказал, что у него дрожит голос. Но голос тут при чем? Но, может, я не понимаю. Он как-то сказал, даже если бы у него дрожал только голос, он бы бросил заниматься хирургией. Представляете, голос! Слово певец! Он сказал, что у хирурга ничего не должно дрожать. Хирург должен быть камень.

- Может, он прав?

- Откуда я знаю, в чем правы гении? Во всяком случае, он все бросил, клинику, нас. И ушел. Знаете куда?

- Нет.

- Вот видите, вы не поэт. Поэт бы догадался. Так нам Маслов на прощанье сказал. Догадываются лишь поэты. Что он имел виду? Ну, ладно. Он ушел работать врачом в тюрьму. Вот так. Он свою жизнь хочет провести за решеткой. Конечно, за решеткой другие. Но иногда мне кажется – не все ли равно кто? И разве мы можем увидеть кто? Если есть решетка? И с какой ты ее стороны? Разве это имеет значение. Но он так решил.

Пока мы разговаривали, нас долго не тревожили. Из тактичности. Встретились давние знакомые. Но время шло. И в кабинет буквально впихнули следующего игрока из команды. Он смущенно озирался и тупил глаза. И ни разу на нас не посмотрел. Он решил, как и все остальные, у нас очень серьезный разговор. Впрочем, он был прав. Серьезный разговор состоялся.

- Ну, иди, - я слегка пихнул его в спину. – Да, кстати, и не пялься на эту девушку, вижу, уже глазки горят (его глазки по-прежнему ни разу так и не были подняты выше пола.) Она замужем! Так что смотри!

И я пригрозил ему кулаком. Я хотел сделать Зое приятное.

Она оценила. Вновь покраснела. И тут же навязчиво и гордо вытщила правую руку вперед, словно пыталась прощупать пульс у нового пациента.

Я вышел из медпункта и посмотрел на дверь, огороженную решеткой, которая за мной захлопнулась. И вдруг подумал. И впрямь, что мы можем понять. По какую мы сторону. Их две. Всего две. Но если нас что-то разделяет, стена, решетка, стекло. Где мы? Там где те, кто думает, что он счастлив, или наоборот?

И СНОВА ТОНЯ

А потом был зимний вечер. Предновогодний вечер. Я решил отпраздновать его один. Как всегда. С недавних пор. И вышел на улицу. И поехал на метро.

Вышел я на незнакомой станции. И все время шел вперед. Я должен был идти, идти, идти. Я это чувствовал. Как сказала когда-то Надежда Андреевна - нужно идти. И тогда все получится. И даже если не получится, все равно будет ощущение, что получилось. И я шел. Медленно, вяло, иногда думая, что нужно вернуться, успеть до двенадцати в свою маленькую квартиру, в свое маленькое укрытие, чтобы встретить Новый год одному. Я так хотел его встретить один. Чтобы он получился. И еще я вспоминал Альку.

Я шел вперед и смотрел на небо. Туда, где должны были бы светиться звезды. Но их не было. В больших городах их не бывает. И они не падают в больших городах. Нет, они, бывают, и падают, просто их не видно.

Я смотрел на небо и воображал звезды. И эти картинки казались реальнее этого черного месива снега под ногами, этих горящих супермаркетов с безжизненными куклами в витринах, этих летящих наперерез машин. Мои звезды были реальнее. Я не видел, как они падают. Но они падали. И становилось легче.

Не все ли равно, как мы проживем жизнь. Если все равно, вот так, просто, в один миг, упадем. Так не все ли равно? И только воображаемые звезды могли не упасть. Я мог сделать с ними все, что угодно. Я мог поместить их в бокал, чтобы они горели вместо свечи, мог, растопить ими печь, мог молиться на них, а мог просто так раздавить их в ладони, растопить как снежинки, которые давно уже не падали. В своем воображении я мог бросить их так, чтобы они взорвали мир, этот мир чокнутых. Где живем мы. А мог ими сжечь память. Единственное, чем еще мы страдаем, и что не мешает нам до конца свихнуться.

Но я не хотел. Это мое воображение. И дальше падающих звезд оно не пошло. Потому что это реальность. Это единственная реальность, которую я мог вообразить.

И когда какая-то девушка, продавщица на углу, закричала: «Самые лучшие мандарины! Берите самые лучшие мандарины года!» я уже не удивился. Мир повторяем, и все повторяемо в нем. И Новый год, и мандарины, и девушка на углу перекрестка.

Я решил купить мандарины. Они одновременно напоминали лето, солнце, Новый год, его запах и его бессмысленное встречаение, и бессмысленную веру в его чудо. И еще девушку на углу. Поэтому я решил их купить. Я уже не боялся.

Когда дошла моя очередь, бессмысленная очередь ненужной покупки мандарин, я поднял голову. И увидел Тоню. Она стояла промерзшая, счастливая, в огромных варежках, шапке ушанке и фуфайке. И, уже глядя мне прямо в лицо, кричала зазывным, неинтеллигентным голосом. Голосом, не способным выражать трагедии и печали нашего мира:

- Самые лучшие мандарины! Самые лучшие!

От смущения и неожиданности я тихо сказал:

- Один килограмм, - и мне так захотелось прибавить. - Для мамы.

- Пожалуйста, – она пожала плечами. – Кстати, хоккеист, ты где Новый год встречаешь?

- Как всегда.

Я не знал, что такое всегда. Я думал, что так будет по-прежнему.

- А я под елкой. Понял, усек, переварил?

- Тоня, я очень хочу встречать Новый год под елкой. Но я не знаю... Уже не знаю, зачем?

- Ты боишься, хоккеист! Ты все время боялся. Боялся мамы, правды, которую она скажет, и которая иногда была правдой, своей девушки, которая могла первой уйти, боялся своих голубей, которые иногда умирают, боялся просто людей, которые просто иногда могут наступить на ногу. И не больше! Ты думал, что ты – исключительный. Но осталась только правда. Не та правда, которую ты воображал. А которая есть.

Тоня посмотрела на звезды. И подмигнула им. Вернем, тому месту, где должны были висеть звезды, если ты не в мегаполисе. Но их по-прежнему не было. И не могло быть.

- Тоня, я уже ничего не боюсь. Кроме того, что ты мне скажешь и что можешь еще сказать?

Тоня расхохоталась. На морозе она выглядела милой, румяной, очень похожей на озорного мальчишку, девушкой. Напялившей перчатки и фуфайку не со своего плеча.

- Я только хочу, чтобы ты встретил Новый год со мной.

Неожиданно подбежала дворовая собака. И протянула пустой стакан Тоне.

Она потрепала его по шерстке и благодарно взяла.

- Ты мой умница, - нежно сказала она ему. Искренне. И я позавидовал. Собака была очень страшной. Лохматой, со слипшейся шерстью, состоящей из всех цветов существующих на белом свете, с челюстью выдвинутой вперед, открывавшей редкие острые зубы.

- Откуда ты взяла этого урода? – я развел руками.

- Он погиб бы на улице. Таких не любят даже собаки. Загрызли бы.

- И как он умудрился выжить?

- Это все старик, один слепой разносчик газет. Мне рассказали, что когда он умер, собака сорок дней не отходила от могилы, приносила туда воду и еду, ну, какую еду, огрызки из помойки. Сама отошала. Я ее вот пытаюсь откормить, а еще... Еще хочу, чтобы она меня полюбила, как своего старика.

- Разве тебя можно не полюбить? – я осторожно прикоснулся к зардевшей на морозе щеке девушки. – Знаешь, выходи за меня замуж. Ты будешь мне достойной партией.

- Я не состою в партиях. Но что ты можешь мне предложить? И... будешь ли ты достоин?

- Вряд ли. У меня ничего нет. Однокомнатная квартира, счетов в банке нет, поездок за границу не обещаю, работа в маленьком спортивном клубе, впрочем, как нет и дачи, и славы, и ничего другого.

- Ничего другого? – Тонечка рассмеялась. – А знаешь, ты мне подходишь. Представляешь, какая с тобой может быть увлекательная жизнь? Когда ничего, ничего нет, значит еще очень, очень много может захотеться, и очень много может ждать впереди.

- А если ничего не сбудется?

Тоня погладила собаку по лохматой шерсти, поцеловала в уродливую морду.

- Она тоже когда-то так думала. Но у каждого своя судьба. Откуда мы знаем, сколько красивых, умных, породистых собак умирают на помойке? Конечно, меньше, чем таких. Но ведь бывает всякое.

- Да, всякое бывает.

Неожиданно подбежала девушка и шуточно стала срывать с Тони шапку, рукавицы, фуфайку.

- Спасибо, дорогая. Но твоя миссия закончилась.

- А какая у нее была миссия? – я сурово сдвинул брови.

- Какая? – девушка рассмеялась. – У соседки одна миссия. Подменить. Не всякая согласится на роль продавщицы мандаринов. Спасибо, Тонечка согласилась...

Когда мы вышли из этого мандаринового пространства, на снежной улице, в снежном городе, среди снеженных звезд я спросил:

- Тонька, а ты выйдешь за меня замуж?

Она оглянулась. Позади нас бежала собака. Уродливая, с вытянутой челюстью, собака, которую мог убить каждый. Но она на что-то надеялась.

Мы переглянулись. И позвали ее за собой...

ЭПИЛОГ

Я, наверное, останусь в истории. Как ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ЗАБИЛ ПОСЛЕДНИЙ ГОЛ. Как человек, который не сумел стать великим. Как человек, который недолюбил, недострадал, недопонял свою жизнь.

Я, наверное, останусь в истории, как человек, который не смог усовершенствовать эту жизнь. Но который очень хотел это сделать.

Я, возможно, останусь в истории как человек, сделавший много гадостей и как хоккеист, убивший (пусть случайно) своего болельщика...

Есть тысяча вариантов – каким я останусь. Тысячи. Но нет ни одного, чем я хотел бы остаться.

И о нем я не скажу. Это вариант для тех, кто еще думает о нас с вами. Вариант для тех, кто еще робко, но совершенствует жизнь. Вариант для тех, кто стремится к жизни. А не наоборот.

Это вариант для тех, кто еще не хочет быть пациентами нашей жизни. Кто хочет быть нормальными...

Я написал роман. И мне самому смешно. Я написал фантастический роман. Не о смешном.

Я написал роман о человеке, который хотел осчастливить мир тем, что придумал аппарат, уничтожающий избранную память.

Я написал его на одном дыхании, на одном взрыве, на одной ноте.

Я написал роман, отдавая дань одному человеку.

И подписал его – Смирнов.

Но до сих пор думаю, правильно ли я сделал? Нужен ли этот роман? И нужна ли нам память?

Скорее всего, нет. Память – это главное зло, которое может привести человечество к добру. Но и в этом я не уверен. Потому что не уверен: что есть добро? И не уверен: есть ли оно вообще?

И при чем здесь память?

Я не уверен во многом... Но все-таки я уверен в памяти. Она нужна.

Наверное...